

РОССИЯ

В ГЛАЗАХ
СЛАВЯНСКОГО
МИРА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЯ В ГЛАЗАХ СЛАВЯНСКОГО МИРА

*Ответственный редактор доктор филологических наук
А. В. Липатов*

Серия “Slavica et Rossica”

Москва, 2007

Серия "Slavica et Rossica"

Редколлегия: доктор филологических наук Л. Н. Будагова,
доктор филологических наук А. В. Липатов (отв. ред.),
кандидат филологических наук Н. С. Осипова,
кандидат филологических наук Ю. А. Созина.

Рецензенты: доктор филологических наук И. Е. Адельгейм,
кандидат филологических наук М. Ю. Досталь.

В книге рассматривается отношение славянских народов к России от Средневековья до середины XX века.

В первой части освещаются средневековые представления о русских землях среди южного славянства (хорватские этногенетические мифы), отношение к русскому языку в филологической культуре части славянства латинского мира, восприятие поляками русских в XVII веке, а также теоретическая разработка исторических аспектов межнациональной перцепции русских поляками и поляков русскими во времена романтизма на материале творчества А. С. Пушкина и А. Мицкевича в контексте европейской культуры, историографических концепций и историософских идей, характера национальных традиций и специфики национального менталитета в Польше и России этого времени.

Вторую часть составляют работы, в которых анализируются литературно-исторические и общественно-философские материалы XIX – середины XX веков. Здесь представлен систематизированный анализ русских воздействий на болгарское национальное возрождение и сербско-русских литературных связей рубежа XIX–XX веков. Особо рассматривается специфика восприятия чешскими писателями советской реальности 1920–1930-х годов, анализируется образ России в историософской концепции Масарика, восприятие русской культуры в словацкой и словенской поэзии и научной рефлексии, освещается восприятие белорусами военной (Первая мировая война) и революционной (Октябрьская революция и гражданская война) ситуации в России, а также польские реакции на концепции Евразии в период межвоенного двадцатилетия.

Книгу завершает публикация документов из архива ЦК ВКП (б), в которых советские дипломаты и политработники сообщают о настроениях поляков и их отношении к СССР весной 1945 года.

ISBN 5-7576-0192-2

© Институт славяноведения РАН, 2007

От редактора

Россия как крупнейшее средоточие культуры славянского мира притягивала все славянство. Россия как государственная мощь и политическая сила европейского масштаба воспринималась славянским миром по-разному в силу самой дифференцированности славянских народов в кругу общеевропейской цивилизации. Византия – Рим; православие – католичество – протестантство; различные государственно-правовые и историко-культурные традиции; разные типы соотношения огосударствленного и гражданского общества, наконец, позднейший опыт времен «реального социализма» – все это предопределяет различное отношение к России внутри славянства. Отношение давнего и недавнего прошлого в такой системе координат способствует поискам реальных путей обретения внутриславянского понимания в наши дни.

Нынешняя действительность в очередной раз развеяла несостоятельность идеологических схем, порождаемых ими стереотипов мышления и методов государственно-политической практики в подходах и интерпретации славянской проблематики: обретя подлинный суверенитет, государства вчерашних «братских народов» радикально изменили свои геополитические ориентации. Осознание причин и следствий этого исторически повторяющегося феномена в истории России и славянства возможно лишь при внеидеологическом комплексном осмыслении внутриславянских отношений. Сами же эти отношения являются производными общей системы связей и взаимосвязей славянства с другими народами, составляющими европейскую культурную общность. Ее история, дифференцирующаяся во времена Средневековья в кругах византизма и латинства – восточного православия (Pax Orthodoxa) и западного католичества (Pax Latina) – предопределила формирование вписанных в нее (а тем самым разделившихся) частей славянства. Отсюда особые (и разные) связи славян как между собой, так и с другими народами, отсюда и различные отношения славян к центрам европейской культуры и политики – от времен Византии и Рима до наших дней.

Такого рода геополитические и взаимосвязанные с ними конфессионально-культурные факторы предопределили

особенности формирования разных славянских народов, их мировоззренческих ориентаций, ментальностей и самоидентификаций. Отсюда и разное отношение славян друг к другу. Отсюда и разное их восприятие России. При этом крупнейшее государство Европы, которое в отдельные периоды Новой истории оставалось единственным независимым славянским государством, вызывало особый интерес как своей политикой, так и культурой. Этот российский феномен сыграл исключительной важности роль во времена национального возрождения южнославянских и части западнославянских народов¹. Возникший тогда на волне романтизма идеал славянского единства, обращенный к доисторическому прошлому праславянской общности и к исторической памяти этно-языкового родства, не обрел реализации в конкретной политической действительности. Сыграв важную роль в пробуждении национального самосознания, возрождения национальной культуры и духовной интеграции части лишенной собственной государственности славянства, он функционировал как тот созданный славянскими любомудрами историко-филологический идеал, утопичность которого обнажала сама общественно-политическая реальность. Превратившись в миф, он эксплуатируется некоторыми политиками и вегетирует в некоторых национально-патриотических ориентациях вплоть до наших дней².

Объективно осознать особенности отдельных славянских народов, а во взаимосвязи с этим – специфику их отношения к России – возможно лишь преодолев как стереотипы мифологического мышления, так и идеологические стереотипы, порождающие национальные предубеждения и затушевывающие подлинную роль славянский взаимности,

¹ См.: Литература эпохи формирования наций. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982; Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX в. М., 1987; История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.

² *Липатов А. В.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995; *Bobrownicka M.* Narkotyki mitu. Kraków, 1995. – *Wielkie mity narodowe Słowian*. Poznań, 1999.

которая на протяжении истории в разных частях славянского мира обретала разное и специфическое проявление.

Данное исследование задумано как начальный этап комплексной, междисциплинарной разработки круга проблем, связанных с восприятием России славянством. Авторами рассматриваются вопросы языка, культуры, истории, литературы и политики от Средневековья до XX в.

Первую часть предлагаемого исследования составляют работы, в которых освещаются проблемы, связанные с культурно-историческими особенностями давних времен. В статье О. А. Акимовой «Русские земли в хорватских этногенетических мифологемах позднего Средневековья и раннего Нового времени» показано как в средневековой историографии Далмации и Хорватии складывались представления о прошлом славянского мира, которое выводилось из античности. Эта концепция оказала влияние на чешскую, а через нее – польскую и итальянскую историографию, где также начинает функционировать легенда о Чехе, Лехе и Русе как родоначальниках славянских народов. Благодаря же русскому переводу Мавро Орбини эта идея обрела популярность в России, а прибывший сюда Ю. Крижанич разработал концепцию русского языка как общеславянского эталона. Лингвистической концепции Ю. Крижанича и ее общеславянскому значению посвящено исследование Н. Н. Запольской «Представления о “рус(с)ком” языке в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* в XVII веке». Обусловленная принадлежностью к латинскому миру специфика польской рецепции российских реалий рассматривается в статье В. В. Мочаловой «Россия в восприятии поляков в XVII веке». В исследовании Б. Н. Флори «Ф. М. Ртищев в Речи Посполитой (к изучению русско-польских контактов в середине XVII в.)» представлены особенности русского отношения к Польше и выявлены изменения в традиционном стереотипе восприятия поляками русских. А. В. Липатов («Две проекции национального восприятия: Польша глазами Пушкина – Россия глазами Мицкевича») рассматривает теоретические и исторические аспекты межнациональной перцепции, используя затем полученные выводы для анали-

за особенностей и существенных различий культурно-исторических воззрений и художественного творчества величайших поэтов России и Польши.

Различные аспекты славянской специфики отношения к России во времена Новейшей истории рассматриваются во второй части. Так, в статье Р. Ф. Дорониной «Русская литература в развитии сербской литературы конца XIX – начала XX веков. Воислав Илич и русская поэзия» выявляется и конкретизируется особая роль русских художников слова для новейших тенденций литературного процесса в Сербии. Л. Н. Будагова («Москва в чешской поэзии и публицистике 1920-х годов») показывает, как прежнее восприятие России чехами, видевшими в Москве опору славянства, теперь – под воздействием советской идеологии обретает новую окраску. С Россией в облике СССР связываются надежды на создание нового, справедливого миропорядка. Такие упования зиждились на поверхностном восприятии советских реалий в периоды кратковременного пребывания в СССР, тем не менее к концу 1930-х гг. в произведениях наиболее чутких литераторов Чехии появляются тревожные нотки. В работе С. В. Никольского «Ярослав Гашек – георгиевский кавалер» на основании архивных материалов раскрываются те стороны биографии Я. Гашека и те истоки его знаменитого романа, которые связаны с пребыванием автора в России. Воззрения на Россию видного чехословацкого философа и общественно-политического деятеля Т. Г. Масарика и его трактовка русской истории и культуры в европейском контексте анализируются в исследовании Э. Г. Задорожнюк «Масарик и Россия: этапы восприятия и специфика оценок».

Отношение к России, роль русской литературы и культуры для отдельных творческих индивидуальностей рассматриваются в статьях Л. С. Кишкина («Русские мотивы в поэзии Янко Есенского»), И. А. Герчиковой («Ян Вайсс: путь чехословацкого legionера и писателя»), Н. В. Шведовой («Москва в поэме Мирослава Валека “Слово”»), Ю. А. Созиной («Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия»).

Восприятию России белорусами посвящены работы Ю. А. Лабынцева («Военная и революционная Россия глазами белорусских беженцев») и Л. Л. Щавинской («Белорусские беженцы Первой мировой: дорога в Россию»).

В статье Р. Бекера «Польские воззрения на концепции Евразии» рассматриваются идеи отцов-основателей евразийства, ныне вновь актуализируемые у нас, а в этой связи притягивающие внимание, настороженно вглядывающихся в российскую современность польских соседей.

А. Ф. Носкова в работе «Весна 1945 года в Польше глазами советских дипломатов и политработников (документы из архива ЦК ВКП(б))» использует и комментирует материалы советских спецслужб и дипломатических источников о настроениях поляков и их отношении к советской России.

Завершающие книгу исследования туго затянутого совместной историей узла российско-польских отношений самым непосредственным образом вводят читателя в круг нынешних дискуссий в России и Польше о тех насущных вопросах нашего соседства, на которые до недавнего времени было наложено табу. Теперь они могут быть объективно осмыслены, что необходимо не только для уяснения прошлого: без этого невозможно взаимопонимание в настоящем, без которого нельзя налаживать путь в добрососедское будущее.

А. В. Лунатов

I. ДАВНИЕ ВРЕМЕНА

**Русские земли
в хорватских этногенетических мифологемах
позднего Средневековья и раннего
Нового времени**

В некоторых историко-философских сочинениях хорватских авторов XVII – начала XVIII в. (Юрий Крижанич, Иероним Каванин и др.) Россия выступала как потенциальная сила, способная объединить славянский мир для противостояния турецкой и немецкой экспансии и для последующего его процветания. Будучи результатом поиска политической опоры, подобные взгляды в своей исторической основе представляли определенный этап в развитии идеи о единой и древней славянской общности и культуре в том ее виде, в каком она нашла отражение в европейской историографии эпохи Возрождения и Барокко. В то же время значительную роль в становлении этой идеи сыграли исторические представления, формировавшиеся на протяжении Средневековья в самих хорватских землях и основанные как на романской историко-культурной традиции далматинских городов, так и на исторических представлениях, развивавшихся не без ее влияния в хорватской глаголической среде.

В далматинских городах, имевших романскую этническую и языковую основу, складывалась во многом мифологизированная картина своего античного и раннехристианского прошлого, свидетельствами которого были местные предания, архитектурные и эпиграфические памятники, греческие и римские сочинения, рассказывающие об исторических событиях на территории северо-западных Балкан. Появление хорватов в Далмации описывалось вначале на основе раннесредневековых хорватских преданий, сохранивших память о переселении предков хорватов из Центральной Европы, из польских и чешских земель. Вместе с тем по мере расширения связей хорватского государства с далматинскими городами и славянизации последних, местные древности начинают восприниматься хорватами как часть их собственного прошлого, а с XIII в. в текстах, выходящих из городской, уже в основном славянской среды, фиксируется идея об автохтонности хорватов на Балканах.

Особая роль в развитии представлений об активной включенности хорватов и славян в целом в события античной и раннехристианской истории принадлежала хорватской глаголической среде, где также с XIII в. развивалась мысль о получении хорватами своей письменности от создателя Вульгаты св. Иеронима и перевода им богослужебных книг на хорватский язык. Поскольку св. Иероним как уроженец далматинского Стридона почитался в романской среде далматинских городов, то, вероятно, можно говорить об определенной тенденции соединения романской и хорватской культурных традиций, присутствующей в это время в различных культурных средах Далмации и Хорватии.

Впоследствии тенденция такого соединения становится более явной и отражающей особое положение хорватских глаголитов в зоне латинского богослужения. Они имели собственную письменность, в качестве литургического и литературного языка ими использовался церковнославянский язык, и соответственно в их среде распространялись богослужебные и иные тексты, имевшие хождение в православном ареале. В глаголической среде обнаруживалось и стремление к присвоению элементов церковнославянской исторической традиции, прежде всего что касалось имен Кирилла и Мефодия. В одном из глаголических текстов XV в. указывалось на предоставление хорватам письменности от св. Иеронима и одновременно сообщалось, что «перевели все книги хорватские» Кирилл и Мефодий, которые были представлены выходцами из города Солина (под которым здесь подразумевалась Салона – столица античной и ранневизантийской Далмации), из рода императора Диоклетиана¹.

Таким образом, в создаваемой глаголитами исторической картине акцентировалось срединное положение хорватской культуры как в славянском мире, так и между Западной и Восточной церковью и особая роль в исторической ретроспективе как продолжательницы древней истории Балкан и раннехристианской культуры. Вышедшие из хорватской глаголической среды исторические построения о хорватских историко-культурных корнях, а также далматинская историческая традиция оказали сильное влияние на

развитие этно-культурного самосознания не только самих хорватов, но и других славянских народов.

Заложенная в исторических и религиозных взглядах глаголитов мысль о конфессиональной интеграции соотносилась, в частности с христианско-экуменическими планами германского императора и чешского короля Карла IV, подерживавшего с этой целью кирилло-мефодиевскую традицию. И не случайно именно глаголическим монахам из Хорватии Карлом VI придавалась важная роль в реализации идеологии государственно-религиозного универсализма в его имперской концепции. По его приглашению они осуществляли литургию на церковнославянском языке в созданном в Праге в 1347 г. бенедиктинском монастыре «На Словах» (Эмаусском). Среди патронов монастыря первое место занимал св.Иероним как первый переводчик Библии на славянский язык и к тому же «славянин» из Далмации.

Тенденция к расширению хронологических и пространственных границ славянства стала определяющей для исторических сочинений о славянах, начиная с XV в., когда в европейской возрожденческой историографии складывалось представление о славянском мире, охватывавшем обширные территории от Адриатического и Черного моря на юге до Балтики и Ледовитого океана на севере, а к славянам причислялись многие персонажи античной истории, прежде всего связанные с Балканами происхождением или деятельностью, а также народы, проживавшие или кочевавшие на этой территории с древних времен.

Некоторые из основных славянских этногенетических мифологем этого времени вызывали представление о Хорватии. Согласно одной из них, Александром Македонским была выдана грамота славянам на право владения их территориями. Впервые ее текст был напечатан на чешском языке Вацлавом Гайком в «Чешской хронике» в 1541 г., где рассказывалось, что он был прочитан в Праге при основании Эмаусского монастыря², т. е. приглашенным для служения в монастыре хорватским послушникам. Другой распространенной в европейской историографии мифологемой был сюжет

о братьях Чехе, Лехе и Русе как о родоначальниках соответствующих славянских народов. В большинстве историографических вариантов этой мифологемы (представленных в сочинениях Длугоша, Меховского, Бельского, Пикколомини и многих других) местом первоначального обитания братьев и, соответственно, прародиной других славянских народов или их эпонимов оказывались хорватские земли.

Одним из первых среди славянских гуманистов о единстве славянского мира и его древности писал дубровницкий поэт XV в. Илия Цриевич (Элий Лампредиј Цервин), использовавший (под влиянием мифологемы о балканской / хорватской прародине славянских народов) «иллирскую» терминологию для обозначения всех славян. Его «Иллирская империя» простиралась от Московии и Германского (Балтийского) моря до Черного моря и Далмации. Полагая «иллирами» — славянами многих героев, императоров, поэтов и ораторов древности, он риторически вопрошал, не из трибаллов ли (т. е. одного из иллирийских племен) произошли Диоклетиан, Аврелиан, Максим и другие римские императоры³. Винко Прибоевич из Хвара в речи о происхождении славян (1525 г.) причислял к «славянскому роду» гетов, даков, готов, вандалов и другие народы, а среди наиболее известных славян называл Александра Македонского, св.Иеронима, Аристотеля и многих других⁴. Интересно, что в Хорватии и Далмации мифологема о хорватской прародине славян, обязанная своим появлением главным образом культурно-историческим представлениям глаголитов, зачастую распространялась через посредство итальянской, чешской и польской историографии. Так, Винко Прибоевич писал, что изгнанные из Далмации «братья Чех, Лех и Рус... стали праотцами чехов, лехов и русов», со ссылкой на сочинения Пикколомини, Меховского и других европейских авторов⁵. То же можно сказать и о тексте грамоты Александра Македонского, которая цитировалась хорватскими и далматинскими авторами в основном по чешским и польским ее вариантам, как, например, у Винко Прибоевича или Мавро Орбини в «Царстве славян» (1601).

В XV–XVI вв. под влиянием «сарматской» теории происхождения славян в историографии появляются представле-

ния о польских и русских землях как о территории первоначального расселения славян, которые получили распространение и в далматинской историографии. Так, один из наиболее известных дубровницких историков Людовик Церва Туберон в «Записках о своем времени» представляет славян потомками «русских» – жителей «европейской Сарматии»⁶.

Контекстом взглядов авторов периода Конкретной Реформации было стремление Рима к конфессиональному подчинению греческой церкви, путь к которому проходил через обращение славян к единству по вере. Одним из главных условий такого обращения должно было стать их языковое единство, предполагающее единообразие языка церковных книг и служб, а исторической основой языкового единства выступало представление об общности истории славянских народов, и прежде всего общности их происхождения. Церва Туберон отмечал тождественность русского языка и языка жителей Иллирии, отличающегося, по его мнению, лишь некоторой мягкостью произношения, проистекающей из мягкости климата. Религиозные же взгляды Туберона характеризовались толерантностью в отношении православных. Фауст Вранчич (1551–1617), ученый и философ хорватского происхождения, составил словарь пяти европейских языков, в котором «далматинский» язык выступал для обозначения языка, распространенного как к югу, так и к северу от Дуная, а в качестве его видных представителей назывались св.Иероним, Кирилл (Константин), Лех и Чех⁷.

Идеи единства славянского мира и его языка определяли и творчество Юрия Крижанича (ок. 1618–1683). Вместе с тем Крижанич предложил в ходе филологического и исторического анализа и критики источников⁸ самостоятельное и оригинальное видение происхождения и древнейшего периода истории славянских народов и их языков, сопряженное с отказом от ряда устоявшихся этногенетических мифологем как западноевропейской (в том числе далматинской и хорватской) историографии и хорватско-славянофильской историческо-культурной традиции, так и русской летописной традиции.

Известно, что Крижанич учился в иезуитской школе Загреба, затем в университетах Граца, Болоньи и Рима. Ко-

гда он прибыл в Россию в качестве миссионера по направлению Конгрегации пропаганды веры, то служил в Москве переводчиком и по поручению царя Алексея Михайловича переводил греческие и латинские грамоты и книги и составлял грамматику славянского языка. По каким-то, до сих пор не ясным причинам в 1661 г. он был сослан в Сибирь, в Тобольск. Россия, какой ее увидел и описал Крижанич, была бедной и грязной страной, где царили подозрительность, невежество, доносы, настороженное и враждебное отношение к иностранцам. Долгие годы в тобольской ссылке он провел вдали «от человеческого общения», оказавшись «всему миру безделен, некорыстен и непотребен»⁹. И тем не менее большую часть своей трудной, полной драматических событий жизни, Крижанич посвятил одной цели – способствовать развитию России таким образом, чтобы она могла подняться вровень с ведущими европейскими монархиями того времени и исполнить предначертанную для нее, как полагал Крижанич, задачу объединения славянского мира. Его сочинения периода пребывания в России представляют собой настоящую политическую, экономическую, культурную программу ее развития, в том числе разработку политической идеологии государственной власти. При этом основой российской государственной идеологии оказывалась начальная история страны как одного из древнейших мировых царств – прародины других славянских народов и представления о русском языке как древнейшем среди других славянских языков и как их основы.

Сочинения, в которых нашли отражение представления Крижанича о древней славянской и русской истории, создавались им в тобольской ссылке, что не мешало ему проявить широкую историографическую эрудицию, прежде всего в его синтетическом труде, названном его первым издателем П. А. Безсоновым «Политика» (1666), и сочинении, получившем в литературе название «Толкование исторических пророчеств» (1674)¹⁰. Острые его полемических рассуждений было направлено главным образом против видения славянской древности в сочинении русской исторической мысли, условно называемом «Сказание о Слю-

вене и Русе»¹¹. Автор «Сказания» использовал помимо русских и некоторые из основных этногенетических мифологем ранней славянской истории, почерпнутых в западноевропейской историографии XV–XVII вв.

Созданное в первой трети XVII в., «Сказание о Словене и Русе» во времена Крижанича было относительно новым, но уже достаточно известным в России произведением. Включенное в 1652 г. в патриарший летописный свод (один из основных источников Крижанича по русской истории), оно приобрело статус официальной версии древнейшей истории Руси¹² и вошло в списки хронографов и летописей XVII–XVIII вв. В нем по сути впервые были представлены некоторые сюжеты о начальном историческом времени, с разделения земли после Потопа между сыновьями Ноя, в более ранней летописной традиции не получившем своего освещения¹³. Автор «Сказания» создавал картину начальной истории русских, прежде всего новгородских земель, в которой эта история оказывалась столь же или даже более древней и значимой, чем история других европейских государств, а новгородские земли становились колыбелью других славянских и не только славянских народов. При кажущейся близости внутренней идеи автора «Сказания» и взглядов Крижанича, по существу они представляли принципиально разные подходы к обоснованию значения и места русских земель в общеславянской истории. Если автор «Сказания» апеллировал в основном к авторитету европейской историографии, то, с точки зрения Крижанича, это значение определялось самим ходом собственно русской истории. И потому Крижанич полагал изложенное в «Сказании» «баснями», вписанными в «народную историю» и сочиненными для «русских государей» их «льстецами»¹⁴; в полемике с такими «баснями» он и выстраивал в «Политике» свое видение событий.

Основные вехи древнейшей славянской истории в «Сказании о Словене и Русе» были представлены следующим образом. Сын Ноя Иафет получил по благословлению отца права «на западные страны и северные». «Мосох, шестой сын Афетов, внук Ноя» дал имя народам московитов, т. е. жителей Московской Руси. Но основное повествование

было связано не с ним. Правнуки Иафета Скиф и Казардан (варианты – Зардан, Азардан) «отлучашася ...от рода своего от западных стран», пошли на юг и поселились в Причерноморье – «во Ёвксинопонте», дав начало земле, названной позднее по имени Скифа «Скифия Великая». Из-за междоусобиц между пятью правнуками Скифа (Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер), старшие из них, Словен и Рус, «мудростию и храбростию в роде своем всех превозшедшим», ушли оттуда и заняли часть доставшихся в свое время по жребию Иафету земель на западе и севере. «И от того времени новопришельцы скифстии начаху именоватися словяне». Одним из главных героев «Сказания» был Александр Македонский, «всяя вселенная тогда самодержец», при котором у славян и русов были славные и храбрые князья Великосан, Асан и Авесхасан. Не захотев с ними воевать, Александр послал им дары и грамоту с предоставлением права на занимаемую их княжеством территорию «от моря Варяжского до моря Хвалимского» (т. е. Каспийского). Здесь же помещался текст привилегии Александра «роду славян или мосхов, извлеченная из рукописных анналов этих самых мосхов» и данная «славному русскому народу».

Основой этногенетических представлений Крижанича была уверенность в древности и автохтонности русского населения, которая подтверждалась отсутствием каких-либо исторических сведений о народах, живших здесь до русских либо владевших этой территорией¹⁵. Столь же древен был и русский язык. В соответствии с летописным утверждением о том, что славянский язык возник вследствие Вавилонского столпотворения, Крижанич писал о русском языке как о созданном Богом при разделении языков наравне «с другими первоначальными языками». Крижанич указывал, что в то время жили «наш праотец Словен» (от которого и произошел «наш народ»), «как и других народов родоначальники»¹⁶. Поэтому первой из «басен» автора «Сказания» он считал представление о скифах как о предках и прародителях славян. Крижанич находил это утверждение позорным, поскольку, по его замечанию, все народы считают скифами татар и турок, говорящих на одном языке и, следовательно,

составляющих один народ¹⁷. Появление «скифов» в Сказании – дань сарматской теории происхождения славян, поскольку в этногенетических мифах названия Сарматия и Скифия зачастую смешивались.

В «Трактате о двух Сарматиях» польский историк XV в. Мацей Меховский, по сути заложивший основы концепции польского сарматизма, различал Европейскую Сарматию, в которую он включал в основном польские и восточнославянские земли, и Азиатскую – то есть Скифию, или Татарию¹⁸, и такое разделение было впоследствии распространено в европейской историографии (Герберштейн, Стрыйковский и др.). Крижанич находился под влиянием именно этой трактовки. Вместе с тем однозначного наполнения терминов не было: названия Скифия и Сарматия могли выступать как синонимы, но чаще всего под термином Сарматия, или Европейская Сарматия, стали выступать территории Польши, Литвы, западнорусских земель, вошедших в орбиту Польско-Литовского государства (Рутения), и Пруссия. Названия Скифия и Азиатская Сарматия при этом могли распространяться на земли Московской Руси. Например, Фауст Вранчич считал, что территории, заселенные «московитами», древние авторы называли Азиатской Сарматией, а территорию Польши – Европейской, и именно отсюда вышли южнославянские народы, заселившие Паннонию и весь Балканский полуостров¹⁹.

Возведение русских к скифам – татарам, имеющее для Крижанича сугубо антихристианский оттенок, соотносилось в его представлении с некоторыми особенностями интерпретации имен славянских прародителей. Известия о Словене, Русе и Мосохе из «Сказания» основывались на сюжете о братьях Чехе, Лехе и Русе как о родоначальниках соответствующих славянских народов. Этот сюжет был хорошо известен Крижаничу, что видно из разбора некоторых его аспектов в «Толковании исторических пророчеств»; к этому мы еще вернемся. Здесь же надо отметить, что Крижанич, хотя и упоминает неких «родоначальников других народов», живших в то же время, что и Словен, но из славянских предков называет по имени лишь Словена как родона-

чальника русских, который вообще не фигурирует в названной эпонимической мифологеме из западноевропейской историографии. Таким образом он избегает необходимости и рассматривать вопрос о первоначальной родине славянских братьев в Хорватии. Видимо, положение именно Словена как первопредка русских и других славян более соответствовало представлению Крижанича не только об общности происхождения всех славянских народов, но и о центральном месте русских земель в общеславянском этногенезе.

Трудно сказать, только ли «Сказание» явилось источником его знаний об этом персонаже. Схожие мотивы появлялись в европейской историографии, хотя надежных данных о знакомстве Крижанича с соответствующими произведениями нет. Так, польский историк XVI в. Мацей Стрыйковский писал об озере Словеном, расположенном в пределах Московии, откуда и вышли разные славянские народы, и от названия которого происходит само имя славян²⁰. Близкая тема присутствовала и в далматинской литературе. Юрай Баракович из Задара, постулируя в сочинении «Вила Словинка» (1614) единство славянского мира, представлял свой город как родину мифического князя Слована (Slovan) – всеславянского родоначальника²¹.

Возможно, именно Словен, а не Рус (что было бы более логично) был выбран Крижаничем на роль первопредка русских и вследствие неопределенного и второстепенного положения Руса в мифологеме о Чехе Лехе и Русе в самых разных историографических вариантах. Он не был старшим братом; в «Сказании о Словене и Русе» он также второй и занимает подчиненное место по отношению к Словену – родоначальнику новгородских славян. В тех западноевропейских вариантах, в которых эта мифологема приобрела четвертого персонажа – Москву (Мосоха), именно он стал играть роль первопредка жителей Московской Руси (мосхов), а Рус оказывался на положении эпонима жителей западнорусских земель.

Имелась и еще одна, семантическая, причина. Польский историк XVI в. Мартин Кромер, сочинения которого были одним из основных источников Крижанича, обратил внимание на слова Рош (Рос) и Мешех (Мосох) в греческом

переводе Книги пророка Иезекииля (Иез. 38, 39)²². Здесь предсказывалось, что «Гог в земле Магог, князь Роша, Мешеха и Фувала» поведет свою рать «от пределов севера». Хотя это пророчество использовалось в эсхатологических представлениях о Гого и Магоге как воинственных антагонистах «народа Божьего», Кромера оно интересовало прежде всего с точки зрения возможности прояснить как происхождение этнонима, так и пути и время миграции русских («с севера»). Кромер пришел к заключению, что русские не были известны ни древнегреческим, ни римским писателям, ни св.Иерониму, не использовавшему термин Рос в своем переводе Библии, и потому не посчитал созвучие имен достаточной причиной для библейской идентификации русской этнонимии²³. Крижанич так передает вывод Кромера, которого, видимо, придерживался и сам: «За то наз (велит Кромер) того Језекијилова затѣяного Роса не хошу ставити въ зачелника Рускому народу»²⁴. Однако впоследствии соотношение Рос – Рус и Мосох (Мешех) – Москва стало общим местом исторических сочинений. И хотя византийские писатели в свое время сопоставляли Гога, «князя Роша» (в транскрипции Ros) с «русскими», в западноевропейской историографии эпохи Возрождения и Барокко оно вначале не имело негативного подтекста, а в польской историографии XVI в. Мосох даже фигурировал в качестве праотца всех славян (в основном благодаря упоминанию имени Мешех среди детей Иафета), что нашло отражение и в «Сказании о Словене и Русе». Позднее, прежде всего по политическим причинам, связанным с напряженными отношениями между Русским государством и Речью Посполитой, заложенная в этих названиях семантическая неоднозначность, обусловленная их связью с Гогом и Магогом, была реализована в отождествлении русского народа с антихристовым войском и соответствующими нежелательными характеристиками.

Крижанич обвинял в распространении «хулы, омразы и вражды» на русский народ как следствие неверного перевода из пророчества Иезекииля греческих писателей и хронографов, а также (со ссылкой на Библию Лютера) «всех немцев», «ѵже Лутору и Калвину веруют»²⁵. Так, отличавшийся ан-

тимосковскими настроениями шведский дипломат Петр Петрей²⁶ писал о «гнусном и жестоком», известном «грубыми и отвратительными делами» Мосохе, который поселился в междуречье Танаиса, Борисфена, Волги и Москвы, «где еще и ныне живут его потомки»²⁷. Крижанич полагал, что и русский перевод соответствующего библейского пассажа – «Се аз на тя Гог, кнеза Росска, Мосох и Фовел...» – вызывает «недоуминје» и «отчаянје» «благочестивых» людей, поскольку только закрепляет представление, согласно которому «Руско војство имило быти најбольша антихрјстова почта сила»²⁸.

Крижанич в «Толковании исторических пророчеств», проявляя способности к филологическому и сравнительно-историческому анализу и знание западных и восточных языков, показал невозможность интерпретации библейских еврейских и греческих вариантов (Ρῆσ, Ρῶς и др.) как «рус», «русский народ». Византийская же интерпретация возникла, по его мнению, как месть, «понъеже бо из Руси изидоша вси Словинци: и нападши на Греческо царство, завладаша тамо Илирскими државама»²⁹. Исследования Крижаничем исторического контекста употреблений терминов Рос и Мосох у древних авторов, в Библии и у учителей церкви, показали ему, что к «русским» они не имеют отношение и что Мосох был неким торговым народом, и «чрез того Мосоха ... ниједним путем не может се разумити Московско людство, ни царство»; а московский народ получил свое название от Москвы-реки. Таким образом, подчеркивал Крижанич, «Руски народ не пристојит къ тому Језекијилову пророчеству, ни къ антихрстову војству»³⁰.

Обращаясь к антитурецким высказываниям Лютера, для которого турки были «инструментом дьявола» и, по всей видимости, к его переводу пассажа 38–39 из пророчества Иезекиила, Крижанич обращает внимание на его представление о «земле Магог» как о Турции; а поскольку для Лютера «Турки из Татаров народъени», то Мезех для него тоже происходит из татар, и потому «Лутор ... мнѣит, будго дабы Русяни от Татаров произошди»³¹. Прокладывает же путь таким домыслам, считает Крижанич, русский летописец, поскольку славян и русский народ возводит к скифам, т. е. татарам, и «Русу въ

братѣи ставит татарска имена, Асана и Авепсасана»³². Последнее высказывание отсылало к тексту Грамоты Александра Македонского из «Сказания о Словене и Русе» и тем самым обозначало негативное отношение к данному тексту.

Грамота Александра в ее разных вариантах адресовалась разным этническим группам. Так, ее вариант в «Сказании» был обращен к русским князьям. Итальянский историк XVI в. Доминик Циллениус воспроизводил вариант грамоты, «переведенный на латинский с греческого» и «данный иллирам» («datum illyricis»), или, как уточнялось ниже, «далматам, либурнам и всем остальным того же языка, живущим по Дунаю и в соседних землях»³³. Польский историк XVI в. Станислав Сарницкий, приводил этот же текст с указанием, что он взят из старой чешской хроники и с уточнением, что славяне получали территории между Борисфеном (Днепром) и Истром (Дунаем)³⁴.

Крижанич писал, что эту «басню» сочинил «один недавний чешский летописец»³⁵. Остается неясным, какого чешского автора имел в виду Крижанич. Указание Сарницкого на чешский летописный источник позволяет предполагать знакомство Крижанича с текстом польского историка. Приведенный Крижаничем разбор привилегии Александра показывает, что он знал и русский вариант из «Сказания». Обе версии он считал «смехотворными» и подчеркивал, что Александр никогда не бывал на Руси и с ней не воевал. Поводом же для этой «басни» он считал то обстоятельство, что «земля, на которой сейчас живут задунайские славяне, болгары, сербы и хорваты, в древности называлась иллирский; она граничила с Македонией, а Александр в первый год своего правления воевал с иллирами»³⁶.

Действительно, у античных авторов имеются сведения об отношениях иллирийских племен с македонскими правителями. В частности, Арриан и Страбон писали о военном походе Александра Македонского 335 г. до н. э., когда Александр, победил гетов и, спускаясь от Дуная по территории Иллирии, воевал с оказывавшими ему сопротивление тамошними племенами, в том числе с племенем трибаллов, с которым он заключил мирный договор³⁷. Таким образом, Крижанич вполне

научно и текстологически верно прослеживал историю появления этой мифологемы. Интересно, что Сарницкий приводил сведения Страбона о военных действиях Александра Македонского в Иллирии против трибаллов для обоснования истинности Грамоты, поскольку он, как и многие другие историки того времени, считал трибаллов славянами³⁸.

Представления о задунайских землях как прародине славян присутствовали в русской летописной традиции. В «Сказании о переложении книг на славянский язык» в составе «Повести временных лет» упоминается о деятельности апостола Павла в «Илпорице», где «бепа Словене первое». По мнению ряда исследователей, они могут отражать понимание славянского христианского единства, восходящее к западнославянской, связанной с кирилломефодиевской, традиции³⁹. Аллюзии на дунайскую прародину славян были очевидны и в соответствующем пассаже «Сказания о Словене и Русе», где рассказывалось, как из-за разных напастей, обрушившихся на «словенскую землю», славяне вынуждены были два раза переселяться за Дунай на свою старую родину – «на старожитныя страны». Этот пассаж никак не комментировался Крижаничем.

Подобные представления входили в явное противоречие с точкой зрения Крижанича. Он подчеркивал, что во времена Александра ни за Дунаем, ни в Иллирийской земле ничего не знали о славянах, и только через 800 лет после Александра и сразу же после ухода готов из Иллирийской земли («около 500 г. от Рождества Христова» – уточнял Крижанич) здесь поселились славяне, которые пришли из-за Дуная из Великой, Малой и Белой Руси и поселилось в Иллирийской земле. И только с этого времени «греки и итальянцы» узнали о славянах, даже имя которых им было дотоле неизвестно⁴⁰. Крижаничем, таким образом, предлагалась близкая к истине хронология появления славян в «Иллирии», исключая представление о них как о ее автохтонах. Характерно, что св. Иероним присутствует в сочинениях Крижанича только как создатель Вульгаты.

Именно из-за хронологических несообразностей в тексте Грамоты сама возможность ее существования стала

подвергаться сомнению. Кромер в своем (многожды цитированном Крижаничем сочинении) подчеркивал, что до Юстиниана славян в Хорватии, Славонии Далмации и Паннонии не было, и потому сведения о них отсутствовали как в античных, так и в ранневизантийских источниках⁴¹. Под влиянием Кромера высказывали свои сомнения в истинности грамоты Александра и некоторые чешские историки⁴². При несомненном влиянии подобной аргументации критические суждения Крижанича были вполне самостоятельны, поскольку охватывали более широкую историографическую традицию, включая также и русскую.

Представления Крижанича о древнейшей славянской истории обусловили его особую трактовку господствовавшей в европейской историографии теории мировой истории, основанную на пророчестве Даниила, и представлявшую ее ход как последовательную смену четырех мировых монархий – Ассирийского, Персидского, Греческого и Римского царств. Крижанич, основываясь прежде всего на политических и исторических соображениях, вышел за рамки библейской схемы и ее узко эсхатологических и пророческих истолкований. Он подчеркивал, что для поддержания вселенского мира и законности Бог создал не только эти четыре монархии, но все остальные «могущественные и знаменитые» королевства, что ни одна из этих монархий не была всемирной, имевшей власть над всем светом, и что как во времена Римской империи, так и после нее существовали мощные государства, не уступавшие ей в своей силе, и в их числе прежде всего Русское государство⁴³.

Для Крижанича Римское царство было воплощением зла и олицетворяло обреченное на падение царство Антихриста. По его мнению, все пророчества о его падении были исполнены, в том числе пророчество Ездры о трехглавом орле, падения глав которого являлось знамением позорного падения трех царств, присвоивших римское имя – собственно Римское, Греческое и Немецкое. Само имя и герб Римского царства стали проклятыми и обрекающими их носителей на позор и неудачу. Причины несчастий, переживаемых русским народом со времен Ивана IV, Крижанич видел

именно в том, что Иван, воспользовавшись символами Римского царства, разрушенного и уничтоженного Богом, начал его возрождать, что равносильно борьбе с Богом⁴⁴.

Представления Крижанича о Римском царстве и «Третьем Риме», составлявшие важную часть его историософии, соответствуют его этногенетическим построениям и во многом объясняют его отказ от мифологемы об автохтонности или раннем расселении славян на юговосточных территориях Европы и тесной связи славянской истории с историей Римской империи. Идея Москвы как «Третьего Рима» была известна Крижаничу прежде всего по тексту грамоты об учреждении Московского патриархата 1589 г. в составе Кормчей, где упоминание о Третьем Риме присутствует как предсказание патриаршества в Москве. Эта идея рассматривалась Крижаничем и в «Политике», и в «Толковании исторических пророчеств», в главе «Ездрино пророченіе». По поводу именованія патриархом Иереміею Москвы Третьим Римом Крижанич выказывал недоумение: получалось, что Московское царство выступало одной из обреченных на гибель голов орла. Пророчество же Ездры никак не могло относиться, по его мнению, к Московскому царству, которое «Всемогущы Створитель ... послідньє на земљи устроїл и прославил, тако же хоцет цѣло и непоколебно и до скончания вѣка милостиво сохранили»⁴⁵.

Крижанич полагал, что пророчества о гибели Римского царства не относились к Риму – престолу Петра, который «Божіим даром стоит», Римское царство было противопоставлено им «духовному царству» Христа с центром в Риме. Таким образом, «Третий Рим» оказывался сугубо земным царством, а идея «Москвы – Третьего Рима» выводилась из богословского и церковного контекста, выступая в качестве мотивировки политических претензий русского царя, ведущих к гибели его государства⁴⁶. Крижанич в тесной связи с пониманием этой идеи как политической рассматривал далее и возведение московскими правителями своей генеалогии к Августу, доказывая ее беспочвенность историческими несообразностями. Возведение московского царского рода к самому Августу невозможно, полагал он,

так как род Августа на нем и окончился⁴⁷. Поэтому и царю Ивану IV, которого Крижанич винил в распространении этой идеи, достаточно было древности и славы считать себя потомком своего истинного предка Словена, а затем и короля Владимира: для Крижанича лишено было смысла освящать славой и древностью другого государства свое собственное, не менее древнее и славное.

Историческая концепция начальной славянской истории была соотнесена Крижаничем с его лингвистическими представлениями. Отражающие их сочинения в своей исторической части давали схожую этногенетическую картину славянского мира⁴⁸. В текстах, относящихся к периоду, предшествовавшему его приезду в Россию или к началу пребывания в ней, его предпочтительное внимание к русскому языку как «главному» среди других славянских языков определялось прежде всего политическими соображениями и функциональными особенностями его применения – наличием в России собственного государя и ведением всех государственных и церковных дел на собственном языке⁴⁹. Через двадцать лет Крижанич теми же доводами государственного функционирования русского языка обосновывал его лексическое богатство и грамматическую стройность. Но первенство русского языка определялось Крижаничем уже исходя из исторических и этногенетических представлений о славянах. Русский язык оказывался началом и источником других славянских языков в силу наибольшей древности русского государства – прародины других славянских народов. Крижанич для обоснования этого главного своего тезиса ссылался на авторитет не называемых им античных авторов: «Наистарије и осталим всим зачално јест људство и јме Рѣско: и се једино давниѣм Гречским и Римским писателѣм било познато и ичтесе въ старих књигах написано»⁵⁰. Такая «глухая» отсылка была несвойственна исследовательской манере Крижанича и свидетельствовала о произвольности вывода автора. Подобная аргументация и терминология имели свою традицию. Крижанич в некоторых позициях прямо следовал за Кромером, что видно из его изложения соответствующего пассажа: «Мартин Кромер... показујет: Польско, Чешско, Харватско, Сербско, Болгарско, и

всих общено Словинско име, быти свиже: а Руско име от всих тих стаоријше. И с того право собирает: жеже вси ти народи произидоша из Руси»⁵¹. Стрыйковский употреблял как обобщающее для всех славянских народов наименование «русские народы», а их язык – «русский славянский язык»⁵². Крижанич создаваемый им на основе церковнославянского языка русского извода «общий» литургический и литературный славянский язык называл только «руским»⁵³.

В своих произведениях Крижанич последовательно отстранился от всех западноевропейских, собственно хорватских и русских этногенетических мифологем, в которых хорватские и сопредельные с ними земли занимали центральное место в общеславянской истории и культуре. При этом он рисовал картину древней, значимой и свободной от внешних влияний истории русской земли и выстраивал последовательную, ориентированную на нее концепцию древней славянской истории и истории становления славянских языков. Но, видимо, только в такой схеме ему виделась возможность самостоятельного культурно-исторического развития Хорватии.

Примечания

¹ *Pantelić M.* Glagoljski breviar popa Mavra iz godine 1460 // Slovo. Zagreb, 1965. Sv. 15–16. S. 133.

² *Hagek W.* Kronyka Czeská. Praha, 1541. S. 319.

³ *Aelius Lampredius Cervinus Poeta Laureatus* // *Analecta recentiora ad historiam renescentium in Hungaria letterarum spectantia.* Budapestini, 1906. P. 104–105.

⁴ *Vincentius Priboevius.* De origine successibusque Slavorum / *Pribijević V.* O porijetlu i zgodama Slavena. Zagreb, 1951.

⁵ *Ibid.* P. 216.

⁶ *Commentariorum de rebus, quae temporibus eius in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt.* Francofurti, 1603.

⁷ *Veranzio F.* Dictionarum quinque nobilissiarum europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmatiae et ungaricae. Venetiis, 1595. P. 3–4.

⁸ Об источниках Крижанича см., например: *Гольдберг А. Л.* Сочинения Юрия Крижанича и их источники // Вестник истории мировой культуры. М., 1960. № 6. С. 117–130.

⁹ *Крижанич Ю.* Обличенје на Соловецкую челобитну // *Крижанич Ю.* Собр. соч. М., 1882. Вып. 3. С. 99.

¹⁰ *Юрий Крижанич.* Политика / Подгот. к печати В. В. Зеленина, пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М., 1965; *Крижанич Ю.* Толкование истори-

ческих пророчеств // *Крижанич Ю.* Собр. соч. М., 1881. Вып. 1.

¹¹ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 137–141; М., 1968. Т. 31. С. 11–12, 13, 27–28, 36; Л., 1977. Т. 33. С. 139–142. В рукописях различные названия – «О история еже о Начале Руския земли и создании Новограда и откуда влечашеся род Словенских князей», «Написание о зачале в Славенорустей земли первоначального Великого Новаграда» и др.

¹² *Лаврентьев А. В., Турилов А. А.* «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи. XV конференция: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени. М., 1996. С. 19–25.

¹³ Известность этого текста в Тобольске, видимо, не было случайной: по предположению А. В. Лаврентьева, автором сочинения является Киприан, в 1620–1626 гг. – архиепископ Тобольский и Сибирский, а затем до 1634 г. – и митрополит Новгородский.

¹⁴ «...básni, kotórijе caria Iwana i inich Rúskich Wladatelyew laskawci i domásznyi báchori udúmasze, i w'naródnije pówesti wpisásze» – Политика. С. 283.

¹⁵ «...mî Rúsi níczim ne ménýe neže drêwnyi Afinci móžem se zwát Aftóchtoni, Domoródniki. Níst bo níkakowije pámeti ni znáka ná swetu, s' koegobi se móгло poznát, dabi kiy ín naród perwo nás w'sey Rúskoy zemlyé býl prebiwál, ili kuiu włást k'nyéy imál» – Политика. С. 283.

¹⁶ Политика. С. 289.

¹⁷ Политика. С. 284.

¹⁸ *Mechovius M.* Tractatus de dualis Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Augusta Vindelionem, 1517. P. 4.

¹⁹ Статья о славянах Фауста Вранчица была опубликована в виде предисловия к «Словарю семи разных языков Петра Лодерекепера» в 1605 г.: *Frančić V.* Dział polski w siedmójęzycznym słowniku Piotra Lodereckera z 1605 r. Wrocław etc., 1972. S. VIII.

²⁰ Стрыйковский передавал мнение Бернарда Ваповского (1456–1535) – *Strýkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Królewec, 1582. S. 102.

²¹ Juraj Baraković. Vila Slovinka. Zagreb, 2004.

²² В Вульгате еврейское РИИ переводилось как «верховный правитель» – Gog, principem Capitis Mosoch...

²³ *Cromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basiliae, 1555. P. 18.

²⁴ Толкование. С. 20.

²⁵ Ibid. С. 15.

²⁶ Крижанич называл его «láiawec i chúlник naróda Petréiusz Nemczín» – Политика. С. 285.

²⁷ *Петрей де Ерлезунда П.* История о Великом княжестве Московском / Пер. с нем. А. Н. Шемякина. М., 1867. С. 86–87.

- ²⁸ Толкование. С. 15.
- ²⁹ Ibid. С. 17.
- ³⁰ Ibid. С. 18–23.
- ³¹ Ibid. С. 17.
- ³² Ibid. С. 18.
- ³³ «...illustri prosapiae Illyricorum populorum, Dalmatiae, Lyburniae, ceterarumque eiusdem idiomatis et linguae gentium, ad Danubium, et medias regionum sedes incolentium»– *Cyllenius D.* De vetere et recentiore scientia militari. Venetiis, 1559. P. 66.
- ³⁴ *Sarnicius S.* Descriptio veteris et novae Poloniae. Cracoviae, 1585. P. 47.
- ³⁵ Политика. С. 284.
- ³⁶ Ibid. С. 283–284.
- ³⁷ Strab. VII. 5; Arr. Anab. I, 5, 1–3.
- ³⁸ *Sarnicius S.* Descriptio. P. 43–44.
- ³⁹ Историю вопроса см. в работе: *Живов В. М.* Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 116–157.
- ⁴⁰ Политика. С. 284.
- ⁴¹ *Cromer M.* De origine. P. 21.
- ⁴² Kronyky dvě o založení země České. Wytisštěna a dokonána od Daniele Adama z Weleslavijna. Praha, 1590. Бальбин также ссылался на более раннюю, но неизданную работу чешского иезуита Мартина Стридолиуса (Стредовского) (1587–1649) «Историческая компиляция» с критикой грамоты Александра – *Balbin B.* Miscellanea historica regni Bohemiae. Pragae, 1680. P. 98–99.
- ⁴³ Политика. С. 318.
- ⁴⁴ Ibid. С. 288–295.
- ⁴⁵ Толкование. С. 11.
- ⁴⁶ О политическом характере идеи Третьего Рима у Крижанича см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 255–263.
- ⁴⁷ Политика. С. 288.
- ⁴⁸ Объяснение виводно о писмъ Словѣнском // *Крижанич Ю.* Собр. соч. М., 1891. Т. 1; Граматично изказанје об руском језику, по па Јурка Крижанича / Изд. О. М. Бодянский. М., 1859. (Abdruck der Erstausgabe besorgt von G. Freidhof. Frankfurt am Main, 1976).
- ⁴⁹ Письмо Крижанича 1646 г. к русскому посланнику в Варшаве Дохтурову с планом его возможной деятельности в России: *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России: По новым документам. М., 1902. Вып. 2. Прил. С. 191–195.
- ⁵⁰ Граматично изказанје. Разд. 1. С. 1–2.
- ⁵¹ Толкование. С. 20.
- ⁵² *Strykowski M.* Kronika. S. 102.
- ⁵³ Граматично изказанје. Разд. 1. С. 2.

Представления о «рус(с)ком» языке в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* в XVII веке

В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* в XVII веке реализовалась концепция *христианского универсализма*: в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой стала Брестская уния, требовало приведения к единообразию славянских церковных книг, написанных на *правильном и понятном* для всех славян языке.

По поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII в. была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством хорватского монаха Рафаеля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого (Бессонов 1870, 716–717; Будилович 1892, 158–159; Толстой 1998, 371). Проведя некоторое время в Юго-Западной Руси, в среде униатов, Левакович изучил юго-западнорусскую редакцию церковнославянского языка и выбрал в качестве источников книжной справки юго-западнорусские богослужебные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. Текст изданных Леваковичем богослужебных книг – **Миссала римскаго ва език словенскій** (1631) и **Часослова римскаго славинскимъ языкомъ** (1648) – был утвержден папой Иннокентием X и лег в основу изданий Ивана Пастрича – **Часослова** (1688) и **Миссала** (1706). В 30-х годах XVIII в. папа Бенедикт XIV поручил глаголяшу Матвею Караману еще раз исправить язык миссала по образцу русского извода церковнославянского языка. В 1741 г. Караман издал исправленный **Миссалъ римскій славенскимъ языкомъ**, а в 1753 г. в трактате «*Identità della lingua litterale slava e necessita di conservarla ne' libri sacri*» («О тождестве литературного славянского языка и необходимости сохранить его в священных книгах») представил теоретические выводы в пользу усвоения хорватами-глаголяшами русского извода церковнославян-

ского языка для того, чтобы «проложить этим путь унии в среду славянских схизматиков» (Будилович 1892, 159).

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал иезуитский миссионер, также хорват по национальности, Юрий Крижанич, пытавшийся «исправить» церковнославянский язык русского извода с целью достижения его *правильности и понятности*, ибо только «*изправльєнїе ꙗзыка*» ведет «*ко ꙗзꙋмльєнїꙋ всакихъ благоговєнїихъ отеческихъ дѣлъ, и дѣши спасаѣѹщъ совѣтовъ*» (Крижанич 1859, V). Осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, Крижанич написал лингвистические трактаты – *Обꙗсньєнїе вѣводно о писмѣ Глаголѣнскомъ* (1660–1661) и *Граматично изказанїе оу рꙋскомъ ꙗзыкѣ* (1666), явившиеся культурно-языковой репликой на грамматику Мелетия Смотрицкого 1619 г. (см. подробно: Запольская 2003, 183–212).

Отправной точкой для реконструкции концептуально направленной рефлексии Крижанича является его собственное обоснование будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмыслял как принципиально просветительскую: «Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (каковое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать их заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения» (Белокуров 1901, 57). Поскольку в деле просвещения «не следовало пренебрегать низшими из свободных наук», Крижанич, ссылаясь на авторитет Блаженного Иеронима, предполагал начать именно с «грамматики», желая «*полезно дѣло сотворитъ ко изправльєнїꙋ ꙗзыка*»: «*Граматично радѣнїе, ... вѣтъ потрѣбно ... како блаженнѣе Иеронимъ велѣтъ: Неподобѣтсе възгордажатъ малѣхъ вещь, безъ коихъ велики обстоѣятъ немогѣтъ*» (Крижанич 1859, V).

Возможность осуществления лингвистической просветительской программы была определена, по свидетельству самого Крижанича, его достаточной лингвистической подготовкой, поскольку он знал «четыре языки свершено: словенскіи, латынскіи, неметцкіи, итальянскіи, и другіе четыре языки несвершено: греческіи письменныи, греческіи простыи, полскіи и венгерскіи» (Белокуров 1901, 91). Характер и объем языковой компетенции Крижанича определял характер и объем его метаязыковой компетенции. Овладение в процессе формального обучения языками как «грамматикой», т. е. системой алгоритмических правил, позволяло Крижаничу структурировать любой языковой материал, а непосредственная включенность в языковую ситуацию Западной Европы, прежде всего Италии, мотивировала не только знание лингвистических концепций (*Questione della lingua*), но и возможность распространения концептуализирующей лингвистической мысли на языковую ситуацию Московской Руси. Желание и готовность Крижанича служить делу просвещения нашло в Московской Руси государственную поддержку, поскольку вторая половина XVII в. являлась временем последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной справки: «А вельено мнѣ книги писать, Алфавит истинны<й> славянскаго ѡзника составить и граматикѣ изправить» (Белокуров 1901, 177).

Предметом размышлений Крижанича являлся церковнославянский язык русского извода, понимаемый им как «общий» литургический и литературный славянский язык: «наш кнѣжнѣи ѡзникъ» (Крижанич 1891, III), «ѡзникъ нашъ сѣ, коимъ ми кнѣжки пишемъ и божїе словеса отправляемъ» (Крижанич 1859, I). Исходя из идеи идентификации славянских локальных языков как вариантов одного славянского языка, Крижанич считал необходимым называть «общий» славянский литературный язык «рускимъ», а не «словинскимъ» («сло/авенскимъ»): «сѣ ѡзникъ коимъ кнѣжки пишемъ... Рускѣи Кнѣжнѣи „ Руско племе и ѡме ѡст, остаѡнимъ всѣмъ вершина и коренника... И потомѡ, когда ѡщемъ ѡбщимъ ѡменѡмъ ѡбѡятъ... всѣхъ ѡзникнѣхъ ѡтмѣн: неспѡдобитсе бѣхъ зватъ новичнѣи Словинскимъ, него паче

сподобитсе њѣх зѣѣтъ ѡвѣнчимъ Словѣнскимъ, него паче предавнимъ Рускимъ ѡменомъ» (Крижанич 1859, II).

Рассмотрение «русского» языка в качестве источника славянских языков не требовало, по мнению Крижанича, доказательств, поскольку являлось фактом классического исторического знания, которое было поддержано новой исторической наукой: «наистарѣе, и остальнимъ всѣмъ зачало јестъ льбодство и јме Руско: и се једино давнимъ Гречскимъ и Римскимъ писателемъ јестъ било познано и чтетсе въ старѣхъ кнѣгахъ написано» (Крижанич 1859, I).

Генетическая значимость «русского» языка поддерживалась его функциональной значимостью, поскольку автохтонная авторитетная государственная власть в Московской Руси определяла ситуацию, при которой все государственные дела оформлялись на «своем» языке: «домашнимъ језикомъ вивајѣтъ отпраљѣана» (Крижанич 1859, IV).

Исторически мотивированное генетическое и функциональное превосходство «русского» языка поддерживалось, по мнению Крижанича, собственно лингвистическими характеристиками, указывающими на близость именно «русского» разговорного языка к «общему» славянскому литературному языку: «сеѣ кнѣжѣнѣнъ језикъ вного подобѣнъ јестъ днешнѣе Рускоѣ ѡбщѣнѣнѣ, неже којеѣнѣнѣдъ Словѣнскоѣ ѡтѣнѣнѣ» (Крижанич 1859, II).

Осмысление исходных функционально-генетических и собственно лингвистических параметров «русского» языка позволило Крижаничу построить иерархическую схему славянских языков:

«Руский» язык:

«Руско плѣме и јме јестъ остальнимъ всѣмъ вершѣна и кореника... Ј сице не Руска ѡтѣнна Словѣнскије ѡтѣнѣнѣ плодъ него Словѣнска, и Чешска, и Лешска ѡтѣнна, јесѣтъ Руского језика ѡтродки»,

«славно Руско господарство ... а гдѣ јестъ краљѣствено дѣло, и народно законѣставѣје, во своѣмъ језикѣ ѡстројѣно: тамо језикъ ѡвикајѣтъ битъ ѡбѣнѣнѣнѣ, и ѡтъ днѣ творѣтсе стројѣнѣнѣ»,

Филологическая работа над «русским» языком как «общим» славянским литературным языком требовала межъязыкового сопоставительного контекста: данные «русского» языка представлялись в сопоставлении с данными других славянских языков, прежде всего, хорватского и польского, которые, по мнению Крижанича, являли полные пути развития, поскольку хорватский язык сохранял «староје зачалоје и чистоје изрѣканје», а в польском языке, наоборот, «половина рѣчь јест от њих разнитих језиков примѣшена» (Крижанич 1859, III). Правильность и понятность книжного «русского» языка достигалась, по мысли К. Крижанича, посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков. Кроме того, идея Крижанича о формально-семантической достаточности «русского» языка мотивировала необходимость снятия формально-семантической грецизации, характерной для церковнославянского языка русского извода (подробно см.: Запольская 2003, 97–149).

Дело «исправления» «русского» языка Крижанич воспринимал в рамках общеевропейского культурно-исторического процесса XVI–XVII вв.: хорватский книжник полагал, что его лингвистические опыты являют собой одновременно и определенную новацию – «подају дѣло разумним... льудем на суд», и традицию – «преже нас обличниши јни Критици јли Граматически разсудници» (Крижанич 1891, IV, 71). Сама рефлексия Крижанича над лингвонимами «славянский язык» и «рус(с)кий язык» стала важной составляющей процесса культурно-языкового реплицирования (Запольская 2003, 183), т. е. процесса активного реагирования культурно-языковых личностей на рефлексивные опыты друг друга. Крижанич осмыслил культурно-историческую и языковую ситуацию в Московской Руси, опираясь на сочинения «людей римской веры – Герберштейна, Пернштейна, Поссевино и Джовио» (Крижанич 1997, 137, 184–185; см.: Herberstein S. «Rerum Moscoviticarum Commentarii» 1549; «Pernisteri Relatio de Magno Moscoviae Prin-

cipe». 1579; *Possevino A.* «Moscovia», 1586; *Giovio P.* «Libellus de Legatione Basilii magni... ad Clementem» VII, 152). Размышления Крижанича о том, как следует называть книжный язык Московской Руси, явились своеобразной репликой на размышления западных политиков и историков XVI–XVII вв., интересовавшихся русской языковой ситуацией. Так, Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии», изданных в Вене в 1549 г., писал: «Каково бы ни было происхождение имени «Россия», народ этот говорит на *славянском языке*, исповедует веру Христову по греческому обряду...» (Герберштейн 1988, 58). Обращаясь к проблеме книжного языка в Московской Руси, папский посланник Антонио Поссевино в трактате «Московия», созданном в 1582–1583 гг., продолжал: «Что касается богослужения в исполнении церковных обрядов, то все это делается на *славянском*, или скорее, на *русском языке*, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля» (Поссевино 1983, 27). Несколько далее Поссевино вспомнил и о мнении еще одного своего предшественника: «А то, что написал в своих «Записках о Московии» Джовио, именно, что среди этого народа распространены сочинения четырех ученых латинской церкви и других отцов церкви, переведенные на *русский язык* (он думал, что последний сходен со *славянским*), этого еще не удалось пока узнать, хотя я тщательно об этом расспрашивал...» (Там же).

Таким образом, явленная в XVII веке в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* концепция *христианского универсализма* обусловила установку на достижение *правильности и понятности «общего» славянского литургического и литературного языка*, который определялся лингвонимами «славянский язык» или «рус(с)кий язык». Проведенное исследование лингвистической рефлексии Юрия Крижанича свидетельствует о том, что «изучение славянских лингвонимов... тесно связано с проблемами возникновения и взаимодействия конкретных литературных языков, культурных ареалов и конфессиональных институтов» (Толстой 1998, 453).

Литература

- Белокуров 1901** – Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. М., 1901.
- Бессонов 1870** – Бессонов П. А. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение. 1870. № 1–2.
- Будилович 1892** – Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 2.
- Герберштейн 1888** – Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1888.
- Запольская 2003** – Запольская Н. Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.
- Крижанич 1859** – Граматично исказанје ов руском језику, попа Јурка Крижанића // Изд. О. М. Бодянский М., 1859.
- Крижанич 1891** – (Крижанич Ю.) Објаснѣнје вѣводно о писмѣ Глобѣнском // Собрание сочинений, 1891. Т. 1.
- Крижанич 1997** – Крижанич Ю. Политика. М., 1997.
- Поссевино 1883** – Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1883.
- Толстой 1998** – Толстой Н. И. Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. II.

Представления поляков о русских в XVII веке

Поляки не умеют думать о русских,
русские не умеют думать о поляках...

Казимеж Брандыс¹

Сказанное польским писателем XX в., может быть и справедливо для его времени, но контрастно по отношению к эпохе значительно более ранней, когда история диктовала необходимость «думать» друг о друге, а военные события и политические обстоятельства предоставляли реальные возможности для взаимного познания.

В значительной степени, конечно, это познание было обусловлено неким общим предварительным знанием, сложившимися национальными стереотипами, «представлениями о состоянии русского общества и характере его отношений с государственной властью. К русскому обществу политически активная часть дворянского сословия Речи Посполитой относилась с явным пренебрежением, рассматривая его как общество дикое и варварское, подчиненное неограниченной власти правителей-«тиранов»². Подобного рода представления встречаются и в польской политической литературе XVI в.³ (в частности, Сигизмунд I в 1526 г. писал о непрочности союза и дружбы с князем московским, ни во что не ставящим христианских государей при объявлении войны или при заключении мира, которые целиком определяются лишь его усмотрением и выгодой⁴), и в поэзии: так, например, для Кохановского московский царь – «połaniec srogі», для Сэмпа Шажиньского – «Moskwicin chciwy, okrutny, półroganin» (об устойчивости эпитета «поганый», т. е. язычник, неверный, свидетельствуют и более поздние польские памятники, в том числе – низовой литературы, например, он присутствует в совизжальской комедии 1661 г. «Янташек возвращается с московской войны»⁵).

Польско-русские военные столкновения XVI в. – и тема литературных памятников, и повод для сопоставления двух культур. Русские походы Стефана Батория, встретившего первое сопротивление у яростно оборонявшегося Полоцка, а после завоевания Великих Лук, Торопца и других

городов, – у осажденного Пскова, где почти 100-тысячной польской армии противостояло вплоть до заключения перемирия (1582) 30–35 тыс. воинов русского гарнизона, отражены в «Эпиникии королю Стефану Баторию» (1582)⁶ и эпической поэме «Поход на Москву» (1582–1583)⁷ Яна Кохановского. Польский поэт не только воспекает боевую славу доблестных польских воинов, но и дает свою оценку русского царя как варвара и тирана, представляя противостоящих ему Батория и Кшиштофа Радзивилла благородными тираноборцами. Позднее эту оценку повторяют и участники московских походов XVII в. – гетман Ст. Жулкевский («от начала мира не было жестокого тирана, подобного царю Ивану»⁸), С. Маскевич («московский царь Иван Грозный, которого прозвали тираном»⁹), и историограф Владислава IV Ст. Кобежицкий, назвавший русского царя «бичом и погибелью рода человеческого», «страшным тираном»¹⁰.

Сама процедура выборов польского короля, его высочайшее уважение к воле «столь благородного народа», а тем более – к единой воле живущих в польском королевстве людей «различных обычаев и языков», согласно его избравших и тем самым как бы выразивших божественную волю («Epinicion», XXIX), в понимании Кохановского контрастно противостоит существовавшим в России порядкам.

Русские – «Москва» (этот топоним традиционно употребляется в польской литературе как этноним)¹¹ и поляки, подчеркивает Кохановский, имеют общее славянское происхождение, но эти близкие натуры разделены различиями в вере, что разводит даже братьев («Epinicion», XXXIX). Они вели между собой много кровавых войн, и по сей день между ними нет мира – старая ненависть обостряется свежими обидами («Epinicion», XL), т. е. военными захватами земель. Русская сторона предстает в виде жестокого и дикого агрессора, алчно поглощающего принадлежащие Польше земли и, таким образом, попирающего законные права, коварно использующего внутренние трудности соседа, опустошающего завоеванное огнем и мечом. В этом контексте тем более явственной представляется заслуга Батория, который, в отличие от Сигизмунда Августа, смог противостоять «наслаждающемуся успехом тирану» («Epinicion», XLII).

Отмеченная Кохановским враждебность между родственными народами могла быть обусловлена конфессиональным противостоянием, взаимными территориальными притязаниями, борьбой за доминирование в регионе, что иногда использовалось во внешнеполитических играх. Об этом свидетельствует, например, тайная миссия габсбургских послов к князю Московии, стремившихся под предлогом переговоров о мире между ним и польским королем «воздвигать и подстрекать московского князя против короля польского», что было в интересах тогдашней политики Фердинанда¹². «Поляки, как извечные враги московитов, не преминут нанести им много вреда», – и в 1604 г. предупреждает русского царя посол римского императора¹³.

В конце XVI – начале XVII в. существовала и идея некоего политического объединения Москвы с Речью Посполитой, проводившаяся, в частности, посольством Льва Сапеги в 1600 г.¹⁴ Осуществление подобной идеи дало бы возможность русскому дворянству пользоваться теми же свободами, что и польско-литовская шляхта, ограничить деспотичную власть царя¹⁵ (спустя два с лишним века к идеям этого посольства вновь обратится Иоахим Лелевель в своем «Проекте обращения Сейма к русским»). Если бы эта идея воплотилась в жизнь, подданные и польского, и русского правителей могли бы пользоваться свободой передвижения, устраиваться на службу, поступать в учебные заведения в обеих странах. Объединительные идеи такого рода занимали умы известной части русской и польской политической элиты, не говоря уже о возникавшем стремлении к гармонизации взаимных отношений¹⁶.

Однако, подобного рода настроения, как в польской, так и в русской среде, отнюдь не исчерпывали всего сложного спектра взаимных отношений. Весьма примечательным свидетельством этой сложности является написанный одним из участников посольства Сапеги диалог между поляком и «Москвой» в Кремле («Rozmowa iednego Polaka z Moskwą na zamku Moskiewskim A(nn)o 1601»)¹⁷. Польский участник этого диалога отмечает нежелание, боязнь русских говорить правду, их склонность ко лжи, «тиранство», отсут-

ствие «вольности», необоснованные претензии в сфере титулования, а вместе с тем, настаивает на принятии польско-русской «унии», в свою очередь русский собеседник сомневается в принадлежности поляков к христианам («Chrestianin szili Lach?» – спрашивает он Яна; указывает на единственно истинный способ креститься, непременное ношение священнослужителями бороды, отсутствующие у поляков), хвастается величием государства и его международным признанием. Диалог в целом передает и настороженность, и взаимное пренебрежение, и колебания настроений собеседников – от недоверия до взаимопонимания.

И голландскому резиденту в Москве, Исааку Массе, рассказывающему о польском посольстве 1600 г., состоявшем из девяти сот трех человек, о длительных переговорах Льва Сапегы с царем («и он был у царя раз двадцать, и они расставались то друзьями, то врагами»), в итоге завершившихся заключением перемирия, очевидна шаткость этих отношений, проявлявшаяся как во время переговоров (то «послу оказывали большой почет», то «строго следили» за ним, чтобы он покупал воду в Москве по дорогой цене и не смел ни с кем разговаривать), так и после них. Если в 1602 г. польская сторона, удовлетворенная заключением длительного (как тогда казалось) мира с Москвой, выражала пожелание не только «не лить христианской крови двадцать лет», но и навсегда помирить обе державы, то в 1604 г. Годунов напрасно ожидает, что «польский король как-нибудь упредит его, но так не случилось, что весьма удивило его и повергло в великий страх»¹⁸. В 1606 г., приветствуя уже другого – самозванного – царя, гофмейстер новой царицы, Мартин Стадницкий, выражал пожелание, как повествует автор «Дневника Марины Мнишек», чтобы «притворная дружба» исчезла в сердцах обоих народов, чтобы между ними прекратилось жестокое и варварское кровопролитие.

Смутное время в России, когда вмешательство Речи Посполитой в события означает попытку не только завладения частью территории противника, но и подчинения московского государства¹⁹, становится периодом особо тесного знакомства поляков с этой северной страной, и ее облик в

результате предстает более объемным, менее однозначным. Перипетии исторического сюжета с двумя самозванными претендентами на русский трон одновременно были порождением и отражением сложных внутренних политических процессов и в Польше, и в России, и стимулом к своего рода «сближению», выражавшемуся в совместном участии как поляков, так и русских в противоборствующих лагерях конфликта. Непосредственный контакт со страной и ее людьми позволил польским участникам событий Смуты более глубоко познакомиться с устройством Московского государства, его обычаями, культурой, языком.

Записки польских участников событий – автора знаменитого памятника Смутного времени «Дневника Марины Мнишек»²⁰, прибывшего в Москву в 1606 г. в свите невесты Лжедмитрия I; коронного гетмана (с 1585 г., с 1618 г. – великий коронный канцлер) Станислава Жулкевского (1547–1620), первоначально противника московской войны как не отвечавшей интересам Польши²¹, а затем победоносного военачальника, разбившего войско Дмитрия Шуйского в битве под Клушиным (1610), вступившего в Москву и добившегося избрания королевича Владислава на русский престол; дипломата Станислава Немоевского (1560–1620)²², имевшего и особо драматические возможности знакомства с Московским государством, ибо провел здесь несколько лет в ссылке; ротмистра Миколая Мархоцкого (ок. 1570 – после 1625), подробного повествователя о «Подлинной истории московской войны»²³; Яна Петра Сапеги (1569–1611), поддержавшего первого самозванца и уговорившего Марину Мнишек признать своим мужем самозванца второго²⁴; хорунжего Юзефа Будзило, которому Сапега завещал командование своими отрядами, позднее – узника нижегородской тюрьмы (вплоть до 1619 г.)²⁵; Самуэля Маскевича (ок. 1580 – после 1632), пребывавшего в России в составе войск Сигизмунда III с 1608 по 1612 г., участвовавшего в осаде Смоленска, в битве у Клушино (после которой получил звание поручика), а затем более года прожившего в Москве и общавшегося с местными жителями²⁶; комиссара Якуба Собеского (1588–1646), участника московского похода Влади-

слава 1617–1618 гг.²⁷, – содержат обширный материал, позволяющий реконструировать польские представления о восточном соседе²⁸. Исследователи отмечают, что сама по себе эпоха самозванцев была столь загадочной и интересной, так сильно будоражила воображение, что всякий принимавший участие в наиболее заметных событиях, брался за перо и описывал свои приключения. Так возникли перечисленные дневники и записки, среди которых заметно выделяется дневник гетмана Жулкевского²⁹.

Как можно судить по дошедшему до нас тексту, Жулкевский в курсе происходящих при московском дворе событий, что позволяет ему верно характеризовать их участников: «Положение в Московской земле было тогда таким. Правил Борис Федорович Годунов. Он был человеком не царского племени и не знатного рода, каковые главенствуют в этом государстве и строго блюдут свое первенство. Однако и не низкого он был рода, ибо сестру его ... взял в жены Федор, сын царя Ивана, что немало облегчило Борису доступ к власти. Но более всего [ему помог в этом] его ум, большой и поразительный во всех деяниях человеческих». Негативно в целом описывая царя Бориса, Жулкевский, тем не менее, способен оценить по достоинству представителей русской знати, в частности, рода Шуйских, преследуемого Годуновым. Жулкевский с явным сочувствием воздаст должное его жертве – князю Ивану Петровичу Шуйскому, «который оборонял Псков от короля Стефана»: «...это был видный человек дома Шуйских, пользовавшийся большим уважением у всего московского народа». Здесь, как и в других местах своего дневника (например: «Кроме князей Шуйских он погубил и многих других достойных людей, вымышляя против них разные поводы, и из-за такой своей тирании был ненавидим многими людьми»), Жулкевский обнаруживает не только осведомленность в настроениях русского общества, но и способность к взвешенным оценкам, к учету личных достоинств и недостатков тех русских, которые ему известны, к воздержанности от неаргументированных обобщений.

Мархоцкий также со знанием дела описывает тронные интриги и смену власти при великом князе Федоре, который

был «очень скромным и набожным властителем, предпочитал в церкви пребывать, чем заниматься правлением», а власть фактически принадлежала Борису Годунову, на чьей сестре Федор был женат. Этот властолюбец идет, по мнению Мархоцкого, на убийство как царевича Димитрия, так впоследствии и самого Федора, и «когда уже московских князей не осталось, сам себя правителем сделал и царствовал в Москве». Его описания престолонаследия контрастируют с польскими законами: так и «князь Василий сам себя царем поставил», устранив Лжедмитрия.

Возрастает и конкретизируется общий объем знаний о соседней стране: «В Польше знали все, что происходило в Московии; туда бежало из Москвы также много воров, поступавших на службу к некоторым польским вельможам», среди этих беглецов был и первый самозванец. После его победы «наехало в Москву много молодых поляков»³⁰. Во многих отношениях этот драматический в русской истории период предоставляет полякам новые возможности контакта с восточным соседом и даже как будто открывает новые перспективы.

В польском обществе, что справедливо отмечал С. Ф. Платонов, преобладало в целом сдержанное, если не недоверчивое отношение к русскому самозванцу, приключення которого канцлер и гетман Ян Замойский называл «комедией то ли Плавта, то ли Теренция». Польский сейм в 1605 г. запретил поддерживать новоявленного «московского царевича», и хотя Сигизмунд III по сути пренебрег этими постановлениями, его поддержка не носила официального характера, ограничиваясь финансовой помощью и разрешением вербовать добровольцев³¹. Гетман Ст. Жулкевский с осуждением пишет о роли в самозванческой аванюре Ежи Мнишека и краковского епископа и кардинала Берната Мачеевского, имевшего большое влияние на короля, который в результате стал явно ей способствовать, глядя на нее как бы сквозь пальцы, несмотря на мнение ведущих сенаторов («*non obscure tej sprawie król jegomość faworyzował, jakoby przez szpary na to patrząc, przeciwko zdaniu wielu przednich senatorów, którym się to bardzo nie podobało*»). Потмистр

М. Мархоцкий также отмечает активность Мнишека и пассивное согласие короля на план самозванца, впрочем, не давая своей оценки их позиций («uczynił staranie, że król jego mocą pozwolił mu go prowadzić do Moskwy, wojsko zaciagnawszy. A on też obiecywał, że Moskwa do niego łatwo przystanie»), отражает и существовавшее в польской среде представление об этой войне как о войне несправедливой («zakonnik bernardyn ...me ten był dowodził, że to wojna niesprawiedliwa»).

Быстрое чередование царей на русском троне, меняющаяся политическая реальность побуждали так или иначе причастных к ней представителей польской стороны к внимательному анализу и оценке, которая влияла на принятие той или иной линии поведения. Польское влияние сказывалось в проектах нововведений Дмитрия (издать новые законы и письменный кодекс, которого тогда в Москве не знали, дать боярам свободу, привезти ученых из чужих земель «для возвышения нравов своих грубых подданных до благородства и политики»), однако, сочувственно оценивая их, Немоевский скептически отзывался об их реалистичности в московских условиях, поскольку «трудно привести осла к лире».

Облагораживающее влияние европейской культуры, прежде всего политической, могло быть обеспечено московскому государству вступлением польского королевича Владислава на его трон, что способствовало бы объединению обеих стран и вытекающим отсюда многообразным взаимным выгодам, повышению безопасности и благоденствию. Эта возможная перспектива не только подчеркивалась в процессе польско-русских переговоров, но и создавала благоприятную основу для взаимных контактов. Условия, на которых, согласно договору 1610 г. между Сигизмундом III и московским посольством, Владислав должен был занять московский престол, предусматривали ограничение его власти в пользу Боярской думы и Земского собора, признание за служилыми людьми личной и имущественной неприкосновенности, что могло привлекать русскую элиту. В текстах польских авторов отразилась готовность «угнетенных долговременным злосчастьем» русских присягнуть Владиславу (ср.,

в частности, у Мархоцкого: «wszędzie nam Moskwa drogi zachodziła z chlebem i solą według swego zwyczaju, wiarę i poddaństwo oświadczając»; «z taką kondycją, że na nikogo inszego, tylko na imię Władysława królewicza polskiego, tego za pana sobie życząc, temu chrest całowali»).

В современных памятниках находят отражение разнообразные впечатления, вызванные непосредственным столкновением с восточным соседом. У некоторых поляков возникает чувство страха или уныния, ибо им казалось, что «невозможно завоевать такую страну, равную целому миру»³²; к тому же особого мужества требовали и климатические условия, отмечаемые всеми прибывшими в Московское государство поляками — еще Пелыгжимовский цитировал слова посла Сапегги о том, что «климат им там вредит» (Немоевский: «Выпал первый снег в этой дурной стране, и с этого момента начались холод и морозы»; Мархоцкий: «Эти войска с нашими сойтись не могли из-за страшного снега высотой в семь пядей, который покрыл землю»; Маскевич упоминает о холоде, отмечающих ногах, примерзающих к палапам руках).

Уже находясь в столице, поляки чувствовали себя в большой опасности перед лицом превосходящего их силой противника, несмотря на поддержку части бояр («My na stolicy co dalej, to w większym byli niebezpieczeństwie. Bojarowie przychylniejsi przestrzegali, bram nam Kitajgrodowych i Krymgrodowych strzegąc i tego pilnować, żeby żaden Moskwicin z bronią nie wchodził, pozwolili. Ale cóż za nasza potęga była przeciwko tak wielkiemu gminowi; do tego jeszcześmy nie byli ruśniczni. Widając nas u bram strzegających, sztydził z tego i martwymi nas zwali»).

Описывая внешний облик городов московского государства, польские авторы отмечают особенности строительства: «Борисов был обнесен стеною и крепость сделана из камня, что редко бывает в Московии: русские строят укрепления обыкновенно из бревен и присыпают землею»³³. Жулкевский упоминает о существовании многочисленных описаний и изображений Смоленска («Położenie zamku Smoleńska siła ich opisało, wymalowało; ja krótko o tem»), и потому лишь кратко останавливается на его внушительных

размерах: «Внешне он очень красив, длина стен, полагаю, примерно более восьми тысяч локтей, а кроме того – объем бапеш, много ворот – всего тридцать восемь башен и ворот; между башнями стены по несколько десятков локтей. У смоленского замка фундамент в десять локтей...»

Когда Лжедмитрий хвастается польским послам – Миколаю Олесницкому, Александру Гонсевскому, Мнишке-ку, братьям Стадницким, Немоевскому, Любомирскому и другим – своей столицей, побуждая их признать, что в Польше нет такого обширного города, имеющего в окружности более 20 верст, Гонсевский соглашается относительно большого размера, но возражает, что только Кремль, укрепленный каменной стеною с зубцами и башнями, можно назвать городом³⁴. Впечатления простого вояки Мархоцкого от столичного города более благоприятны: «Podjeżdżaliśmy ku stolicy, która jest bardzo wielka, i na pozór piękna (bo w niej jest siła wierzchów złocistych na cerkwiach), patrzeliśmy, a żywej duszy od murów ku nam widać nie było».

Большое впечатление на польских приезжих производит внешняя пышность московского двора, хранящиеся здесь богатства, описаниям которых они, как, например, Маскевич, уделяют немалое место: «Богатство в сокровищнице – столовое золото и серебро, драгоценности, столы, украшенные камнями, золотая обивка, тканые ковры, жемчуга – множество всего этого я видел своими глазами. Не упоминаю мехов чудесных, которые они хранят только для царя и никуда на продажу из своей страны не выпускают, не упоминаю и той сокровищницы, где хранятся святые дары в золотых шкатулках, она пяти сажень, окна по обеим сторонам напротив друг друга. Вдоль трех стен шкафы столярской работы от земли доверху, в котором золотые шкатулки одним концом вставлены, а на концах буквы, обозначающие, какие в них реликвии. Видетьству иностранцев, присутствовавших во время торжественного въезда в Кремль Марины Мнишек (1606), обряда ее коронования вместе с Лжедмитрием, а также последовавших зрелищ, увеселений и пиршеств, они никогда не видали подобного великолепия, в котором ис-

кусно соединилось «все, что может придумать азиатская роскошь и европейская образованность», «богатство Востока и утонченность Европы»³⁵.

Однако польские авторы отнюдь не ограничиваются описанием подобных впечатлений от внешнего облика страны, останавливаясь на происходящих здесь внутренних событиях, в которых они, как, например, Ст. Жулкевский, обнаруживают детальную осведомленность: «В это время в московской земле происходили большие перемены во власти, ибо самозванец хотел властвовать над бессильными, наложить на них непосильное бремя, собрать большие налоги».

Комментируя происходящие события, Жулкевский отмечает в них роль поляков, проявляя критичность: он далек от стремления приукрасить их поведение при дворе Димитрия («Nasi zaś, którzy przy nim byli, rozpustnie żyli, zabijając, mordując, gwałcąc, nie tylko czemu inszemu, ale i cerkwiom nie przepuszczając»), объясняя, что именно это отвратило многих его русских сторонников, начавших переходить на сторону Шуйского («Zaczem nie mogąc tych zbytków wytrwać, ci, którzy już byli do szalbierza przystali, jęli się od niego do Szujskiego przerzucać»), чему также способствовали военные успехи князя Михаила Васильевича Шуйского, разбившего поляков под Новогрудком и Тверью («dodało im tem więcej serca kniazia Michała Wasilewicza Szujskiego Skopina fortunne powodzenie przeciwko naszym, pierwiej niedaleko Nowogródka, przeciwko Kiernożyckiemu, potem pod Twerem przeciwko panu Zborowskiemu»).

Уделяя внимание вступлению на престол Шуйского, Жулкевский тонко подмечает в недовольстве многих русских и общие для политической жизни и включенных в нее людей мотивы («jak to bywa, gdy równego fortuna nagle wyniesie nad tych, co go w równości z sobą widzieli, nie bywa bez zazdrości»), и их моральные оценки и соображения («tak wilcze wparcie się jego na państwo wiciom ludzi nie było smakowite i przyjemne»), и их закончившееся неудачей стремление заимствовать польскую выборную практику («Chcieli niektórzy elekcję wolną mieć po naszymu, zaczem potem od Szujskiego byli karani»), и опоры Шуйского на стрельцов и народ – «мир» – в

успешной попытке подавить подобные устремления («spraktykowawszy sobie mir (lud) i strzelce, tych, którzy się odzywali z elekcją, zafłumił»), и продолжающееся сопротивление некоторых русских земель, несмотря на то, что большинство присягнуло Шуйскому («Acz większa część prowincyj oddała mu przysięgę i posłuszeństwo czynili, jednak niektórzy nie chcieli, a osobiwie w siewierskiej ziemi»).

Мархоцкий подробно описывает размежевание и колебания русских при выборе нового царя, обнаруживая и свое знание их предпочтений, популярности Михаила Шуйского, очевидно заплатившего за нее жизнью («Tam w tej radzie i w tym obieraniu pana na cztery części się rozerwali. Jedna factia chciała królewica Władysława, i była to factia potężna; drudzy chcieli Dimitra, insi chcieli Michaiła Nikiticza, terażniejszego cara; a czwarta factia Wasila Galiczyna. By był żyw Michaiło Skopin Szujski, ... taki miał u nich z owego swego szczęśliwego progressu fawor', żeby go byli zgodnie wszyscy za pana obrali. Ale Szujscy, ci jego stryjeczni, w czas to przeczuwając, otruli go byli. Umarł z wielkim żalem wszystkiej Moskwy»).

Польское воздействие очевидно и иностранному наблюдателю событий. Так, согласно сообщениям П. Петрея, когда московские люди разочаровались в способностях Василия Шуйского, Захарий Ляпунов, Михаил Молчанов и Иван Ржевский «тайно сговорились с польскими вождами и были теперь настоящие поляки в душе, потому нагло и смело вышли вперед, громко кричали и вопили». Аргументы сторонников выбора польского королевича на русский престол сводились к следующему: полезнее выбрать неизвестного иноземного государя, по высокородству не имеющего себе равных в нашей земле, отчего все ему по праву будут покорны; из всех соседних государств нет «такого, кто бы лучше походил на нас по языку, нравам, обычаям и платью, кроме сына польского короля, князя Владислава, очень смелого и чистых нравов героя». Условия, которые выставлялись этому претенденту на русский престол, – сохранение существующих льгот, соблюдение всех принятых обычаев и уставов, греческой веры, обещание «не приневоливать» православных принимать другую, чужеземную веру³⁶. В проведении этого

кандидата на русский престол активно участвует гетман Жулкевский, прекрасно отдавая себе отчет в настроениях русских, зная о их ненависти к Сигизмунду III. Польские авторы проявляют свою осведомленность в скрытых причинах происходящих событий. Так, например, Маскевич повествует об убийстве Ляпунова как результате соперничества среди русских военачальников и провокации со стороны Гонсевского, заключавшейся в передаче через пленного боярина подложной грамоты о сотрудничестве Ляпунова с поляками.

Судя по дневникам, польская сторона хорошо представляла себе функционирование судебной власти в Московском государстве. Мархоцкий сообщает: «Москва большой город, людный, все свои суды почти все московское государство проводит в замке, и у всех провинций есть разряды, по нашему канцелярии». Маскевич останавливается на московском судопроизводстве более подробно, подчеркивая узкую специализацию судей: «Судей столь много, сколь может обнаружиться разных дел. Например, один судья судит вора, другой – разбойника, иной – карманника, хотя все это одно ремесло, одинаковое преступление; и у всех у них особое судебное здание, и называется оно разряд». Наблюдателю важно отметить подчиненность судебной деятельности церковному распорядку: «Каждый день судят с утра, пока в церкви не зазвонят к большой обедне, и как только колокол услышат, все суды прекращаются». В записках отражается и уровень правовой культуры, степень соответствия преступления принятому типу наказания: так, например, за убийство карают не смертью, а кнутом, в то время как за малейшее подозрение в измене по отношению к царской особе обвиняемого без суда и закона опускают под лед, не позволяя подать прошения.

Маскевич даже сопоставляет две правовые нормы, приводя пример применения более мягкого по сравнению с польским «московского права» в случае, когда преступником оказался польский солдат, похитивший и удерживавший у себя боярскую дочь. Согласно польскому закону, он должен был быть казнен, а согласно московскому – лишь бит кнутом: «I tak ci go knutami po ulicach knucono, a chłop wołał, że mu szyję nie ucięto, Moskwa też była kontenta».

Что касается долговых дел, то должник, не вернувший долг в указанный срок и ссылающийся на отсутствие средств, вызывается на площадь перед разрядом, где его ежедневно – пока не зазвонят в церкви – бьют палкой по ногам, повторяя эту процедуру до тех пор, пока он не отдаст долг. Обычно таких людей бывают десятки, поэтому наказание осуществляют несколько судебных приставов, перемещающихся с палкой между их рядами. Впрочем, существовала и практика найма должником кого-то вместо себя за деньги.

Маскевич видит существенные различия в представлениях поляков и русских о личной свободе и государственном законодательстве. «В беседах с ними наши расхваливали свободу, чтобы они, соединившись с нами, обрели бы ее, а они попросту отвечали: ваша свобода для вас хороша, а наша неволя нам; ибо свобода ваша – это своеволие, а что, не знаем мы, что ли, что у вас богатый бедного угнетает, может забрать его имущество, а самого убить... у нас самый богатый боярин самому бедному ничего не может сделать, ибо по первой жалобе царь его защитит. А если царь какое мне бесправие причинит, то ему можно, как Богу, ибо он и карает, и милует... он всего света господин... они так понимают, что монарха под солнцем большего нет, чем их царь и потому называют его Солнце праведное, светило русское». Польские авторы, отмечая в Московском государстве несовершенный и дикий образ правления, фиксируют, подобно автору «Дневника Марины Мнишек», элементы стихийной демократии, тяготеющей к бунту, и слабость думского начала, что бросается им в глаза по сравнению с Польшей: «И всегда там больше мир может, нежели сенат, а особенно когда случаются избрание царя или бунты».

Существенные расхождения в польских и русских представлениях о взаимодействии власти и закона находят отражение во многих польских памятниках. Так, оказавшемуся в ссылке Немоевскому она представляется проявлением характерного для Руси беззакония, однако все аргументы польских ссыльных («Мы не рабы государя, не захвачены в плен, не замечены ни в каком непристойном поступке...

Если он христианский государь, каким он зовется, пусть не обходится жестоко и несправедливо с порядочными христианами, которые сюда прибыли по просьбе всей этой страны и защищены заключенным под присягой перемирием», и т. п.) тщетны – «никакие разумные доводы (*gasja*) не имеют места у варваров». В другом месте Немоевский жалуется на притеснение и неволю от «варваров».

Представление о русских как о варварском народе, находящемся на ином цивилизационном уровне, разделялось высшими слоями польского общества – от короля Сигизмунда³⁷ до шляхты. Историк Ст. Кобежицкий также отмечает «варварство» русских («русские послы... по свойственному им варварству...», «необразованный народ, не имеющий понятия о вежливости», «мужицкие и варварские выражения в грамоте»), которое они иногда стремятся замаскировать («русские, чтобы не выказать своего варварства, послали от себя послов»³⁸).

Варварство русских отличает и отделяет их не только от поляков, но и от других народов тогдашней Европы. Это мнение поддерживает, например, французский посланник (1689) польского короля Яна III Собеского: «Московиты, собственно говоря, варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, прожорливы, скупы, плутоваты и малодушны, все они рабы...»³⁹. В оставленном Мархоцким свидетельстве о переговорах между польской стороной и французскими наемниками подчеркивается их близость и целесообразность объединения – и совместная противопоставленность «грубой Москве» («...*perswadować: że im słuszniej z nami pospołu przestawać przeciwko Moskwie zwłaszcza Francuzom, którzy nam i wiarą, i obyczajami podobni, i w cudzych ziemiach kiedy się trafi, przyjacielsko z naszymi żyją*»). Примечательны соображения, приводимые французской стороной в ответ на эти предложения: «*Dawali nam też oni swoje racje, że są ludzie ci, co sławy szukają, a cóż by to była za sława nasza, Moskwę, naród tak gruby, z narodem waszym, nad który sławniejszego pod słońcem nie masz, wojować. Ale toby to sława nasza była, kiedybyśmy z tym narodem naród wasz zawojowali*». Жулкевский приводит текст написанного польским гетманом

на латыни письма к иностранным – французским и шотландским – наемникам под командованием Эдуарда Горна, воевавшим в составе русского войска, также подчеркивающий взаимную близость европейских народов, противопоставляемых «Москве» («Между нашими народами никогда не было никакой вражды. Наши короли всегда были и сейчас являются друзьями. И поскольку вы никогда не были нами ни в чем обижены, несправедливо, что вы сейчас нашим извечным врагам, Москве, помогаете против нас. Что касается нас, мы к обоим вариантам готовы, а вы рассудите, хотите ли вы иметь в нас друзей или врагов. Будьте здоровы»).

В «Дневнике Марины Мнишек» особо отмечают варварские обычаи и поведение русских, отсутствие европейских манер и нравов у московских бояр («Было смешно глядеть, как сам князь ел без тарелки и клал кости на скатерть»), своеобразный этикет царского приема: «После обеда никакого десерта не было, только принесли небольшое блюдо маслин, которые царь из рук своих стольникам раздавал. Таков обычай в Москве, так обычно царь награждает их в благодарность за службу».

Польские авторы, особенно пережившие тяготы русской ссылки, останавливают внимание на отношении русских к иностранцам. Немоевский фиксирует ущемленное положение всякого иностранца в Московском государстве: когда перед отъездом в ссылку он пишет третье прошение «этому Пресветлому Государю» (здесь очевидная ирония), то скептически оценивает шансы на успех своей попытке попытаться счастья, «которого ни я, никакой иной чужеземец в Москве не имел и верно иметь не будет».

Мархоцкий также свидетельствует о ставшем обычным вероломном отношении русских даже к тем иностранцам, в том числе и полякам, которые поступали к ним на службу («*Moskwa ma ten zwyczaj, że kiedy jeno cudzoziemców na służbę swoje zaciągali, zawsze ich po skończeniu wojny w ziemi swej zaniewolili i ukazaliśmy im przykłady ichże samych narodów siłą zaniewolonych, ale i naszych, po uspokojeniu wojny z królem Stefanem, przeciwko Tatarom trzy tysiące byli zaciągnęli, a potem z ziemi ich swojej nie wypuścili*»).

Согласно дневнику Немоевского, в ростовской ссылке полякам, недоумевающим по поводу жестокого и несправедливого обращения, отвечают, что таков приказ государя, «мы должны делать, что нам велят»: «Боялся этот глупый и боязливый народ, чтобы мы, имея коней, не сбежали...» Царский указ о свободе продавать свое платье вызывает недоумение польских ссыльных и ироническую реакцию: «Откуда такая великая милость к нам?! А что вашему Государю до нашего платья? Мы шили его на свои деньги и не нуждаемся в разрешении вашего князя, чтобы делать с ним, что нам заблагорассудится. Приставы удивились такому нашему смелому ответу и презрению к столь великой милости».

В условиях русской ссылки подобная несовместимость норм жизни свободолюбивых польских шляхтичей и царящих в Московском государстве порядков становится особенно очевидной. И Себастиан Петрицы, врач Ежи Мнишека, вместе с ним поехавший в Москву (1606) на свадьбу Марины и Димитрия, а после его падения проведенный полтора года в заключении, которое скрашивал переводом Горация, прямо противопоставляет «крайности» польской «вольности» и московской «неволи», видит здесь вокруг себя «дурное»: «*My o tej Moskwie źle pisać możemy, Co oczywiście teraz tu widzimy*»⁴⁰.

После одного из столкновений ростовчане писали государю о польских ссыльных, что «Литва дурит», у них много оружия, они небезопасны, их следует обнести стеной. «Этот грубый народ, — описывает Немоевский представления русских о других нациях, — называет нас литвой, думая, что христиане бывают только трех народов: самая первая Русь, как они себя называют, потом литва и тем же именем называют поляков, третьи — немцы, включая в это прозвище все иные народы, которые носят доспехи, называя их: французская неметчина, датская неметчина, шведская, брабантская. Они знают только этих, ведя с ними торговлю, о других народах очень редко что приходилось слышать».

Отсутствие просвещения, развития образования Маскевич объясняет страхом русского правителя утратить власть, которую могущественный неуправляемый «мир»

может передать более образованному человеку: «Наук там никаких нет, и ими не пользуются, поскольку они запрещены, чтобы кто-нибудь не оказался умнее царя, а тогда мир (то есть *paupólstwo*), презрев господина, того бы себе господином взяли, ибо там мир много может».

Однако наблюдательный польский автор фиксирует не только фактический запрет на знание, но и стремление к нему русских людей, и их природные способности. Так, брат информанта Маскевича, Головина, был способен к языкам, но открыто учить их не мог, держал у себя немца, что в Москве нетрудно, встретился ему и поляк, знавший латынь, и эти к нему ходили скрытно, по-московски, он, достав латинские и немецкие книги, подолгу записывался с ними в комнате и многому от них научился. Маскевич, лично видевший писанный его рукой перевод с латинского на польский, и множество латинских и немецких книг, которые достались Головину после смерти брата, изумленно восклицает: «А что было бы, если бы там к такому разуму и способностям добавилась наука?» Он отмечает не только подобные склонности русских к наукам, но и их мастерство, благодаря которому многие захваченные в плен русские (речь идет о 1612 г.) были не убиты поляками или посажены на кол, а вывезены в Польшу как ценная рабочая сила («ремесленников, которых множество было среди них, многие брали себе»).

Весьма критические оценки высказываются Немоевским по поводу православной веры и обычаев: молодежь не ходит в церковь («А зачем им, раз они молодые»), Святые Дары принимаются только в солидном возрасте, все попы женатые, а когда жена умирает, поп перестает быть попом и превращается в простого мужика, как будто звание и сущность священника составляла жена, кто в третий раз женат – не причащается Святых Даров, ибо недостойн милосердия Господнего. Если женщина родит в доме, считается, что все там находящиеся и сам дом осквернились, и священник приходит возвращать их церкви, а женщина должна как можно скорее омыться в бане от греха и поганства. Таких и иных заблуждений множество у этих глушцов и вырожденцев давней святой греческой церкви, которые по непокорности отпали от единства, не имея никакого пастыря и направи-

теля, святую веру и церковные обряды превратили в предрассудки, о чем писали многие ученые, издавали постановления вселенские Соборы... примитивные и грубые, они заблуждаются до такой степени, что никакую религию столь не ненавидят, как святую католическую, и когда хотят кого-то обругать, говорят: «Чтоб тебе латынником стать!».

Согласно существующим на Руси постановлениям, действительно, католики, чтобы перейти в православие, должны были пройти через миропомазание, повторное крещение, или покаяние. К концу 1680-х годов относятся свидетельства существовавшей в Московском государстве практики, приводимые в записках де ла Невилля: «Когда католик римского обряда принимает их религию, они крестят его заново... Все религии разрешены в Московии, кроме католической, которую они считают единственно правильной после своей собственной»⁴¹.

С другой стороны, в польских памятниках есть и много свидетельств приверженности русских своей вере, почитания святых икон, помогавших им в боях – так, описывая оборону Можайска, Мархоцкий пишет об уповании его защитников на помощь чудотворца, святого Николая, иконы с изображением которого у них хранились («*ufając i cudotwórcy świętemu Mikołajowi, którego tam dwa obrazy rzezane bogate mają*»). Когда Можайск был все же взят, победитель – царь Димитрий «по своему обычаю устроил службу святому Николаю» («*Car też według zwyczaju swojego, do świętego Mikuły nabożeństwo odprawił*»).

Вместе с тем, Маскевич отмечает бросившуюся ему в глаза примитивность («*grubiaństwo wielkie*») веры простого народа: когда польские солдаты, обнаружившие укрывавшихся от них в лесах русских крестьян, отобрали у них скот, те рассердились на взятые с собой в лес иконы («*w których oni nazbyt wielką ufność pokładają*»), ругали и наказывали их за свои обманутые ожидания и отсутствие помощи: «...oni, rozniewawszy się na obrazy, powieszali ich w górę nogami na drzewie, na wzgardę ich mówiąc: „my wam się modlim, a wy nas od Litwy nie strzeżli”».

Мархоцкий осведомлен о существующих в Москве обычаях, что очевидно из его описания боярского заговора и свержения Лжедмитрия: «Князь Василий Шуйский был главой их замысла... они и якобы по случаю пожара стали звонить по всему городу в колокола. А там есть обычай, что [в таком случае] сам царь должен выехать [в город]. Это было ранним утром. [Москва] выбежала на площадь с князем Шуйским, Дмитрия [убили, на наших бросилась]». Известны Мархоцкому и некоторые местные обряды, в частности, погребальный: «*Moskwa też z wielkim lamentem trupy swoje przez dwie niedzieli chowali, którym trumien nastarczyć nie mogli, bo u nich i najuboższego bez trumny chować się nie godzi*». Польские авторы отмечают и некоторые русские гастрономические особенности, которые их, как свидетельствует Маскевич, удивляют: «В деревне Родня над Волгой – мужики поставляли к царскому столу капусту, квашеную велками, такую вкусную, какой у нас не найти, мы не могли наесться».

Внимание польских писателей привлекают и некоторые свойства характера русских. Маскевича удивляет распространенная в Москве склонность к воровству: «когда еще москали были с нами в согласии, послали слугу в окрестные деревни за сеном и соломой, одна из его лошадей увязла в болоте, а вдруг появившийся москаль выпряг лучшего мерина и ускакал».

Неоднократно в польских памятниках подчеркиваются грубость⁴², несговорчивость, упрямство, неуступчивость русских, особенно очевидная в условиях дипломатических контактов. Так, Маскевич отмечает, что «грубый Москаль ни в чем не уступал на переговорах, поганства этого немалая тьма»; другой участник переговорного процесса, Собеский, пишет о его трудностях «из-за упрямства этого народа». Автор «Дневника Марины Мнишек» описывает столкновение между Лжедмитрием и послами Сигизмунда III, Миколаем Олесницким и Александром Корвин-Гонсевским по поводу титулатуры, вообще чрезвычайно часто вызывавшей конфликт на дипломатических переговорах (в королевском письме не было написано «цесарю», и Афанасий Власьев говорит им: «...вы отдали письмо, на котором нет титула цесарского величества, но обращено оно к не-

коему князю всей Руси. Д. И.– цесарь в своих преславных государствах. И вы это письмо возьмите обратно к себе и отвезите своему государю»).

В процессе дипломатических переговоров (а в сфере дипломатических отношений XVII в. Польша была самым активным партнером России⁴³) неоднократно проявляется контраст между нормами поведения ощущающих себя свободными польских послов и порядками в русском обществе, что часто отмечается в рассматриваемых текстах. Так, по свидетельству автора «Дневника Марины Мнишек», посол Олесницкий держится с большим достоинством, указывая самозванному русскому царю на то, что он «поляк, человек народа вольного, привык говорить свободно!»).

Участник переговоров с Димитрием, Мархоцкий, отмечает, наряду с богатой одеждой и свитой царя («Przyjechał tedy do nas na koniu bogato ubranym, i na samym szaty złotogłowowe. Przyjechało z nim kilkanaście bojar. Przyszło z nim przy koniu kilkanaście piechoty»), и его грубость («Nasłuchaliśmy się i bluźnierstw takich i owakich; powiadał, żeby się u nas nie podjął być królem; że nie na to się urodził monarcha moskiewski, żeby nim miał rządzić jaki arcybies albo jak po naszemu zowią arcybiskup»), особенно очевидную на фоне вежливой выдержанности поляков («Skoro wjechał w koło, gdy się w kole uczynił jakiś szmer, on mniemając – tak rozumiem – że się pytają, jeśli to ten car, zawołał z fukiem: „Cytte skurwysynowie, który niecnota, kto przyjechał? Moskitin przyjechał”»), заносчивую высокомерность, не склоняющуюся даже перед Господом («Słaliście do mnie, abym wam wiernych sług swoich, którzy mię w czym przestrzegają, wydał i mianował. Nigdy na to monarchy moskiewskie nie przychodziło; aby wiernych sług swoich, którzy ich [w czy]m przestrzegają, wydawać mieli; i ja tego nie tylko dla was, ale by Bóg sam z wysokiego nieba zstąpił, i to mi uczynić rozkazał, tego ja nie uczynię!»).

В целом русские вызывают скорее недоверие, хотя с ними и широко поддерживаются разнообразные отношения (ср. у Мархоцкого: «Moskiewskich bojar, tycheśmy niewiele trzymali w obozie, bośmy im nie ufali; ale i tych było przecie niemało»).

И русские, и поляки способны по достоинству оценить личные качества, благородство и мужество противника. Мархоцкий, например, отмечает, что русские с большим уважением стали относиться к пленному поляку Пачановскому, который, будучи ими послан для переговоров к польской стороне, вернулся с ответом в свое заключение, хотя мог и остаться у своих («jedni go do tego wiedli, aby się nie wracał w niewolą, będąc wolnym; drudzy radzili, aby towarzystwa swego, z którymi go Pan Bóg chciał mieć w niewolej, nie wydawał na srogie męki. Przewiodła u niego ta poślednia rada; wrócił się do więzienia, za co był u Moskwy w poszanowaniu i w lżejszym więzieniu, a u swoich godzien zawsze i u potomnych wieków pochwały»). Жулкевский, в свою очередь, с явной симпатией описывает Скопина-Шуйского: «В летах молодых, всего двадцать два года, но как говорили о нем люди, его знавшие, у него были великие свойства души и тела, большой не по годам ум, не уступающий мужскому, внешность весьма привлекательная».

Как войны русские оцениваются в этих памятниках амбивалентно: отмечаются и внушающие страх численность и мощь русского войска (Жулкевский сообщает о представлениях, бытовавших в польских войсках: «Była sława w wojsku naszym o wielkości i potędze wojska nieprzyjacielskiego»), и вероломство, и хитрость русских (автор «Дневника Марины Мнишек» так описывает эту тактику: «Вылазку „москва“, как всегда, так и теперь, бесчестную учинила... они вероломно сразу в окопы удирали, откуда из мушкетов часто наносили урон нашим»), но также и стойкость в сопротивлении, в обороне (Жулкевский пишет: «moskiewski naród są bardzo pertinaces do bronienia»), и героическая самоотверженность (Маскевич описывает случай, повторяющий известный сюжет, героем которого стал Иван Сусанин: на пути из Можайска к Волоколамску в 1612 г. старый мужик из деревни Вышенцы намеренно завел поляков на неверный путь, и они едва не попали в руки неприятеля: «Мужика казнили, но страха никто не возместит»).

В вопросах военной тактики «Москва» может и пророчиться, например, легкомысленно недооценивая опыт-

ность противника, как свидетельствует Мархоцкий: «Naza-jutr... czekała nas Moskwa przy swym obozie, wojsko sprawiw-szy za błoty, które były przed ich obozem nieznacne a nieprzebyte, spodziewając się, że my w tym nie postrzeżem się, i będziem takimi prostaki, że pójdziem do nich, miejsca nie przejrzawszy». Предполагая, что противник – простак, московское войско, противостоящее войскам Димитрия, в свою очередь, могло простодушно обмануться, не разгадав военной хитрости поляков и не оценив подлинную численность польского войска («Из-за этих телег и хорутвей, а также под-нимаемой ими большой пыли, Москве показалось, что это какое-то мощное и большое войско, и они сразу забеспокоились»), что отражается и в неверных донесениях в столицу. Примечательно, что эти донесения Шуйскому о том, что польское войско чрезвычайно велико, и «пока мы с передни-ми полками бились, конец их был у самого Путивля», стано-вятся известны польской стороне, поскольку среди русских воинов – по обе стороны конфликта – встречались перебеж-чики, сообщающие противнику важные сведения (ср. у Мар-хоцкого: «obóz swój i armatę ruszać ku Bołchowu, o czym jeden od nich do nas się przedarłszy, dał nam przestrogę czemu jednak obyczajnieśmy wierzyli»; у Жулкевского: «I nie wiedzieliby o nas, cośmy za ludzie, by nie zdrajca Moskwicin od nas się sprzedał do nich; od niego wzięwszy sprawę, że tu jest hetman»).

Польские авторы отмечают неоднозначность, непоследовательность политической позиции русских, ввергнутых в гражданскую войну, их колебания, побуждающие склоняться то на одну, то на другую сторону. Так, Жулкевский отмечает эту сумятицу («Jeły się rzeczy po moskiewskiem państwie mieszać») в связи с появлением первого самозванца: Чернигов принял его, Новогрудек оказал сопротивление, а «самая значительная крепость северской земли» – Путивль, – взбунтовавшись против Бориса, присягнул на верность «этому мошеннику» («posłał oddając posłuszeństwo temu szalbierzowi»). Причины, по которым русские люди предпочитают самозванца законному наследнику внезапно умершего Годунова, представляются польской стороне понятными – так, по крайней мере, объясняет их Жулкевский: «После смерти Бориса и у

знати, и среди народа была свежа ненависть к нему из-за его тиранских поступков, и она перенеслась на его сына, потому Голицын с Басмановым поехали в Путивль к мошенику присягать на верность от имени всего войска».

Как отмечает Мархоцкий, после взятия Волхова, безуспешно оборонявшегося под командованием литвина (обрусевшего – «który już był zmoskwiał») Гедройца, пять тысяч русских сдались и «вместе со своим начальником целовали Димитрию крест, то есть присягали ему на верность». Однако, двигаясь уже вместе с польским войском к столице, неудачливые волховские защитники, переправившись через Угру, бежали в обеспокоенную слухами о поражении и превосходящих силах противника Москву, и поскольку они уже реально представляли себе его численный состав, то принесли туда успокоительную весть, что бояться нечего, польское войско невелико, а поражение и бегство произошли «по грехам» («utwierdzili, że się lękać nie masz czego, powiadając, że wojsko nasze małe, i nie było przed czym uciekać, tylko tak, jako oni mówią, «po grechom» się stało»). Случай измены «нашей Москвы», т.е. присоединившихся к польскому войску русских, отмечаются мемуаристами неоднократно: Мархоцкий описывает один из таких эпизодов, имевших место в миле от Москвы – в Тайнинской, где располагался двор самозванного царя. «Наша Москва» вступила в тайный сговор «со столичными», затем использовала опытность своих пушкарей, заливших орудия, наполнивших запалы гвоздями, и ночью совершила (неудачную) попытку побегать («To zrobiwszy, uciekli jednej nocy do Moskwy, dając znać. Tylko, że straż miewaliśmy pilną, pojmano ich na straży»).

В польских дневниках находят отражение и различные позиции тех или иных городов: так, например, по свидетельству Мархоцкого, в Козельске и Калуге хранили верность Димитрию, повсюду в этих областях «Москва выходила нас встречать по своему обычаю хлебом и солью, присягая на верность и преданность» («poddaństwo oświadczając»), Борисов же встретил войско полностью опустевшим, а Можайск оказал сопротивление («Na tym Możajsku oparła się Moskwa, i poddać się nie chcieli»); по дороге же от Можайска к Москве

польские ожидания приветствий со стороны русского населения провалились: никто не вышел навстречу.

От внимания Мархоцкого не ускользает и издевательский юмор русских, обращенный к осажденным в Кремле полякам: «W tym oblężeniu szydziła z nas Moskwa. Powiadali nam, że „wam idzie hetman litewski z wielką siłą. Idzie z nim wszystkiego pięćset człowieka... Już więcej nie spodziewajcie się. Już to wszystka Litwa wyszła, bo już i Koniecpolski idzie, a żywności wam nie wiezie, tylko jedne kiszkę“ – że to byli rotmistrzami pan Kiszka i pan Koniecpolski».

Показательную информацию – в аспекте отражения русского быта, как и описания собственного житейского круга и опыта в московском походе – предоставляет и словарь русских слов, употребляемых в записках Жулкевским (вор, правитель, чернь, деревня), Немоевским (иноземец, кручина, милостыня, опала, приказ, приказчик, челобитная, крестное целование, рухлядь), Собеским (город, деревня, слобода, монастырь, церковь, царские врата, князь, наместник, архиепископ, поп, владыка, дьяк, солдат, посадские люди, мир), Мархоцким (разряд, обедня, деньги) или Маскевичем (мир, кровавая или смертная драка, челом битие, городок, грамоты, казна, тюрьма, кнут, посох царский, сокровищница, кабак). Маскевич употребляет русскую лексику не только в цитатах, как, например, передавая содержание письма патриарха Гермогена русским городам о необходимости сопротивляться и бесчинствах поляков («rozoreníe chrámów»), но и описывая соседство и взаимодействие польских и русских союзных частей при отсутствии глубокого доверия друг другу: «kamień (jak oni mówią) za pazuchą».

Для польских авторов текстов преимущественно дневникового жанра важно подчеркнуть подлинность их свидетельств и описаний. Мархоцкий, например, так завершает свое повествование: «Тут моей Истории конец; как туда потом ходил Его Величество Король, как второй раз посылал Его Величество Королевича Владислава с паном литовским гетманом, думаю, напишут те, кто при сем присутствовал».

Эту задачу выполняет уже Якуб Собеский, участник похода королевича Владислава⁴⁴, который «вооруженной рукой возвращал себе права на Московское царство» (в по-

этической форме об этих правах упоминал С. Твардовский: «Na Moskiewską północną miał u siebie posły Proszące Monarchią». Собеский описывает «тяжелые поражения врага под самой Москвой», «победные хоругви», проносимые по бескрайним просторам этой державы, этого вражеского края, опустошенного огнем и мечом, превращенные в «руины такие исключительно сильные по своему положению и военному обеспечению города, как Елец, Шацк, Ливны, Калуга». Можно заметить сочувствие автора дневника к тяготам московского государства в период иноземного нашествия, когда он описывает военные успехи предводителя казачьего войска, Конашевича-Сагайдачного: «...обремененный богатой добычей, он сделал свое имя устрашением для всей Московии, с плачем от таких бед и несчастий наблюдавшей, как его руки забирают ее собственность, ее богатства, со стоном считавшей те толпы пленных разных сословий, разного возраста, мужчин и женщин, которые шли за его колесницами, за его обозом»⁴⁵.

Московский дневник Якуба Собеского, как и ряд других рассмотренных польских памятников этого периода, основанных на непосредственном знакомстве с русским государством, далек от мифологизации или демонизации «Москвы», от однозначности оценок, и обнаруживает стремление к созданию объемной, сбалансированной картины.

Во второй половине XVII в. ситуация и атмосфера взаимного польско-русского восприятия, прежде всего на государственно-политическом уровне, претерпевает некоторые изменения в сторону обострения негативности, однако и здесь можно обнаружить также и проявление более позитивной тенденции.

Внутренние польские события, драматические взаимоотношения с восточным соседом определили переход к новому этапу взаимных отношений. Шотландец Патрик Гордон (1635–1699), в период польско-шведской войны некоторое время находившийся на польской службе, сохранил впечатления о Польше как о «приятной, плодородной, но несчастной стране». Гордон заслужил особую благодарность русского царя, на службу к которому он перешел в 1661 г., «за его снисходительное обращение с русскими, взятыми в плен в Польше». Он отмечал, что в жизни поль-

ского государства решительным моментом стало время от 1655 до 1657 г.: «Они думали, что после многих несчастий Бог смиловился, наконец, над этим государством и возвратил ему прежний его блеск и значение. Уже давно это не было так возможно, как в 1660 г. Однако вследствие этих несчастных распрей и конфедераций Польша снова впала в бедствия, которые... следует приписать прежде всего неблагодарности поляков к великой и особенной милости Божьей, даровавшей им огромные победы и преимущества перед их врагами, а затем их крайней гордости и другим порокам». В качестве примера Гордон приводит «в высшей степени неприличный» эпизод осквернения публикой во время церковной процессии в Варшаве захваченных русских знамен с изображением святых и Девы Марии, что вызвало гнев короля и знатных дворян⁴⁶.

Нельзя не отметить и проявления подобных амбивалентных тенденций во второй половине века: так, в известных мемуарах Яна Пасека (1636–1701), отразивших представления и нравы польской шляхты XVII в., описан, в частности, примечательный эпизод сопровождения им московских послов на польский сейм (1662). Пасек воздаст должное представительности делегации, отмечая в ее составе человека «старинного московского рода», описывает торжественный и обильный «царский» прием, где ему тотчас же принесли бумагу с царскими титулами («чтобы выучить их и знать, как следует говорить, пия за здоровье столь великого монарха, ибо Боже сохрани ошибиться или пропустить какой-нибудь титул, это будет большое оскорбление царского имени, и сразу вся приязнь исчезнет»). Когда русские послы поднимали тосты за польских гетманов, за Чарнецкого, Пасек в свою очередь стремится быть столь же учтивым («rekompensować ludzkość ludzkością») и пьет за здоровье Долгорукого, Хованского, Шереметьева, хотя еще не прошло и двух лет с памятной (и описанной Пасеком) битвы под Полонкой (1660), где польское войско под предводительством Стефана Чарнецкого и Яна Сапеги разбило московскую армию, возглавляемую Иваном Андреевичем Хованским. Еще более показателен конфликт

Пасека со стоявшим в Новогрудке литовским полком, отказавшимся дать русскому посольству коней и провиант. Пасек призывает всю московскую делегацию к совместному вооруженному выступлению против отечественных разрушителей норм дипломатического поведения, «ибо честь и моего короля, и вашего царя будет задета, если здесь нас накормят негостеприимством»⁴⁷.

Внутренняя, местная оценка реалий русской жизни, сознания и поведения русских людей не совпадает с описаниями стороннего наблюдателя, поскольку представитель местной культуры заметит отклонения от нормы, но не самую эту норму, очевидную для него, в то время как иностранец отметит именно норму жизни, достойную, с его точки зрения, описания⁴⁸. Поэтому столь важны документальные тексты пребывавших в России XVII в. польских авторов, не претендовавших на литературную значимость своих записок, для познания как русского общества, так и комплекса тогдашних польских представлений о восточном соседе, подвергшихся практической проверке. Это обусловило тот отмеченный Л. Бернардини факт, что рассмотренные польские тексты XVII в. содержали более основательный анализ и интерпретацию «образа Московии», чем польская литература двух последующих веков, и менее выраженную, — как с этнической, так и с конфессиональной точек зрения, — анти-московскую тенденциозность, чем аналогичные «западные» сочинения⁴⁹.

Примечания

¹ Brandys K. Miesiące 1980–1981. Paryż, 1982. S. 93. Cp.: Lipatow A. Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja. Toruń, 2003. S. 34–81; Tazbir J. Polacy na Kremlu i inne historie. Warszawa, 2005. S. 7–19.

² Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005. С. 55.

³ См. об этом подробнее: Флоря Б. Н. Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI столетия // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. Итальянский исследователь Лука Бернардини посвящает образу «Московии», сложившемуся в польской культуре XVI в., одну из глав («L'immagine della Moscovia nella cultura Polacca prima della Dimi-

triade») своей докторской диссертации: *Bernardini L. L'immagine della Moscovia del falso Demetrio nella memorialistica polacca del primo seicento. Università degli Studi di Roma "La Sapienza". 1996. Пользуясь случаем, благодарю итальянского коллегу за любезное предоставление мне машинописного текста этой диссертации.*

⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 273.

⁵ Jantaszek z wojny moskiewskiej. Kraków, 1661. Ст. 233, 261, 265, 339.

⁶ Ioannis Cochranowii ad Stephaneum Bathorhem Regem Poloniae inclitum Moscho debellato et Livonia recuperata Epinicion // *Kochanowski J. Dzieła wszystkie*. Wyd. pomnikowe. Warszawa, 1984. T. 3. S. 285–336.

⁷ *Kochanowski J.* Jezda do Moskwy i posługi z młodych lat, aż i przez wszystkie czas przeszłej wojny z Moskiewskim... czynione JKM Pana Kszysztofa Radziwiłła // *Kochanowski J. Dzieła wszystkie*. T. 2. S. 303–326.

О сопоставлении польских и русских памятников, посвященных этим кампаниям, см. в нашей работе: *Moczałowa W.* Historia sub specie litteraturae // *Necessitas et ars. Studia Staropolskie, dedykowane Profesorowi Januszowi Pelcowi*. Warszawa, 1993. T. 2. S. 37–46.

⁸ *Żółkiewski St.* Początek i progres wojny moskiewskiej (1612) / Wst. i koment. W. Sobieski. Wrocław, 2003. S. 8. Далее в тексте цитируется это издание. Рус. пер. (с параллельным польским текстом) см.: Рукопись Жулкевского. Начало и успех московской войны / Изд. П. А. Муханов. М., 1835; СПб., 1871. См. также: *Leśniewski S.* Wielcy hetmani Rzeczypospolitej. Warszawa, 2003. S. 137–145.

⁹ *Pamiętniki Samuela Maskiewicza* / Wyd. J. Zakrzewski. Ser. Pamiętniki do historii Rosji i Polski wieku XVI i XVII, Wilno. 1838. S. 71; Dyjariusz Samuela Maskiewicza. Początek swój bierze od roku 1594 w lata po sobie idące // *Moskwa w rękach Polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612* / Wyb. i opr. M. Kubala, T. Ścieżor. Kraków, 2005. S. 139–236. Далее в тексте цитируется это издание. Рус. пер. см.: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1834. Т. 5; СПб., 1859.

¹⁰ *Kobierzycki St.* Historia Vladislai, Poloniae et Sueciae Principis. Dantisci. 1655. P. 54. См. частичный перевод этого труда на русский язык, отражающий период 1611–1619 гг.: Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию // *Сын Отечества* / Пер. с лат. Ю. Боричевского. 1842. № 3. С. 5–28; № 4. С. 3–40; № 5. С. 3–24.

¹¹ О смешении топонима и этнонима ср.: «Царь и пан воевода ездили из Москвы на охоту. Там среди других зверей выпустили также медведя, ко-

торого, когда никто не смел первым с ним биться, сам царь, бросившись, убил с одного удара рогатиной, так что даже рукоятка сломалась. И саблею отсек ему голову. "Москва" радостно закричала, увидев это». — Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова; отв. ред. Д. М. Була-нин. Сер. «*Studiorum Slavicorum Monumenta*». СПб., 1995. Т. 9. С. 43–44.

¹² Герберштейн С. Записки о Московии. С. 274.

¹³ Масса Ис. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии / Сост. А. Либерман; послесл., указат. С. Шокарев. Сер. «История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX». М., 1997. С. 65.

¹⁴ Рукописный дневник секретаря этого посольства, Ильи / Элиаша Пельгжимовского-Пелеша (*Pielgrzymowski E. Diariusz poselstwa Lwa Sapiehy do Borysa Godunowa w 1600*), сохранился не полностью. Его фрагменты опублик.: *Poselstwo Lwa Sapiehy w 1600 do Moskwy* / Ogi. W. Trębicki. Grodno, 1846. Рус. пер. см.: Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году // Журнал министерства народного просвещения. Ч. LXVIII. Отд. II. 1850. Пер. И. Шпилевского.

¹⁵ Ср. о планах избрания Ивана IV на польский престол и проявившихся в связи с этим представлениях шляхетских политиков о возможности облагораживающего влияния польской культуры на русское варварство и тиранию: Флоря Б. Иван Грозный. Сер. «Жизнь замечательных людей». М., 2002. С. 302.

¹⁶ См.: Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. С. 56–57.

¹⁷ Рукопись, сохранившиеся экземпляры которой хранятся в библиотеке Рачинских в Познани и Львовской научной библиотеке им. Стефаника во Львове, опубликована: *Bernardini L. Un dialogo russo-polacco nella Mosca di Boris Godunov* // *Richerche Slavistiche*. 1996. Vol. XLIII. P. 222–230. Л. Бернадини склонен приписать авторство анонимного диалога скорее члену посольской свиты, Яну Бжостовскому, чем Илье Пельгжимовскому.

¹⁸ Масса Ис. Краткое известие о Московии. С. 50, 68.

¹⁹ См.: Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. С. 58–59; *Bohun T. Moskwa 1612*. Warszawa, 2005. S. 5.

²⁰ См. примеч. 11.

²¹ Ср. его негативную оценку войны и прямые обвинения виновника ее начала — Ежи Мнишека в уже цитированном «Начале и успехе московской войны»: «...tej wojny moskiewskiej zaciąg tak obfite krwi rozlania i tak wiele złych rzeczy, które się stały i jeszcze im nie koniec, z... pana Jerzego Mniszka, wojewody sandomirskiego, poszedł. Który dla ambicji i chciwości swojej Moskwicina Hrycka, syna Otrepiejewego, który per

imposturam zwał się carewiczem moskiewskim, Dymitrem Iwanowiczem, podjął się forytować, prowadzić na państwo moskiewskie przez podchlebstwa i oblesności, któremi samemi valebat». — *Żółkiewski St.* Początek i progres wojny moskiewskiej. S. 4.

²² Pamiętnik St. Niemojewskiego (1606–1608) / Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1899. Далее в тексте цитируется это издание. Ср.: *Флоря Б. С.* Немоевский о Русском государстве и обществе XVI – начала XVII в. // *Russia Mediaevalis*. T. IX, 1. S. 105–114.

²³ Historia moskiewskiej wojny prawdziwa przez mię Mikołaja Ścibora z Marchocis Marchockiego pisana // *Moskwa w rękach Polaków*. S. 21–138. Далее в тексте цитируется это издание.

²⁴ Dzieje Marsa krwawego i sprawy odważne, rycerskie, przez wielmożnego pana jego mości pana Jana Piotra Sapiehy, starostę uświadzkiego, w monarchii moskiewskiej od roku 1608 aż do roku 1612 sławnie odprawowane // *Moskwa w rękach Polaków*. S. 241–392.

²⁵ Двухязычное издание его дневника см. в: *Русская историческая библиотека*, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. I. См. также: *Budziło J.* Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612. Wrocław, 1995; *Budziło J.* Historia Dmitra fałszywego // *Moskwa w rękach Polaków*. S. 395–510.

²⁶ Pamiętniki Samuela Maskiewicza / Wyd. J. Zakrzewski. Ser. «Pamiętniki do historii Rosji i Polski wieku XVI i XVII». Wilno, 1838. S. 71; Dyjariusz Samuel a Maskiewicza. Początek swój bierze od roku 1594 w lata po sobie idące // *Moskwa w rękach Polaków*. S. 141–236. Рус. пер. см.: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб, 1834. Т. 5; СПб., 1859.

²⁷ Diariusz ekspedycyjej moskiewskiej dwuletni królewica Władysława Anno domini MDCXVII pisany przez JMP. Jakuba Sobieskiego komisarza tejże ekspedycyjej. См. об этом тексте подробнее: *Мочалова В.* Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре* / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2002. С. 49–58.

²⁸ См.: *Bernardini L.* The Image of Muscovy in Early XVII Century Polish Literature // *Slavica tergestina*. 8. Hudožestvennyj tekst i ego geo-kul'turnye stratifikacii. Atti dei Convegni Università degli Studi di Bergamo. Hudožestvennyj tekst i ego kul'turnye rjady. 9–10 dicembre 1996; *Literatura i kul'turnye stratifikacii*, 7–8 settembre 1998 / Ed. by M. Chiara. Trieste, 2000. P. 371–382.

²⁹ *Sobieski W.* Wstęp // *Żółkiewski St.* Początek i progres wojny moskiewskiej. S. LVI.

³⁰ *Масса Ис.* Краткое известие о Московии. С. 64, 102. См. также: *Бычкова М.* Поляки в Москве во второй половине XVII в.: влияние польской

культуры на традиции русской жизни // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 77–83.

³¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. П., 1917. См. также: *он же*. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899, 1937; *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. С. 58.

³² *Масса Ис.* Краткое известие о Московии. С. 72.

³³ Сказания польского историка Кобержицкого // Сын Отечества. 1842. № 4. С. 31.

³⁴ *Булгарин Ф.* Дмитрий Самозванец // *Булгарин Ф.* Полн. собр. соч. СПб., 1842. Т. 2. С. 302–305.

³⁵ *Булгарин Ф.* Марина Мнишех, супруга Дмитрия Самозванца // Северный Архив. 1824. № 1. С. 13.

³⁶ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // *Масса Ис., Петрей П.* О начале войн и смут в Московии / Сост. А. Либерман. Сер. «История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.». М., 1997. С. 164–165, 359.

³⁷ *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец // Рукописные и печатные источники – Смутное время и Отечественная война (к юбилеям 1613 и 1812 годов) / Пер. с фр. В. П. Потемкина; под ред. И. Н. Бороздина. М., 1912. Т. 1. С. 380.

³⁸ Сказания польского историка Кобержицкого // Сын Отечества. 1842. № 5. С. 14, 40; № 3. С. 24.

³⁹ *Невилль де ла.* Записки о Московии / Отв. ред. В. Д. Назаров, Ю. П. Малинин; предисл., подгот. текста, пер. и коммент. А. С. Лаврова / Сер. «Россия и российское общество глазами иностранцев. XV–XIX вв.». М., 1996. С. 167.

⁴⁰ *Petrycy S. z Pilzna.* Horatius Flaccus w trudach więzienia moskiewskiego. Kraków, 2004. S. 12, 21.

⁴¹ *Невилль де ла.* Записки о Московии. С. 111–112, 172–173.

⁴² См.: *Bernardini L.* Niepojęta «grubianitas»: moskiewskie konwencje dyplomatyczne i niektóre cechy charakteru Moskwićinów w oczach polskich uczestników «Dymitriady» // *Wizerunek sąsiadów: Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków* / Red. R. Bobryk i J. Faryno. Warszawa, 2000. S. 95–113.

⁴³ *Рогожин Н. М.* Посольский приказ колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 28. Ср.: *Мочалова В.* Литература и политика: из истории русско-польских отношений в XVII в. // *Studia Polonorossica*. К 80-летию Е. З. Цыбенко. М., 2003. С. 45–54.

⁴⁴ См.: Книга называется Новый летописец // Хроники Смутного времени. Сер. «История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. / Сост. А. Либерман, Б. Морозов, С. Шокарев. М., 1998.

С. 393–403; Иловайский Дм. История России. Новая династия. М., 1996 (переизд.: М., 1894). С. 262–267.

⁴⁵ *Sobieski J.* Commentatiorum belli Chotīnensis libri tres. 1646. L. III. P. 35–38. Цит. по: Грушевський М. Історія України–Руси. Т. VII. Козацькі часи – до року 1625. С. 371.

⁴⁶ Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его пребывания в России. 1661–1678 // Московия и Европа / Сост. А. Либерман, С. Шокарев; послесл. И. Андреева. Сер. «История дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.» М., 2000. С. 153, 159–160.

⁴⁷ *Pasek J. Ch.* Pamiętniki / Opr. F. Przyłubski. Warszawa, 1952. S. 86–92.

⁴⁸ Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Избранные статьи: В 3-х тт. Таллинн, 1993. Т. III. С. 138.

⁴⁹ *Bernardini L.* L'immagine della Moscovia del falso Demetrio nella memorialistica polacca del primo seicento. P. 443.

**Ф. М. Ртищев в Речи Посполитой
(к изучению русско-польских контактов
в середине XVII в.)**

В течение долгого времени магнаты и шляхта Речи Посполитой не испытывали какой-либо потребности в общении с людьми аналогичного социального строя, живущими на восток от границ Польско-Литовского государства. В их сознании господствовало представление о «москови-тах» как диких, некультурных, невежественных людях. «Наук там нет никаких и не пользуются ими, так как они запрещены», – вот один из целого ряда таких отзывов, записанный в начале XVII в. С. Маскевичем¹.

В середине XVII в. мы сталкиваемся с первыми знаками перемен в этом отношении. Перемены эти связаны с такой знаковой для русской культуры этого времени фигурой, как Федор Михайлович Ртищев. Постельничий и близкий друг царя Алексея Михайловича, Ф. М. Ртищев принадлежал к тому кругу представителей русской знати, которые придавали особое значение развитию в стране науки и образования, что предполагало и серьезные перемены в деятельности церкви, являвшейся в древнерусском обществе главным носителем и хранителем этих знаний. В кругу этих людей Ф. М. Ртищев в середине XVII в. отличался особой активностью. Заметна его роль и в борьбе за упорядочение богослужения (введение единогогласия), и та поддержка, которую он оказал установлению практики постоянной проповеди в целом ряде московских храмов. Именно в его доме происходили споры между сторонниками и противниками церковных реформ. Наконец, еще в 1649 г. Ф. М. Ртищев пригласил из Киева в Москву ученых монахов, основавших в Андреевском монастыре школу, где преподавали греческий язык, риторику, философию и другие дисциплины.

Именно такой человек, в облике, образе жизни которого наиболее ярко отразились перемены, приведшие к созданию нового типа просвещенной русской знати, столкнулся в середине 50-х годов XVII в. с шляхтой Великого княжества Литовского – одной из главных частей Польско-Литовского государства.

Обстоятельства, при которых Ф. М. Ртищев выполнил единственную в своей жизни дипломатическую миссию, достаточно хорошо известны. Во время военной кампании 1655 г., когда русские войска летом нанесли поражение армии Великого княжества Литовского и заняли Вильно, литовские гетманы Я. Радзивилл и В. Госевский отступили с войсками в Жемайтию. Из лагеря под Вильно русские воеводы отправили к гетманам в конце августа 1655 г. стольника В. Н. Лихарева, предлагая им и сопровождавшей их шляхте подчиниться власти царя. В этих условиях гетманы заняли разную позицию. Я. Радзивилл готов был продолжать переговоры, но заявил о подчинении Великого княжества Литовского шведам. Гетман В. Госевский остался верен Яну Казимиру. Высказывать открыто свои взгляды в лагере среди сторонников Я. Радзивилла он не мог, но в беседе с В. Н. Лихаревым он сказал, что он и многие другие не хотят подчинения шведам, и предложил начать мирные переговоры с Яном Казимиром, пусть бы Алексей Михайлович «взял у польского короля к своему краю, што государь изволит»².

Чтобы передать свои предложения русским воеводам В. Госевский отправил вместе с официальным представителем гетманов В. Ордой своего доверенного человека, шляхтича Стефана Медекшу³. С. Медекша отправился с посланцем якобы для хлопот об освобождении попавшего в русский плен брата⁴. Предложения, преданные С. Медекшей, заинтересовали русских воевод, а затем и царя, и в сентябре для продолжения переговоров с гетманом В. Госевским вместе с С. Медекшей к нему был послан Ф. М. Ртищев⁵. Так как вскоре выяснилось, что В. Госевский арестован Я. Радзивиллом, то «полковники» войска В. Госевского, среди которых был знаменитый Кмитич, отправили русского посланца в Брест к витебскому воеводе Павлу Сапеге, которого король назначил великим гетманом вместо изменника Радзивилла. Отправившись в путь из Вильно 5 сентября, Ф. М. Ртищев был отпущен из Бреста 14 октября⁶.

Отписки, посылавшиеся Ф. М. Ртищевым, освещают лишь официальную сторону его общения с жителями Речи Посполитой⁷. Между тем имели место и неофициальные

контакты, о чем интересные сведения сохранились в записях его спутника С. Медекши.

Уже в самом начале совместного путешествия С. Медекша заметил с удивлением, что посол пил мало и всю ночь стоял на молитве⁸. А через пару дней между спутниками начались разговоры на разные темы⁹. Позднее С. Медекша вспоминал, что они говорили о событиях в Англии и о Кромвеле¹⁰, но понятно, что на первый план в их беседах (о которых Ртищев не упомянул ни единым словом в своих записках) выдвинулся вопрос о будущем Польско-Литовского государства. Неудивительно, что Ртищев видел выход из разразившегося кризиса, когда часть Речи Посполитой была занята русскими, а часть шведскими войсками, в возведении царя на польский трон. Вряд ли это удивило и его собеседника, но на него явно произвели впечатление те разнообразнейшие знания, которые обнаружил Ртищев, обосновывая свои предложения. Так, Ртищев говорил об отличии шведов от поляков и по обычаям, и по вере, и по языку, и этим обосновывал невозможность их совместной жизни с поляками. Когда зашла речь о польских «вольностях», которые царь должен подтвердить при вступлении на королевский трон, то выяснилось, что Ртищев знает польское право, не только «статут», но и «конституции» – конкретные решения сеймов. Похвально отзываясь о храбрости поляков (*ludzi woienni i sławni*), Ртищев говорил об их успехах в войнах с османами. Неудивительно, что в своей записи С. Медекша назвал его человеком «ученым».

18 сентября Ртищев и Медекша прибыли в Каменец Литовский, где находилось войско В. Госевского во главе с полковниками Жеромским, Кмитичем и Липницким. Здесь они пробыли три дня¹¹. За это время, по свидетельству С. Медекши, посланца посетило много шляхтичей, приятно удивленных большой любезностью (*wielka greczność*) Ф. М. Ртищева, которой они не ожидали от жителя России. На обеде, устроенном Жеромским вечером 20 сентября, посланец также «bardzo... akkomodował naszym»¹².

На дороге, когда у С. Медекши случилась сильная головная боль, Федор Михайлович пользовал его лекарствами из своей аптеки¹³.

26 сентября в Бресте гетман Павел Сапега пригласил русского посланца к себе на обед¹⁴, и здесь имел место эпизод, вызвавший особое удивление С. Медекши. Ф. М. Ртищев просил пригласить на обед местных иезуитов, чтобы поспорить с ними по богословским вопросам. Удивление С. Медекши и других зрителей вызвал собственно тот факт, что в споре с иезуитами Федор Михайлович одержал победу. По словам С. Медекши, он «odcinał się im tak, że mu się dziwowali»¹⁵. Удивление их не в последнюю очередь было связано с тем, что сам С. Медекша и другие шляхтичи вряд ли были бы способны на равных спорить с иезуитами.

Эти высказывания, помещенные не в пропагандистской брошюре, а в бесхитростных записях, делавшихся для себя, для памяти, ясно показывают, как реальные факты общения приходили в сознании литовского шляхтича в противоречие с традиционным представлением о «москвитине» как грубом и невежественном варваре. Конечно, в лице Ф. М. Ртищева С. Медекша столкнулся с высокообразованным представителем самой верхушки русского столичного общества. Однако знакомство с записками С. Медекши показывает, что Ф. М. Ртищев был не единственным, кто заставил Медекшу усомниться в правильности традиционного представления. Так, когда в 1657 г. гетман В. Голосовский снова послал его в Россию, посланец гетмана 28 августа 1657 г. встретился в Смоленичах с рейтарским поручиком Никитой Дементьевичем. С ним С. Медекша с удовлетворением обсуждал разные темы. «Polityk dobry», — таков был его вывод от общения с русским собеседником¹⁶. Таким образом, и носитель скромного офицерского чина смог на равных беседовать о разных предметах с доверенным лицом литовского гетмана.

Все это, разумеется, нельзя рассматривать, как свидетельство отказа даже одного конкретного лица от традиционного стереотипа. Так, делая запись о том, как шляхтичи удивлялись «любезным» манерам Ртищева, С. Медекша отметил, что в России трудно найти другого такого человека¹⁷, а в записи о встрече с поручиком читаем слова, что поручик ведет себя не так, как «insza gruba Moskwa»¹⁸, но первые признаки перелома налицо.

Другой важной стороной стереотипного представления о «русских» в среде польско-литовской шляхты было убеждение, что в отличие от «вольной» шляхты, нетерпимой ко всякой несправедливости, русские люди покорно подчиняются власти своих правителей – «тиранов». XVII столетие, вошедшее в русскую историю, как «бунташный век», стало веком, когда эти представления не могли не измениться. Интересные свидетельства перемен также обнаруживаются на страницах записок С. Медекши. В них он, в частности, записал свой разговор с одним из приставов – Савицким, состоявшийся 7 сентября 1657 г. Пристав говорил, что в Москве опасаются восстания, так как народ устал от тягот войны. В этой связи пристав вспоминал о восстаниях 1650 г. в Новгороде и Пскове, жители которых отважно сражались и их успокоили с помощью уступок¹⁹. Подобный разговор вряд ли мог иметь место столетием раньше – в нем ярко отразилось представление о восстаниях как важном явлении русской жизни.

Сохранившаяся в записках С. Медекши запись о его беседе 13 сентября 1657 г. с путивльскими детьми боярскими показывает, что о происходивших в России восстаниях и их важной роли в жизни русского общества С. Медекша, очевидно, имел представление и до своего приезда в Россию. С. Медекша с одобрением говорил о восстании в Москве в июне 1648 г., когда «погибли наиболее несправедливые судьи, многие бояре вынуждены были скрываться, а ведь с этого времени лучшая обиженным оказывается справедливость». «Если вы и дальше будете так действовать, – говорил С. Медекша детям боярским, – до равных с нами вольностей дойдете»²⁰. Эти слова следует рассматривать как свидетельство перемен не только в сознании литовского шляхтича, увидевшего в русских людей, способных бороться за свои права. Показательно, что его слова не вызвали у собеседников отрицательной реакции. Если в начале XVII в. русские собеседники решительно и определенно говорили С. Маскевичу, что свою «неволю» они предпочитают польским «вольностям»²¹, то теперь дети боярские с вниманием слушали советы шляхтича, как им следует бороться за свои права.

Думали об этом не только простые дети боярские, но и лица, стоявшие гораздо выше их на лестнице социальной иерархии. С этой точки зрения большой интерес представляет одно из высказываний Ф. М. Ртищева в его беседе с Медекшей на пути к литовскому войску. Если бы царь вступил на польский трон, говорил Ртищев своему собеседнику, «то должен был бы наш царь принести присягу, что будет соблюдать ваши вольности, а затем бы и мы постепенно своих могли бы потребовать или выпросить у царя, глядя на ваши, и несомненно мы бы вам помогали, а вы тоже от нас не отступали»²². Таким образом, не только разрушался стереотип «русского» в сознании польско-литовской шляхты, в связи с формированием у русского дворянства представления о своих «правах», стремлении их отстаивать²³, в дворянской среде рос интерес к общественно-политическим институтам Речи Посполитой, к тем «правам», которыми пользовалось польско-литовское дворянство.

Все это позволяет лучше понять условия, в которых во второй половине XVII в. стали расширяться и развиваться разнообразные контакты между обществами России и Речи Посполитой.

Примечания

¹ Moskwa w rękach polaków. Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Kraków, 1995. S. 181.

² Заборовский Л. В. Русско-литовские переговоры во второй половине 1655 г. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978. С. 210–211.

³ Там же. С. 211.

⁴ Stefana Franciszka r Proszcza Medekszy Księga pamiętnicza wydarzeń, zaszyłych na Litwie. 1654–1668 // Scriptores rerum poloniarum. T. III. Kraków, 1875. S. 17.

⁵ Заборовский Л. В. Русско-литовские переговоры... С. 212.

⁶ Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского «Потопа». М., 1994. С. 54.

⁷ Опубликованы: Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское... С. 46–50, 54.

⁸ Medeksza S. Op. cit. S. 21.

⁹ Запись этих бесед: *Medeksza S. Op. cit. S. 21–23.*

¹⁰ *Ibid. S. 95.*

¹¹ *Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское... С. 48–49.*

¹² *Medeksza S. Op. cit. S. 25.*

¹³ *Ibid. S. 23.*

¹⁴ *Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское... С. 50.*

¹⁵ *Medeksza S. Op. cit. S. 25.*

¹⁶ *Ibid. S. 34.*

¹⁷ *Ibid. S. 25.*

¹⁸ *Ibid. S. 34.*

¹⁹ *Ibid. S. 42.*

²⁰ *Ibid. S. 47.*

²¹ *Samuel Maskiewicz. Dyariusz... S. 182.*

²² *Medeksza S. Op. cit. S. 23.*

²³ См. интересные замечания А. Г. Манькова в связи с анализом коллективных дворянских челобитных 1657 г. и 1660 г. (*Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.–Л., 1962. С. 25–27, 36–41.*

Две проекции национального восприятия: Польша глазами Пушкина – Россия глазами Мяцкевича (теоретические и исторические аспекты межнациональной перцепции)

Национальный тип восприятия обусловлен не только внутренней спецификой инационального объекта перцепции, но и внешними обстоятельствами «встречи» с ним, ибо само контактирование познающего субъекта и познаваемого объекта имеет внешний характер. Оно внешне по самой сути. Внутреннее проникновение и связанная с ним эмпатия – вторичны и наступают позднее (если вообще наступают) по мере познания наблюдаемого объекта и углубления знаний о нем в процессе ответных реакций с его стороны. Тем самым национальная перцепция инационального со временем неизменно обретает двусторонний характер, формируя (и изменяя) как прямую (настоящее и будущее), так и обратную (прошлое) перспективы восприятия друг друга.

Внешние обстоятельства – первичные как во временном плане, так и в сфере психологии восприятия – предопределяют особенности видения, подхода, оценок и самого стремления понять, представить себе, а затем и отобразить (в научной и художественной литературе, в изобразительном искусстве) внешние и внутренние особенности инационально «другого». При этом те же внешние обстоятельства в зависимости от своего характера могут не только способствовать, но и препятствовать объективности восприятия. Перцепция национально другого с точки зрения своих национальных представлений, собственных интересов (государственных, конфессиональных, общественных, личных), только лишь своих потребностей и (или) культурных воображений предопределяет тип восприятия сквозь призму именно своих национальных стереотипов, ограничивающих реальный образ, равно как и оценку в отграниченной перспективе сужающих объективный обзор национальных шор именно своей мифологии. Это уже само по себе в определенных общественно-исторических условиях исключает возможность и способность свободного – личного и личностного мышления, независимого от традиционали-

стских схем, ментальностных предрассудков, идеологических шаблонов. Его отсутствие, свидетельствуя – в социальном плане – о превалировании огосударственного общества над гражданским (либо о полном отсутствии последнего), отражает ту благоприятствующую давлению внешних обстоятельства почву, которой свойственен тип мышления, препятствующий объективной рецепции – независимой от индивидуального (государство, церковь, корпоративно ограниченная среда локальной элиты власти) принуждения и социотехнического манипулирования «сверху». Такая ситуация порождает, культивирует и насаждает власть внешних обстоятельств над умами, сея национальные предубеждения и формируя упрощенные стереотипы восприятия национально другого, что диктуется исторически конкретными потребностями институтов власти и властной элиты.

Сцепление таких обстоятельства и социальных факторов предопределяет национальные типы перцепции в процессе межнациональных контактов, которые – как показывает история – не были идеальными и идиллическими¹. Это с особенной характерностью проявляется и особенно четко проступает в национальных восприятиях друг друга у народов, обитающих в непосредственной близости².

Соседство в силу «самого себя» не только сближает, но и отталкивает, не только притягивает, но и разводит, не только вызывает симпатию, но и антипатию: культурно-исторически дифференцированные, а поэтому часто несовпадающие интересы соседей, их образ жизни, воззрения, быт, нравы и сам внешний облик – неизбежные предпосылки как взаиморасположения, так и взаимоотторжения. Поэтому-то национальное восприятие «других» отнюдь не однозначно (однозначным – в ту или другую сторону – его изображает и насаждает пропаганда официальных властей в зависимости от проводимой ими политики³). Непосредственное соседство русских и поляков (равно как украинцев и русских, поляков и украинцев) на Востоке Европы, немцев и французов или французов и англичан на ее Западе предоставляет характерные примеры, подтверждающие эту общую закономерность. С тем что в каждом конкретном – межнациональном – случае

она проявлялась в осложненном локальными обстоятельствами и характерными особенностями региональной истории, а поэтому в специфичном именно для данных народов и именно для них симптоматичном виде.

Национальное восприятие – исторически изменяющийся процесс, а составляющие его явления – двусторонни. Восприятие одной национальной среды не существует без ее «встречного» восприятия другого и вне этого невозможно, ибо возникает и формируется в процессе взаимных контактов. Отсюда «зеркальное» взаимоотражение ролей: познающий субъект и познаваемый объект одной стороны обретают прямую «перестановку» в другой, где познаваемый объект является познающим субъектом, а познающий субъект – познаваемым объектом. Поэтому такого рода взаимоотражение, взаимообусловленность и взаимодействие могут быть адекватно поняты в свете закономерностей обратной связи, присущих каждому системному явлению. А таковым является и русско-польский узел истории, завязанный на эпохальных по своей значимости разделениях внутри славянства, христианства и европеизма⁴.

Географическая близость русских и поляков соотносилась с их близостью этногенетической. При этом различия политических интересов Московского государства, а затем Российской империи и Речи Посполитой, их государственного устройства (самодержавие – шляхетская демократия), равно как еще ранее обозначившееся разнополюсное тяготение соответственно к Византии и Риму – центрам двух кругов культуры внутренне дифференцированной европейской цивилизации, а в связи с этим нарастающая со времен Зрелого Средневековья межконфессиональная отчужденность (православие – католичество) – все это порождало не только существенные отличия в национальных культурах и самом менталитете, но и вело к конфликтам во всех сферах исторического бытия двух этнически и географически близких народов.

Уничтожение (1795 г.) Речи Посполитой (в котором Россия соучаствовала с Австрией и Пруссией) привело – вопреки устремлениям элиты власти растворить поляков в

многоэтничном конгломерате империи – к обострению исторической русско-польской конфликтности, перманентному брожению (антирусскому среди поляков и антипольскому среди русских), польским национальным восстаниям, каждый раз подавляемым со все нарастающей жестокостью⁵. Конечным итогом насильственного решения польского вопроса тремя империями был их развал и обретение поляками национальной независимости в 1918 г. Вся последующая русско-польская история стала продолжением предшествующей: в специфических условиях XX в. (большевизм, фашизм, Вторая мировая война) очередные попытки принудительного решения польской проблемы (советско-польская война 1919–1920 гг., пакт Риббентропа–Молотова и введение Красной армии на польскую территорию 17 сентября 1939 г., Катынь, массовые репрессии и депортация поляков в глубь СССР, Ялтинские соглашения и времена «соцлагеря») опять приводили к национальному сопротивлению (разгром Красной армии в 1920 г., массовое партизанское движение в период немецкой оккупации, «Малая гражданская война» 1944–1948 гг., Познанские события 1956 г., мартовские 1968 г., декабрьские 1970 г. на Побережье, Радомские 1976 г., создание «Солидарности» в 1980 г., массовое сопротивление времен военного положения) и завершились крушением режима, силой навязанного полякам со стороны СССР, и воссозданием государственного суверенитета в 1989 г.

Такой длительный исторический континуум, геополитическая непрерывность, а отсюда связь времен (вне зависимости от духа времени) в традиционном мышлении и практике властных элит, развязывающих очередные государственные и национальные конфликты, – все это на протяжении веков все туже и туже затягивало русско-польский узел, что не могло не накладывать отпечаток на взаимоотношения и отрицательные стереотипы, порожаемые длительной традицией и актуализируемые очередными осложнениями взаимоотношений, когда в обоюдном восприятии народ отождествляется с институтами государства и (или) церкви, с их идеологией и политикой. Воз-

никновение вследствие такого рода явлений представления и предубеждения до сих пор живучи – особенно в массовой культуре и общественной памяти.

Иная ситуация в сферах духовной жизни гражданского общества – той части народонаселения, которая в силу личностной зрелости самосознания составляющих его индивидуумов неподвластна обезличенной и обезличивающей идеологии институтов государственной и церковной власти, а поэтому не подвержена воздействию используемых ими социотехнических манипуляций массовым сознанием. Духовная культура, свойственная гражданскому обществу, гармонизирует ценности национальные и универсальные (общеевропейские, восходящие к христианским началам европейской цивилизации). Тем самым, преодолевая позднейшую дихотомию расколовшегося в Средние века христианства и дезинтеграцию раскалываемой позднейшими национализмами Европы, такое культурное самосознание и свойственное ему мироощущение восстанавливает первоначальную идею цивилизационного единства и материализует ее своей общественной практикой. Этот длительный процесс реального создания общей для разных народов – объединяющей их многонациональной и наднациональной Европы – восходит к эпохе Просвещения, когда интеллектуальная элита начала прагматически увязывать высокие философские идеалы с конкретной общеевропейской практикой. Вырастающая из Возрождения, эта устремленность и порождаемые ею веяния охватывают и славянскую часть Европы⁶, где в предшествующем столетии локальным предтечей идеи культурной интеграции был Ю. Крижанич.

В Московском государстве осознаваемая после гибели Византии исторически вынужденная неизбежность вхождения в современность латинской Европы, постепенно усиливаясь, явно обозначилась в XVII в. Окцидентализация осуществлялась при польском посредничестве (интенсифицируемом более ранним опытом православной культуры Украины и Белоруссии, входивших в состав Польши). Со времен Петра I «польский опыт» русской культуры расширялся благодаря прямым контактам с романо-германским Западом. При

этом первоначальные связи с польской культурой, утрачивая свой прежний удельный вес, по-прежнему и постоянно присутствовали в русском сознании, что, в частности, отразилось в полонофильстве поколения декабристов (ярчайший пример – К. Ф. Рылеев) и позднейших представителей пушкинской поры (крупнейшая фигура – П. А. Вяземский).

Разделяемые государственными идеологиями, конфессиональными догматами, особенностями национального менталитета и самой специфичностью собственных традиций исторического и современного своего бытия, русские и поляки, начиная с XVII в., непрерывно сближались в сфере высокой культуры⁷. Именно она как национальное воплощение универсальных ценностей европейской цивилизации – общей для двух соседних народов – в разной степени взаимоприятывала их вопреки порожденным локальным прошлым и порождаемым локальной современностью этно-государственным и этно-конфессиональным предубеждениям.

Вопреки внешним и внеположным ей идеологическим сферам и связанным с ними осложнениям межнациональных отношений высокая культура создавала общее для европейских народов поле встречи – то духовное пространство, которое было свободно от институтов государственной и церковной власти. Именно поэтому (вследствие внеинституциональной его сути) здесь было возможно достижение взаимопонимания и предопределяемого им взаимосближения.

Это взаимопонимание и взаимосближение отнюдь не всегда осуществлялись мгновенно и обретали всеобъемлющий характер, как, например, в случае К. Ф. Рылеева, П. А. Вяземского, братьев Тургеневых и других так называемых «русских полонофилов». Суть в том, что их «полонофильство» было лишь частным случаем проявления их европеизма, который отражался, во-первых, в по-прежнему для высокой культуры живом наследии эпохи Просвещения с ее концепцией космополитизма (равенства и равноценности народов, рас, цивилизаций), а, во-вторых, – в широте мышления, свойственного гражданскому обществу. В этой среде другие народы воспринимались, а их культуры осмысливались не сквозь предустановленную официальной

идеологией призму обязательных для верноподданнического сознания убеждений, а через общецивилизационные этические ценности. Тем самым европеизм представлений, общих для разных наций, гармонизировал с таким типом патриотизма, который был связан с осмыслением своей родины и культуры в кругу общей для разных народов цивилизации, а не в вычленении из нее, противопоставлении ей во имя своей идеологизируемой – идеализируемой и мифологизируемой – «самости». Это понимание своего и любовь к своему не против инационально другого, не в ущерб ему ради институциональных интересов «своего» государства и «своей» церкви были той центростремительной силой, которая сближала народы и их культуры вопреки центробежным по самой своей официально-идеологической сути силам огосударствленного общества, разрывающим аксиологически единое пространство европейской цивилизации.

Такое понимание патриотизма, сопряженное с осознанием сопричастности своей нации наднациональной всемирности, афористично выразил младший современник Мицкевича, польский поэт-мыслитель Ц. Норвид: «Благородный человек не смог бы и дня прожить в Отчизне, счастье которой не было бы процентом от счастья Человечества»⁸. Этот патриотизм как производное мироощущения гражданского общества антитетичен тому патриотизму, который свойственен огосударствленному обществу. Националистически и государственнически противопоставляя «свое» «чужому», этот последний тем самым самоизолируется и вычленяет «свое» из цивилизационного универсума. В исторической перспективе это неизбежно ведет к краху и такого рода национальные идеи, и так или иначе связанные с ними государственные доктрины. (Примеры новейшей истории: разгром фашистской Италии и нацистской Германии, развал СССР, распад «социалистического лагеря», кровавое саморазложение позднекоммунистической Югославии).

В странах, где в силу исторических обстоятельств параллельно и антагонистически существует общество огосударствленное и общество гражданское, неизбежно в сознании и практике присутствуют «две родины, два патриотиз-

ма»⁹. Такого рода внутренний раскол общественного сознания создает во внешней реальности – социальной, политической, художественной – отнюдь не только манихейски однозначный образ контраста света и тени, но и пограничные полосы светотени. В той или иной степени это неизбежно обретает отражение и в сфере высокой культуры.

Порой (и нередко) русское восприятие других также и в сфере высокой культуры осложнялось специфичностью личностного преломления общих идей и индивидуальной ситуацией самой личности. Одним из примеров такого осложнения общего образа, равно как и неоднородности его составляющих, являются личные отношения и творческие соотношения Пушкина и Мицкевича, которые уже при их жизни олицетворяли вершины национальных культур России и Польши.

С именами этих поэтов связана обширнейшая научная литература, равно как и исторически неизбежная мифологизация, породившая стереотипы, устоявшиеся во времени, а поэтому устойчивые в сознании отнюдь не только обиходном. Не останавливаясь на такой проблематике – по-прежнему актуальной как для науки, так и общественной памяти, ибо рассматривал ее в своих работах «Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? (К проблеме литературоведческой мифологии)»¹⁰ и «Мицкевич и Пушкин: образ на фоне историографии и историософии»¹¹. Изложенные же здесь далее размышления – продолжение этих исследований и расширение затронутой в них проблематики на основе выдвинутых там теоретических разработок и полученных на их основе практических выводов.

Личные воззрения и личностные убеждения двух великих поэтов, чей образ и творчество наложили неизгладимый отпечаток не только на художественные вкусы, но и общекультурные представления своих земляков вплоть до наших дней, представляют особый интерес и как истоки тех тенденций в высокой культуре России и Польши, которые, развиваясь на протяжении вот уже более чем полутора веков, обрели особый удельный вес и исторически очередную актуальность в нашей столь радикально обновляемой современности.

Пушкина и Мицкевича связывали общие взгляды на литературу и взаимное признание поэтического дара (что непосредственно проистекало из их принадлежности к современной высокой культуре своих народов, неотъемлемой от европейского Запада). Разделяли же их различия национальных менталитетов (что было обусловлено разной общественной, государственно-правовой и национальной историей России и Польши), различное понимание патриотизма, а отсюда – и общей принадлежности к общей для них Европе.

Русские мотивы у Мицкевича и польские у Пушкина привлекали внимание многих исследователей¹². Здесь же, учитывая опыт предшественников, я пытаюсь выделить и осознать особый аспект: рассмотреть воззрения Мицкевича в свете российской истории и менталитета, понимания себя и своей истории самими русскими, а воззрения Пушкина на Польшу увидеть не столько в кругу истории российской (что было уже достаточно освещено), сколько вне ее – там, где деяния России вторгаются в жизнь другого народа.

Огосударствленное общество, будучи органичным для Московского государства, а затем Российской Империи, и гражданское общество как характерное качество шляхетской Речи Посполитой (в дословном переводе – дворянской республики) сформировали разные типы национальной индивидуальности – соответственно подданного государства (которое олицетворял царь, воспринимаемый как Помазанник Божий¹³) и гражданина в государстве (воплощением этого последнего была общая система ценностей сословной республики)¹⁴. Отсюда последствия в творчестве польского и русского поэтов: то, что увидел в России и описал в российских фрагментах III части «Дзядов» Мицкевич, видел и Пушкин, но как член огосударственного общества, а, следовательно, поэт-государственник, он не мог позволить себе абсолютной открытости в творчестве (другая причина – цензура и как ее неизбежное следствие – автоцензура). Мицкевич же как представитель гражданского общества (а также – вторая причина – не скованный царской цензурой после выезда из России) был в своем творчестве свободен от верноподданических уз, а,

следовательно, адекватен своему внутреннему «я». Иначе было после тюрьмы и суда – во время высылки поэта за политическую неблагонадежность из родной Литвы в глубь поглотившей ее империи.

Находящийся под надзором тайной полиции, вынужденный постоянно контролировать себя, скрывая мысли и чувства, Мицкевич, уже будучи в эмиграции, писал о российском периоде своей жизни:

В оковах ползал я змеей у ног тирана,
Но сердце, полное печали и стыда,
Как чистый голубь, вам вверял я без обмана

(Перевод В. Левика)

«Вам» – казненным и сосланным декабристам – представителям российского гражданского общества, с которыми дружил, которых любил и с которыми мог быть открытым польский поэт. Это строчки из фрагмента «Дзядов». Озаглавленный «Русским друзьям» с предпосланным им посвящением он наряду с пушкинским «Посланием в Сибирь» является польским посланием в Сибирь.

Пусть эта песнь моя из дальней стороны
К вам долетит во льды полуночного края,
Как радостный призыв свободы и весны,
Как журавлиный клич, веселый вестник мая.

.....
Теперь всю боль и желчь, всю горечь дум моих
Спешу я вылить в мир из этой скорбной чаши.
Слезамі родины пускай язвит мой стих,
Пусть, разъедая, жжет – не вас, но цепи ваши¹⁵.

Два послания двух поэтов одним и тем же друзьям. А в то же время III часть «Дзядов», «отрывком» (как его назвал сам Мицкевич) которой является фрагмент, озаглавленный «Русским друзьям», вызвал патриотическое возмущение Пушкина и поэтическую полемику в «Медном всаднике».

Экземпляр III части «Дзядов» Пушкину преподнес Соболевский с иронической надписью «А. С. Пушкину: за его

настойчивость в стараниях, успехи и примерное поведение». Пушкин не мог не узнать себя в кругу тех русских знакомых Мицкевича, которые в отличие от друга, что «с поляком за руку... скован в руднике», в отличие от тех, кого «в тачку... тиран запрят, обезоружив», наказан небом строже:

Быть может, разум, честь и совесть продал он
За ласку щедрю царя или вельможи
Иль деспота воспев подкупленным пером,
Позорно предаёт бывших друзей злословью.

Зная же, как разделилось русское общество в отношении к восставшим «За вашу и нашу свободу» полякам и сколь разные мнения высказывают его давние и порой близкие русские знакомые, Мицкевич завершает свое «послание в Сибирь» «посланием» к тем, кто проявил «благонадежность»:

А если кто из вас ответит мне хулой,
Я лишь одно скажу: так лаёт пес дворовый
И рвется искушать, любя ошейник свой,
Те руки, что ярмо сорвать с него готовы¹⁶.

«Благонадежность» Пушкина в это драматичное для судеб гражданского общества в России и трагичное для поляков время проистекала из его исторических взглядов на славянство и нынешнюю роль России, призванной, как он полагал, освободить и объединить славянский мир вокруг российского престола. Отсюда и критичное суждение П. А. Вяземского: «Он, хотя вовсе не славянофил, примыкает нередко к понятиям... в самой себе замкнутой России, то есть России, не признающей Европы и забывшей, что она член Европы»¹⁷. При этом на историографические воззрения и патриотические чувства Пушкина накладывалось глубоко личное отношение к царю. Поэт испытывал чувство глубокой благодарности Николаю I за возвращение из ссылки и внимание к своему творчеству. Из его высказываний видно, сколь высоко он ценил государя как личность и как признателен был ему за покровительство в сватовстве к Наталье Николаевне, за денежное вспомоществование. Это отразилось и в творчестве, что вызвало, по свидетельству

А. И. Герцена, однозначную реакцию гражданского общества: «В России все те, кто читают, ненавидят власть... от Пушкина – величайшей славы России – одно время отвернулись за приветствие, обращенное им к Николаю..., и за два политических стихотворения»¹⁸.

О личных отношениях, которые связывали царя и поэта, свидетельствует записка Николая I умирающему Пушкину, которая заканчивалась словами: «О жене и детях не беспокойся; я беру их в свои руки»¹⁹. Сам же поэт просит В. А. Жуковского передать царю: «Скажи ему..., что мне жаль умереть; был бы весь его»²⁰.

Такого рода факторы объективные (историографические воззрения) и субъективные (личное отношение к государю) предопределили общественно-политическое мышление поэта после возвращения из ссылки, которое еще С. Л. Франк квалифицировал следующим образом: «Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое настроение, оформленное как государственное сознание»²¹. Отсюда деконструктивное для личности «раздвоение» Пушкина, который как представитель высокой культуры не мог не видеть, не ощущать и не осознавать ограничений, присущих официальной России и официозному мышлению огосударвленного общества, ограничений, принимаемых порой по доброй воле и в доброй вере, по убеждению, а порой и вынужденно. Эту особенность поэта отмечали и близкие ему люди (выше уже приводилось суждение Вяземского), и общавшийся с ним непосредственно Мицкевич, сказавший, что «Пушкин порой предстает как русский в подлинном смысле этого слова, порой даже как москвит*, а порой – европеец»²². У Мицкевича же образ мыслей, менталитет, да и сам жизненный путь, не говоря уже о творчестве, гармонизируют с его идеей единства слова и дела, а в неизменной своей внутренней сути отражают его постоянную принадлежность как поэта и общественно-политического деятеля к гражданскому обще-

* Имеется ввиду тип мышления и менталитет подданного Московского государства – допетровской Руси, которая, по словам Андрея Курбского, была замкнута «аки во ади твердыни»²³.

ству. Отсюда присущая ему цельность и последовательность в литературном воплощении художественных замыслов и практической реализации социально-философских идей (публичные лекции в университетах Лозанны и Парижа, социально-политическая публицистика и редактирование газет «Польский пилигрим» и «Трибуна народов», организация польского легиона, сражавшегося за свободу Италии в 1848 г., формирование польских легионов в Турции во время Крымской войны).

Оказавшись на Западе, Мицкевич, подобно польским и русским эмигрантам, при некоторых известных ограничениях тем не менее был свободен в своем волеизъявлении, творчестве, общественно-политической деятельности, не говоря уже о сфере частного общения.

Абсолютную открытость в замкнутом пространстве Российской империи с самодержавной системой власти Пушкин (как и другие представители высокой культуры в России) мог себе позволить только в общении с ближайшими друзьями.

«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». (Из письма к П. А. Вяземскому 27 мая 1826 г.)²⁴. Это высказывание отражает не только взгляды Пушкина на официально-государственную Россию, но также и проясняет эмоциональную сущность его реакции на русские фрагменты «Дзядов», а также тональность «Медного всадника» как полемической отповеди Мицкевичу. Рациональная же суть спора по поводу образа России Мицкевича содержится в историографическом мышлении Пушкина, которое сталкивается с историософским видением как Мицкевича, так и Чаадаева²⁵.

Отсюда это уже не только (и не столько) спор русского с поляком, сколько столкновение резко очерченного мышления и ограничительных убеждений огосударственного общества с национальной открытостью и философско-этической раскрытостью в сторону универсальных ценностей европейской цивилизации, что является характерной особенностью гражданского общества.

Ученик Карамзина, Пушкин, видит в прошлом соперничество России и Польши в борьбе за первенство в мире

славянства. Польша проиграла, следовательно, она должна подчиниться России и участвовать в реализации ее исторической миссии. Отсюда негодование Пушкина в адрес восставших поляков, упорно отстаивающих свою национальную независимость. Отсюда и его нежелание понять, что поднялись они также и в защиту своего национального достоинства, грубо попираемого имперскими властями. Наследники шляхетской демократии, они не привыкли к тому, что было привычно для русского огосударственного общества – произволу, а тем более со стороны государственно чужой и идеологически чуждой метрополии, нарушающей польскую конституцию, которой сама эта метрополия не имела.

Пушкин же как поэт-государственник – в отличие от несогласующихся с ним в польском вопросе Вяземского, Соболевского, братьев Тургеневых и других представителей русского гражданского общества, – выражая официальный патриотизм русского огосударственного общества, не хочет понять и не приемлет патриотизма польского, восклицая в связи с восстанием: «Наши исконные враги будут окончательно истреблены»²⁶.

В силу ли темперамента или власти стереотипов официально-государственного мышления (домысливать тут бесперспективно) государственно-идеологические убеждения Пушкина и вытекающие из них антипольские предубеждения (древняя и исторически актуализируемая вражда «наших племен») проецировалась даже на ситуации сугубо личные, отношения личностные, что проявилось в переходе от инвектив по адресу Польши к инвективам по адресу друга Мицкевича – графа Олизара – поляка, осмелившегося (!) сделать предложение русской аристократке (стихотворение «Графу Олизару», 1824). Поэтом идеологизируется даже любовь: как между Россией и Польшей, так и между русской женщиной и поляком не может быть ничего, кроме отторжения: «И тот не наш, кто с девой вашей... // ...И наша дева молодая... // ...Отвергнет, гордостью пылая, // Любовь народного врага». Сам Пушкин, как известно, в своих увлечениях, отнюдь не избегал полек. *Quod licet Jovi, non licet bovi?* Или же еще одно проявление раздвоения поэта-идеолога и поэта –

частного лица? О внутренней неоднородности воззрений Пушкина здесь уже говорилось со ссылкой на Вяземского и Мицкевича. Тот же Вяземский в другом месте и при другой okazji отмечал: «При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность»²⁷. Ту же неоднородность и раздвоенность имел в виду Мицкевич, который, характеризуя пушкинского «Пророка» как шедевр, отмечал, что сам поэт не смог «объединить свою внутреннюю жизнь и художественное творчество с этими высокими идеями»²⁸.

«Графу Олизару» – по своему накалу наиболее яркое (но отнюдь не единственное) поэтическое свидетельство того, как идейное неприятие Польши у Пушкина переходит в чувство личной неприязни к полякам. Мицкевич был для него исключением. Сохранилось немало свидетельств самого Пушкина и современников о том, что наш поэт был под обаянием таланта и личности Мицкевича. А сам Мицкевич оставил свои свидетельства глубокого уважения к Пушкину как эрудиту и художнику при всем своем неприятии Пушкина-идеолога²⁹.

Мицкевич, ученик историка И. Лелевеля³⁰, видит Польшу как часть европейского универсума, которая трагическим опытом своей истории укажет человечеству путь к общему и справедливому будущему.

Панславизм российской историографии в воззрениях и поэзии Пушкина сталкивается с христианским универсализмом историософии в мировосприятии и творчестве Мицкевича. Внутренняя сущность этого столкновения с самого начала предрешила выход спора далеко за национальные пределы, предопределила невозможность его ограничения только лишь национальным мышлением или исключительно национальными истинами, соображениями, претензиями. По одну сторону стояли Карамзин и Пушкин с общим для них видением державной России и ее общеславянской миссии, по другую – Чаадаев и Мицкевич со свойственным им обоим пониманием национальной истории как составной (а не отгороженной) части европейской цивилизации. (В ближайшей перспективе этот спор получит продолжение в полемиках

славянофилов и западников). Итак, видение России Чаадаевым и Мицкевичем, а Польша Карамзиным и Пушкиным обретает второе (после узко национального) измерение, вызывая спор о будущем Европы и ее облике, который заключает в себе как Россию, так и Польшу.

Этот продолжающийся вот уже более полутора веков спор до сих пор не завершен.

Пушкин в своей «антипольской трилогии»³¹ (так В. Ледницкий нарекает стихотворения «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой») выступает как поэт-государственник, защищающий интересы державы и исторически обосновывающий особую роль России для славянства, а также в согласии с русской традицией сакрализирующий и в соответствии с личным отношением к Николаю I выясняющий и воспевающий исключительную роль этого царя – продолжателя исторической миссии своего государства и народа.

Куда мог завести поэта государственный пыл и поэтический пафос верноподданного так понимаемой роли Родины и проистекающий отсюда образ любви к ней может свидетельствовать пассаж из стихотворения «Графу Олизару»: «И мы о камни падших стен // Младенцев Праги избивали»³². Это лишь один, но достаточно красноречивый для воззрений и настроений Пушкина пример, о чем, в частности, свидетельствует также и переписка братьев Тургеневых.

«Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения, и при всем том быть варваром, – пишет (1832 г.) Н. И. Тургенев. – А Пушкин и все русские, конечно, варвары... Но покуда дикий в лесах, дотоле он не в состоянии и особенно не вправе судить о людях, коим обстоятельства позволили узнать то, чего в лесах знать невозможно».

«Твое заключение о Пушкине, – отвечает А. И. Тургенев, – справедливо: в нем точно есть варварство и Вяземский очень гонял его в Москве за Польшу... Он только варвар в отношении к Польше. Как поэт, думаю, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства. Стихи его «Клеветникам России» доказывают, как он сей вопрос по-

нимает. Я только в одном Вяземском заметил справедливый взгляд на эту поэзию и на весь этот нравственно-политический мир (или безнравственно)»³³.

Именно братья Тургеневы, П. А. Вяземский, С. А. Соболевский, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев составляли круг тех «Русских друзей» Мицкевича, которые представляли в России тонкий слой гражданского общества, воспринимающего свое Отечество и осмысляющего его историю вне стереотипов официальной идеологии. Начало такого независимого от официально обязательного карамзинского эталона восприятия российской истории и связанного с этим понимания современной России знаменует концепция Чаадаева, с которой полемизировал Пушкин и которая (как в свое время выявил В. Ледницкий³⁴) имеет точки соприкосновения с историософскими воззрениями Мицкевича.

Конфликт Польши и России Мицкевич рассматривает не как патриот или же поляк, замкнутый в своей польскости и ею ограниченный, либо как политически мыслящий представитель побежденного народа. Для него это исторически продолжающееся столкновение первоэлементов свободы и деспотизма, возобладание же «одного из этих государств в Славии» будет означать не разрешение спора о великодержавном предводительстве (как у Пушкина), а «жизненно насущные проблемы религиозные, философские и общественные»³⁵.

В отличие от Пушкина, Мицкевич не разделял веры в живой и актуализируемый славянофильством миф славянского единства³⁶: «Единство это никогда среди славян не существовало, наоборот, они всегда были разделены»³⁷. Истолковывая историю человечества не в национально-политических категориях (как Пушкин), а метафизически-универсальных, Мицкевич выводит название славян от Логоса (Слова) и констатирует: «Провидение подготовило этот род к принятию нового духа». Отсюда не националистическая великодержавность, а универсалистичное Божественное предназначение является путеводным в рассуждениях ученика Лелевеля о справедливости нынешней и будущей. «Славянский род и польский народ предназначены для создания абсолютно новой общности». (Здесь мысль Миц-

кевича входит в русло мышления Гердера, который, предрекая особую роль славянства для будущего дряхлеющей романо-германской Европы, дал начало как славяноведению, так и славянофильству с его мессианскими идеями).

На этом пути достижения общественной гармонии не властелин (как у Пушкина), а человек как вдохновенная Божественной идеей личность, являет собой основной и решающий фактор в процессе реализации отраженных в славянских литературах идеалов, общих для человечества: «Мы взяли как текст человека, а книги как комментарий»³⁸.

Здесь не только отражение современного для Западной Европы романтического мышления, но одновременно и продолжение традиции польского менталитета, в котором ценность личности была обоснована и утверждена правово-политической системой шляхетской демократии. Это сопряжение характерных особенностей польского менталитета и европейского универсализма обусловило отсутствие у Мицкевича, как, впрочем, и у всех великих польских романтиков националистической ненависти в отношении «чужих», в том числе России и русских. Отрицательную же реакцию вызывает официальная Россия – ее государственно-политическая система, самодержавная идеология и рабское ей подчинение огосударвленного общества, раболепие российской политической элиты, уподление и ничтожность чиновничества, всеобщее обожествление царя-самодержца.

Случай Мицкевича – особый: поэт познал Россию изнутри. Польское литературоведение, а в его кругу особенно В. Ледницкий раскрыл, используя его собственные слова, «как интимно в определенный период поэзия Мицкевича сжилась с русской; как много мог почерпнуть Мицкевич из русской культуры и как много он запомнил, какая высокая интеллектуальная изысканность характеризовала “Русских друзей” и тех, которых он знал, и тех, которых не знал лично... Не только произведения – личные письма и дневники этих людей дают убедительное свидетельство чарующей, часто воистину фантасмагорической духовной культуры и удивительного национального гения, которые этот российский аристократический мир подняли к высотам европей-

ской цивилизации. Именно там, в России, в этой блестящей среде российской родовой интеллектуальной аристократии Мицкевич утвердил свои связи с Западом... Свои воззрения на Россию Мицкевич выработал в России»³⁹.

Именно с этим связано и глубокое знание самой русскости у Мицкевича, который первым из европейцев осознал существование двух или, точнее, трех России: официально-чиновничьей, составляющей огосударственное общество; «Русских друзей» – тонкого слоя гражданского общества, существующего параллельно и вопреки обществу государственному и, наконец, Россию простого народа.

Такое познание России изнутри облегчалось открытостью мышления Мицкевича как представителя гражданского общества, которое утвердилось в ренессансной Польше с XVI в. во взаимосвязи с государственно-правовой системой шляхетской демократии. Поэтому-то польский ссыльный, постоянно ограничиваемый официальными российскими властями, не был ограничен стереотипами мышления – теми, которые были свойственны представителям огосударственного общества. Помимо этого необходимо принять во внимание, что адекватно понять культуру другого народа может только индивидуум, то есть состоявшаяся личность, которая обладает персоналистическим сознанием, а следовательно, и присущим ему, не ограниченным какими-либо официально-идеологическими трафаретами горизонтом восприятия той или иной общности или государственности.

Пушкин, в отличие от того же Вяземского, никогда в Польше не был. Вообще не был за пределами России (известно, что в какое-то время он даже планировал побег за границу). Поэтому-то, а также в связи с позднейшими великодержавно-националистическими наклонностями, за которые его критиковал также и Вяземский, он не мог взглянуть на Россию извне: не мог увидеть свою Родину сквозь призму истории других народов, в общеевропейском контексте и в свете исторической несправедливости – насилий и обид, которые причиняла ближним и дальним соседям самодержавная империя во имя своих официальных правд, перевозимых как единственные и наивысшие. Все это предо-

пределило поверхностное (ибо внешнее) и одностороннее (ибо официально идеологизированное, вне общехристианской аксиологии как этической основы европейской цивилизации) понимание Пушкиным польской проблемы, в отличие от непредвзятого (тип мышления, свойственный гражданскому обществу), непосредственного (пребывание в стране) и углубленного (ибо историософски-универсалистического) восприятия России Мицкевичем или Польши Вяземским.

В этом отношении образ империи во Вступлении к III части «Дзядов» особенно симптоматичен и интересен, ибо ассоциируется как с характерным для европейца типом восприятия (отсюда обнаруженные В. Ледницким параллели с А. де Кюстином), так и современной российской мыслью (Чаадаев, любомудры, декабристы). Проблема национальной сущности, а отсюда отношение к собственной культурно-исторической традиции и реформам Петра I, в связи с которыми возникали вопросы собственно национальной самоидентификации, насильственно этими реформами нарушенной, – все это было в центре внимания русских мыслителей и писателей во времена пребывания Мицкевича в России. И все это вместе с характерными для того же периода формирования гражданского общества, переосознания свободы и деспотизма, персонализма и соборности, духовно-государственного порабощения и социально-нравственного освобождения, рабской покорности и стихии бунта являет собой идейный, художественный и сюжетный стержень поэтических образов Вступления. Уже в начальных его партиях российская земля предстает как «белая подготовленная к написанию страница», выглядит как будто «вчера вечером создана»⁴⁰. Этой цивилизационной пустыни (мотив Чаадаева) противопоставлен Петербург как творение абсолютно чуждое русской традиции, лишенное характерных особенностей национальной культуры (мотив любомудров, раннего славянофильства). Порабощение народа и страны деспотизмом («Пригороды столицы», «Петербург», «Смотр войск»), назревший в среде внутренне не-

зависимых индивидуумов протест и готовность перейти от слова-осознания к действию-восстанию («Памятник Петру Великому»), наконец, воздание почестей восставшим героям, ставших жертвами и мучениками жестокой деспотии («Русским друзьям») – все это в художественно завершенном образе отражает исторические, историософские, правово-политические и национально-культурные мотивы, которые будоражили российскую мысль на протяжении всего столетия, и которые обобщил видный русский философ польского происхождения, ставший жертвой большевизма Г. Шпет: в России функцию национальной идеи взял на себя абсолютизм. Поэтому вместо национальности функционировал национализм деспотического государства⁴¹. В этой системе народ в рамках официальной триады С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» идеологически, институционально и социотехнически был зависим, ограничен и управляем первыми двумя факторами огосударственного общества. Отсюда его состояние, которое в пушкинско-мицкевичевские времена так идиллически представил Н. И. Надеждин: «Народ русский до сих пор есть великое патриархальное семейство, существующее в тех чистых первобытных формах отеческого самодержавия и детской покорности, которые сам Бог изрек для рода человеческого»⁴². Тот же самый (но в другом освещении) мотив незрелости национальной культуры, ее неискушенная тождественность, а отсюда детскость, которую воплощает простой народ, – этот мотив пронизывает русскую мысль от времен Чаадаева до наших дней. И именно это схватил Мицкевич в своей «Дороге в Россию»:

Здесь глаза людей, как города этой земли,
Большие и чистые – и никогда отзвук души
Необычным движеньем зрачки не затронет:
Никогда их долгая печаль не затемнит;
Глядя издалека – прекрасные и чудесные;
Вглубь заглянешь – пустые и безлюдные.

Так ведь это глаза ребенка – «большие и чистые», и одновременно «пустые», ибо еще лишены мысли, знания, опы-

та. Это придет со временем, когда ребенок подрастет, отсюда следующая проведенная поэтом параллель с гусеницей:

Какое же из этой оболочки вылетит насекомое?⁴³

Этому пространству времени от детства до зрелости народа сопутствует огромное географическое пространство страны обитания. Покоряя его, великодержавная Россия теряла историческое время развития народа.

Эта великодержавная бесконечность российского пространства, воспринятая Мицкевичем историософски, культурно и психологически, была им сопряжена именно с «детскостью» – цивилизационной незрелостью русского народа. А в это же самое время Чаадаев констатировал: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общей жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический»⁴⁴. И в те же самые времена П. А. Вяземский саркастично раскрыл эту проблему русского хронотопа, отмечая, что у нас от мысли до мысли пятьсот верст. Именно в этой пространственно-временной безбрежности России затерялся русский народ, которому всегда было «до Бога высоко, до царя далеко». А столько писавшая об этом народе просвещенная элита потеряла его и до сих пор еще ищет.

В начале XX в., когда совсем немного оставалось до новой пугачевщины, разрушившей государственность, изничтожившей просвещенную часть нации, обрушившей храмы и разрушившей сами основы высокой культуры, С. Н. Булгаков горько констатировал: «Великий народ, беспомощный, беззащитный духовно, как ребенок, находящийся на уровне просвещения почти что эпохи св. Владимира»⁴⁵.

Младший современник Мицкевича А. Герцен однозначно утверждал: «История этого народа в будущем»⁴⁶.

Именно историософски замеченное и художественно запечатленное Мицкевичем положение русского народа стало причиной того, что на протяжении XIX в. «Россия, – как отметил В. Вейдле, – стала нацией, но не включила в нацию народа»⁴⁷.

Русский народ – дитя. По-видимому, такое понимание – так или иначе связанное в российской мысли с чаадаевской концепцией цивилизации в России, а затем со славянофильством – впервые появляется у Мицкевича. С тем что польский поэт в своем художественном видении не обязательно мог исходить из историософских положений русского мыслителя (славянофилов же он хронологически опередил). Сам же распространенный в литературе времен романтизма мотив детства, реально либо метафорически трактуемый образ ребенка Мицкевич по-своему обогатил, придав ему историософское измерение, открывая культурно-историческую перспективу и введя национальный аспект.

Образ простого русского народа (*lud*) у Мицкевича является интегральной составляющей поэтически целостной картины России – исторической, политической, нравственной, реально-бытовой. Здесь деспотическая система правления деформирует во всех слоях населения не только человеческую натуру, живую мысль, но и саму национальную самоидентификацию, национальное самосознание, национальную культуру, искусство и сам быт. Построенная по велению Петра I новая столица созданной им империи всеохватывающе воплощает и символизирует это насилие самодержца и отчужденность самодержавного государства (аппарата власти, чиновничества, тайного сыска и армии) от русской национальной сущности во всем – от стиля и методов порабощения общества и подавления личности до насилия над самим естеством природы (воздвижение западноевропейского города на финских болотах и топях), от искусственного и принудительного насаждения национально чуждых образцов, эталонов и форм (в общении, одежде, моде, искусстве и архитектуре) до попрания исторически возникшей и вполне сложившейся национальной традиции бытия, жизненного уклада, нравов. Поэтому насилие над челове-

ской натурой, ее национально-культурной сущностью и самим природно-географическим пространством обитания нации приобретает черты насилия не только над правами человеческими, но и самим предопределенным и предустановленным Богом порядком мироздания. Отсюда историко-софско-поэтический итог импрессий и размышлений: «...кто видел Петербург, тот скажет: Что воздвигали его, наверное, Дьяволы»⁴⁸. Поэтому разрушительное наводнение и повторяющийся мотив «солнца вольности», которое засветит людям («Дорога в Россию»), «солнца свободы» («Памятник Петру Великому»), которое «согреет эти миры», растапливая скованный морозом «каскад тирании» — эти образы и явления природы одновременно предстают в качестве историсофской метафоры. Грядущий революционный взрыв несет освобождение, которое возвратит России разрушенную самодержцем гармонию, означающую одновременное восстановление законов Бога, возрождение человечества и оживление человечности на российских просторах, пробуждение самого естества природы как среды русского обитания.

Петербург как материальный образ попраиия всех этих прав Бога, человека и природы — имперский град — для самой России нов и необычен, ибо он не является своим, органичным — на протяжении длительной истории возникшим и сложившимся средоточием своей же культуры, государственности и народности. Он создан мгновенно — по повелению царя — и предстает как творение современного деспотизма и памятник самому деспоту.

Не хотели люди; — болотистые окрестности
Царю понравились и он воздвигнуть приказал
Не город для людей, а для себя столицу;
Царь здесь всеилие воли своей показал⁴⁹.

Это всеилие деспота стремилось увековечить не желания или свершения собственного народа, а только лишь свое — царское — дело создания империи ценой также и других поработенных народов:

Чтобы сvezти глыбы для этих обелисков,
Сколько же нужно было выдумать заговоров,

Сколько невинных изгнать или убить,
Сколько наших земель обокрасть и ограбить;
Чтобы кровью Литвы, слезами Украины
И золотом Польши закупать с широким жестом
Все, что имеют Парижи, Лондоны.

Покорение других народов сопровождалось дальнейшим порабощением народа собственного, который стал такой же жертвой деспота, понес и далее несет отнюдь не меньшие потери, тяготы и мучения:

В глубь текучих песков и болотных хлябей
Он приказал загнать сто тысяч свай
И втоптать тела ста тысяч мужиков.
Потом на сваях и телах москвитов
Заложив основы, следующие поколения
Впряг в тачки, телеги, корабли
Свезить бревна и глыбы камня
Из дальних краев и морских пучин».

Этот покорный народ-«дитя», порабощенный деспотом, а тем самым отброшенный на периферии цивилизации, отрезанный от культурно «взрослеющей» социальной элиты и просвещенных слоев, пребывает – вследствие сперва отсутствия, потом подавления гражданского общества – в плачевном состоянии по сей день. Отсюда с давних времен периодические возгорания бунта – «бессмысленного и беспощадного» (как изрек Пушкин). Эти периодические бунты – очередное проявление не зрелого сознания, а детской бессознательности, детской досады, детской строптивости и детского гнева.

Задумываясь над вызывающим по сей день дискуссии вопросом самосознания русского народа, состоянием его самоидентификации, характером ощущения им собственной сути, стоит сопоставить «Дорогу в Россию» Мицкевича со стихотворением Тютчева, которое возникло на обратной его дороге на родину (1859):

Ни звуков здесь, ни красок, ни движения –
Жизнь отошла – и покорясь судьбе,

В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.

(«На возвратном пути»)

Та же пустота и застывшая тишина бескрайних просторов. И тот же сон.

Сколько же в этом сне пребывает народ?

Вот свидетельство посетившего в XVI в. Московское государство англичанина: «Народ, хотя вообще способный ко всякому труду, предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем»⁵⁰.

А вот свидетельство, появившееся триста лет спустя, — об этом же народе и его глазах: «Зато у моего народа — какие глаза! Они постоянно навывкате, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!). Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий — эти глаза не сморгнут. Им все божья роса... Мне нравится мой народ. Я счастлив, что родился и возмужал под взглядом этих глаз»⁵¹.

А вот беседа журналиста с В. Астафьевым: «Дитем назвал Астафьев русский народ... Он беспощаден в любви. В глаза говорит о плебействе, рабстве, брехливости отринувшего Божьи заповеди народа. На него то собираются в суд подать, то твякают: не любит, мол, народ, Россию. Любовь Астафьева зла. Но так жалеть наш надсаженный народ не дано никому. Он не судит, но, содрогаясь, смеет говорить тяжело больному его диагноз, почти не оставляющий шансов».

— Мы потеряли свой народ, — горько подводит итог писатель⁵², который изнутри знает его, ибо вышел из самых его глубин.

А вот высказывание нынешнего российского философа: «Не о “вечно бабьем” или “неотмирном” в русской душе надо говорить, а о “детском”. Символ детства должен стоять на видном месте, а не в ряду случайных, необязательных символических обозначений, ибо “детское” помогает понять главное в душе народа»⁵³.

Действительно ли это помогает – спустя более чем полтора века после высказанного Мицкевичем – в продолжающихся опытах осознания русского народа?

Еще А. Хомяков в пушкинско-мицкевичевские времена саркастически заметил по поводу славянофильских суждений о якобы «детской восприимчивости» русского народа: «Утешительный вывод: девятисотлетний рост будущей обезьяны»⁵⁴.

Еще в 1918 г. В. Розанов с грустью отметил: «Страшно, дико: но проживя тысячу лет – мы все еще считаем себя “молодыми”, “молодой нацией”»⁵⁵.

И в том же духе К. Леонтьев: «Разве решено, что именно предстоит России в будущем? Разве есть положительные доказательства, что мы молоды?»⁵⁶.

В самую суть русских «проклятых вопросов» проник польский поэт-пророк. И с тех пор нет ответа на поставленный им в «Дороге в Россию» вопрос: что будет с этим народом,

Когда засияет солнце вольности,
Какое из этой оболочки вылетит насекомое?
Светлая ли бабочка вознесется над землей,
Или вылезет совка *, нечистое отродье ночи? ⁵⁷

Примечания

¹ Таковыми они могли изображаться государственной пропагандой в определенных – преходящих – исторических ситуациях, связанных с конкретными политическими целями и идеологическими установками властной элиты. Характерные примеры из нашего недавнего прошлого: противоречащие истории и современной реальности миф «русский с китайцем братья навек», миф «единства народов социалистического лагеря» или – после развала СССР – в очередной раз реанимируемый миф «славянской взаимности» (ср.: *Липатов А. В.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (К 200-летию со дня рождения). М., 1995; *Янов А. Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921. Новосибирск, 1999; *Липатов А. В.* Европейская цивилизация как дифференцированная целостность (Запад и

* Ночная бабочка с толстым мохнатым либо гладким телом, гусеницы которой вредоносны.

славяне) // Славянский мир между Римом и Константинополем. Сб. тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка. М., 2000); *Lipatow A. W.* Wspólnota słowiańska: historyczne reinkarnacje i metodologiczne interpretacje idei // Wielkie mity narodowe Słowian. Poznań, 1999.

² См.: *Топоров В. Н.* Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (Русско-балтийская перспектива) // Славяноведение. 1991. № 1; Граница. Вопросы культурных связей России, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши. Материалы конференции, изданные Польским культурным центром в Москве. М., 1994; *Lipatow A.* Narodowe – międzynarodowe – uniwersalne (Świat natury i świat kultury: na przykładzie polskiego pogranicza etnicznego) // Teksty drugie. 1999. № 5; *Лунатов А. В.* Национальное–межнациональное–универсальное. (Мир природы и мир культуры: на примере этнического пограничья Польши) // *Studia Polonorossica.* К 80-летию Е. З. Цыбенко. М., 2003.

³ Ср.: *Лунатов А.* От «ублюдка Версальского договора» до «братской страны соцлагеря» (государственное искусство и идеологические стереотипы) // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

⁴ См. вводные главы в «Истории литератур западных и южных славян» (Т. 1. М., 1997).

⁵ На эту тему существует обширная научная литература. Из новейших работ см.: Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999; *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999; *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Warszawa, 1994; *Nowak A.* Polacy, Rosjanie i biesy. Kraków, 1998; *Nowak A.* Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733–1921). Kraków, 1999; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000; *Filipowicz M.* Wobec Rosji. Lublin, 2000; *Nowak A.* Polska i trzy Rosje. Kraków, 2001. О взаимных представлениях поляков и русских: *Kepiński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa–Kraków, 1990; *Orłowski J.* Z dziejów antypolskiej obsesji w literaturze rosyjskiej. Warszawa, 1992; Polacy i Rosjanie. Czynniki zbliżenia. Warszawa–Toruń, 1998; Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Warszawa, 2000; Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

⁶ См.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.

⁷ Из новейших работ см. История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.

⁸ Norwid C. Co to jest Ojczyzna // Pisma wszystkie Warszawa, 1973. Т. 7. S. 50.

⁹ Так называется статья, написанная виднейшим польским интеллектуалом Я. Ю. Липским в 1990 г. См. русский перевод в ежемесячнике «Новая Польша» (2001, № 2).

¹⁰ См.: Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.

¹¹ См.: Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

¹² Из новейших публикаций см.: *Ивинский Д. П.* Александр Пушкин и Адам Мицкевич в кругу русско-польских литературных отношений. Vilnius, 1993; *Он же.* К мифологии русско-польских литературных отношений: Пушкин и Мицкевич // Научн. докл. филол. ф-та МГУ. М., 1998. Вып. 2; *Мочалова В. В.* Пушкин и польская тема // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000; *Цыбенко Е. З.* «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и польская литература // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.

¹³ См.: *Успенский Б. А., Живов В. М.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Языки культур и проблемы переводимости. М., 1987.

¹⁴ См.: *Липатов А. В.* Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.

¹⁵ *Мицкевич А.* Избранные произведения. М., 1955. Т. 2. С. 274.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 111.

¹⁸ *Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: в 30-ти тт. М., 1956. Т. VII. С. 220.

¹⁹ *Вересаев В.* Пушкин в жизни. М., 1936. Т. 2. С. 405.

²⁰ Там же. С. 411.

²¹ *Франк С. Л.* Этюды о Пушкине. М., 1999. С. 55–56.

²² *Mickiewicz A.* Prelekcje paryskie. Kraków, 1997. Т II. S. 165.

²³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 110.

²⁴ *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10-ти тт. Л., 1979. Т. 10. С. 161.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Липатов А. В.* Мицкевич и Пушкин: образ на фоне историографии и историософии // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. О совпадениях и возможном обращении Мицкевича к воззрениям Чаадаева писал В. Ледницкий в исследовании «Czaadajew, Mickiewicz, Puszkini, Custine, Dostojewski, Lermontow, Turgeniew a filozofia dziejów Rosji» в коллективном труде: *Puszkini. 1837–1937.* Kraków, 1939. Т. II.

²⁶ *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 253. Об отношении Пушкина к польскому восстанию см. *Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к

Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово 1827–1832. Труды Пушкинского Дома. Вып. 48. Л., 1927. *Lednicki W. Aleksander Puszkin. Kraków, 1926. Мочалова В. В.* Пушкин и польская тема.

²⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. I. С. 110.

²⁸ *Mickiewicz A. Prelekcje paryskie. Kraków, 1997. Т. II. S. 187.*

²⁹ См.: *Лунатов А. В.* Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? (К проблеме литературоведческой мифологии) // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000; *Он же.* Мицкевич и Пушкин: образ на фоне историографии и историософии // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

³⁰ Ср.: *Galster B.* O Lelewelowskiej krytyce «Historii» Karamzina // *Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie.* Warszawa, 1978.

³¹ *Lednicki W. Aleksander Puszkin. Studia. Kraków, 1926. S. 36.*

³² Прага – восточное предместье Варшавы, где ободренные обещанием неограниченного грабежа русские войска под командованием Суворова после победоносного штурма 4 ноября 1794 г. устроили жесточайшую резню мирных жителей.

³³ *Истрин В. М.* Из документов архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1913, март. Ч. XLIV. С. 17–18.

³⁴ См.: примеч. 25.

³⁵ *Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. Kurs I. Dzieła. Wyd. Nar. Т. IX. S. 226.*

³⁶ Ср.: *Лунатов А. В.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995. *Янов А. Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921. Новосибирск, 1999.

³⁷ *Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. Т. VIII. S. 105.* Это еще один пример конкретно-исторического по своему подходу к прошлому и историософского по своему мышлению общей концепции Мицкевича.

³⁸ *Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. Т. XL. S. 333.*

³⁹ *Puszkin 1837–1937. Kraków, 1939. Т. II. S. 449–450.*

⁴⁰ *Mickiewicz A. Wybór pism. Warszawa, 1952. S. 313.* Здесь и в дальнейшем я вынужден дать свой подстрочник, ибо в имеющихся поэтических переводах утрачены смысловые нюансы либо смещен сам смысл.

⁴¹ См.: *Шпет Г. Г.* Сочинения. М., 1989.

⁴² Цит. по: *Козмин Н. К.* Н. И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912.

⁴³ *Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. S. 314.*

⁴⁴ Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989. С. 154.

⁴⁵ Булгаков С. О противоречивости безрелигиозного мировоззрения // История религии. М., 1909. С. 243.

⁴⁶ Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. V. С. 24–25.

⁴⁷ Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 96.

⁴⁸ Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. S. 316.

⁴⁹ Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. S. 315. Последующие цитаты с этой же страницы.

⁵⁰ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 70.

⁵¹ Ерофеев В. Москва – Петушки // Цит. по сборнику В. Ерофеева «Оставьте мою душу в покое». М., 1995. С. 46.

⁵² Тарасов А. Виктор Астафьев: Мы потеряли свой народ... // Известия. № 78. 1999. 30 апр.

⁵³ Карасев Л. В. Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 92.

⁵⁴ Хомяков А. С. Сочинения в 2-х тт. М., 1994. Т. I. С. 529.

⁵⁵ Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 462. Подчеркнуто В. В. Розановым.

⁵⁶ Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 115. Подчеркнуто К. Н. Леонтьевым.

⁵⁷ Mickiewicz A. Literatury słowiańskie. S. 314.

II. НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ

**Сербско-русские литературные связи
на рубеже XIX и XX веков.
Войслав Илич и русская поэзия**

Сербская литература конца XIX – начала XX в. (как и ряд других славянских литератур) развивалась под знаком, казалось бы, взаимоисключающих тенденций. Она все больше тяготела к синхронизации с общеевропейскими процессами, а в то же время сохраняла, отстаивая и защищая свой собственный национальный характер. Эта специфика развития с особой наглядностью проявилась в поэзии – сербская поэзия раньше прозы и драмы «шагнула» в новый век. В своем движении к обновлению она, в отличие от прозы, где реализм не исчерпал своих животворных сил и занимал доминирующие позиции, развивалась в русле так называемого модерна с его сложным комплексом таких явлений, как символизм, «парнас», неоромантизм и др. Становлению этого нового направления в поэзии способствовало интенсивное развитие многосоставных контактов сербской литературы с литературами других стран, особенно западноевропейских, что характерно для начала века.

Естественно встает вопрос о русской литературе. Связи с ней – традиционные и нерасторжимые для сербской культуры – продолжают развиваться и в этот период. Русскую литературу много переводят, о ней много пишут, ее читают, нередко в подлиннике. Среди ее популяризаторов на рубеже веков выделяются истинные поборники русской культуры – критик Я. Проданович (1867–1948), переводчик и критик Й. Максимович (1864–1955) – знаток и горячий поклонник Л. Н. Толстого, сторонник его учения, посетивший великого писателя в 1909 г. в Ясной Поляне. Современники высоко оценили книгу Й. Максимовича об А. П. Чехове (1905). Доминирует интерес к великим русским реалистам XIX столетия, – к Н. В. Гоголю, Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, к поздним произведениям И. С. Тургенева. С 1890-х гг. растет популярность А. П. Чехова. В периодике 1900-х гг. и в начале 1910-х гг. появляются (пока эпизодически) имена русских писателей нового поколения – А. И. Куприна, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева,

М. Н. Арцыбашева, А. Т. Аверченко, Д. С. Мережковского. Раньше других узнают М. Горького, первые переводы которого относятся к 1900 г. Привлекают рассказы В. Г. Короленко. С новыми явлениями в русской поэзии сербы пока еще мало знакомы. Известный сдвиг наступит здесь в канун Первой мировой войны. В 1914 г. вышла антология Р. Одавича «Звуки русской лиры», в которой впервые появились стихи Блока и Брюсова. Но по-настоящему новым этапом в этой области станут 20-ые гг. XX в., что связано и с Октябрьской революцией 1917 г. и с русской эмиграцией, для которой после 1917 г. Сербия стала одним из главных центров в Европе.

Однако первые сербские поэты модернисты – Й. Дучич, М. Ракич, В. Петкович-Дис, С. Пандурович – относятся к литературе богатейших, многовековых связей с русской культурой. Эти традиции заложены и в творчестве их непосредственного предшественника, поэта Воислава Илича (1860–1894). В. Илич писал в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Он вошел в литературу, когда сербская поэзия остро нуждалась в освобождении от устаревших догм романтизма и обновлении стихотворной речи. Войти сербской поэзии «на равных» в европейский поэтический контекст, не теряя при этом своего национального «лица», становится одной из главных, если не главной проблемой, в решении которой Воиславу Иличу – с его природным художественным инстинктом – принадлежит важная роль.

Следует заметить, что обновления, в которых нуждалась поэзия, были в известной степени связаны с процессами, происходившими в общественно-культурной жизни сербов. Если центром сербского романтизма была Воеводина, входившая в состав австрийской империи, то к 70-ым гг. XIX в. центр сербской культуры переместился в Сербию – самостоятельное государство со столицей в Белграде. В. Илич был уроженцем Белграда. Занятие литературой предопределила ему сама судьба – Воислав Илич был сыном поэта-романтика I половины XIX в. Йована Илича (1824–1901), литераторами были и трое его братьев.

Молодость Йована Илича совпала с бурными 40-ыми гг. XIX в. в Европе. Как многие его сверстники

– дети полуграмотных отцов, завоевавших свободу Сербии в востании 1804–1813 гг., – он отправился учиться в Словакию, Чехию, Вену. Мечту об учебе в России ему, потомственному русофилу, поклоннику Державина пришлось оставить – в семье не было средств на столь дальнюю дорогу.

В живой разномыслии среде молодых представителей славянских народов он воспринял популярную в ту пору идею славянской взаимности, оставаясь убежденным патриотом и защитником национальных прав своего по-прежнему разделенного народа (население Воеводины входило в состав австрийской монархии). Й. Илич познакомился с выдающимися деятелями славянской культуры Штуром и Колларом, а в Вене – с Караджичем, Радичевичем, Негошем, Мажураничем. Определился его интерес к истории славян и античному миру, расширились представления о немецкой культуре, о литературах славян и, конечно, о русской литературе. Его, как и многих его товарищей, вдохновлял Пушкин, Мицкевич (своей «Одой к молодости»), Коллар, поэму которого «Дочь Славы» он перевел на родной язык. Под ее влиянием Й. Илич обратился к сонету – редкой форме в сербской поэзии той поры. Сонет Й. Илич использовал в своем собственном творчестве – в цикле любовной лирики «Ох!» (1853), лучше по признанию исследователей сочинении поэта. Характерно, что, прибегая к такой изысканной поэтической форме, автор не отрывался от народных корней сербской лирики – в его сонетах сохранялся ритм народного «десетерца».

Йован Илич не стал большим поэтом. Но его образованность, знание литературы других народов, участие во многих значительных событиях общественной и культурной жизни своего времени (он, в частности, стоял у истоков Общества сербского искусства, 1884) привлекали к нему современников, а его дом сделался центром литературной жизни Белграда. Б. Нушич вспоминал, что через этот дом прошла вся сербская литература 1870–1880-х гг.

Искать свой путь развития в общении национальной литературы с литературами более развитыми, более «опыт-

ными», не замыкаться в своей «скорлупе» восприняли от отца сыновья и самый одаренный из них – Воислав. В его, как, впрочем, и его братьев, разнообразных литературных увлечениях особая роль принадлежала русской литературе и не только в силу ее традиционной притягательности для сербской среды.

Русские переводы европейской поэзии, в частности, антологии Н. В. Гербеля, которые были в богатой домашней библиотеке, служили Воиславу желанным «окном в Европу». Эти книги были одним из первых доступных ему источников мировой поэтической культуры, они знакомили его и с русской переводческой школой. Русский язык Илич выучил дома – его знала вся семья, радушно принимавшая русских офицеров-добровольцев и генерала М. Г. Черняева в пору сербо-турецкой войны 1876–1877 гг. Русскую поэзию он узнавал прежде всего по стихам великих русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Державина. Между тем сравнительно недолгий творческий путь Илича (он умер 33-х лет от роду) отмечен своеобразной «комплексностью», «синтетичностью» его таланта, соединявшего в себе разные периоды в развитии сербской поэзии (классицизм, реализм, «парнас») с выходом к символизму – в ряде работ высоко авторитетных исследователей сербской литературы (Д. Живкович, М. Павич, М. Павлович) выявлены типологические схождения Илича с «новой» французской поэзией, т. е. поэзией второй половины XIX столетия. Таким образом Илич вводит национальную поэзию в магистральное русло современного ему поэтического развития, способствует преодолению хронологического разрыва между ними. Но вот что важно: интересом поэта к русской поэзии отмечено не только начало его деятельности – он проходит через всю его творческую жизнь. Опыт русской поэзии, русской классики заложен в эволюции Илича к новым поэтическим явлениям.

Среди ряда свидетельств творческих контактов поэта с русской поэтической традицией первое место по праву принадлежит Пушкину, которого Илич называл «эпохальным поэтом новой русской литературы»¹, (заметим, что ни об одном другом иноязычном поэте Илич не скажет таких

слов!). Он обращался к Пушкину в разные периоды своей творческой жизни, каждый раз как бы развивая, углубляя свое восприятие его стихов и его личности. Не будет преувеличением сказать, что Пушкин стоит у истоков творчества Илича – по свидетельству брата поэта Драгутина Илича чтение пушкинских стихов в юности побудило Воислава к собственному творчеству. («...Первый и подлинный ученик Пушкина», – скажет о В. Иличе современный исследователь².) Напомним некоторые примеры, в которых содержится прямое упоминание Пушкина, его произведений. Среди них – строки из стихотворения «Моему Гарику» (1886): «И вот я, как добросовестный, хороший ученик / Жуковского и Пушкина / Как только спустится таинственный мрак / Приготовлю вина...» Не одного критика побудили эти строки к их самому серьезному истолкованию. Действительно, как пройти мимо признания автора, что он «добросовестный ученик» Жуковского и Пушкина? Но М. Павич заметил юмористический характер этих строк и предложил свою версию: не следует переоценивать высказывание Илича – имя Пушкина использовано здесь, скорее, ради рифмы. Это суждение трудно однако принять как безусловное. Обращает на себя внимание психологический фон, на котором возникает в памяти поэта имя Пушкина – даже если ради рифмы: молодой Илич вспоминает в своем шутовском стихотворении молодого Пушкина с его озорством и жизнелюбием, что очевидно ему самому было в ту пору созвучно.

И еще один пример, неизменно привлекавший к себе исследователей, – строки из стихотворения «Барышне Н.» (1886), в которых Илич вспоминает время упоительного чтения «Евгения Онегина»: «Это были те дни, / Когда в моем молодом сердце / Трепетала бледная Татьяна / И романтический Ленский с ней; / Когда я ночь напролет подле Пушкина / Мечтал о чарах женской красоты / И робел перед Онегиным».

Молодой Илич влюблен, захвачен Пушкиным и это, естественно, не могло пройти бесследно для его личности и его творческой индивидуальности. Правда, М. Павич отме-

тит (и с этим нельзя не согласиться) что чтение Пушкина было для Илича в ту пору развлечением и отдыхом, прибежищем «от суровой действительности и среды, в которой он жил»³. Атмосферу 1980-х гг. в Сербии формирует господство реакционного режима, репрессии по отношению к демократическим силам общества, особенно интеллигенции, притеснение печати, разгром крестьянского восстания 1883 г., братоубийственная сербо-болгарская война 1885 г.

Годы меняли жизненные и литературные представления поэта. Меняли они и его восприятие Пушкина – «Пушкину не принадлежит больше почетное и исключительное место в литературных интересах Илича»⁴. И все же уходя от Пушкина, поэт не ушел от него. Одно из подтверждений тому относится к последним годам жизни Илича и содержится в письме, которое поэт пишет одному из своих знакомых в 1892 году из Турн (Турну) – Северина. Это тяжелое время для поэта. Неудобный властям (а он в течение всей своей жизни противостоял режиму, тяготел – как вся семья Иличей и большая часть сербских писателей – к оппозиционным кругам в обществе. Сатирические стихи занимают значительное место в его творчестве. Одно из самых острых стихотворений «Маскарад на Руднике» (1887) было направлено против короля Милана. Спасаясь от неприятностей, Воислав вынужден был покинуть Белград, свою семью, Сербию. Подорваны его душевные силы, сломаны былые идеалы, здоровье подточено тяжелой болезнью. Поэт близок к отчаянию. И вот в этом состоянии он обращается к Пушкину и пушкинские строки: «Долго ль мне гулять на свете?» («Дорожные жалобы», 1829) и «...где мне смерть пошлет судьбина?» («Брожу ли я вдоль улиц шумных», 1829) помогают ему выразить себя в упомянутом письме. Есть все основания думать, что Пушкин привлекал сербского поэта не только своими стихами, но и своей драматической судьбой поэта-вольномдумца, так же, как Илич, гонимого в своей стране. Возникает личная нота в отношении к Пушкину, отражающая чувство внутренней близости сербского поэта с русским.

Примечательные черты обновления сербской поэзии с приходом в нее Илича отразились в жанровой структуре твор-

чества поэта. Привлекают внимание его лиро-эпические произведения, написанные на материале легенд и сказаний (часто с исторической основой) самых разных европейских (и не только европейских) народов. Особой любовью пользуются у него сюжеты из античного мира (античной историей занимался и его отец). В этом характерном для Илича типе произведений решался ряд актуальных задач поэтического развития как самого Илича, так и всей сербской поэзии. Одна из них связана с преодолением региональной замкнутости, своего рода расширением узкого национального поэтического пространства. Происходит, по выражению Д. Витошевича, «налаживание диалога» национальной поэзии с современной ей европейской. Опыт русской поэзии, несомненно, сыграл здесь свою благотворную роль. И конечно, имена Пушкина, Лермонтова возникают прежде всего. Но надо вспомнить и Жуковского – поэта, с помощью которого русская поэзия «освоила многих великих художников Запада»⁵. Его, как свидетельствуют приведенные выше строки из стихотворения «Моему Гарику», Илич знал и, видимо, выделял. Конечно, поэзия Жуковского была для него ярким примером в освоении инационального материала. Но не менее существенным мог быть и тот импульс, который сообщали сочинения Жуковского развивающемуся художественному воображению молодого поэта. Заметим, что для Илича романтик Жуковский не был так далек, как это может показаться. Илич вышел из романтизма и он остался связанным с ним некоторыми глубинными «нитеями», прежде всего своим мировосприятием (не будет ли это способствовать движению поэта к символизму?).

В знакомстве с русской поэзией (прежде всего, конечно, с Пушкиным), но и с Лермонтовым, роль которого в становлении таланта сербского поэта так полно и убедительно раскрыта и М. Павичем, и особенно М. Сибиновичем⁶, была еще одна важная сторона. Русская поэзия помогала своим примером учиться у разных поэтических школ, что в свою очередь способствовало выявлению самобытных черт дарования Илича. Это сказалось, например, в жанрово-стилистической структуре его поэзии, в частности в характерном для Илича (и все-таки слабо развитом его предшест-

венниками) жанре элегии (элегические настроения вообще были свойственны Иличу как поэту и как личности, склонной нередко к пессимистическому мироощущению). Жанр элегии с его лиро-рефлексивным началом был нужен сербской поэзии, оглушенной призывно-агитационными, бравурными стихами бездарных подражателей национальным романтикам. Элегия способствовала важному для национального поэтического процесса повороту к личности, к ее душевному миру. Илич воспринимает определенную условность жанра – его элегии строятся на мотивах воспоминаний и как бы фиксируют пройденный им «путь потерь» (хотя, заметим, есть у него и сатирические элегии, направленные против власти). Скептицизм, неверие, горечь безысходного одиночества, способность видеть впереди лишь, как писал он в одном из своих стихотворений «скуку, мрак и тоску», характерные настроения в элегиях поэта, сближающие его с Лермонтовым (в прошлом) и с поэзией рубежа веков (в будущем). Устойчивостью отмечена образная система элегий (в частности, примеры содержатся в его «Исповеди», 1883). Среди сравнительно часто встречающихся образов такие стереотипы как руины, старые могилы, дикий виноград, мох – «цветок забвения», сова (филин) с ее криком в ночи и т. п. Вспомним известную элегию К. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции», где тоже – плещ, «каменный ряд, седым одетый мхом», святые могилы и т. п. В условности стиля элегия Илича перекликается с русской элегией начала XIX века. Не проходят ли у Илича поиски дальнейшего развития национальной поэзии через восприятие условного стиля классической элегии (с ее «определенностью и ясностью», как характеризовал В. Белинский стиль К. Батюшкова) к освобождению сербской поэзии от изживших себя канонов романтизма?

Но вот что важно: у Илича так же, как в русской элегии, в рамках «обязательных» для этого жанра форм зреет исповедальное начало. Оно помогает поэзии выразить психологическое состояние человека. У Илича это скрытая драма души современника, надломленного жизненной борьбой. И еще на одну особенность развития элегических стихов

Илича хотелось бы обратить внимание. Сквозь сохраняющуюся «поэтическую отвлеченность» (Л. Я. Гинзбург) стили проступают конкретные черты личной судьбы автора. Проступает процесс, определенный Л. Я. Гинзбург как «индивидуализация лирического события»⁷. Можно вспомнить «Элегию» (1886) Илича, посвященную его возлюбленной Милеве Якшич (дочери поэта Д. Якшича): трогательно-наивный образ имени любимой, вырезанный автором на коре дерева, и от него поток воспоминаний и эмоций. Но характерно, что элегия, вобравшая в себя опыт личной судьбы поэта, выходит и к более общим жизненным началам. Примером может служить «Элегия на развалинах Северовой башни» (1892). В основе этого произведения лежит конкретный эпизод: автор оказывается на берегу Дуная, на руинах древней крепости, свидетельницы ратных подвигов и былого величия. Руины как образ становятся символом лирического состояния человека, отдавшего годы жизни, душевные силы родине, любви, друзьям и жестоко обманутого в своих надеждах, опустошенного, разочарованного. Поэт не видит для себя будущего, он весь в прошлом. И в то же время этот образ-воспоминание содержит в подтексте размышления поэта о ходе истории, о печальной судьбе поколения своих единомышленников. Жизнь однако продолжается, о чем свидетельствует струящийся вниз, под крепостью, Дунай, густые рощи по его берегам, смех и песни молодежи. Вера ли это в будущее? Трудно сказать, может быть новому поколению уготована та же участь, что и поколению автора «Элегии». Важно другое – поэт не замыкается в себе, его элегия как бы побуждает к более общим размышлениям об историческом времени, о судьбе личности в обществе людей, не принявших ее жертвенного им служения.

Генетически здесь несомненно проходит связь с национальной поэтической традицией, в которой на разных этапах ее развития заметно доминировала озабоченность исторической судьбой соотечественников. Но возможно, что сыграл здесь свою роль и опыт русской поэзии первой половины XIX века, русской элегии с ее эволюцией от Жуковского, Батюшкова – к Пушкину, Лермонтову.

В непосредственных контактах с русской поэзией решались Иличем и некоторые другие задачи, стоявшие перед сербской поэзией. Известно, что Илич отказывается от привычных для его предшественников размеров народной поэзии, усвоенных (нередко искусно, талантливо) романтиками и девальвированных в подражаниях эпигонов. Его привлекают «гекзаметра священные напевы» и на основе этой метрической формы он создает свои модификации. Это еще один пример приобщения национальной поэзии к общей для европейской поэтической культуры традиции. Помогает ему в этом, как свидетельствуют исследователи, опять-таки опыт русской поэзии – русские переводы «Илиады» Н. Гнедичем и «Одиссеи» В. Жуковским. И хотя к этому времени уже были созданы сербские переводы Гомера (поэтический и прозаический) интуиция художника подсказала Иличу, что дух подлинника лучше передают именно русские переводы.

Илич тяготеет к напевному, музыкальному стиху. Его стихи звучат плавно и размеренно, они «текут, словно спокойная, светлая, широкая река»⁸, – скажет Й. Скерлич. Но в то же время как бы отталкиваясь и полемизируя с патетикой романтизма, поэт пробует себя в «разговорном» стихе свободной повествовательной интонацией и наиболее этому отвечающим ямбическим размером. В этом ключе написаны, в частности, два одноименных стихотворения «Барышине Н.». Пушкинский пример здесь очевиден – Илич воспринимает «бесхитростную непринужденность» (Ю. Лотман) его повествования, его ироничность, прозаизацию стиля, его четырехстопный ямб. Правда, как свидетельствуют наблюдения М. Сибиновича, у Илича был еще один выразительный пример, подтолкнувший к использованию ямба – лермонтовское стихотворение «Валерик». Обращение Илича к этому стихотворению глубоких мыслей, психологизма, сложной жанровой структуры позволяет предположить, что не только размер привлек его внимание – он не мог пройти мимо того высокого уровня поэтической культуры, которым отмечен «Валерик» Лермонтова.

Реалистическое начало – еще одна сторона многогранной поэзии Илича. Здесь опять-таки русская поэтическая традиция могла быть ему примером и поддержкой. В

этой связи обратимся к стихам поэта, в которых запечатлена неброская природа родного края. Подобно прозаикам тех лет, прокладывая путь сербской реалистической литературе, Илич находит поэзию в обыкновенном и даже обыденном. Его стихи населены простыми людьми с их повседневными заботами, знакомыми растениями, привычной живностью, птицами. И, как у Пушкина, обыденные факты складываются в нечто более значительное: убогая повседневность и унылые пейзажи, в которых господствуют холодные ветры, промозглые туманы, опустевшие поля передают острое ощущение поэтом окружающей его жизни, в том числе и социальной. Поэт внимателен к конкретным деталям, он дает лаконичный, графически четкий рисунок («Поздней осенью», 1889). Deskриптивная манера письма, некоторая отстраненность, объективизация изображения, не раз дававшая критикам повод для упреков Илича в натуралистичности, в копировании бытия, помогала поэзии преодолеть господствовавшую в ней риторику эпигонов романтизма и двигаться дальше.

Поэт избегает метафор. Он тяготеет скорее к слову в его самоценности, в его пушкинской «наготе». Опыт пушкинской традиции мог здесь сыграть свою роль, но, как в ряде других случаев, он ложился на национальную основу. Нельзя в этом случае не разделить мнения Д. Витошевича, который связывал внимание Илича к слову с возрождением традиции, заложенной Вуком Караджичем, но заглушённым пренебрежением к ней мелких стихотворцев. Одновременно в поэзии Илича идет и другой процесс, направленный на преодоление «однозначности», «прямолинейности» образа, процесс субъективизации лирических описаний. Это относится главным образом к последним годам творчества поэта, когда разочарованный и надломленный болезнью, гонениями, всей атмосферой кризисных настроений в обществе, Илич уходит в себя. И как всегда изображение природы становится одной из наиболее чутких форм к внутреннему состоянию автора. Пейзажи все явственнее обретают лирический подтекст. Живое конкретное впечатление, заложенное в зрительном образе, например, в стихотворении «За-

брошенный источник» (1892) – образ корявого дерева с торчащими кверху уродливыми, деформированными ветками становится формой иносказания, способной придать восприятию окружающего мира более объемный характер.

В поздней лирике Илича пейзаж окончательно перестает быть картиной «с натуры», безмолвной и неподвижной. Он оживает, наполняется звуковыми образами, которые улавливает человек, напряженно вслушивающийся в жизнь и трагически ее воспринимающий. Звуки в пейзажах Илича – знак недобрых сил, это свист, вой ветра в сумрачных пустых полях, карканье ворона, таинственные, пугающие шорохи ночи. Вводит поэт и мелодию, песню («Вечер на пароходе», 1892; «Гробница Мурата», 1892). Человеческий голос несет в себе тревожное, напряженное начало, словно подслушанное в самой драматической судьбе балканского региона. Илич умеет слить слово и музыку в одном образе, что по-своему углубляло содержание его поэзии. В одном из последних стихотворений «Когда угаснет солнце» (1893) поэт населяет ночь – небо, землю, воздух, опустевший сад – многоголосым хором загадочных существ, которые оказываются бедами его собственной души: «...это не нечистые духи, а моей беспокойной души неотпетое страдание». Этот образ (при всей своей непроясненности) симптоматичен как «прорыв» сербской поэзии в подсознательный иррациональный мир. «От таких строк до настоящего символизма был лишь один шаг, – пишет М. Павич, сопоставляя Илича с Верленом, – Верлен этот шаг сделал. Наш поэт – нет, он умер несколько месяцев спустя после написания этих строк»¹⁰. Шаг не был сделан, но Илич подвел национальную поэзию к тому, что его сделало следующее поэтическое поколение, ознаменовавшее своим творчеством расцвет сербской поэзии в начале XX века. И хотя это поколение заметно ориентировалось на западноевропейскую поэзию последних десятилетий XIX столетия, а затем и рубежа веков, для многих его представителей в юности современная поэзия олицетворялась стихами Воислава Илича. И вот здесь литературная судьба Илича вновь обращает нас к русской поэзии – к поэту,

хронологически близкому Иличу, его старшему современнику Афанасию Фету (1820–1891).

При всей отдаленности этой аналогии она не случайна. К ней подталкивает, в частности, пример прямого (буквального) схождения некоторых строк в лирических стихах этих поэтов, на что обращает внимание М. Павич. Но подобные совпадения могут быть и случайностью. В большей степени позволяет сблизить эти достаточно разные творческие индивидуальности некоторое типологическое сходство их роли в национальном поэтическом процессе. Напомним, что литературная судьба Фета была непростой, поэт вошел в русскую литературу в 1840-е годы и 1840–1850-е годы стали периодом его блистательных успехов. Но время не было благосклонным к лирике и это заставило поэта надолго замолчать. Здесь невольно вспоминается факт из истории сербской литературы. Идеи «практической пользы» поэзии, развивавшиеся в литературно-критических статьях С.Марковича, тоже оттеснили лирику и история публикации сборника лирических стихов крупнейшего национального поэта Й. Йовановича-Змая (1833–1904) «Увядающие розы» (посвященного горячо любимой и рано умершей жене поэта) достаточно в этом отношении выразительна. Анонсированная в 1872 г. книга Змая привлекла слишком малое число подписчиков – идеи «молодых апостолов», жаждавших прозаического будущего, как писал Змай о сторонниках новых умонастроений, дали свои всходы. Лирический сборник поэта увидел свет только через десять лет, в 1882 г. Этот факт, хотя и опосредованно, не мог не сказаться на становлении поэтического дарования Илича, поскольку был частью той атмосферы в которой он начинал. Фет переживет новый взлет на склоне своих лет – в 1880-х годах (когда появились две книги «Стихов» Илича – в 1887 и 1889 гг.) выходит несколько выпусков «Вечерних огней», в которых творческий дар Фета «достиг высшего расцвета, полностью развернулся во всем своем «благоуханном» – фетовском своеобразии»¹¹. И так же, как поэзия Илича у сербов, стихи Фета привлекают к себе и оказываются созвучными поэтическому поколению рубежа веков, русским символистам (его стихи любил Блок).

И Илич, и Фет шли от поэтических традиций первых десятилетий XIX века – Фет-поэт пушкинской традиции, он следует «за Пушкиным, во всеохватывающем творчестве которого... есть и несомненное и по-своему весьма значительное «фетовское» зерно»¹². У каждого из этих двух поэтов – и сербского, и русского – был свой путь с неодинаковым поэтическим наследием предшественников, с разным уровнем национальной поэтической культуры. Но оба они решали в своей литературе сходную проблему перспектив в развитии поэзии как искусства. Разность их путей заметна хотя бы уже в том, что «корень убеждений Фета оказывается в резком разграничении идеала и будничной жизни»¹³. У Илича этого нет и, думается, не могло быть (тем более если вспомнить, как связана была поэзия Илича с его активной гражданской позицией). «Будничная жизнь» неустанно напоминает о себе в его поэзии, вторгаясь даже в такую «фетовскую» тему, как природа (сумрачные ее картины у Илича неизбежно обращают к будням). Но на этом пути возникают и некоторые точки соприкосновения, свидетельствующие о сходных, но не идентичных и не зависящих друг от друга процессах. Примером может служить обращение и Илича, и Фета к античным мотивам. Одна из задач, которую решал для себя в этом случае Илич, связана с его противостоянием эпигонам романтизма и решительным поворотом к объективизации поэтического творчества. Сходный процесс развивается и у Фета, поэзию которого «античные мотивы предохраняли от чрезмерной романтической субъективизации»¹⁴.

В произведениях на античные мотивы Илич затрагивает тему, отвечающую его особому вниманию к эстетическим качествам поэзии – тему красоты, ее власти над человеком и миром. Он выбирает один из распространенных в европейской и русской поэзии мотивов о юноше, очарованном статуей («Тибулл», 1883). Здесь вновь возникает отдаленная аналогия с Фетом, с его знаменитой «Дианой». При всем различии Илича и Фета их произведения сближаются, как писал Ф. М. Достоевский о «Диане» Фета, «молением перед совершенством прошедшей красоты и скрытой внутренней тоской по такому же совершенству, которого ищет

душа...»¹⁵. И возможно, что Иличу, как и Фету, соприкосновение с античной поэзией (у Илича оно носило больше опосредованный характер, тогда как Фет был известен и своими глубокими знаниями, и переводами древнеримской поэзии), помогло ощутить красоту, реально разлитую в мире. Это отразилось, в частности в стихах о природе. В отличие от Фета Илич редко любит ее красотой, но несомненно ее чувствует и умеет ее выразить (среди лучших его стихотворений – одно из последних – «Вечер на пароходе»).

Главная общность, однако, просматривается в том, что в творчестве этих двух поэтов (опять-таки очень по-разному) идет защита в век прозы – поэзии, лирики. Здесь появляется выход к новому этапу поэтического развития. И Илич, и Фет находят его каждый своим путем, оба независимо от влияний новейших поэтических течений последних десятилетий XIX века.

Примечания

¹ Цит. по: Павић М. Војислав Илић и европско песништво. Нови Сад, 1971. С. 228.

² Поповић Т. Пушкинска традиција и развој песничког говора (на примеру српске поезије 19 века) // Зборник МС за славистику. Књ. 63. Нови Сад, 2003. С. 214.

³ Павић М. Војислав Илић и европско песништво. С. 227.

⁴ Павић М. Војислав Илић и европско песништво. С. 226.

⁵ История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 303.

⁶ Сибиновић М. Лермонтов у српској књижевности. Београд, 1971.

⁷ Гинзбург Л. Я. О лирике. М.–Л., 1964. С. 206.

⁸ Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С. 395.

⁹ Витошевић Д. Српско песништво. 1901–1914. Београд, 1975.

¹⁰ Павић М. Војислав Илић и европско песништво. Нови Сад, 1971. С. 344.

¹¹ Благой Д. Д. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А. Фета. М., 1975.

¹² Благой Д. Д. Мир как красота. С. 55.

¹³ Дархов А. Е. Человек со вздохом. Вступительная статья // Афанасий Фет. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 12.

¹⁴ Благой Д. Д. Мир как красота. С. 61.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 18. Л. : «Наука», 1978. С. 97.

Москва в чешской поэзии и публицистике 1920-х годов

Москва всегда была и остается в глазах соотечественников и чужестранцев ярким символом России. С ней, главным городом Российской империи, хоть и уступившей в 1712 г. статус столицы Санкт-Петербургу, но остававшейся местом коронации русских императоров, многие славянские народы, в том числе чешские русофилы, связывали надежды на освобождение от иноземного ига, светлые исторические перспективы. После 1918 г. левая интеллигенция только что созданного независимого Чехословацкого государства связывает с советской Москвой надежды на освобождение всего человечества от власти капитала. Она становится уже символом нового мира, к которому можно было относиться по-разному, принимая или не принимая его, но в любом случае восприятие Москвы начинает отягощаться грузом идеологии. В Москве, когда она стала частью советской действительности, противоборствующие стороны начинают искать – и при непосредственном общении с нею, и на расстоянии – не саму Москву, а аргументы «за» и «против» советского строя, мировой революции, коммунизма. Даже отношение к Москве людей, политически нейтральных, не вовлеченных в водоворот социальной борьбы того времени, не могло быть непосредственным и полностью свободным от идеологической предвзятости разного толка. Слишком политизированными и заидеологизированными становились сама жизнь, мир, Москва. Как никогда прежде она озабочена распространением своей идеологии, своим престижем столицы «первого в мире рабочего государства». И писатели Запада (Г. Уэллс, Р. Роллан, А. Барбюс, позже – А. Жид, Л. Фейхтвангер и др.) приезжают в нее не любоваться седой стариной, русским модерном, собранием Третьяковки, а чтобы взглядеться в ее настоящий день и решить, чем же стала для России Октябрьская революция – «десятью днями, которые потрясли мир» и открыли путь в лучезарное будущее, или днями «окаянными», ввергнувшими Россию во мглу?

Ни Советская Россия, ни Москва не оказались после революции и гражданской войны в изоляции – духовной и

дипломатической. Уже с начала 1920-х годов СССР и зарубежные страны стали устанавливать торговые и дипломатические отношения. Торговые отношения с Чехословакией были установлены в 1921 г., дипломатические – в 1934. В Москву по-прежнему ехали паломники из-за рубежа – работать, учиться, перенимать опыт революционной борьбы, спастись от политических преследований. И она гостеприимно распахивала перед ними свои двери. Многие из посетивших ее зарубежных писателей (среди них – И. Ольбрахт, М. Майерова, М. Пуйманова, Ю. Фучик, В. Незвал) на всю жизнь попали под ее влияние. Но для кого-то из ее верных друзей и союзников она обернется капканом, пошлет их на эшафот (это болгарский эстетик и критик Д. Гачев, польские писатели Б. Ясеньский, Р. Станде, С. Вандурский и др.)¹.

Послереволюционная, советская Москва заняла большое место в творчестве побывавших там в 1920–1930-е годы чешских писателей, и прежде всего в их поэзии и публицистике, жанрах, способных оперативно отразить многообразие нахлынувших впечатлений. Они примечательны как своего рода пособия по «москвоведению», воскресающие страницы жизни Москвы 1920-х годов как документы своего времени, как показатели типичных для левой зарубежной интеллигенции настроений и надежд, позволявших воспринимать окружающее сквозь розовые очки. Но порой они вдруг спадали с глаз, что позволяло увидеть советскую действительность не в иллюзорном, а в истинном свете.

Речь пойдет прежде всего о произведениях авторов, связанных с революционным направлением, очень сильным в чешской литературе, формировавшейся в демократической среде. Всегда присущий ей дух нонконформизма получает в межвоенной Чехословакии антибуржуазную направленность. «Чешские художники давно осознали и болезненно почувствовали, что подлинным искусством современности может быть лишь революционное искусство, т. е. искусство, направленное против господствующего строя»², – писал З. Неедлый в 1923 г., в пору охватившего значительную часть чешского общества революционного энтузиазма. Но справедливость его слов была подтверждена и через семь де-

сятков лет, когда от этого энтузиазма не осталось и следа, а прежние идолы и идеалы уступили место новым. В своей книге «Чешская левица против Москвы» (1993) чешский историк И. Пфафф вынужден был признать, что чешская культура всегда имела ярко выраженную левую ориентацию, а ее силы, в отличие от левых сил Польши, Венгрии, Румынии были просоветскими³. Писателей типа К. Чапека, не принимавшего революций и рано распознавшего бесчеловечную суть тоталитарных режимов как немецко-фашистского, так и советского толка, в Чехии 1920–1930-х годов было явное меньшинство. Когда сегодня перечитываешь очерки И. Ольбрахта, одним из первых чешских писателей посетивших Москву, еще не остывшую от переворотов 1917 г. и гражданской войны, поражают тот энтузиазм и безоговорочность, с которыми один из крупнейших чешских прозаиков XX в. воспринял революционные потрясения в России. В них еще многое неясно. Некоторые русские писатели, даже вполне сочувствовавшие революции, относятся к новой Москве настороженно, раздумывая, что же там происходит со «свободой», рождается она или умирает. Вот, например, что пишет В. Хлебников в стихах от 15 декабря 1921 г.:

Москва, ты кто?
 Чаруешь, или зачарована?
 Куешь свободу
 Иль закована?
 Чело какую думой морщится?
 Ты – мировая заговорщица.
 Ты, может, светлое окошко
 В другие времена,
 А может, опытная кошка...

(«Москва, ты кто?»)

Но для ее иностранных паломников вопросов нет: Москва бесспорно «кует свободу», она – «светлое окошко в другие времена». Очерки И. Ольбрахта, который приехал в Москву весной 1920 г., – «Революционные улицы», «Второй Дом советов» и др., составившие цикл «Картины современной России» (три небольшие брошюры, издававшиеся в

приложении к журналу «Червен», первые две вышли в сентябре 1920 г., почти одновременно с возвращением автора из России) – это первые документальные свидетельства о новой Москве, принадлежащие перу писателя, а не политика. Несмотря на то, что Ольбрахт оказался там в трудное время, когда гражданская война была лишь «в основном завершена», т. е. фактически продолжалась, его глаза ищут и жадно фиксируют лишь обнадеживающие приметы новой жизни: оживленные улицы, «веселые» лица пешеходов, новые надписи, небрежно одетые «буржуи», лишившиеся лакеев, окна РОСТА. Его не пугают «женщины-красноармейки» в кожанках и с револьвером за поясом, не пугают трудовая повинность по уборке улицы и заготовке дров, помещение ЧК с двумя красноармейцами у входа, накальвающими пропуска с разрешениями на штыки (эту деталь через многие десятилетия точно воспроизвел спектакль Театра на Таганке «Десять дней, которые потрясли мир», встречавший зрителей солдатами со штыками, куда накальвались билеты). Ему нравится рынок возле Сухаревой башни, где продают свои вещи «бывшие», не могущие, по мнению Ольбрахта, или не желающие работать, толкотня московских улиц. «Мартовская улица – весела», – пишет он и, дабы убедить читателя в объективности своих впечатлений, «спрашивает себя – не во мне ли эта радость, которую я излучаю на внешний мир, и отвечаю – ни в коей мере». «Веселыми» ему кажутся движение пешеходов, крики детей, человеческие лица: «Они не всегда были такими. Будто с них свалилась тяжесть, будто они искупались в колодце с живой водой»⁴. Именно эта восторженная нота станет определять тональность практически всех последующих очерков о Москве и СССР М. Майеровой, М. Пуймановой, А. Гофмейстера, В. Незвала, Ю. Фучика. Диссонансом к ним послужат некоторые произведения 1930-х годов (стихотворения Я. Сейферта, роман И. Вейля «Москва-граница», публицистика К. Тейге «Сюрреализм против течения»). Горькая правда об СССР проникала в произведения этих авторов, тоже связанных с левым крылом чешской культуры, прежде всего под давлением жизни, разрушавшей лучезарный миф о «первом в мире рабочем государстве»; до-

верие к нему стали подрывать начинавшиеся в Москве политические процессы над «троцкистами» и «бухаринцами», разоблачительные материалы А. Жида «Возвращение из СССР», «Ретуши к моему возвращению из СССР», личные наблюдения. Но сказывался и склад характеров, способность, отрезавшись от иллюзий, трезво взглянуть на вещи.

Объективность была свойственна далеко не всем. Так, ее были лишены многие поборники коммунистического движения. Ничто не могло подорвать веру в советское государство Ю. Фучика, С. К. Неймана, В. Незвала, И. Тауфера, никогда, по крайней мере публично, не усомнившихся в правильности его политики. Время сомнений наступит для части левой интеллигенции Чехословакии, только в середине и конце 1930-х годов. Пока вся она переживает романтический период, своего рода медовый месяц в отношениях с Россией.

Нельзя сказать, что восторженно настроенные паломники в Москву не замечали ее противоречий и трудностей. Но они воспринимались, как трудности временные, как трудности, – цитирую Ю. Фучика, который, в свою очередь, приводил слова Сталина, – «не упадка и застоя, а роста, размаха, движения вперед». Знать бы этим влюбленным в нашу страну романтикам революции, среди которых была не только молодежь, как Фучик и Незвал, но и умудренные жизнью люди – Ольбрахту в период его восторгов от советской России было 38 лет, Майеровой – за сорок, М. Пуймановой – 35, что, как гласит народная мудрость, ничто в ней не будет более постоянным, чем «временные трудности».

Чтобы убедить читателя в правомерности своего революционного оптимизма, внушить ему, что все прекрасно в стране, разоренной гражданской войной, а затем коллективизацией, эти авторы в своих очерках о Москве и СССР дружно используют приемы сопоставительного анализа. Они сравнивают то, что видят своими глазами доброжелательные гости советской страны, с теми слухами, которые распространяет о ней буржуазная пресса. Кроме того, они сравнивают ситуацию экономического кризиса в Чехословакии, как и в других странах капитала на рубеже 1920–1930-х годов, со строительным бумом первых пятилеток.

Текст часто строится как чередование минусов и плюсов, пессимистических тезисов (мнений о русской реальности «буржуазной» журналистики) и оптимистических анти-тез (опровергающих это мнение фактов). Надо сказать, что чем невероятнее и страшнее ходили слухи о новой России, тем было легче их развеять, не погружаясь при этом в глубины вставших перед нею проблем, а опираясь на поверхностные уличные впечатления. «Петроград и Москва – мертвые города. Так было сказано в европейских газетах», – начинает один из своих очерков Ольбрахт, уверяя затем читателя, что они вполне живые, что их «улицы полны людей», причем «не измученных голодом бедолаг, как пишут на Западе, а выглядящих вполне здоровыми товарищей и товаров». «На московских улицах все хорошо одеты, людей в лохмотьях и с синими от холода губами нет». (Заметим, автор использует не субъективное и более уместное для поверхностного наблюдателя «я не видел», допускающее и другой набор впечатлений, а категоричное «нет», призванное развеять все сомнения). Правда, в витринах, где когда-то громоздились колбасы и консервы, сыры и фрукты, и возле которых задерживались розоволицые господа, и к которым прижимали носики маленькие оборвыши, сейчас хоть шаром покати. «Но все будет, – заверяет читателей автор, – все, кроме голодных детей и благополучных господ».

У Б. Шмерала, видного деятеля КПЧ, отлегло от сердца уже в советской миссии в Ревеле, когда политик, ожидавший, вероятно, там встретить русских оборванцев, увидел совсем другую картину: «Меня интересует любая мелочь. Курьер, только что приехавший из Москвы, одет в простой черный костюм из грубой, но добротной материи, на ногах хорошие ботинки. Спрашиваю: «Это вы достали в Москве?» Он понял, к чему я клоню, и ответил: «Да. Вы сами увидите, что у нас совсем не так плохо, как считают за границей». Курьер – худой и изможденный. Но зато остальной персонал, который тоже совсем недавно прибыл из Москвы, производит очень хорошее впечатление. Девушки-машинистки не изможденные, не нервные. Они весело смеются, шушукаются» (из кн. «Правда о советской Рос-

сии», 1920)⁵. Те же положительные впечатления и у авторов, которые побывали в Москве в первую половину 1930-х годов и которые, как и Шмераль, вероятно, были готовы к худшему. А. Гофмейстер в книге «Сверх пятилетки» (1931), написанной после первой поездки в СССР (вместе с архитектором Б. Фейерштейном они посетили Москву и Ленинград летом 1931 г.), пишет: «В России голод, нищета, – говорили мне перед отъездом. Тысячные очереди стоят за куском хлеба или мыла. Действительно, я видел в Москве тысячеголовую очередь, самую огромную из замеченных мной – очередь в парикмахерскую. Не скажу, что нет очередей за молоком, мясом, рыбой, очереди есть и на автобус, на маникюр, в кино, на поезд, на тобоган, они есть всюду, но, разумеется, это не очереди голодных»⁶. М. Пуйманова, написавшая книгу «Взгляд на новую землю» (1932) по следам девятидневного путешествия в СССР в 1932 г., тоже спешит опровергнуть распространенное мнение об этой стране, где иностранцу будто бы и шагу не дают ступить без надзора: «Каждый, кто слышал слово «интурист» уверял: «Вот увидите, вас не отпустят от себя ни на шаг». Однако и в Москве, и в Ленинграде каждый мог идти куда угодно и делать, что хотел. У кого были знакомые, ходил к ним в гости. Кто хотел найти работу, бегал по взятым адресам. Один юноша нашел здесь своего товарища, владевшего эсперанто, и уже так и не появлялся в группе, осматривал Москву с ним. Как и в любой другой стране мы могли пойти на почту, в банк, в театр, в кино, гулять по городу, где хотелось».

К тем же приемам опровержения слухов прибегает в своих репортажах о Советском Союзе и Фучик, работавший в 1930-е годы московским корреспондентом чешской коммунистической прессы. Очерк «С открытыми глазами» строится как диалог с самим собой, однако адресованный сомневающимся, которых надо склонить на свою сторону. «Я спрашиваю вас: разве вы видели там изможденные лица и голод, убивающий миллионы? – Нет. Я спрашиваю вас: разве вы видели там разоренные деревни и крестьян, с отчаянием ожидающих неминуемого конца? – Нет! Я спрашиваю вас: разве вы видели там проявления недовольства, ко-

торое не может сломить никакой террор? Разве вы видели восстания против большевиков-узурпаторов? – Нет!» Сейчас трудно сказать, что же мешало Фучику, который не просто побывал, но несколько лет жил и работал в Москве, увидеть и убивающий миллионы людей голод, и недовольство большевиками-узурпаторами, – слепящая взор вера в СССР или выбранные для него советскими властями маршруты, которые держали чешского журналиста вдалеке от недовольных и страдающих? А может быть, он просто на многое закрывал глаза, принося личную искренность и честность в жертву своим убеждениям и долгу красного пропагандиста-агитатора.

Полемическая нота внутреннего спора как с самим собой, так и с политическими оппонентами, пронизывает и очерки «Невидимая Москва» (1935) В. Незвала, впервые приехавшего в СССР в августе 1934 г. на Первый съезд советских писателей. Лидер чешских сюрреалистов, стремившийся передать «невидимую» атмосферу советской столицы, исходил из своей системы ценностей. Его больше интересовало духовное, чем материальное, и ему важно было узнать, насколько интенсивна внутренняя жизнь советских людей, насколько развиты их эмоции и сильны лирические чувства, насколько человек способен сохранить свою индивидуальность в условиях коллективного строительства новой жизни и подчинения личного – общественному: «Меня всегда угнетала необходимость верить в то, что, как утверждается в некоторых репортажах, интерес к общественной жизни подчинил себе все другие интересы советского человека, которого я должен был представлять себе лишь в парадном свете великих идей и великих деяний в виде некоего абстрактного индивидуума, если верить этим репортажам»⁷. Он опасался худшего и был приятно удивлен, убедившись, что в СССР люди любят, страдают от любви и что личная жизнь там бьет ключом: «На каждом шагу, с каждым днем я все больше и больше убеждаюсь в том, что советский человек не только не отрицает личную жизнь во имя общественной, но что, напротив, он расширил по сравнению с нами мир своих интимных чувств самым невероятным способом, с помощью того, что мы называем общественной жизнью»⁸.

«По сравнению с нами...» — это другой лейтмотив очерков о Москве зарубежных писателей, сопоставлявших Москву с Западом не в пользу последнего. (Ситуация, абсолютно противоположная современной.) Сравниваются разные стороны и сферы жизни, но чаще всего — темпы, ритмы, атмосфера: «В Москве много строят. В Европе... очень дорогой кирпич» (И. Ольбрахт). «Все европейские города — Берлин, Варшава, Лондон, Мадрид — имеют ту же атмосферу, что и Прага... Всюду дышишь воздухом, полным бацилл умирающего, разлагающегося общественного строя. Всюду находишь людей, принадлежащих к двум антагонистическим классам: одни увешаны драгоценностями, другие в лохмотьях... Всюду одна и та же атмосфера борьбы за жизнь, бич конкуренции... Страх за завтрашний день, невозможность, бегство от безработицы», — писала М. Майерова, переходя от этих мрачных картин к лучезарным. В Москве — «новый счастливый ритм жизни... Свободно струится и клочечет радость жизни, радость дышать, ходить, есть, разговаривать... радость сладостного осознания причастности к такому обществу, где человек не бичует человека кнутом в страхе за свое существование».

М. Пуйманову во время ее кратковременного путешествия на Восток поражаало не только отсутствие в советской стране безработицы, но и русские просторы. «В Чехии, — пишет она, — когда смотришь из окна вагона, видишь пейзаж. В России — видишь землю. У нас картины за вагонным окном мелькают как страницы альбома, откуда можно извлекать открытки — одна лучше другой, каждая в своем роде. Вот поле, где растет репа, вот лесной уголок, промышленный район, колосающиеся хлеба, панорама гор, и через десять часов вы из Праги уже добираетесь до Штрба. Здесь вы едете пятнадцать часов от границы, а перед вами — простор и великолепное однообразие, безграничное единство земли, которое потрясает».

Особенно любил сравнения с «загнивающим Западом» Ю. Фучик. У него они буквально на каждом шагу. Этот формально-публицистический прием обозначило уже само название первой книги Ю. Фучика об СССР, написанной после

его пребывания там в 1930 г.: «В стране, где наше завтра уже стало вчерашним днем». Те же сравнения определяют мотивы и конструкцию очерков и репортажей 1934–1935 гг., собранных в книге «В стране любимой» (1947). Фучик выступает там не только как журналист, но как идеолог партии, касаясь вопросов принципиальных. По его мнению, отсутствие диктатуры пролетариата приводит к потухшим фабричным трубам, к заброшенным, ржавеющим шахтам на Западе. Наличие пролетарской диктатуры позволяет возводить трубы и башни новых заводов и шахт. И поэтому, полагает автор, лозунг «Догнать и перегнать капиталистические страны!» стоило бы «во имя и ради человека заменить на лозунг: Догнать Советский союз!» («Через 4–5 лет», «Руде право» 30. IX. 1934). «...Если ты знаешь, что за Лондоном, Парижем, Нью-Йорком, Варшавой стоят интересы английских, американских или польских капиталистов, и если те же самые интересы ты станешь искать в связи с Москвой, ты этого не найдешь... Во всех капиталистических странах падает национальный доход... В Советском союзе он вырос за три дня (! – Л. Б.) с 35 до 50 миллиардов рублей...» («Коммунисты против Москвы», «Руде право» 7, 14 и 21. X. 1934).

Прибегает к сравнениям, но иного плана, и Незвал, восхищавшийся советской Москвой, но не советской литературой. Он отмечает уверенность в завтрашнем дне советских людей, что отражается на оптимизме и беззаботности москвичей, и – «отнюдь не метафизический» – «страх перед жизнью в странах частной собственности, который заставляет с опаской встречать каждый новый день, не дает спокойно спать, радоваться и веселиться». Его самого в Москве «отпускает ностальгия», в ней «он забывает о тревожных сигналах, которыми ежедневно пугает Европа».

О Москве писали и умозрительно, даже не побывав в ней. Еще не пройдясь по ее улицам, ее представляли или просто упоминали в своих стихах В. Незвал, С. К. Нейман, Я. Сейферт. В таких случаях из объекта поэзии она становилась ее средством, символом, поэтическим тропом, обозначающим революционные процессы и ориентиры. В одном из стихотворений С. К. Неймана она выступает как

инициатор борьбы старого и нового, ареной которой – «полем боя» – становится не только окружающий мир, но сама душа человека. Иными словами она становится «поджигателем войны» человека с самим собой:

Мы – поле боя

...

Два мира друг друга теснят и громят –
мир новый и мир былого.

...

Старая правда сражается с новой, –
это твоя заслуга,
Москва!

(«Поле боя внутри нас»,
сб. «Красные песни», 1919–1922)

В одной, революционной системе измерений – это действительно большая заслуга – ввергать людей в кровопролитную схватку, терзать, разламывать надвое мир и человеческую душу. В другой, общечеловеческой – это заслуга весьма сомнительная, больше похожая на преступление. Разумеется, чешский поэт С. К. Нейман, как и его единомышленники, исходили из революционных критериев ценностей, без всякой задней мысли наделяя красноречивую Москву «почетной» функцией «возмутителя мирового спокойствия».

С. К. Нейман хотя бы раскрывал читателю то содержание, которое он вкладывал в слово Москва. Юный же Незвал в своей ранней, прославившей его поэме «Удивительный кудесник» (1922) ограничивается лишь упоминанием о Москве, оставляя это безо всякого комментария и полагая, вероятно, что и так все ясно. «Москва» всплывает в контексте поэтического изложения автором своей программы, один из «пунктов» которой – давать людям верные ориентиры:

Светящийся сруб колодца как сигнал
среди глубин преисподней я хотел бы поднять
золотой горизонт когда солнце уже не светит
или хотя бы просто своим пальцем

показать на восток на Москву
а потом побродить по колониям
на побережье Тихого океана.

Можно предположить, что ряд поэтов, еще не видевших Москву, использовали в качестве одного из источников информации очерки И. Ольбрахта «Картины современной России». Об их влиянии на чешскую революционную поэзию, говорит, в частности, стихотворение Я. Сейферта «Благая весть» (сб. «Город в слезах», 1921). Оно посвящено Ольбрахту и в нем находит поэтическое обобщение и сакрализацию суть того, о чем писал прозаик. Сейферт называет «благой» весть о России, приравнивая ее тем самым к вести о Спасителе, только символом спасения с востока выступает не библейская, а советская символика – детали государственного герба:

...Вот из дальних стран
возвращаются люди...
несущие...

...
благую весть,
что на востоке есть прекрасная земля,
где рождается справедливость.

...
Там на востоке мы видим спасенье,
там на востоке, вдали возникает виденье,
восходит ржаных колосьев сноп,
молот и серп...

Очерки Ольбрахта компенсировали и С. К. Нейману нехватку непосредственных впечатлений о России. Они печатались, как уже упоминалось, в приложении к журналу «Червен», а его издавал и редактировал Нейман. Именно Ольбрахт первым стал упиваться новыми названиями и лозунгами советского государства, которые Нейман воспроизводит в своих стихах. Изрядно приевшиеся за годы советской власти, они в то далекое время звучали для зарубежных революционеров как музыка. В очерке «Революционная улица» Ольбрахт пишет об исчезновении в Москве старых и появлении новых плакатов и призывов – «ликую-

ших», «живых и ясных, новых и веселых»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». Описывая рынок, этот «одиноким островок старого мира» возле Сухаревой башни, где вынуждены трудиться, продавая свои вещи, бывшие богатеи, автор заключает – «кто не работает, тот не ест». В стихах Неймана – молитвенный восторг перед теми же названиями и лозунгами:

Россия Советов,
привет!

...

Мать наша,
Российская Социалистическая Федеративная Советская
республика,
учительница, защитница, надежда наша,
будущего основа,
наш путеводный свет!
Снова
тебе шлем привет!

(«Приветствие», сб. «Красные песни»,
перевод П. Железнова.)

Упоминавшиеся в очерках Ольбрахта популярные заповеди большевизма становятся ключевыми образами стихотворения Неймана «Песня уверенности». От имени масс поэт заявляет – «мы мечтаем» о «красных спасителях», «о братстве»,

о кличе, который по миру всему прогремит,
зовя на решительный натиск
в последней пылающей битве
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

...

Мы в рабстве у них,
но звучит в их темницах
«Интернационал»,
железом становится наша воля,
на ярость их мы отвечаем насмешкой:
«Кто не трудится, тот пусть не ест!»

(Перевод П. Железнова.)

Ольбрахт, рассказывая в своих очерках о «бывших», даже жалеет их, потому что никто не придет им на помощь: ни Деникин, ни Врангель, ни чехословацкие легионы. Нейман пишет о тех же персонажах, обрушивая на них свой гнев и обнаруживая известную вторичность своего стихотворения, во многом навеянного революционной публицистикой:

Убийцы – Колчак, Деникин, Врангель,
трусливые банды иуд-эмигрантов,
лжецы-журналисты всех стран буржуазных
отребье человечества...

(«Приветствие»)

Произведения поэтов, побывавших в Москве, несут на себе знаки ее непосредственного восприятия. Это стихи Й. Горы, который ездил в Москву в 1925 г. на празднование Первого мая вместе с делегацией деятелей культуры. Они вошли в сборник «Струны на ветру» (1927). Это стихи Я. Сейферта, который был членом той же делегации и выразил свои впечатления в поэтическом сборнике «Соловей поет плохо» (1926). Названием сборника стала заключительная строка из обширного стихотворения о Москве и смерти Ленина – «Ленин».

Стихи о Москве Горы и Сейферта – произведения больших поэтов, людей тонкой душевной организации, остро чувствующих человеческую боль и сложную ситуацию в стране, пережившую потрясения революции и гражданской войны. В них есть рефлексии и раздумья, и практически отсутствуют революционный энтузиазм и патетика, которые отличают стихи как С. К. Неймана, никогда не видевшего ни Москву, ни Россию, так и некоторые пассажи очеркистов.

«Москва», стихотворение Я. Сейферта, – это перечень не революционных завоеваний, а революционных разрушений. В нем ощутимо влияние поэтики декаданса, звучат мотивы тления и смерти. Московская старина вызывает у поэта ассоциации с мертвым царством и превалируют чувства сожаления, а не удовлетворения от расставания с «проклятым прошлым». Музейные экспонаты лишены музейного спокойствия и несут на себе следы гибели. Они воспринимаются поэтом не как

произведения искусства и культурные ценности, а как найденные на развалинах грустные вещи погибших:

Менуэты давно не танцуют
и некому на арфе играть.
Окна в старом дворце – надгробия мертвых.

Здесь было поле боя.
Окровавленная стена Кремля до сих пор скалит зубы...

Кубки без вина,
знамена, склонившиеся над прошлым,
меч, вспоминающий,
у кого он выпал из рук.

Сгнившие перстни, заплесневелая диадема,
колье, еще хранящее запах духов.

Истлевшие платья мертвых царевен
с маской без глаз, взглядом смерти и проклятья.

Символ власти,

царское яблоко, валяется на земле,
червивое и гнилое.
Конец, конец под золотыми куполами,
смерть стережет кладбище истории.

Кольчуги, пустые как золотые орехи,
на коврах с невиданными узорами,
и ампирные кареты едут обратно в минувшие века
без коней, огней и пассажиров.

Сейферт тоже сравнивает, показывает контрасты между старым (храмы, часовни, дворцы) и приметами нового, малопривлекательного. Увиденное в России поэта в большей степени отпугивает, чем привлекает, а революция чаще всего ассоциируется с кровью. Описывая «город Ленина» (одноименное стихотворение) он рисует жутковатую картину: «Зимний дворец окрашен кровью // ... // Здесь была пролита кровь. Падает снег. Красное с белым. / Ночью это пугает. // Город на Неве, Метрополия поэтов. / На твоих стенах сабля выписывала красные стихи. / Вместо слов любви здесь звучали пушки. / Это была революция. И это все».

Но вернемся в Москву, к живой зарисовке в стихотворении «У Иверской Богоматери» контрастов прошлого с настоящим, в которых последнее явно проигрывает: «От вещей божественных к светским, / от молитвы к грехам / У Матери Божьей Иверской / шумит базар...». Там продаются «значок с Лениным за рубль», «картины, лампы, горшок, подкова, будто пушечный выстрел разрушил буржуйский дворец». Взгляд поэта замечает замолкший граммофон, не научившийся петь революционных песен и вспоминающий то время, когда он играл для знатных барышень; обломанную рапиру, еще не утратившую ту гибкость, которую она проявляла в руках благородного кавалера; кучу старых книг, где сосредоточена мудрость, «отчаяние Достоевского» и где «остывают пушкинские страсти». Но, будто борясь с самим собой, Сейферт чувствует необходимость придать бодрости своим стихам:

Здесь на изнанку выворочено
прошлое, что не вернется назад:
здесь ходят рабочие, ходят солдаты
и женщины в красных платочках.

Взор молодого поэта ласкают белые дамские лифчики на фоне «понурой и кровавой стены Кремля». Но тут же, видимо, стесняясь своего легкомыслия, поэт считает своим долгом вспомнить о чем-то героическом, на ум приходит Жанна Д'Арк, олицетворение женственности и героизма: «Она идет в бой с серебряным щитом и мечом, увенчанная красотой». Однако тема лифчиков не исчерпана. Игривая ассоциация уподобляет их «панцирю любви», прикрывающему и защищающему девичьи груди и сердца, панцирю, который должны «проломить руки возлюбленного». Эти эротические мотивы – в духе увлекавшего в то время Сейферта поэтизма – переключают автора на более приятную для него волну, помогают сбросить тяжесть темы революции, не вдохновляющей, а угнетающей поэта.

Следует отметить, что Сейферт и Гора, поклонявшиеся, несмотря на свою художническую чуткость, идолам революционного движения, пишут в связи с Москвой лишь об

одном человеке, о Ленине. Для них Москва – это город Ленина, но не живого, а почившего. Главная достопримечательность Москвы – Кремль, Красная площадь, на которой все мысли и взгляды притягивает мавзолей. Независимо друг от друга оба делают центром, сердцевиной, сердцем Москвы, т. е. символом символа советского государства – мавзолей, т. е. могилу. Этот страшноватый смысл советской символики обнаруживается лишь сейчас. В эпоху «торжества ленинских идей» это не осознавалось.

Одно из лучших стихотворений Горы на московскую тему – миниатюра «В Москве» (сб. «Струны на ветру», 1927). Там с помощью скупых средств и мастерской композиции создан визуальный образ России и без пафоса выражена популярная идея бессмертия Ильича. Тишину русской снежной земли (общий план) неожиданно нарушает бой часов, переносящий читателя на Красную площадь, к мавзолею, мимо которого идет поэт. Бой курантов ассоциируется с вечным биением ленинского сердца, которое измеряет время истории. Стихотворение это тоже имеет свою пульсацию: оно то раздвигает свои рамки, прибегает к общему плану (образ земли), то фокусируется на конкретной точке пространства (Красная площадь и мавзолей), переходя затем опять к воплощению (очень конкретному) общего, но уже из сферы философии, а именно идеи об исторической миссии ленинизма:

Do nekonečna se rozpíná
země bílá.

Kolikátá již hodina
uhodila?

Jdu jako duch Rudým náměstím
kol Leninova hrobu.

Tvé srdce bije. Je časoměr
a měří dobu.

До бесконечности раскинулась
Белая земля.

Который час только что
пробило?

Как дух иду по Красной площади
около ленинской могилы.

Твое сердце бьется как метроном,
измеряя эпоху.

По всей вероятности именно мавзолей на Красной площади заставил Я. Сейферта сравнить золотые купола Кремля с горящими «свечками над гробом». Они невольно,

скорее всего вопреки намерению автора, отбросили свой ответ даже на картину праздничной демонстрации, сообщив мрачноватый колорит поэтическому портрету Москвы:

...Это была Россия, которую мы увидели,
когда золотые купола Кремля горели
как свечи над гробом.

А потом Москва
на крыльях знамен колыхалась,
и ее улицы так гудели трудом рабочих рук,
что стены трещали.

(«Ленин», сб. «Соловей поет плохо», 1926).

Можно сказать, что поэзия Я. Сейферта и Й. Горы, побывавших в Москве, прониклась трагизмом русской истории. Авторы явно хотели сочинять песни во здравие новой России, что получалось далеко не всегда. Тональность их стихов на русские мотивы диссонировала с тональностью поэзии пламенного революционера С. К. Неймана и революционной чешской публицистики. Она в большей мере отвечала сложности своего времени, которую эти чуткие поэты улавливали интуитивно.

Примечания

¹ См. об этом: Деятели славянской культуры. В неволе и о неволе. XX век. М., 2006.

² *Nejedlý Z. Z české literatury a kultury. Praha, 1972. S. 233.*

³ *Pfaff I. Česká levice proti Moskvě. 1936–1938. Praha, 1993. S. 5.*

⁴ Очерки И. Ольбрахта цит. по кн.: *Olbracht I. Cesta za poznáním. Země sovětů roku dvacátého. Praha, 1957.*

⁵ Здесь и там, где это не оговорено особо, отрывки из прозы чешских авторов цит. по сборнику: *Dobrá zvěst. Z cest za poznáním SSSR ve dvacátých letech. Praha, 1987.*

⁶ Цит. по изд.: *Hoffmeister A. Povrch pětiletky. Praha, 1958. S. 36.*

⁷ *Nezval V. Dílo XXXI. Praha, 1958. S. 71.*

⁸ *Ibid. S. 72.* См. подробнее: *Будагова Л. Н. Незвал и Первый съезд советских писателей // Общение литератур. Чешско-русские и словацко-русские литературные связи. М., 1991. С. 181–225.*

Ярослав Гашек – георгиевский кавалер

Судьбы литературного наследия Гашека

Ярослав Гашек прожил всего сорок лет (1883–1923). Из них более пяти лет он находился в России. Это значительная часть его сознательной жизни, к тому же наполненная на редкость бурными событиями, связанными с Первой мировой войной, двумя революциями и Гражданской войной. Гашек непосредственно участвовал в этих событиях. Не раз сама жизнь его висела на волоске (на австро-русском фронте был случай, когда он вернулся из ночного дозора с простреленной фуражкой, он участвовал в сражении под Сокалем, в котором погиб или был ранен каждый второй его сослуживец по воинской части; в Иркутске неизвестные стреляли в него, и пуля, пройдя по касательной, обожгла ему шею. И т. д.). В военное время продолжалась и литературная активность писателя. Художественные произведения и публицистика, выпшедшие из-под его пера в России, составили впоследствии целых два тома (из шестнадцати) в собрании его сочинений. В эти годы уходит своими корнями и творческая история знаменитой комической эпопеи «Похождения бравого солдата Швейка». Замысел ее был выношен в России. Здесь же были написаны некоторые сочинения, тематически предварявшие этот роман (см. ниже). Несмотря на всё это, о российском периоде в жизни Гашека долгое время было мало что известно. Сведения носили самый общий или отрывочный, клочковатый характер. Ситуация, в которой Гашек оказался по возвращении на родину, не располагала к тому, чтобы и сам он делился увиденным и пережитым. В пору, когда в Чехословакии создавался культ чешских легионеров и воспитывалось чувство гордости за их действия в России, на Гашека многие смотрели как на отщепенца, воевавшего (в период чехословацкого мятежа) на противоположной стороне. Оказались практически перечёркнутыми и полтора года его службы в чехословацких добровольческих частях, и участие в памятном сражении у Зборова, и георгиевская медаль «За храбрость», полученная им после этой битвы, которая рас-

ценивалась теперь как важнейшее звено в становлении чехословацкой государственности. Все заслонила фигура комиссара Красной Армии. Замышлялся даже судебный процесс за измену родине. Привыкший еще в довоенное время создавать вокруг себя атмосферу мистификации и мифа, Гашек считал за благо и теперь сохранять загадочное молчание о своем недавнем прошлом или рассказывать явные небылицы, сбивая всех с толку. Неприязнь со стороны официальных и правых кругов ощущалась и позднее. Правда, в какой-то мере она постепенно гасилась возрастающей популярностью его романа, главы которого печатались в виде отдельных тетрадей-выпусков начиная с весны 1921 г. (вернулся Гашек на родину в декабре 1920 г.).

Однако и с романом далеко не все обстояло так просто: книга сразу захватила массового читателя, но в литературных кругах наряду с одобрительными возгласами (И. Ольбрахта, Й. Копты, Й. Горы и др.) звучали и резко негативные, даже бранные оценки. Определенные слои литераторов не могли смириться с таким мощным вторжением в изящную словесность целого массива варварской и вульгарной, с их точки зрения, народно-смеховой стихии. Некоторые увидели в романе и дискредитацию чешского национального характера, полагая, что автор отождествил его со Швейком или по меньшей мере дал повод для такого отождествления. Да и сам образ этого персонажа воспринимался порой упрощенно. Известный и авторитетный чешский критик и литературовед Арне Новак писал о Швейке, что «/.../ это достойный сожаления тип шута и труса, идиота и обжоры, циника и грубияна, который с редкостным упорством попирает не только войну, но и государство, и честь, и мужество, и патриотизм»¹. Некоторый оттенок «стыдливости» за роман Гашека иногда ощущался в определенной части чешского общества и в дальнейшем, пожалуй, даже вплоть до наших дней. Характерно, что и оценить по достоинству истинные масштабы этого произведения как художественного явления во многом помог чрезвычайный успех его на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в Германии и России. На родине писателя до поры до времени сказывалось правило «нет пророка в своем отечестве».

Разумеется, происходило постепенное накапливание знаний о его жизни и творчестве, правда, с заметным преобладанием интереса к экстравагантности личности Гашека. Но так или иначе, в 1920-е годы было издано первое собрание его сочинений, хотя и далеко не полное. Достаточно сказать, что оно содержало лишь около четырехсот рассказов писателя, тогда как сейчас их насчитывается более тысячи двухсот (авторство многих из них не было установлено и по той причине, что они печатались под псевдонимами, а их было у Гашека около сотни, если не больше). Что касается информации о его пребывании в России, она появлялась пока что главным образом в виде отдельных воспоминаний современников или в беллетризированной либо полубеллетризированной форме, не столь обязывающей к точности и достоверности. До архивов по-настоящему еще не добрались. Систематически их почти не изучали. Тем не менее возникла значительная литература о Гашеке. И количество ее нарастало. Образ Швейка завоевывал все большую популярность, сделался общеизвестным, получил воплощение в других видах искусства – многочисленных театральных инсценировках, в графике (знаменитые иллюстрации друга писателя Йозефа Лады – их сотни), статуэтках и т.д.

Но потом наступила полоса гробового молчания о великом сатирике и юмористе, которое длилось целых семь лет. Еще в 1933 г. в Германии Гашек оказался в списке авторов, книги которых подлежали изъятию из библиотек и демонстративному сожжению на кострах². Сам Г. Геринг (второй человек в Третьем рейхе) в одной из речей, произнесенной им в Пруссии, выражал возмущение тем, что «были случаи, когда управляющие городскими театрами пытались ставить на сцене совершенно нехудожественные, декадентские сочинения /.../ Каждый чиновник, принявший участие в акциях протеста против “Швейка” и других подобных произведений, обладает большим художественным вкусом, чем те управляющие, которые продвигали на сцену такие произведения»³. Нечего и говорить, что во время оккупации Гашек был запрещен и в Чехии, превращенной тогда в германский протекторат, где заставляли молчать не

только живых, но и мертвых. В подробной библиографии писателя (1983), изданной в Праге к столетию со дня его рождения, где тщательно учтены даже мелкие маргинальные заметки о нем в газетах, зафиксированы всего три-четыре упоминания его имени в чешской печати между 1939–1945 гг.. Аналогичная картина наблюдалась и на огромной территории оккупированной Европы.

Иная ситуация сложилась в Советском Союзе. Также широко вошедший здесь в сознание читателей еще в 1930-е годы, образ Швейка в период Отечественной войны неожиданно стал объектом стихийной актуализации. Роман Гашека своей сатирической энергией в немалой степени направлен против германского милитаризма. Это привлекло к нему повышенное внимание советских военных журналистов и сатириков, которые начали сочинять новые и новые похождения Швейка. Сохранялся типаж, но действие переносилось в те дни, в обстановку Второй мировой войны. Находчивый и неуязвимый герой Гашека водил за нос и дурачил гитлеровских фельдфебелей и офицеров или прямо сражался с ними. Обращения к образу Швейка приобрели почти массовый характер. Инициатива возникала или же подхватывалась в разных концах страны. Уже на шестнадцатый день войны в Севастополе, в газете Черноморского флота «Красный черноморец» капитан-лейтенант А. В. Баковиков начал публиковать главы «Новых похождений Швейка». Всего появилось 13 глав. Кстати говоря, в первой же из них автор пророчески предсказал устами Швейка, что Гитлеру придется покончить с собой: «Этот идиот Гитлер объявил советам войну, – говорит Швейк в начале повести. – Не иначе как он решил покончить самоубийством. Живым он из этой войны не выйдет». В июле 1941 г. главы Баковикова читали по московскому радио для бойцов и командиров действующих армий в программе «Слушай, фронт!». По-видимому, эти передачи дополнительно стимулировали появление других подобных повествований. Около двух десятков рассказов о новых похождениях Швейка было напечатано в 1941–43 гг. в газете Юго-Западного фронта «Боевой удар». Осенью 1941 г. в газете «На защиту Ленинграда»

появились рассказы о Швейке профессионального писателя Л. А. Раковского. В течение трех лет, с сентября 1941 по 1944 г. включительно, в газете Западного фронта «Красноармейская правда» М. Р. Слободской регулярно публиковал главы повести «Новые похождения Швейка» (всего было около 90 глав). Пресс-бюро агитации и пропаганды Главпура Красной Армии, начиная с сентября 1942 г., издавало повесть по главам и рассылало их для перепечатки во фронтовых, окружных и армейских газетах. Шесть раз сериал Слободского выходил также отдельными книжными изданиями. Новый образ Швейка был растиражирован в огромных количествах. (Не следует, естественно, преувеличивать художественной ценности таких рассказов. При всем том, если говорить о сочинениях юмористического плана, после Василия Теркина образ Швейка во время войны был едва ли не самым популярным среди солдатской массы.) Известный кинорежиссер Сергей Юткевич в 1942 г. снял фильм о Швейке. Под названием «Двадцать лет спустя» тиражом более 4 000 экземпляров в Москве были выпущены два сборника рассказов о новых похождениях Швейка, написанных на чешском языке чешскими журналистами, оказавшимися в военные годы в Москве⁴. Радиостанция «За национальное освобождение», действовавшая на территории СССР, передавала эти рассказы на Чехословакию. Авторы в сборниках не указаны, но среди них, вероятно, был и Властимил Борек (1886–1952), некогда приятель Гашека, с которым он дружил еще перед Первой мировой войной. (За участие в антимилитаристском движении Борек в 1910 г. был даже арестован, а Гашека в связи с этим подвергли допросу.) Во время Второй мировой Борек был секретарем газеты «Чехословенске листы» (в ее библиотечке и вышли оба сборника), а также сотрудником московского радио, вещавшего на Чехословакию. (Единственный сын Борека погиб на фронте.)

Новый этап в судьбе литературного наследия Гашека и в осмыслении его личности и творчества наступил после 1945 г. Семилетний запрет на его сочинения сменился в Чехословакии нарастающим подъемом интереса к нему. Благоприятно для этого складывались и общественно-полити-

ческие обстоятельства. В довоенные годы, все, что связывало чешского писателя с Советской Россией и службой в Красной Армии, часто рассматривалось (по меньшей мере в официальных и правых политических кругах) как своего рода проступок и грехопадение. После освобождения страны от гитлеровцев Красной Армией эти же обстоятельства воспринимались уже с прямо противоположным знаком или вызывали хотя бы любопытство. О популярности Гашека в послевоенной Чехословакии можно судить по тому, что между 1945 и 1983 (столетие со дня рождения) годами его роман о Швейке издавался там около сорока раз, практически ежегодно. В 1954–1975 гг. чешские читатели получили в свое распоряжение собрание его сочинений (в 16-ти томах), несравненно более полное, чем прежнее, и подготовленное на высоком профессиональном уровне. (Роман «Похождения бравого солдата Швейка» не вошел в собрание сочинений, так как еще раньше, в 1955 г., отдельно был издан с соблюдением научных критериев.) Главная заслуга в появлении этого издания принадлежала трем ценителям творчества писателя – Здене Анчику, Радко Пытлику и Милану Янковичу, основавшим в Чехии и Общество Ярослава Гашека. Появилось и несколько книг о нем названных и других авторов (Я. Кржижека, З. Горжени, П. Блажичка, И. Гаека) и многочисленные статьи, в том числе З. Матгаузера, Л. Мергаута. Была проделана большая библиографическая работа. Во время пражской спартакиады 1955 г. был заново открыт давно уже бездействовавший трактир «У чаши», превращенный теперь в своего рода туристическую достопримечательность, хранящую память о Гашеке и его герое. Большой популярностью он пользовался у иностранных туристов. Начиная с 1959 г. в Липнице, где Гашек провел последние полтора года своей жизни и написал большую часть своего знаменитого романа, стали регулярно проводиться фестивали юмора и сатиры под названием «Гашековская Липница», также с широким участием общественности и привлечением туристов, в том числе зарубежных. В 1983 г. шумно было отмечено столетие со дня рождения Гашека. Состоялась большая международная научная конференция.

Но официальное покровительство имело и свои негативные последствия, в виде, например, возникавших иногда (и в Чехословакии и в Советском Союзе) соблазнов к подгонке «портрета» писателя под представление о безупречном, идеальном коммунисте: «агитатор, боец, интернационалист». Об этом нам еще предстоит говорить. Нельзя, однако, и недооценивать очень многого полезного, что было сделано.

В послевоенные годы сочинения Гашека по-прежнему пользовались большим успехом и в Советском Союзе. Здесь он нашел читательскую аудиторию, значительно превосходящую по численности круг его читателей в самой Чехословакии. Несколько раз издавались собрания его сочинений – в 4-х, в 5-ти и самое обширное – в 6-ти томах. По количеству изданий в СССР Гашек вообще занимает первое место среди чешских писателей. Общий тираж его книжных изданий к 1990 г. превысил 16 млн. экземпляров. Известен случай, когда роман «Похождения бравого солдата Швейка» был выпущен на русском языке тиражом ровно в миллион экземпляров, и все равно книга мгновенно разошлась. (Заслуживает быть упомянутым и последнее издание романа о Швейке в серии «Золотой фонд мировой классики». АСТ. М., 2003 г. Гашек оказался единственным чешским писателем, представленным в этой серии.) Сотая годовщина со дня рождения Гашека отмечалась в Москве в 1983 г. большой трехдневной программой, включавшей научную конференцию в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, выставку коллекции Матко, юбилейный вечер в Колонном зале Дома Союзов. Комитет по проведению юбилея возглавил С.В. Михалков. Юбилейные мероприятия были проведены и в других городах. На юбилее присутствовала группа чехословацких литераторов в составе девяти человек, посетивших также памятные места, связанные с Гашеком, – в Уфе, Иркутске, на Байкале. Еще значительно раньше, в 1962 г. в России возникло Общество друзей Ярослава Гашека, объединяющее ценителей таланта чешского писателя. (Его первым председателем был лучший русский переводчик знаменитого романа, профессор П. Г. Богатырев, позднее – кандидат филологических наук С. И. Восто-

кова.) Некоторые российские и украинские почитатели Гашека настолько увлеклись им, что внимание к этому писателю сделалось для них своего рода пожизненным хобби. Особенно много самых разнообразных материалов о Гашеке, включая газеты военных лет с текстами рассказов о новых похождениях Швейка, было собрано московским инженером Петром Миновичем Матко (1914–1994), создавшим своего рода «домашний» музей чешского писателя (в настоящее время коллекция Матко хранится во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы). Украинский поклонник Гашека И. М. Лозинский совершил даже путешествие по Галиции, повторив маршрут героя Гашека, и, между прочим, подтвердил точность географических и топонимических реалий в романе (было найдено даже озерко близ Фельштина, на берегу которого Швейк переодевался в форму беглого русского военнопленного, благодаря чему попал в австрийский плен). Ряд важных документов был обнаружен Н. П. Еланским, С. А. Антоновым, в Сибири – Б. С. Санжиевым. В российских архивах работали и чешские исследователи – Ярослав Кржижек, автор уже упоминавшейся замечательной книги «Ярослав Гашек в революционной России»⁵, написанной с использованием большого количества архивных документов, З. Штястный, издавший очерковую книжку «Сражающийся Ярослав Гашек» (Уфа, 1962). В свою очередь к чешским архивам обращались российские исследователи. В частности, автору настоящей статьи удалось обнаружить в чешских архивах пенсионное дело пражского ремесленника Йозефа Швейка (1890–1965), послужившего исходным прототипом героя Гашека, и воссоздать его биографию, включая историю пребывания и встреч с писателем в России⁶.

В течение нескольких десятилетий усилиями чешских и российских авторов практически было заполнено большое белое пятно, каким оставалась раньше история службы Гашека в Красной Армии. Гораздо сложнее обстоит дело с первыми двумя годами пребывания его в России. Здесь пишущие о нем наталкивались на непреодолимые политические табу. Лишь в общей форме о тогдашнем несогласии

его с большевиками говорится в монографических работах Н. П. Еланского, Р. Пытлика и др. Составители чешского собрания сочинений Гашека (претендовавшего на полную охвата всего корпуса выявленных к тому времени его произведений) так и не смогли напечатать целый ряд его выступлений в журнале «Чехослован» 1916–1917 г. (статей, фельетонов, стихотворений), посвященных насущным и злободневным тогда политическим темам. (Гашек в те годы не раз заявлял, например, о финансовых связях Ленина с германским генеральным штабом – см. ниже.) Вместо текстов в примечаниях к тому был помещен лишь перечень не вошедших в него материалов (единственный случай на все шестнадцать томов). О причинах хранилось красноречивое молчание.

Коснемся в нескольких словах и периода после падения коммунистического режима в Чехословакии, т. е. после «бархатной революции», прошедшей под лозунгами демократии и свободы, в том числе свободы мысли и слова, гласности. Казалось, наконец-то установится уравновешенное и объективное отношение и к Гашеку – без утаек чего бы то ни было в его биографии, взглядах и творчестве и без пристрастий и нетерпимости к разным тенденциям, проявившимся в его общественно-политических позициях и сочинениях. Однако в действительности произошло нечто обратное. Ему снова припомнили службу в Красной Армии и увлеченность идеей социализма. В официальных кругах и общественном мнении едва ли не возобладало снова укоризненное отношение к самой его фигуре. Вокруг него вновь сложилась чуть ли не атмосфера неприязни и запрета. Сократились издания его произведений. По сути сошли на нет фестивали юмора и сатиры. Прекратились даже слухи о возможности создания музея Гашека в Праге (одно время обсуждался, в частности, вопрос о размещении такого музея в бывшем ресторане «Монмартр», где Гашек некогда выступал с кабаре-представлениями). Так и не был установлен в Праге памятник писателю, скульптура которого была выполнена еще около четверти века тому назад одним из лучших чешских скульпторов Йозефом Малейовским (автору этих строк некогда довелось побывать в его ателье и

своими глазами видеть это изваяние). После «бархатной революции» приматор Праги Ярослав Коржан распорядился убрать камень с Ольшанской площади, где ранее состоялась закладка памятника Гашеку, а скульптура, уже отлитая в бронзе, была распилена на четыре части.

Правда, в последнее время ситуация стала существенно меняться к лучшему, чему в немалой степени способствует и активность внука писателя Рихарда Гашека*. Сейчас он возглавляет и Общество Гашека в Чехии. Несколько лет тому назад он рискнул на собственные средства создать в Липнице и нечто вроде музейно-туристического центра с гостиницей, посвященного его знаменитому деду. В 2003 г. здесь состоялась конференция, приуроченная к 120-й годовщине со дня рождения Гашека, с участием и нескольких гостей из-за рубежа. Знаменательно, что конференцию посетил председатель сената парламента Чешской республики Петр Питтарт. Письменное приветствие прислал министр культуры П. Достал. Материалы конференции были изданы отдельной книгой под названием «Гашек и Швейк. Юмор тысячелетия»⁸.

В октябре 2005 г. в Праге наконец был поставлен и памятник Гашеку, созданный Карелом Непрашем и окончательно завершённый его дочерью Каролиной после смерти отца. Местом для памятника избран район Праги Жижков, где Гашек одно время проживал и начинал работу над романом о Швейке. Непраш исходил из того, что памятник великому комику требует художественного решения, также не лишённого озорного и провоцирующего юмора. Была создана конная скульптура, скомбинированная с четырехгранным вертикальным брусом, напоминающим трактирную стойку, который и служит пьедесталом для бюста Гашека, взирающего на зрителей. В некоторых газетных откликах встречаются утверждения, что памятник, располо-

* История имени внука восходит еще к годам молодости Ярослава Гашека и Ярмилы, которая часто называла его за широту натуры Ричардом Львиное Сердце. Это имя они дали и своему сыну, от которого его унаследовал впоследствии и внук писателя, ныне здравствующий Рихард Гашек (кстати и внешне очень похожий на своего деда).

женный в том же районе, что и монументальная конная скульптура Яна Жижки, будет неизменно давать повод для серьезных и юмористических раздумий о двух знаковых феноменах чешской истории и культуры. Чехи с их неповторимым национальным юмором, порождением которого явилось и собственное творчество Гашека, остались верны себе и в увековечении его памяти.

Все сказанное означает, видимо, что колебания в оценках Гашека и метания из одной крайности в другую постепенно будут затухать, а отношение к нему станет более спокойным и объективным и «уляжется» в более широкое и доброжелательное русло. Как бы то ни было, ощущается потребность в дальнейших исследованиях его жизни и творчества писателя и главное недостаточно проясненных «участков» его биографии, взглядов, их динамики и т. д. К их числу относится и начальный период (1915–1917 гг.) его пребывания в России, некоторые особенности которого и освещаются ниже.

В добровольческих воинских частях

Начало Первой мировой войны Гашек встретил с теми же чувствами, что и большинство его соотечественников, не только не горевших желанием сражаться за победу империи Габсбургов, в состав которой входила Чехия, но и нередко желавших ей поражения. Многие из них предпочитали сдаваться в плен, особенно на русском фронте, и даже участвовали потом в боях против Австро-Венгрии. Были случаи, когда сдавались целыми полками (28-й, 36-й чешские полки). Гашек перед отправкой на фронт также острил, что на передовой, конечно, не упустит возможности заглянуть и на противоположную сторону. Расставаясь с одним из знакомых, он подарил ему книгу своих рассказов с выразительной и небезопасной надписью: «Через несколько минут я уезжаю куда-то далеко. Может быть вернусь казачьим атаманом. Если же буду повешен, пришло тебе на память кусок той веревки»⁹ (по австрийским законам за переход на сторону военного противника полагалась смертная казнь

через повешение). На фронте он сразу стал искать случая сдаться в плен. После двух-трех неудачных попыток такая возможность представилась 24 сентября 1915 г. близ местечка Хорупаны к северо-востоку от Львова. Потом был более чем трехсоткилометровый пеший переход в колонне военнопленных (через Новоград-Волынский, Житомир, Коростышев и Киев) до лагеря в восточном предместье Киева – Дарница. Позднее он оказался в Тощих лагерях близ Бузулука, перенес там тяжелейший тиф (врачи считали его обреченным, но он выжил и более того – три года спустя, уже будучи в Красной Армии, еще раз перенес тиф).

Весной 1916 г. в лагерях стало известно о формировании в России чехословацких добровольческих частей (созданных по настоянию чехов и словаков после первоначальных отказов царского правительства). Гашек сразу же записывается добровольцем и агитирует поступать таким же образом других. В конце июня он прибыл в Киев. На известной его фотографии той поры (где он снят курящим трубку) видно, что у него не вполне еще отросли волосы, остриженные в больничном бараке. Некоторое время Гашек служит писарем при штабе войска, периодически выезжая непосредственно на фронт. Сразу же возобновляется и его литературная активность. (По слухам он и в лагере пробовал что-то писать и за неимением бумаги пытался даже использовать для записей берёсту. Жаль, что не сохранилось ни одного такого автографа). Он широко сотрудничает с еженедельным журналом «Чехослован», издававшимся в Киеве на чешском языке. Начиная с июля 1916 г. почти в каждом номере печатаются его материалы – статьи, корреспонденции с фронта, сатирические очерки, рассказы, стихотворения, юморески. Все они были тесно связаны с актуальными задачами борьбы против Австро-Венгрии. Его творчество и раньше было насыщено духом протеста против социального и национального гнета, который олицетворяла в его глазах ненавистная Габсбургская империя. Он даже участвовал в молодости в оппозиционном политическом движении, примыкая к анархистам, хотя потом убедился в слабости и бесперспективности их борьбы и отошел от них, отнюдь, одна-

ко, не смирившись ни с существующим социально-политическим строем, ни с неравноправным положением славянских народов в Австро-Венгерской империи. Теперь все эти чувства вновь до предела обострились.

Одна из отличительных особенностей нового периода в жизни Гашека состояла в том, что полюс отрицания в его сознании и творчестве как никогда прежде оказался уравновешенным полюсом утверждения. Не в смысле интуитивного или осознанного чувства «нормы», которая всегда явно или подспудно, эксплицитно или имплицитно присутствует в любом сатирическом и юмористическом произведении в качестве незримого критерия оценок – отрицания, обличения, осмеяния. В данном случае речь идет о другом – об обретении конкретной позитивной цели, ставшей смыслом жизни. Такую цель, захватившую все его существо, он нашел теперь в борьбе за освобождение родины, для которого открылась вдруг вполне реальная перспектива и определился практический путь борьбы с реальными шансами на успех. Само его литературное творчество полностью слилось с этой борьбой, приобрело как бы «программный» характер. И «программность» в данном случае была не данью умозрительной установке, а велением сердца. Возросла и энергия обличения. Не стесненный цензурными путами и параграфами закона о печати, которые ограничивали возможности его сатиры в довоенные годы, Гашек дал теперь полную волю своему темпераменту сатирика и памфлетиста. При этом в фокусе его внимания находились не периферийные и не отдельные стороны, а сама суть, главные силы и институты имперской системы – монархия, полицейско-бюрократический режим, аппарат сыска и принуждения и т. д. Мишенью сатиры становятся и конкретные лица, не исключая августейших особ. Выделяются своего рода литературные карикатуры. О действенности подобных выступлений Гашека на страницах «Чехослована» можно судить по тому, что уже вторая или третья его публикация в этом журнале вызвала болезненно-гневную реакцию в Вене. Поводом для негодования послужила «Повесть о портрете императора Франца Иосифа». В торжествующе-сатирическом ключе ав-

тор развивал в этой повести или скорее рассказе мысль о безнадежном падении авторитета австрийского монарха в глазах подданных. Сюжет сводился к истории с торговцем, мечтавшим в начале войны нажиться на портретах государя императора и закупившего большую их партию, но полностью прогоревшего, так как никакие скидки и рекламы не помогали сбыть залежалый товар, который плеснел в чулане, куда ко всему прочему повадился заглядывать кот. Дразняще неуважительный тон сатиры призван был развеивать у читателей из числа военнопленных еще не изжитые у некоторых из них остатки былых иллюзий относительно монарха и боязливые представления о могуществе империи. Венские власти, тщившиеся следить за поведением своих бывших граждан даже за линией фронта, завели на Гашека целое дело по обвинению в государственной измене и оскорблении императорского величества. Делопроизводство тянулось потом вплоть до падения империи. Судебные материалы до сих пор существуют в архивах, сохраняя ценность документального подтверждения актуальности и эффективности сатиры Гашека.

Удивительное, хотя и совсем иного рода актуальное «продолжение» получила и история рассказа Гашека «По стопам тайной полиции в Праге». Автор вспомнил в нем реальные эпизоды 1907 г., происходившие в бытность его редактором анархистского журнала «Коммуна». Тогда в редакции дважды появлялся тайный агент австрийской полиции с намерением подбросить провокационную бумагу, которую потом обнаружили бы при обыске. Оба раза гость гримировался и выдавал себя в одном случае за итальянского анархиста, оказавшегося в России, но бежавшего отсюда из-за преследований, в другом за агитатора, проводившего политическую работу среди шахтеров на севере Чехии. Гашек с друзьями сумели разоблачить посетителя и опознать в нем полицейского конфидента Александра Машека. В завершение рассказа сообщалось, что в данный момент Машек находится в России и очень интересуется чешскими делами. Все это можно было принять за художественный вымысел. Однако спустя несколько месяцев, в журнале «Чехо-

слован» появилось сообщение, текст которого гласил: «Известный австрийский полицейский агент-провокатор Александр Машек, который состоял также на службе полиции в России, освобожден из тюрьмы в Минске и теперь слоняется по России, утверждая, что направлен в Туркестан. Одет в русскую военную форму и показывает некий документ, свидетельствующий, будто он является австрийским военнопленным. Присутствие Машека, учитывая его прошлое, не только идет во вред национально-революционным интересам чехов, но и не исключает возможности, что его деятельность граничит с разведывательной. В этой связи во имя общих интересов надлежит немедленно сообщать информацию о месте пребывания этого агента-провокатора и о его прошлом в официальные учреждения»¹⁰. Автором объявления был Гашек¹¹. Осенью 1917 г. его специально пригласили в Киев, для опознания Машека*. (Позднее, перед перемещением чехословацких легионов с Украины в Сибирь австрийский шпион был расстрелян одним из взводов чехословацких добровольческих частей)¹².

Особое место в литературном творчестве Гашека 1916–1917 гг. занимают его корреспонденции с фронта, в том числе непосредственно о боевых действиях. Характерна, например, ни у нас, ни в Чехии ни разу не воспроизводившаяся после первой публикации статья «Наши георгиевские кавалеры». Поясним, что положения российских законов о воинских награждениях были распространены во время мировой войны и на контингент чехословацких добровольческих частей. Гашек как раз и пишет о чехах, награжденных за боевые заслуги георгиевскими крестами и медалями (георгиевский крест, как известно, был солдатской наградой, офицеров награждали георгиевскими медалями). Подробно описывая, за какие конкретные подвиги и действия на фронте давались

* Автор жизнеописания Гашека В. Менгер утверждает, что Гашек якобы узнал и изобразил Машека еще в 1915 г. в лагере для военнопленных. Глубокой ночью, когда все в барак спали, он будто бы громогласно объявил через рупор: «Внимание, внимание! Разыскивается австрийский шпион Машек. Передать дальше». Перепуганный Машек стал метаться и выдал себя.

георгиевские награды, Гашек утверждает, что пункты статута этих наград стали своего рода заповедями для чешских воинов. «За каждой такой лентой, – пишет он, – стоит подвиг, во многих случаях связанный с тем, что человек неоднократно смотрел смерти в глаза /.../ причем речь идет не только о разведывательных действиях, но и о прямом участии в боях, что документировано и пояснениями в наградных приказах командования (далее Гашек цитирует русский текст. – С. Н.): “Передайте молодцам чехам горячую благодарность за энергичные дружные действия в совместном бою при атаке высоты...ночью от 8 на 9 марта. Ш.”»¹³. Продолжая, Гашек описывает около десятка конкретных примеров отважного поведения своих соотечественников на передовой: «Перед моим взором проходит череда героев, чьи имена навечно означены в армейских приказах. Так например, пятьдесят добровольцев пробиваются во вражеские окопы и принуждают сложить оружие и сдаться семьдесят немцев. И все пятьдесят человек, не отпуская пленных, снова пробиваются затем сквозь значительно превосходящие силы противника и возвращаются в свою часть». Или: «Солдат Ф., – произведенный позднее в прапорщики, – переодевшись в форму австрийского офицера, два дня живет в окопах противника (многие чехи свободно говорили по-немецки. – С. Н.), приводит с собой несколько языков и приносит новейшие сведения о расположении вражеской воинской части». Как и многие другие корреспонденции, статья завершается напоминанием о целях борьбы: «Эти воины – борцы за идею, путь к осуществлению которой лежит через поле боя. Так рождаются георгиевские кавалеры, подвиги которых продиктованы совестью чешской истории. И если на груди чешского бойца сияет георгиевский крест, то в его сиянии – свет нашего будущего». После участия в известной битве у Зборова (она произошла в июле 1917 г.) Гашек и сам был награжден серебряной георгиевской медалью «За храбрость».

С радостью писатель наблюдает за изменениями, которые происходили в сознании его соотечественников. По мере развития событий менялось само настроение и поведение всей солдатской массы. Одним оно было в австро-венгерской

армии и совершенно иным – в чехословацких добровольческих частях. Всюду, где у Гашека встречается упоминание о чешском национальном характере, мы находим противопоставление двух качеств: с одной стороны, воспитанная столетиями национального гнета робость, нерешительность, уклончивость, мещанская ограниченность и эгоизм, склонность к фразе, притворству, внешней лояльности, с другой – «выпрямление» характера, пробуждение исконной и жившей подспудно неприязни к угнетателям, внутренней непокорности и твердости, которая оборачивалась теперь смелостью и отвагой. Это противопоставление повторяется из статьи в статью: «Люди с характерами колеблющимися и боязливыми, очнувшись в огне испытаний, лицом к лицу с неумолимой правдой, проходили через очистительную купель и становились мужами, – пишет он о процессе, совершавшемся у него на глазах. – Перемены, для которых в мирных условиях требовались бы десятилетия, совершались за одну ночь, в течение нескольких дней.» (13–14, 162). Или: "Из тяжкого порабощения, из трехсотлетнего рабства рождается новый народ, отважный и смелый, с несгибаемым позвоночником, с героическим блеском в глазах, с душой пламенной и самоотверженной» (12–13, 241). Или: «Она (война. – С. Н.) была национальным жизненным испытанием, в котором чешский человек, когда ему грозили австрийские виселицы, сохранил твердый, непреклонный характер и не склонился перед Австрией» (13–14, 244). И далее: «Для нас сегодняшняя война – не только прежняя война техники, но и внутренняя война, это война возрождения души» (13–14, 110).

В корреспонденциях с фронта Гашек писал не только о боевых действиях, но и о буднях воинской службы, о быте солдат добровольческих частей, донося и в этих зарисовках какие-то грани коллективной психологии солдатской массы, объединенной общими устремлениями и целями. Эти очерки также согреты самыми теплыми чувствами к бойцам, которых он часто называет «наши ребята» («naši hoši»). В одном из его очерков, например, рассказывается, как бойцы полка, расположенного в районе реки Стоход, сооружали и обустроивали свои землянки, состязаясь в оформлении их

внешнего вида и интерьера, в искусстве кладки печей и изобретении разных конструкций дымоходов. Каждой землянке «хозяева» давали названия. Часто это были женские имена. Одна, например, называлась «Татьяна» в честь пушкинской героини. Повествуется, как на досуге солдаты увлеклись плетением корзинок из прутьев ивы, которые дарили потом девушкам из окрестных селений.

Внимание Гашека привлекли рукописные журналы, «издававшиеся» в полках и содержавшие и прозу, и стихи, и юмор, и рисунки. «В чешских войсках возник целый ряд новых разновидностей журналов, своего рода воинских газет, культивирующих не только свой собственный, так сказать, ротный, юмор, но и наглядно отражающих весь образ мыслей чешского воина, его горячую любовь к родине, выраженную в стихах и прозе /.../, – писал он. – В сегодняшней тревожной и нервной обстановке, в необычайной пестроте сменяющих друг друга впечатлений даже несколько таких номеров, что лежат сейчас передо мной, способны освежить душу. Это чтение праздничное, милое, мягкое /.../ Однажды в спокойной обстановке, на родине все эти журналы, написанные нашими бойцами на фронте, необходимо будет собрать воедино и сделать достоянием нашей печати, ибо познать историю таких журналов значит познать дух чешского воина в эпоху чешской революции»¹⁴. Информирова о журналах «Искра», «Таборит», «Палцат» (в русском переводе – «Булава»), Гашек цитирует образцы стихов, сочиненных бойцами, – например, о воинских традициях Жижки:

Kdyby náš tatík Žižka vstal /.../
zas píseň by nám zazpíval
svých božích bojovníků.
Jen palcátem by zamával
a než se nadáš, již by stál
on v čele našich šiků.

Если бы отец наш Жижка встал /.../
вновь песнь бы он для нас запел
о божьих воинах своих,
Взмахнул бы снова булавой

и мигом встал бы во главе
всех наших войск.

Одно из стихотворений стилизовано под молитву:

Můj bože neznámý /.../
Já neprosím o návrat do své chatky
já neprosím Tě o své zdraví, žití
já neprosím ni o objetí matky...
Jen o to prosím bože nade všemi:
Dej to, že mám-li zemřít v boji,
dej, abych padl v naší české zemi.
A nad Prahou až slavné vzejdou časy,
o českém vojsku vyprávět až budou matky.
Já budu slyšet vše pod dmoucími se klasy...

О, мой боже /.../
Я не прошу возвращения в родную хату,
Я не прошу для себя здоровья и жизни,
Я не прошу материнских объятий...
Я прошу лишь, боже всевышний,
Если мне суждено умереть на поле брани,
Чтобы пал я на нашей земле,
И когда для Праги настанет славное время
И матери станут рассказывать детям о чешском войске,
Чтоб я слышал все это под шелест колосьев...

«Вы читаете эти стихи,— заключает Гашек, — и чувствуете бесконечную любовь к этим славным ребятам, воюющим на фронте». Наверное, самым главным чувством, которое владело им в добровольческих частях, стало ощущение слитности с огромным коллективом, устремленным к общей цели*.

* Гашек несколько раз возвращался в своих корреспонденциях к рукописным армейским журналам. См., например, статью «Наши пулеметчики». Судя по беглому упоминанию в цитированной выше статье, им был опубликован также специальный материал о журнале «Таборит». Не исключено, что эта пока что не найденная публикация была напечатана под псевдонимом или без подписи. В этом случае сама тема (названный журнал) могла бы послужить аргументом при атрибуции текста, т. е. установлении авторства. Отдельные номера рукописных жур-

Но Гашек писал не только о том, что непосредственно наблюдал на фронте и в чехословацких добровольческих частях. Как и многие писатели XX в., он питал повышенный интерес к большим социально-политическим процессам и международным событиям, происходившим в мире, что также получало преломление в его художественных произведениях и в журнальной публицистике. Его выступления в печати порой буквально пестрят упоминаниями о событиях государственной и общественной жизни в России и других странах. В конце 1917 г. он даже написал своего рода стихотворную хронику, обзрев месяц за месяцем все события года. В общей сложности двенадцать частей этой рифмованной хроники насчитывают более трехсот строк¹⁵.

Естественно, в сознании писателя, в его размышлениях о будущем чешского народа особое место занимала Россия, где и совершались судьбоносные для его родины события. Ощущение российского контекста – важнейшая особенность самой атмосферы его литературного творчества этого периода. Он с юности проявлял очень большой интерес к этой стране, знал русский язык и русскую литературу. Друг его молодости Иржи Гаек вспоминал впоследствии: «Гашек очень любил русских авторов и сам имел так много общего с Максимом Горьким. Мы хотели жить по-русски». И дальше: «Мы хотели жить по-русски. Мы хотели познать жизнь и писать о ней такой, какой мы сами ее познали»¹⁶. (Опыт непосредственного и сознательного наблюдения жизни, накопленный русскими писателями, и в частности Горьким, возможно, был для Гашека одним из стимулов и его собственного увлечения странствиями: он исходил в юности пешком всю Австро-Венгерскую империю, а отчасти и соседние страны». Из этих странствий он и приносил многие свои первые рассказы.) В пору участия в анархист-

налов чешских воинских подразделений недавно были обнаружены в российских архивах и описаны известным московским историком-богемистом Е. Ф. Фирсовым (*Фирсов Е. Ф. Рукописные журналы на родном языке чешских добровольцев в России в 1916–1917 гг., или Чехия – земля обетованная // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 221–226*).

ском движении (1904–1907) Гашек увлекался Кропоткиным и распространял его брошюры, не без сочувствия относился к действиям русских террористов, бросавших вызов самодержавию. Теперь Россия оказалась страной, где рождалось, обретало конкретные формы и набирало силу чехословацкое вооруженное освободительное движение, которое Гашек называл национальной революцией. Россия стала для него родиной этой революции, а Киев, где формировались чехословацкие добровольческие части и вызревала идея чешской государственности, ее «колыбелью» (13–14, 329).

Размышляя о судьбах чешского народа и о возможных вариантах политического устройства в будущем государстве, в какой-то начальный момент Гашек не исключал, что по стечению обстоятельств в стране может сохраниться и монархический строй, и полагал, что этом случае на троне желателен был бы кто-то из рода Романовых. Однако подобную мысль, мелькнувшую было в одной из его статей, скорее следует считать минутным мысленным допущением. Сколько-либо заметных симпатий к самодержавию Гашек никогда не питал. Спустя два-три месяца он с восторгом встретил Февральскую революцию, благодаря которой, по его мнению, «великая славянская держава сразу возвысилась как страна свободы, где властвует разум, а отнюдь не воля деморализованных индивидов» (13–14, 155). В конце марта 1917 г. он делился мыслями о событиях в России: «То, что здесь создается, уже давно живет в наших сердцах. Они (россияне. — С. Н.) лишь указывают нам верный путь. Ясно, что движение, цель которого отстоять интересы народа и добиться установления республики, не может достичь ее только парламентскими средствами. Необходимо действовать иным методом. Таким методом и является революция. Как успешно осуществить ее, показала в эти дни Россия, где силой был свергнут старый строй и выдвинуто требование о создании республики. У нас эти требования вызывают особые симпатии. Мы сами осуществляем вооруженную революцию против Габсбургской империи и потому провозглашаем в связи с русским переворотом: “Да здравствует революционное войско первой чехословацкой республики”» (13–14, 380).

Но если Февральскую революцию Гашек встретил восторженными приветствиями, то совершенно иным было в то время его отношение к большевикам, политику которых он считал антипатриотичной и наносящей вред интересам как России, так и чехов и словаков. Он неоднократно и убежденно заявлял о финансовых связях Ленина с германским генеральным штабом и приводил в пользу такой версии некоторые собственные доводы и соображения. Особенно показательна в этом смысле его оценка июльских событий 1917 г., когда русский фронт под влиянием большевистской агитации стал разваливаться, а чешские части оказались в критическом положении. Характерна его статья «Письмо с фронта», опубликованная им в журнале «Чехослован» 13 сентября 1917 г., а написанная еще раньше. (Заглавие сопровождалось авторской пометкой: «С передовой. 15 августа 1917»¹⁷.) Письмо подводит своего рода итог анализу событий начала июля 1917 г., вылившихся в прорыв русского фронта. «Сегодня становится ясно, – писал Гашек, – что первое колебание русского фронта 5 июля этого года находится в непосредственной связи с демонстрациями большевиков в Петрограде, когда они выдвинули лозунг, призывавший войска на фронте покинуть окопы. Это было своего рода саботирование ведения войны, начавшееся самотрелами приверженцев большевиков, которые повреждали себе пальцы и покидали позиции. На многих участках фронта эта болезненная процедура переросла в силой навязанную забастовку. Полки, которые должны были наступать и атаковать противника, насильственно задерживались другими полками, стоявшими в резерве, проведена была разнужданная массовая агитация во вновь прибывших батальонах и наконец было начато выполнение намеченного плана – добровольное оставление позиций»¹⁸. Гашек отказывался признать случайностью совпадение по времени переброски германских войск из Франции под Тернополь и последующего наступления немцев с подготовкой и организацией беспорядков в Петрограде. «Немцы сейчас говорят, что это было „unverhoffte Offensive“ („неожиданное наступление“. – С. Н.), но тот, кто видел связь между снятием войск с фран-

цузского фронта и переброской их на тернопольский фронт с забастовкой в русских полках на этом участке, где в полковых комитетах преобладали большевики, тот, кто на месте наблюдал, как немцы и австрийцы развивали свою операцию на этих именно выступах фронта, тот приходит к убеждению, что “unverhoffte Offensive” было, собственно говоря, совместно разработанным военным планом немецко-австрийского генерального штаба и ленинцев»¹⁹. Мысль о роли германских денег в российских событиях не раз повторяется в статьях и фельетонах Гашека. Он резко отрица-

* К близким выводам приходят и некоторые современные исследователи. Автор книги «Досье Ленина без ретуши» А. Арутюнов, подробно исследовавший этот вопрос, констатирует: «Начиная с весны 1917 года крупные денежные средства направлялись из германских банков [...] для материального обеспечения большевистского переворота. Документы из РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. – С. Н.) и политического архива МИД Германии доказывают, что планы большевистского государственного переворота в России разрабатывались при активном участии германских спецслужб и дипломатов и реализовывались при большой материальной поддержке немецких банкиров» (Арутюнов А. Указ. соч. М., 1999. С. 81–83.) Крупная сумма германских денег была предоставлена большевикам и в конце июня 1917 г. – в канун попытки большевистского путча в Петрограде, предпринятой в начале июля (с. 84, 95.) Особого внимания заслуживают установленные А. Арутюновым, а ранее тщательно скрывавшиеся сведения о том, что в знаменитом «пломбированном» вагоне весной 1917 г. вместе с ленинским «десантом» в Россию прибыли под вымышленными русскими фамилиями два крупных разведчика германского генерального штаба, майоры Андерс (Рубаков) и Эрих (Егоров) (с. 73–76.) Из последних публикаций по вопросу о германских связях большевиков обращает на себя внимание интервью историка-чеха Збынека Земана, еще в 1958 г. обнаружившего в архивах и обнародовавшего так называемый «Меморандум Парвуса», в котором автор (известный крупный банкир и международный авантюрист) предложил германским верхам план свержения законной власти в России путем тайного вмешательства во внутренние дела страны и субсидирования оппозиции и подполья (См.: Кармелюк Н. Русская революция стоила 60 миллионов немецких марок // Профиль. 2005. № 9. 14 марта. С. 110–113.). Модель и механизм такого рода вмешательств в события в других странах в мо-

тельно оценивал и первые действия советской власти. В рождественском «Фельетоне» 24 декабря 1917 г., сообщив, что большевики отменили рождественские праздники, он напоминает, что они еще до этого успели отменить и «многое другое», в том числе:

- «1. Свободу печати
2. Свободу личной независимости
3. Свободу убеждений
4. Свободу носить чистую манишку, не вызывая подозрения, что ты “буржуйка паршивый” (здесь и далее слова в кавычках написаны по-русски.— С. Н.)
5. Свободу иметь в кармане сорок керенских рублей и не вызывать подозрения, что ты долго пил “кровушку нашего брата”
6. Свободу мысли. Я имею в виду и случаи, когда человек вообще ничего ни о чем не думает и ничего не мыслит, а матросы с крейсера “Аврора” скажут ему: “Видели вы его, этого контрика? У него контрреволюция на уме, бей его, интеллигента”
- 7., 8., 9. ... Нашлось бы много чего и другого, что отменили большевики. Единственно, чего они не отменили, это обещание, которое Ленин дал императору Вильгельму, по настоящему (рѣкнѣ) разворотить все в России»²⁰.

В стихотворном «Малом фельетоне» (14 января 1918 г.) Гашек иронически упомянул как о решенном деле о разгоне Учредительного собрания:

Je rozeženou k větší jeho slávě,
jak zprávy přišly nyní poslední²¹.

Его разгонят к вящей его славе,
как нынче сообщения гласят.

менты системных кризисных ситуаций там, апробированные в 1917 г. в России, не раз использовались впоследствии, в том числе во время современных цветных революций, что облегчается в наши дни и возможностью мгновенного накачивания тех или иных настроений с помощью современных средств массовой информации.

Нечего и говорить, что подобные статьи, фельетоны, стихи не перепечатывались ни в Советском Союзе, ни в Чехословакии при коммунистическом режиме.

Содержание приведенных публикаций, помимо всего прочего, находится в полном противоречии со сведениями о дате вступления Гашека в компартию, которая записана в его партбилете, выданном ему политотделом Пятой армии в 1920 г.. Там указан 1917 год. Та же дата упоминается и в одной из ведомостей политотдела, причем в этом случае указан и месяц – октябрь. Трудно сказать, чем объясняется эта ошибка – небрежным отношением самого Гашека к формальностям, невнимательностью человека, заполнявшего бланк билета, чьим-то желанием завысить партстаж Гашека и вести его с момента октябрьского взятия власти или некими иными соображениями, мотивами и причинами. Остается ясным одно – в указанное время Гашек никак не мог вступить в компартию. Как мы видели, на протяжении всего 1917 и в начале 1918 г. он занимал по отношению к большевикам резко отрицательную позицию.

Несмотря на все сказанное, вскоре Гашека все же захватит идея социальной справедливости, которую провозглашали коммунисты, и представление о перспективе всеобщей социальной революции в Европе. Отчасти и поэтому он был решительно против перемещения чехословацких добровольческих частей в Сибирь, а оттуда во Францию. Он полагал, что они должны продолжать борьбу против Австро-Венгерской империи. На этой почве он резко расходится с руководством чехословацкого корпуса и, покинув в конце февраля 1918 г. Киев, уезжает в Харьков, а затем пробирается («частично поездом, а по большей части пешком», как вспоминал один из его спутников) в Москву. В конце марта 1918 г. уже в первом номере чешского журнала «Прукопник» (в буквальном переводе «Первопроходец»), который стал издаваться в советской столице, появляется его статья «К чешскому войску. Зачем нам ехать во Францию?», в которой он обращается к воинам-соотечественникам с призывом отказаться от переезда во Францию и «помочь русскому народу укрепить республику советов, от которой исхо-

дят лучи освобождения для всего мира и для нашего народа»²². К этому же времени относится и вступление Гашека в компартию, что зафиксировано и в анкете, собственноручно заполненной и подписанной им в середине ноября 1920 г. перед самым отъездом на родину.

В апреле 1918 г. Гашек уже находится в Самаре, где занимается вербовкой чехов и словаков в отряды Красной Армии. После вспышки конфликта между советскими властями и чехословацкими legionерами и начала чехословацкого мятежа командование мятежных войск, наступавших на Самару, отдало распоряжение о немедленном аресте Гашека, обвиненного в государственной измене. В случае задержания ему грозил неминуемый расстрел, если не виселица. Тем не менее он не ушел из Самары вместе с частями Красной Армии, а предпочел скрываться в мордовских селах в тылу белочехов. В этой истории немало неясного и загадочного. По некоторым сведениям Гашек не попал на уходящий поезд, так как задержался, чтобы уничтожить списки чехов-интернационалистов и спасти их от смертельной опасности. Но нельзя исключить, что сыграли роль и еще оставшиеся у него колебания по поводу политики советской власти. Известно, что он решительно не одобрял Брестского мира. Один из современных чешских авторов Павел Ган высказал предположение, что весной 1918 г. Гашек оказался близок к настроениям левых коммунистов и эсеров-максималистов, которые с одной стороны, выступали против Брестского мира, заключенного, как известно, в марте 1918 г., за продолжение войны с Германией и Австро-Венгрией, а с другой, ориентировались «на демократическое развитие советской власти» в противовес линии Москвы на твердую диктатуру. Позиция Гашека «в этом конфликте между одерживающей верх “диктатурой пролетариата” коммунистов-ленинцев (представленной тогда в Симбирске Вареякисом, а в районе Казани Троцким) и насильственно подавленной демократией в Советах (представленной в Самарской губернии Дорогойченко)» объясняет, по мысли Гана, и поведение Гашека летом 1918 г., когда он оказался вне Красной Армии и,

скрываясь под Самарой, поддерживал связь с такими лицами, как Николай Кочкуров (Артем Веселый), Дорогойченко и т. п.²³ Для такого предположения есть определенные основания, хотя существенно прояснить вопрос могло бы только более обстоятельное изучение обстановки, процессов и событий, происходивших в 1917–1918 г. в Самаре и смежных регионах, по неисследованным и малодоступным архивам, в том числе касающимся упомянутых лиц, роли Троцкого в Поволжье, судьбы эшелона с русским золотом и т. д. В пользу версии или, точнее, гипотезы П. Гана вроде бы говорит и тот факт, что в известном письме от 17 сентября 1920 г. председателю Центрального чехословацкого Бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Ярославу Петрлику-Салату Гашек сам упоминает о своем тогдашнем «непостоянстве» («nestalost»), правда, с добавлением, что он потом избавился от него. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в этом письме, словно чувствуя собственную провинность, Гашек преуменьшает длительность своего отсутствия в Красной Армии и сообщает лишь о «двух месяцах». На самом деле он находился вне армии в два раза дольше – с 8 июня по 10 октября*. Так или иначе, в дальнейшем главным событием в жизни Гашека стало его участие в знаменитом сибирском походе 5-й Армии, походе длительностью в два года и протяженностью в пять тысяч километров – от Волги до Байкала. Но этот период в жизни чешского писателя уже хорошо известен и освещен в книгах Я. Кржижека, Р. Пытлика, З. Горжени, в России в работах Н. П. Еланского, С. И. Востоковой, автора настоящей статьи.

* Точная дата возвращения Гашека в Красную Армию – 10 октября 1918 г. – установлена несколько лет тому назад московским историком и автором ряда работ о Гашке Ю. Н. Щербаковым, обнаружившим документы о движении кадрового состава соответствующей воинской части. Письмо Гашека Я. Салату см.: Lidský profil Jaroslava Haška. Korepondence a dokumenty. Praha, 1979. S. 190. О вступлении Гашека в компартию см. подробнее: *Еланский Н. П.* Ярослав Гашек в Красной Армии // ... // Литература славянских народов. М., 1957. Вып. II. С. 66–96.

У истоков романа «Похождения бравого солдата Швейка»

Как уже было сказано, с пребыванием Гашека в России теснейшим образом связан и генезис главного его произведения – «Похождения бравого солдата Швейка». Именно здесь зародился и созрел сам замысел книги. Более того – события в России должны были в дальнейшем стать главным предметом изображения в романе.

Вместе с тем в формировании замысла немалую роль сыграло и еще одно обстоятельство, имеющее прямое отношение к образу главного героя. По воле случая в России Гашек встретил человека, еще и раньше привлекавшего его внимание и уже оставившего след в его творчестве. Надо сказать, что в произведениях Гашека вообще иногда встречаются персонажи, ведущие свою историю от реальных лиц. Не то, чтобы он рисовал «с натуры», хотя бывали и такие случаи. Чаще он как бы ловил импульсы, порожденные впечатлениями от тех или иных конкретных лиц, а затем давал полную волю своему воображению и вымыслу, развивая и обогащая образ. Тем не менее иногда сохранялись даже подлинные имена. На родине Гашека еще в 1920–1930-е гг. было хорошо известно, что такое происхождение имеют и некоторые герои его знаменитого романа.

Существовал, например, реальный поручик Лукаш – Гашек служил в его роте во время Первой мировой войны. Существовали капитан Сагнер и старший писарь Ванек, сохранивший даже тексты фронтовых стихотворений Гашека. Если бы не он, многие из них так и остались бы неизвестными. Когда в 1983 г. в Москве проходила юбилейная конференция, посвященная столетию со дня рождения Гашека, гости из Чехии передали участникам встречи привет от сына Ванека. Унаследовав гражданскую профессию своего отца, названную и в романе, он служил в это время в лавке москательных и аптекарских товаров в Кралупах под Прагой. В литературе о Гашеке есть упоминание, что существовал даже будто бы слабый пастух Пепка-Прыгни, которого в романе путимский вахмистр вербует в осведомители и велит ему доносить, если кто-нибудь скажет, что государь император

скотина, после чего убогий пастух стал повторять всем эти слова со ссылкой на авторитет вахмистра.

Некоторые однополчане Гашека, имена которых мы встречаем на страницах его романа, были живы еще и после Второй мировой войны. В конце 1950-х гг. еще здоровствовал солдат необычайно буйного нрава Йозеф Водичка, достаточно правдоподобный прототип драчливого сапера Водички. Гашек познакомился с ним в России – в Тодцких лагерях для военнопленных. В середине прошлого века журналистам удалось побеседовать и с бывшим кадетом Биглером. Он проживал в это время в Дрездене и сообщил, что только недавно познакомился с романом Гашека и что он ему понравился. Он самоотверженно признал также, что его собственная армейская служба правдиво обрисована Гашеком.

О происхождении образа Швейка долго ходили весьма туманные и противоречивые слухи. Однако в последнее время выяснилось, что и этот герой Гашека носит фамилию и имя реально существовавшего человека, пражского ремесленника Йозефа Швейка (1890–1965). Удалось даже в общих чертах воссоздать его биографию и историю общения Гашека с ним²⁴. Познакомились они в 1911 г. Комические воспоминания молодого пражского ремесленника о его недавнем пребывании на действительной службе и дали повод для создания известного цикла из пяти юмористических рассказов Гашека, в которых было использовано имя Швейка. Раз-другой это имя мелькнуло потом в кабарежных пьесах Гашека, которые перед войной он сочинял и ставил вместе со своими друзьями, но пьесы не добавили ничего нового к этому образу. Вполне вероятно, что на этом история образа Швейка и оборвалась бы, если бы не новая встреча Гашека с ним – на этот раз в России.

В начале Первой мировой войны Швейк, как и Гашек, был мобилизован и в составе 36-го пехотного полка попал на восточный фронт. О настроениях в полку выразительные сведения содержатся в официальном донесении командования об итогах боев 26–27 мая 1915 г. под Сенявой. За два дня полк потерял тогда 10 человек убитыми, 69 ранеными и 1 493 пропавшими без вести! (Естественно, воинскую часть пришлось

расформировать.) Однако Швейка среди пропавших не было. Он перебежал к русским еще за 12 дней до этого.

Целых четыре года Швейк находился в России, сначала тринадцать месяцев в лагерях для военнопленных – в Дарнице под Киевом и в Ташкенте, затем в чехословацких добровольческих частях, где служил пехотинцем-стрелком, позднее – в тайной разведке, хотя числился в транспортной роте при штабе войска. В составе добровольческого корпуса он проделал путь от Киева – через Самару, Челябинск, Тюмень, Иркутск – до Владивостока, откуда в 1919 г. морским транспортом (№ 8, пароход «Эфрон») был эвакуирован на родину. Морской маршрут пролегал вдоль восточного и южного побережья Азии, через Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал, Средиземное и Адриатическое моря и завершался в Которской бухте. Где только не побывал Швейк!

По некоторым сведениям первая встреча Гашека со Швейком в России произошла еще в дарницком лагере военнопленных (Швейк находился там с мая, Гашек с сентября 1915 г.). Однако в данной версии несколько смущает длительность пребывания Швейка в этом лагере, который был по сути пересыльным и распределительным. Зато со стопроцентной уверенностью можно говорить об их встречах в добровольческих чехословацких частях. Документы показывают, что они даже зачислены были в эти части (в Киеве) с разницей всего в пять дней – Швейк 24 или 25, Гашек – 29 июня 1916 г., причем попали в один полк, а поначалу даже в одну роту. В течение полугодия они были однополчанами. Новые встречи со Швейком и натолкнули Гашека на мысль продолжить разработку навеяного им типажа. Так возникла повесть «Бравый солдат Швейк в плену», написанная (на чешском языке) в начале 1917 г. и спустя некоторое время изданная в Киеве отдельной книжкой. Текст повести и от-

* Швейк, правда, уверял, что заделался в лагере поваром и даже будто бы готовил шашлыки для самого начальника лагеря полковника Грибоедова и что тот был ими весьма доволен. В этом случае он действительно мог, видимо, задержаться в лагере несколько дольше. Любопытно было бы установить хотя бы, действительно ли начальником лагеря был полковник по фамилии Грибоедов, как утверждал Швейк.

крывается обращением автора к Швейку, оказавшемуся в добровольческих частях: «До чего же ты дошел, мой brave солдат Швейк! В “Народной политике” и в других официальных газетах твое имя появилось в сопровождении нескольких параграфов уголовного кодекса. Все, кто знал тебя, с удивлением читали: “В соответствии с § 183–194, статьей 1334, пункт “с” и § 327 Военного уголовного кодекса, IV-я палата Императорского королевского уголовного суда в Праге постановила конфисковать имущество Йозефа Швейка, сапожника, последнее место проживания – Краловске Винограды, за преступление в виде перехода на сторону врага, государственной измены и подрыва военной мощи государства”».

Как же умудрился попасть под статьи этих параграфов ты, раввавшийся служить государю императору “до последнего вздоха”?» (13–14, 5).

Сведения о судебном деле Швейка, якобы заведенном в Праге, и об аресте его имущества были, конечно, вымышленными. Остальное во многом было интерпретировано с учетом образа Швейка, уже известного читателям по довоенным рассказам Гашека. Однако вопреки заглавию книги само пребывание Швейка в плену в повести не изображено. Сообщается только, как он сдается в плен, да и этому событию отведена всего одна, последняя страница. Книжка была опубликована по сути в незавершенном виде. Автор, откровенно преследовавший агитационные цели, спешил, чтобы его сочинение как можно быстрее попало в руки его соотечественников – военнопленных, солдат и офицеров добровольческих частей.

Сюжетная основа повести напоминала некоторые рассказы Гашека этого же времени, в которых наставительно изображались судьбы чехов, натерпевшихся горя от австрийских властей и теперь расстававшихся с последними иллюзиями об империи Габсбургов, сдававшихся в плен и вступавших в добровольческие части.

По жанру и по основной тональности новое сочинение Гашека представляло собой памфлет на Австро-Венгерскую империю, в который и была вписана фигура Швейка и целая цепь его столкновений с австрийской полицией, судом, воен-

щиной. Типаж героя в основном был сохранен и развит, хотя и с изменением определенных акцентов. Ирония и юмор, составлявшие основу довоенных рассказов о Швейке, коренились в том, что за естественную и как бы само собой разумеющуюся норму молчаливо принималось нежелание чешских подданных служить в армии Австро-Венгерской империи, а читателю демонстрировалась психическая аномалия – идиотское рвение наивного солдата «служить государю императору до последнего вздоха». При этом его усердие, граничащее с кретинизмом, все время оборачивалось медвежьими услугами, смахивающими на провокации, и вместе с тем от него невозможно было отделаться. Попадая в невероятные переделки, удачливый солдат всякий раз оставался цел и невредим и снова требовал, чтобы его признали годным к военной службе. Он одержим «экзальтацией мученичества», как определил автор. Изображение доведенного до абсурда верноподданического экстаза позволило Гашеку создать веселую гротескную пародию на официозный идеал солдата.

В повести появились и новые грани комики. С особой иронией и удовольствием Гашек сделал акцент на том, что в искренность верноподданических чувств героя ни в какую не хотят верить и сами власти, считающие его или симулянтом или психически ненормальным. В рассказах писатель не мог развернуть эту тему по цензурным соображениям. Теперь он дал полную волю своему сарказму: «Здравомыслящим не дано было понять, почему они должны жертвовать жизнью во имя императора»; «Не могло начальство взять в толк, как можно быть в здравом уме и желать такого ради императора»; «Его преданность государю императору была расценена как тяжкий психический недуг» (13–14, 6, 29, 6).

Одно из отличий повести от рассказов заключалось также в том, что образ Швейка был освобожден от сказочно-гиперболических черт, придававших ему сходство с архетипом фольклорного солдата, который в воде не тонет и в огне не горит. В повести Швейк уже не так удачлив и неуязвим. В некотором смысле он выступает теперь в качестве страдающей стороны. Его даже приговаривают к восьми годам тюрьмы, и бесконечно веривший в императора и добро-

ту властей, он горько плачет от неожиданности. Автору важно было мотивировать избавление даже такого наивного солдата от иллюзий. Той же цели служит и остроумно задуманная кульминационная сцена (на ней Гашек и оборвал повествование). На фронте перетрусивший прапорщик Дауэрлинг, у которого Швейк служит в денщиках, обращается к нему с необычной просьбой. Отведя Швейка в сторону, он просит выстрелить ему в предплечье, чтобы можно было симулировать боевое ранение и избавиться от фронта. Швейк решительно отказывается, ссылаясь на дисциплину и на то, что его могут за это повесить. Дауэрлинг подсказывает, что во избежание возможных наказаний Швейк, если это потребуется, вполне может сдаться в плен. Денщик продолжает упорствовать. Тогда Дауэрлинг отдает приказ произвести выстрел, что Швейк и делает, зажмурив от страха глаза, после чего прапорщик остается неподвижно лежать на земле, а главный герой повести подается к русским. (По всей видимости, эта сцена, подобно некоторым другим, вошла бы и в роман, если бы Гашек успел довести повествование до событий на фронте – действие в романе обрывается чуть раньше, чем в повести. Можно даже высказать предположение, что выстрел в этом случае предназначался бы скорее всего поручику Дубу.)

В повести есть и другие остроумные находки и решения, но в целом она не достигает уровня позднее написанного романа. Агитационная заданность слишком обнажена и прямолинейна. Образ Швейка еще конспективен и мотивы сюжета не развернуты. Герой обрисован пока что по преимуществу через действия, поступки. Только в романе автор развяжет ему язык, и разглагольствования Швейка станут одним из важнейших средств достижения художественного эффекта. Самое же главное – в повести нет той степени двусмысленности поведения Швейка, насквозь пронизывающей роман, благодаря чему читатель все время гадает и не может до конца угадать, где кончается наивность героя и начинается притворство, где усердие и есть ли оно, а где плутовство и глумление под видом усердия. Иными словами, нет той дразнящей недосказанности и мистификации, направленной

отчасти и на читателя, которая составляет оригинальную и весьма сильную особенность романа, его поэтики и неподражаемой комикки. Во многом через призму этой двусмысленности и преломляется ощущение иронии истории, разлитое в пространстве комической эпопеи и особенно “густо” сконцентрированное в образе главного героя (см. ниже).

Не поднимаясь до уровня будущего романа, повесть, тем не менее, сыграла очень важную роль в его творческой истории, став ее органической частью и послужив эскизом или чем-то вроде «либретто» для эпопеи Гашека. Образ Швейка уже соединился в повести с темой мировой войны и был включен в широкий контекст эпохи. Обозначились основные потоки повествования: история Швейка и тесно с ней переплетенная пародийная история воинской части. Наметились узловые ситуации, которые потом будут повторены, развиты и станут важнейшими звеньями сюжета: появление Швейка в инвалидной коляске и с воинственными возгласами на улицах Праги в день объявления войны, психиатрическая лечебница, суд, Швейк в денщиках, история с вручением любовного письма мадам Каконь, эпизод с кражей собаки и т. д.

После публикации повести работа воображения Гашека над образом Швейка уже не прекращалась. Встретившись по возвращении в Прагу со своей первой женой, он делился с ней: «Пишу “Швейка”. Все эти годы эта тема не отпускала меня. На фронте. В России. Всюду»²⁵. Образ Швейка продолжал жить в его сознании, соединяясь с новыми и новыми событиями и темами. К началу непосредственной работы над текстом книги у автора уже существовал вполне сложившийся план и были выношены многие мотивы. В задачи нашей статьи не входит более подробное описание замысла и творческой истории романа (интересующиеся найдут необходимые сведения в упомянутой книге об истории образа Швейка). Отметим лишь, что события должны были дальше переместиться в Россию. На рекламных плакатах, которыми Гашек вместе со своими друзьями оповещал пражан весной 1921 г. о начале публикации первых глав романа, его название имело следующий вид: «По-

хождения braveго солдата Швейка во время мировой и гражданской войны у нас и в России». По замыслу автора, Швейк должен был дальше оказаться в плену, затем в добровольческих чехословацких частях, потом в Красной Армии. Более того, предполагалось, что его пути будут как-то соприкасаться и с освободительной борьбой китайского народа. (Возникает даже предположение, не намеревался ли и сам Гашек из России отправиться в Китай.) Только после всего этого Швейк вновь появился бы в Праге.

Автор последовательно и выполнял намеченный план. Повествование должно было вобрать в себя весь огромный массив впечатлений, накопленных им за военные годы и буквально переполнявших его. К сожалению, значительную и, может быть, даже большую часть своей книги Гашек не успел написать. Действие его вершинного произведения обрывается, как уже было сказано, даже несколько раньше, чем в предшествующей повести: автор довел своих героев только до прифронтовой полосы. Между тем им предстояли еще тысячи километров пути на восток. Смерть писателя в разгар работы над романом лишила международную читательскую общественность, по-видимому, одного из интереснейших повествований о революции и гражданской войне в России и об истории чехословацких легионов.

Несмотря на незавершенность романа Гашека, он оставляет впечатление удивительной целостности, которую ему придает и необыкновенно колоритный образ главного героя (вскоре вошедшего в число самых известных персонажей мировой литературы), и неподражаемый юмор его создателя, и его особый взгляд на мир и на изображаемые события. Ключ к собственному пониманию основной направленности романа автор оставил в кратком предисловии к нему. Всем читателям памятли эти строки: «Великой эпохе нужны великие люди. Но на свете существуют и непризнанные герои, не завоевавшие себе славы Наполеона. История ничего не говорит о них. Но при внимательном анализе их слава затмила бы даже славу Александра Македонского. В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозре-

вает, каково его значение в истории новой, великой эпохи. Он скромно идет своей дорогой, ни к кому не пристает, и к нему не пристаю́т журналисты с просьбой об интервью. Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы скромно и просто “Швейк”» (38).

По существу речь в предисловии Гашека идет об иронии истории. Своеобразным носителем ее и является для него Швейк, затмивший в его глазах славу самых великих полководцев, ибо он сумел своим поведением сбить и нарушить все алчные и честолюбивые планы властителей и завоевателей, так что затеянная ими война обернулась совсем не теми результатами, на какие они рассчитывали, и погубила их самих. Пали династии. Рухнули империи. Мир до неузнаваемости изменился, но вовсе не так, как хотели прежние вершители его судеб. И сделал все это не желавший воевать и профанировавший все их замыслы и действия обычный человек, рядовой солдат, который под именем Швейка, бедно одетый и никому не известный, вновь ходит по городским улицам, даже не догадываясь, что он совершил. Стихийная и подспудная сила жизни в некотором смысле одержала незримую победу над абсурдом насилия и своеволия. Примерно так, наверное, можно воспринимать вкупе с общей тональностью романа и вводные слова автора.

Литература XX в., проявлявшая жадный интерес к загадочным путям исторического процесса, вообще много раздумывала над тем, что история зачастую идет не так, как люди ее планируют, проявляя своего рода строптивость и коварство по отношению к их планам. Для многих авторов такое «непослушание» истории становилось и источником трагизма. Гашек также отнюдь не проходил мимо трагической составляющей «человеческой комедии». Однако создается впечатление, что определенная направленность, определенные векторы иронии истории, если судить по роману (во всяком случае в завершенной его части), скорее радуют, чем огорчают автора.

Роман во многом был неожиданным. Казалось бы, к созданию такого сочинения не располагали ни общественный климат первых послевоенных лет, ни личные обстоя-

тельства жизни Гашека. В пору, когда в Европе один за другим выходили романы писателей «потерянного поколения», запечатлевшие весь ужас и горе только что пережитой войны, о книге Гашека первый же ее рецензент, известный чешский прозаик Иван Ольбрахт написал: «Если хотите вдоволь посмеяться, читайте “Похождения бравого солдата Швейка”»²⁶. Роман Гашека оказался произведением ярко выраженного комического жанра. Мы встретим в нем и кроваво-трагические картины войны и не щадящий читателя натурализм, но господствует стихия заразительного смеха. Его эпопея – целая полноводная и словно даже выходящая из берегов река юмора.

Как уже говорилось, возвратившись на родину, Гапек оказался в очень трудном положении. Некоторое время он даже находился почти в замешательстве. Однако продержавшись в первый момент, он вновь обретает активность. В запасе у него оставался талант сатирика и юмориста, оставалось сознание силы и власти смеха (о которой когда-то прекрасно сказал Мольер: «Люди легко относятся к неодобрительным отзывам о себе, но не переносят насмешки. Они согласны быть дурными, но вовсе не желают быть смешными»). Работа над романом была не столько обороной, сколько наступлением, может быть, даже очень широко задуманным. Недаром, приступая к своему новому сочинению, Гапек заявлял: «Посмеюсь над всеми глупцами, а заодно покажу, что такое наш чешский характер и на что он способен»²⁷. Не случайно работа над романом и начина-

* Вероятно имелась в виду и успешная борьба чешского народа за независимость, против национального гнета, о которой он писал еще в своих корреспонденциях с фронта для журнала «Чехослован» в 1916–1917 гг. (вспомним уже цитированное выше: «Из тяжкого порабощения, из трехсотлетнего рабства рождается новый народ, с нестигаемым позвоночником /.../» (13–14, 41) – какие-то стороны этой темы, несомненно, были бы затронуты и в соответствующих главах романа. По-видимому, имелось в виду и противостояние чехов и социальных низов вообще милитаризму и насилию, составляющее главный предмет изображения в его сатирической эпопее. Наверное, проявлением стойкости характера была в глазах Гашека и собственная его решимость во что бы то ни стало заклеить зло и покарать его смехом.

лась в столь бодром темпе и продвигалась почти стремительно (около семисот книжных страниц написано за год и девять месяцев, а одновременно продолжались выступления автора в печати с рассказами, сатирическими заметками и полемиками, юморесками, составившими впоследствии еще целый том в его собрании сочинений).

Вернемся, однако, к проблеме иронии истории. Первым это понятие ввел в литературу о Гашеке и его романе чешский философ Карел Косик. После появления его эссе в печати (написано в 1969 г., опубликовано в 1993 г.²⁸). сама эта словесная формула (в принципе известная со времен Гегеля) прочно вошла в обиход чешской гашекологии и дала импульс для дальнейших плодотворных размышлений о связях юмора Гашека с большой историей²⁹. Правда, при всем значении инициативы и наблюдений Косика некоторые его положения небесспорны. Думается, в частности, что автор эссе слишком сузил временные рамки и истоки процесса формирования у Гашека самого чувства иронии истории, связывая его генезис только с периодом революционных событий в России.

Косик опирается на так называемые «бугульминские» рассказы Гашека, которые публиковались автором в феврале – начале марта 1921 г., примерно через два месяца после возвращения его из России, практически одновременно с первыми главами романа. В комической форме Гашек изображал в рассказах некоторые эпизоды, связанные с исполнением им в 1918 г. обязанностей помощника коменданта города Бугульмы (в рассказах он превратил себя в коменданта города). Самое главное – в достаточно острой форме автор затрагивал и зловеще тревожные явления, которые давали знать о себе во время Гражданской войны – особенно в деятельности карательных органов, в проявлении стихии самоуправства и т. п.* Рассказы действительно убеждают, что Гашек отнюдь

* Бросается, например, в глаза образ члена военного трибунала Агапова, который борется с «теньями прошлого», «видя в каждом возможного предателя», и считает, что в судебном разбирательстве вообще нет необходимости, а вполне достаточно обвинения-доноса (пусть даже исходящего от одного ли-

не склонен был игнорировать симптомов иронии истории, проявившихся и в процессе революционных событий в России, как не собирался и обходить стороной негативные и трагические явления, сопутствовавшие этим событиям. Он зорко видел их, фиксировал в своем сознании, хранил в памяти и несомненно отразил бы и в романе, бугульминские рассказы можно рассматривать в качестве своего рода «задела». Правда, едва ли он представлял себе, что со временем эти явления могут разрастись до таких гигантских размеров, как это случилось впоследствии.

Косик расценивает бугульминские впечатления Гашека как финальный итог его мировоззренческого пути, полагая, что они означали полную его разочарованность в том варианте исторического развития, с которым он связал себя в России, что якобы и породило у него ощущение иронии истории, ставшее в свою очередь почвой и источником «большого юмора» в его романе. Представляется, однако, что ситуация была гораздо сложнее. Вряд ли он расстался по меньшей мере с идеей социализма как таковой.

да), на основании которого и можно выносить приговор, вплоть до смертного (рассказ «Перед революционным трибуналом восточного фронта»). Не менее выразителен образ малограмотного, но заносчивого командира Тверского полка Ерохимова, пьянствующего, бесчинствующего и упрекающего Гашека в недостаточной жестокости. Казни и расстрелы в его представлении – положенная норма, отступления от которой караются и сверху. Если не расстрелять, то хотя бы сделать вид, что расстрелял. Перед приездом инспекционной комиссии он сооружает ложные могилы якобы расстрелянных врагов революции («Потемкинские деревни»). Столь типичный для Гашека мотив мистификации и розыгрыша приобретает оттенок своего рода «кладбищенского» юмора, хотя и не сводится к нему благодаря общей комически-пародийной окраске повествования, не позволяющей читателю утрачивать опущения катарсиса.

* Сюрпризы в виде эффекта иронии истории и расхождений реальности с прогнозами иногда констатировали и сами революционные деятели, Ф. Энгельс, например, писал: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель назвал иронией истории, той иронией, которой избегли не многие деятели». (Энгельс Ф. Письмо Вере Ив. Засулич от 23 апреля 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 36. С. 263.)

Утверждение о тотальном разочаровании Гашека вообще достаточно гипотетично. Хотим мы этого или нет, но существуют факты, не укладывающиеся в такое представление. Бугульминские рассказы допускают и менее радикальное истолкование (тонко их анализирует М. Янкович в указанной статье). Главное же – с приведенной посылкой плохо согласуются публицистические статьи и фельетоны Гашека, которые он печатал в 1921–1922 гг. и в которых осуждал и высмеивал нападки и гонения (*“štvaní”*) в чешской печати на советскую Россию, а также касался социальных отношений в послевоенной Чехословакии («Какие бы я писал передовицы, если бы был редактором правительственного органа», «Идиллия винного погребка», «Что бы я посоветовал коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа “Чехословацкая республика”», «Мирная конференция», «Буржуй Рамзелик» и др.). Нельзя, видимо, не принимать во внимание и свидетельств целого ряда знакомых писателя о направленности не написанных им частей романа. (Особенно важно свидетельство И. Ольбрахта, встречавшегося с Гашеком летом 1921 г. и от него слышавшего о плане продолжения романа³⁰.)

Надо полагать, что впечатления типа бугульминских действительно в какой-то мере повысили коэффициент иронии истории в сознании Гашека. Однако едва ли для того, чтобы написать сатирический роман об Австро-Венгерской империи и ее деградации (а именно таким предстает весь массив завершенного текста эпопеи Гашека), автору нужно было в чем-то дополнительно разочаровываться. Да и своеобразное «либретто» романа, каким является повесть «Бравый солдат Швейк в плену», написано не только до Октябрьской, но даже и до Февральской революции (которую Гашек, напомним, встретил буквально с восхищением). Наконец повторим, что направление иронии истории в написанных частях романа скорее радует, чем обескураживает автора.

Представляется, что процесс постижения Гашеком феномена иронии истории имел вообще более широкий базис и диапазон, начался значительно раньше и все время усиливался в военные годы, в обстановке больших истори-

ческих сдвигов, крушения нескольких империй, обретения независимости целым рядом ранее подневольных народов, провозглашения и распространения в ходе революционных движений идей социальной справедливости и т. д. Общим знаменателем и было, видимо, ощущение огромного подспудного потенциала сопротивления низов и «обычного человека» силам социального зла, гнета, принуждения, фальши – потенциала часто не осознаваемого его носителями, но во многом как раз и питающего исподволь иронию истории не только в ее разрушительном, но и позитивном значении. Частью этого потенциала станет вскоре затем и энергия, аккумулированная в собственной эпопее Гашека и несущая в себе отнюдь не только заряд отрицания. Нельзя не согласиться с позицией Милана Янковича, решительно возражающего против концепций, сужающих дискурс романа Гашека и сводящих его к деструктивной функции и энергии разрушения. «В креативности швейковского слова, – добавляет автор, – не следует упускать из виду и элемента свободной игры, которая, когда это нужно, не только перевертывает вещь вверх ногами, но и возвращает нам почву под ногами»³¹.

Примечания

¹ Novák A. Dějiny české literatury. Praha, 1933. S. 151–152.

² Hitler upálí Švejka // České slovo – Večerní 15, 1933. Č. 98. 27. IV. S. 1; š Jaroslav Hašek na hakenkrajclerském indexu // Právo lidu. 1933. Č. 100, 28. IV. S. 7; Zítra vzplanou hranice. Upálení Jar. Haška, Karla Vaňka a Ivana Olbrachta // České slovo – Večerní. 1933. Č. 107. 9. V. S. 1.

³ Goering o Švejkovi // Národní střed. 1933. Č. 215. 13. IX. S. 3 (Цит. по: Bibliografie Jaroslava Haška. Praha, 1983. S. 117.)

⁴ Dobrý voják Švejk po dvaceti letech. Část první. Vydavatelství cizojazyčné literatury. M., 1944. 92 c.; Dobrý voják Švejk po dvaceti letech. Část druhá. Vydavatelství cizojazyčné literatury. M., 1944. 104 c.

⁵ Krížek J. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha, 1957.

⁶ См. подробнее: Никольский С. В. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М.: Индрик, 1997.

⁷ См.: Hašek J. Spisy. Sv. 13–14. Praha, 1973. S. 400. Дальше отсылки к Собранию сочинений Гашека делаются в тексте. Роман «Похождения бравого солдата Швейка» цитируется по изданию: Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha, 1955.

⁸ Hašek a Švejk. Humor tisíciletí: Mezinárodní konference. 2003. 114 s.

⁹ Lidský profil Jaroslava Haška. Korespondence a dokumenty. S. 176.

¹⁰ Čechoslovan. 17. dubna 1917.

¹¹ *Pytlík R.* Toulavé house. Praha, 1971. S. 298.

¹² Ibidem.

¹³ *Hašek J.* Naši georgievští kavalíři // Čechoslovan. 1917. 15. I. Č. 2. S. 9.

¹⁴ *Hašek J.* Ani za války nemlčí musy // Čechoslovan. 1917. 19. II. Č. 7. S. 9.

¹⁵ *Hašek J.* Co se všechno v minulém roce na světě stalo // Čechoslovan. 1917. 31. XII. Č. 53.

¹⁶ *Hájek J.* Z mých vzpomínek na Jaroslava Haška. Praha, 1925. S. 12, 13.

¹⁷ *Hašek J.* Dopis s fronty. V poli. 15. srpna 1917 // Čechoslovan. 1917. 3. IX. Č. 36. S. 3–4.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ *Hašek J.* Feuilleton // Čechoslovan. 1917. 24. XII. Č. 52.

²¹ *Hašek J.* Malý feuilleton // Čechoslovan. Příloha. Lucerna. 14. ledna 1918. Č. 1. S. 2.

²² *Hašek J.* Proč se jede do Francie? // Průkopník. 27. března 1918. Č. 2.

²³ *Gan P.* Jaroslav Hašek als Rotarmist an der Wolga 1918 // Jaroslav Hašek. 1883–1933. Proceedings of the International Hašek-symposium. Bamberg. June 24–27, 1983. Frankfurt am Main, 1989. S. 43–131. См., в частности, резюме – S. 131.

²⁴ Подробнее см.: *Никольский С. В.* История образа Швейка; Он же. О прототипе образа Швейка // *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка. Москва, АСТ. С. 715–724.

²⁵ *Lidský profil Jaroslava Haška. Korespondence a dokumenty.* Praha, 1979. S. 266.

²⁶ Цит. по: *Olbracht I.* O umění a společnosti. Praha, 1958. S. 178. (Рецензия написана и опубликована в 1921 г.)

²⁷ [*Lvová-Hásková A. G.*] Jaroslav Hašek. Vzpomínky Šury Lvové o Haškovi / Přípr. J. Částka. // Průboj. 1965. Číslo 33. Část 23.

²⁸ *Kosík K.* Švejk a Bugulma neboli zrození velkého humoru // *Kosík K.* Století Markéty Samsové. Praha, 1993. S. 132–144.

²⁹ См., например, выступления Р. Пытлика и М. Янковича на гашековской конференции в Липнице в 2003 г.: *Pytlík R.* Haškova ironie dějín // *Hašek a Švejk. Humor tisíciletí.* Lipnice, 2003. S. 11–14; *Jankovič M.* Švejk na každém kroku u cíle svého života // Ibid. S. 20–26.

³⁰ Подробнее см.: *Никольский С. В.* История образа Швейка. С. 110, 119, 137–138 и др.

³¹ *Jankovič M.* Op. cit. S. 25.

Масарик и Россия: этапы восприятия и специфика оценок

Томаш Гарриг Масарик прожил долгую жизнь в политике. И большая ее часть была пронизана глубоким интересом к России. В разные времена она воспринималась им по-разному, а оценки уточнялись в ходе четырех поездок в эту «страну чудес» (как считали одни политики и мыслители) или «землю тьмы» (как были убеждены другие). Масарик оценивал специфику истории России в первую очередь через призму ее великой литературы. Во время последней и самой длительной поездки будущий президент независимой Чехословакии высказал удивительно прозорливые политические прогнозы.

Россия оставалась в поле зрения Масарика и после его триумфального возвращения в Чехословакию из Америки через Европу, а знаменитая «русская акция» справедливо оценивается как духовное подвижничество этого человека. Последний этап политической деятельности Масарика отмечен усилиями по налаживанию дипломатических отношений с СССР – в предвидении и нового периода отношений России с Европой, отношений беспощадной вражды с одной ее частью и союза с другой.

Писать биографию Т. Г. Масарика и особенно ту ее часть, которая тесно, можно сказать, неразрывно связана с Россией, чрезвычайно трудно, поскольку он прожил как бы несколько жизней¹. Это касается не только его удивительно долгого для политика возраста, но и различных сфер культурной и научной деятельности, в которых он, безусловно, оставил свой глубокий след.

Но даже не это является самым главным. Важно то, что история его жизни непредставима без истории созданной им страны, которая претерпела на протяжении одного поколения резкие взлеты и падения. В свою очередь пора оценить роль событий в России в появлении в 1918 г. независимой Чехословакии. Большинство посткоммунистических историографов видят причины этого в знаменитых 14 пунктах американского президента Вудро Вильсона. Но были пункты – а были и события... Конечно, нижеприведен-

ных свидетельств о роли преобразующейся России в процессе оформления самостоятельной Чехословакии вряд ли достаточно. И все же их нельзя игнорировать.

Ни о каком другом государстве в современном мире нельзя сказать, что его история оказалась в значительной степени зависимой от судьбы президента, как это было в случае с Чехословакией. Даже если такое утверждение на первый взгляд выглядит парадоксально – ведь речь идет о демократической стране, а не о «гитлеровской» Германии или «сталинской» России; даже учитывая, что Масарик постоянно и успешно боролся с тем, что позже приняло название «культ личности» (будучи сам великой личностью); даже признавая, что во многом благодаря политическому авторитету этого «философа на троне» и одновременно «льва в политике» (определения, которые давали Масарику его современники и историки) страна идентифицировалась с его личностью, по крайней мере, в глазах многих политиков и общественных деятелей.

Именно поэтому Масарик – фигура до сих пор не разгаданная, несмотря на то, что все его действия никогда не были сокрыты от общества. Есть целые библиотеки книг о нем – и все же его личность и многие его деяния имеют оттенок таинственности. Даже для чехов, восстановивших в 1988 г. Общество Масарика, а в 1990 г. – Институт Масарика (сама история которого тоже крайне сложна: открыт в 1932 г., закрыт нацистами, вновь открыт в 1945 и закрыт в 1954, планировалось открытие и в 1968 г.) и публикующих ежегодно книги о Масарики. Особенно, повторим еще раз, это касается «тайн» относительно места и роли РСФСР – СССР в его биографии – личной, политической и духовной.

С выходом в свет (впервые на русском языке) «Бесед с Масариком» К. Чапека и первого перевода на русский язык трехтомного издания будущего президента «Россия и Европа»² открывается весьма широкая перспектива для создания русской (и русскоязычной) биографии Масарика, великого славянского и европейского деятеля.

Особо подчеркнем, что воссоздать биографию и раскрыть отношение Масарика к России – значит неизмеримо

больше, чем просто проследить его жизненный путь. Жизнь Масарика – это и история Чехии и Чехословакии, начиная с зарождения национальной идеи – через создание партий – к руководству широкими национальными движениями – и наконец к президентству. Но уяснить смысл его жизни – значит и осознать глубокие трагедии страны – и в 1938, и в 1948, и в 1968 гг., когда История как бы мстила великому политику и человеку. При этом следует особо подчеркнуть: учет роли России (РСФСР) и СССР во всех названных процессах необходим.

Одной из лучших биографий Масарика на восточноевропейских языках можно считать статью, открывающую изданный в 1925 г. на украинском языке сборник его трудов³. Ее автор Н. Григорьев особенно тщательно описал детские и юношеские годы Масарика, обнаружив «русский след» в его биографии весьма рано.

Так, еще учась в школе Томаш – на то время ревностный католик – сокрушался: почему такая большая страна, как Россия, не является католической и сомневался, могут ли там в связи с этим быть «святые места»⁴.

Расширившийся круг чтения Масарика-гимназиста обогатил его знакомством с русской литературой, внимание к которой он сохранил в течение всей долгой жизни. Выучив русский язык почти самостоятельно, Масарик начал заниматься переводами, но главное – познакомился с русской литературой еще в годы обучения в гимназиях Брно и Вены.

Беседуя с К. Чапеком о своем круге чтения, Масарик сделал признание, в котором он как политик почти не отличается от Масарика-мыслителя именно в плане литературных пристрастий: «Французское влияние я с самого начала совершенно сознательно считал противовесом немецкому. Мне было неприятно, что многие у нас лишь произносили пламенные речи о Франции и России – пели, например, “русский с нами и кто против нас, того сметут французы”, – но при этом ограничивались лишь знанием немецкого. Я же наше франкофильство и русофильство осуществлял конкретно, пытался вникнуть в дух и литературу этих народов»⁵. Из русских писателей для него были дороги Пушкин,

Гоголь, Гончаров. Толстой, великий художник, хотя он с ним спорил и не соглашался с его морально-философскими воззрениями; Достоевский побуждал сопротивляться русскому – и славянскому вообще – духу анархии, которого, по мнению Масарика, тот, несмотря на свое обращение к православию, так и не преодолел и этой своей двойственностью стал лицом «русского иезуитства». Оценивая свое отношение к России более конкретно уже в терминах философии Масарик признавался: «И как европеец – я западник – это я говорю ради тех славянофилов, которые в России и вообще в славянстве видят нечто сверхъевропейское. Лучшие из русских тоже придерживались западной ориентации»⁶. Такого рода оценки превалировали у него на всем протяжении жизни, хотя восприятие России окрашивалось по-разному на разных этапах.

В дальнейшем Масарик перебрался в гимназию Вены (вместе с сыном полицмейстера, у которого был репетитором), где начал посещать и университет. Здесь он также давал уроки русского языка, а сам интенсивно изучал английский.

К началу 1870-х гг. Масарик разделяет славянофильские убеждения в духе Я. Коллара, выражая особую приязнь к России, и стремится изучать славистику. Через этого словацкого мыслителя он познакомился с творчеством русских славянофилов и в первую очередь И. Киреевского. Примечательно, что когда в Венской гимназии стал вопрос об обязательном исполнении религиозного обряда, Масарик, не признав догмата о папской непогрешимости, объявил себя старокатоликом, затем даже греко-католиком, т.е. православным униатского направления (постоянно он выражал глубокое уважение к чешско-братской традиции, идущей со времен Яна Гуса)⁷.

После окончания гимназии Масарик хотел изучать восточные языки, но это было доступно лишь лицам, имеющим дворянское происхождение и готовящимся стать дипломатами. Пришлось изучать философию в Венском университете. Здесь его интерес к русской общественной мысли углубился, при этом Масарик начал думать о решении славянского вопроса практически. В университете он

стал лидером Чешского академического союза, где был организатором разного рода клубов, включая русский. В Союзе нашлось место и словакам, а в дальнейшем Масарик задумал создать союз союзов славянских студентов, но польские учащиеся не признали правомочности в нем украинского языка, и эта инициатива не получила развития.

В последние годы учебы в университете Масарик познакомился с русским ученым (с чешскими этническими корнями) Э. Л. Радловым, с которым вступил с середины 1880-х гг. в интенсивную переписку.

В 1887 г. Масарик начал издавать журнал «Čas» («Время»). Он явился органом своеобразной организации под устрашающим названием «Мафия» – тайного товарищества, ориентированного на сохранение чешского народного дела.

Слово это тогда не имело современного значения и указывало на антиавстрийскую направленность организации с целью самозащиты народа. В дальнейшем данное название появлялось в истории Чехословакии еще два раза: в ходе Первой мировой войны для обозначения антиимперской подпольного объединения, связанного с пророссийскими группами, а в 1920-е гг. для обозначения группы лиц, из которых рекрутировались правительственные эксперты.

Членов первой «Мафии» называли национальными нигилистами, предателями, недостойными сынами чешского народа. Но публикуя в журнале статьи под псевдонимом Фома Осипович Писаревский – где имя отчество являлись русским вариантом чешских Томаш и Йозеф, а фамилия – вариацией фамилии русского критика Д. И. Писарева – Масарик опять-таки выступал за правду и за то, чтобы не столько говорить, сколько работать, познавать историю народа, не боясь признавать ошибок. К этому времени у него созрело намерение посетить Россию, а также глубже изучить все происходившее в ней. Поездка 1887 г. имела еще одну цель – встречу с Л. Н. Толстым.

Характерно, что под вышеупомянутым именем и отчеством и при содействии Радлова Масарик стал во второй половине 1880-х членом Московского психологического общества при Московском государственном уни-

верситете, чему немало способствовало появление его труда по самоубийству.

Как политик и мыслитель Т. Г. Масарик в первую очередь попытался уразуметь суть и возможности славянофильства. Оказалось, что в тогдашней России оно сводилось к мифическим мечтаниям о прошлом славянства, а православие здесь представлялось весьма искусственным и похожим на иезуитство. В следующий раз поездка в Россию проходила по маршруту: Петроград–Москва–Киев–Одесса⁸.

Во время пребывания в России Масарик встречался с Толстым, посещая его в Москве и Ясной Поляне. Примечательно, что писатель проникся к нему уважением за бесстрашную правду – например, звучавшую в проповеди чешского профессора чистоты, которая являет собой половину праведности и т. п.

Впечатления от Ясной Поляны у Масарика были конкретные и весьма мрачные, и он их не скрыл от писателя. В дневниках же Толстого зафиксировано благоприятное мнение о госте как редко о ком из его посетителей. И славянофильство, и народничество, и толстовство оказались для чешского профессора неприемлемыми. И немногим позже Масарик обратил пристальное внимание на еще одну идею – марксизм, связывая при этом его возможности и с «отсталой» Россией, с господствующей в ней самодержавной властью.

Многие подобные взгляды в этом плане он высказал в фундаментальном труде «Философские и социологические основания марксизма» – 700-страничном томе, опубликованном в 1898 г. на чешском, 1899 г. – на немецком, а в 1900 г. – на русском языке⁹. Книга фактически открыла такую отрасль знания, как марксология. «В этой работе, – писал Масарик, – я поставил себе задачу уяснить значение марксизма как философской и социологической системы»¹⁰. Для того времени это была задача нетривиальная, поскольку тогда чаще говорилось об экономическом значении учения Маркса, в котором видели философа-гегельянца.

Следует отметить, что эта книга вызвала резкое неприятие со стороны уже многочисленных в разных странах марксистов. В России от их имени выступил Г. В. Плеханов.

В статье «О книге Масарика», опубликованной в спутнике газеты «Искра» журнале «Заря» (1901, № 1) он особо выделял мнение о том, что автор безосновательно причислил К. Маркса и Ф. Энгельса к эклектикам и позитивистам. Русский марксист упрекал Масарика в незнании трудов Гегеля¹¹. Но Плеханов не заметил главного: Масарик практически был одним из основателей науки о критическом восприятии учения Маркса – и это одно из свидетельств его проективного социального мышления.

Решая задачу о будущем своего народа, с началом нового века Масарик стал собирать материал для другого фундаментального труда «Россия и Европа». Ключевой вывод книги был следующим: абсолютистская Россия не может обеспечить подлинной независимости славянских государств, поскольку ее первостепенный интерес – сохранение самодержавия, а революционная Россия пронизана духом нигилизма (он рассматривался Масариком как ключевая характеристика русской культуры в целом), поэтому следует искать новые ориентиры.

Масарик был одним из первых европейских ученых, который в полной мере, системно знакомил Европу с русской культурой, наукой, отмечая все ее достижения. Именно он явил миру духовную мощь Толстого, хотя и постоянно спорил с ним в Москве и Ясной Поляне, именно он дал целостное изложение хода русской общественной мысли. Но как политик Масарик предчувствовал, что в России неизбежно столкновение абсолютистского и нигилистического начал, что не позволяло ему – в отличие от большинства чешской интеллигенции – возлагать на нее сверхбольшие надежды.

Двухтомная работа «Россия и Европа», вышедшая из печати к 300-летию дома Романовых на немецком языке, скрыто предвещала его конец. Дебаты о книге длились недолго – началась Первая мировая война, которая, как вскоре уяснил Масарик, должна была решить и «чешский вопрос».

Приверженцы монархизма (В. В. Шульгин и др.) неоднократно утверждали, что Чехословакия не стала бы независимой, если бы Россия не вступилась за Сербию в 1914 г. Они же упрекали Масарика, что тот не побудил подключить

легионы к борьбе с большевиками в 1918 г. Но это произошло как раз потому, что Масарик был озабочен в первую очередь судьбой Чехии, а в дальнейшем – Чехословакии.

В предисловии к книге Вл. А. Лазаревского¹² В. В. Шульгин писал: «Масарик есть один из факторов создания современной Чехословакии. Но другой фактор – Россия. И трагедия состоит в том, что первый “фактор” не любил, вернее сказать, ненавидел второй, и подверг Россию публичному бичеванию как раз перед той минутой, когда сей второй фактор приступил к созданию современной Чехии»¹³. Сам же Лазаревский подчеркивал, что «ЧСР в случае уклонения России в 1914 году не родилась бы на свет. Приняв вызов Австрии, Россия таким образом создала ЧСР. Мало того, кроме России ни одна держава в мире сделать этого не могла. Профессор Масарик Россию не понимал, презирал... Нельзя вычеркнуть книги, написанной Масариком до войны против России»¹⁴. Он же замечает, что профессор относился к ней (т.е. к книге) с раскаянием¹⁵. В первую очередь это касалось книги «Россия и Европа», которая, по свидетельству английского слависта Сеттона-Уотсона, лежала на письменных столах ряда работников германского генштаба. В связи с этим эмигрант из России считал, что профессор Масарик должен был бы испытывать за написание такой книги раскаяние¹⁶.

Масарик относился критически к царскому режиму, хотя и признавал в начале Первой мировой войны, что некоторые политические деятели в Чехии желают по меньшей мере установления чешского королевства в полном согласии с Россией, а желания и планы России имеют решающее влияние на события в Австро-Венгрии. Но его отношения с российскими властями были крайне сложными и до и после февраля 1917 г. В своем двухтомнике «Мировая революция» Масарик писал: «Россия, царская и официальная Россия, была не славянской, а византийской. Наше русофильство относилось прежде всего к русскому народу – это русофильство не было ослаблено войной; наоборот, оно усилилось»¹⁷.

После февральской революции к власти в России пришел либеральный кабинет министров, члены которого были

связаны с Масариком старинными отношениями. Министр иностранных дел, профессор П. Н. Милюков еще в 1901 г. читал в Америке лекции вместе с Масариком, они собирались подготовить совместный труд. Он писал: «Что касается вопроса о центральном органе, объединяющем представительство чехов и словаков в России, то вопрос этот желательно пока оставить открытым, впредь до приезда в Россию профессора Масарика»¹⁸.

С мая 1917 по март 1918 г. Масарик предпринял четвертую, самую длительную поездку в Россию – страну воюющую и революционную. О ней наиболее полно рассказано самим президентом, хотя от этого в ней не убавилось тайн о России, в двухтомнике «Мировая революция». В то время, как Масарик переезжал из Петрограда в Москву, оттуда в Киев и другие города, Чехию потрясали подземные толчки, знаменующие распад Австро-Венгерской империи. Так, в конце мая 1917 г. в Праге прошли демонстрации рабочих, выступавших с экономическими требованиями. Однако на Староместской площади в этот раз звучали и другие требования: впервые после начала войны здесь открыто раздавались лозунги «Да здравствует Масарик!»¹⁹.

Масарик в России многое сделал для организации чехословацких легионов – армии еще не существующего государства. Он проверил с риском для собственной жизни свои предположения о характере русской революции. Они изложены в его труде «Россия и Европа» – эта революция, по его оценкам, во многом была нигилистической и разрушительной. Но здесь же он одним из первых убедился, что большевики ориентированы вовсе не на мировую революцию, а на сохранение России, и уже с того времени неоднократно предсказывал, что вскоре их власть будет куда более абсолютистской, чем власть самодержавная²⁰.

В марте 1918 г. чехословацкие военные части вместе с Красной армией задержали немецкие войска под Бахмачом, и тогда же Масарик, проложив маршрут своим войскам, готовился покинуть Россию, в которой пребывал в течение года. За эту «братскую услугу» чехословацкий корпус удостоился благодарности Верховного главноко-

мандующего войск Южной России Антонова-Овсеенко, а также от Совнаркома за подписью Сталина²¹. Но в начале августа Масарик уже не мог в полной мере контролировать войска, которые испытывали давление со стороны советской власти и вынуждены были отступать, тем самым вмешавшись в гражданскую войну. Армия тем не менее сохранилась, и гордость ее боеспособностью поддерживала Масарика в течение всего его президентства. Он носил воинское обмундирование легионеров и соответствующую фуражку, в которых фотографировался постоянно и специально. Обращаясь к этому периоду истории, Масарик писал: «Поучительными были наблюдения наших солдат в России. Они пришли в Россию с теми неясными отвлеченными взглядами на Россию и славян, которые у нас господствовали. В России они увидели действительную, живую Россию; они узнали царскую Россию и невзлюбили ее; у них было отвращение к русской гражданской и военной бюрократии, они были разочарованы русскими обещаниями; но они встретились с русским народом, с русским мужиком и полюбили его; Россия и Сибирь были хорошей русской школой для тысяч наших солдат; они узнали недостатки, огромные недостатки всех русских правительств, но в то же время они видели естественные условия русской великой державы и их влияние на русского человека и узнали его характер. В России наши солдаты встретились также с юго-славянами, поляками и украинцами — Россия была для них тоже хорошей славянской школой»²².

11 апреля 1918 г. только что покинувший Россию Масарик написал ответы на вопросы посольству США в Японии «Экономическая и пропагандистская работа в России». Фактически письмо будущего президента Чехословакии — профессора-философа адресовалось тогдашнему президенту США, профессору-юристу В. Вильсону²³. Масарик утверждал: «...Все малые народы Востока (финны, поляки, эстонцы, летонцы /имеются в виду латыши. — Э. З.), чехи, словаки, румыны и др.), нуждаются в сильной России, в противном случае они будут предоставлены на милость немцев и австрийцев: союзники должны поддерживать Россию при

любых обстоятельствах и всеми средствами. После захвата Востока немцы будут завоевывать Запад... Мой ответ на часто повторяющийся вопрос, может ли быть сформирована русская армия; она может быть сформирована в течение 6–9 месяцев, скажем, в количестве миллиона. Красная гвардия не подходит для этого, а большевики уже приглашают офицеров присоединиться к их армии в качестве инструкторов. (Железные дороги необходимы для армии)»²⁴. Из выше процитированного можно было сделать вывод о том, что интервенция против России Масариком не поддерживалась. Однако в меморандуме американскому правительству от 28 августа 1918 г., где ставился вопрос об увеличении помощи антибольшевистской России, Масарик занял иную позицию по сравнению с апрелем 1918 г. Он писал: «Я должен предостеречь против часто выдвигаемого лозунга: русский народ должен сам решить, сам себе помочь и т. д. В настоящее время русского народа не существует, поскольку он дезорганизован; именно по этой причине все существующие жизнеспособные организации должны быть использованы для постепенной консолидации всего народа. Цель должна быть одна: объединить всю Россию (за исключением Польши) в единую республику, где национальности, которые того потребуют, получают полную национальную автономию... Большевизм является чистейшим дилетантством во всех отношениях, большевики не могут руководить Россией и навести там порядок. Но беда России в том, что антибольшевистские партии также оказались дилетантскими, что является проклятием царизма, который не научил русских административной работе»²⁵. Вследствие этого Масарик и подвергался нападкам со стороны и монархистов, и большевиков, хотя фактически перед ним стояли задачи уже нового плана.

Первым провозгласил создание Чехословацкой республики и имя ее президента 14 ноября 1918 г. К. Крамарж, «прорусский» политик. Правда, Россия того времени не устраивала ни этого известного русофила, ни его родственников по линии жены – купцов Абрикосовых. Но предполагалось, что владычество большевиков будет относительно

недолгим, а сокрушенная ими Россия будет надежной гарантией новому государству от агрессии почти поверженной союзниками, но способной к восстановлению Германии. У Масарика были другие взгляды на статус и перспективу нового государства, но с премьер-министром Крамаржем они в данный момент были единодушны: независимость – общая ценность для всех!

Масарик становился президентом Чехословакии четыре раза: в 1918 г., 27 мая 1920, 27 мая 1927 и 24 мая 1934 г., как и Ф. Д. Рузвельт – второй после Вильсона американский политик, с которым у него много общего.

Что касается отношений с СССР в 20–30-е годы XX в., то они при президентстве Масарика отличались крайней сложностью. С одной стороны, он вместе с теперь своим политическим недоброжелателем Крамаржем выступил организатором «русской акции», направленной на спасение духовного потенциала России – ее эмигрантской интеллигенции. С другой стороны, он был убежден, что лишь сильная Россия может быть противовесом сильной Германии, как это было всегда в истории. И так будет в дальнейшем, признавал Масарик, познакомившись с идейными установками фашизма с явно антиславянскими их лейтмотивами.

В то же время признание СССР Чехословакией неоправданно затянулось – дипломатические отношения были установлены лишь в 1934 г. (за год до передачи Масариком президентских полномочий Э.Бенешу). За медлительность процесса признания, за чрезмерную устремленность к Западу, за неудачи консолидации славянских народов – без восточнославянских соплеменников – пришлось заплатить в 1938 г. в Мюнхене слишком большую цену: была утрачена независимость ЧСР. И сколько бы ни муссировался сегодня тезис о показной-де готовности СССР поддержать Чехословакию против германской агрессии – по крайней мере не Россия понуждала Э. Бенеша подписывать мюнхенские соглашения об отказе от части территорий страны...

Шульгин упрекал Масарика в том, что тот не призвал легионеров до конца бороться с большевиками, а в своих разговорах с В. Вильсоном рекомендовал ему при-

знать советскую власть де-факто. Большевики же обвиняли Масарика в причастности к мятежу чехословацкого корпуса, в замыслах свержения советской власти, субсидируя враждебные ей силы, не говоря уже о том, что он поддерживал русскую эмиграцию. В этих обвинениях двух противоборствующих сторон признавалось и нечто общее: факт затянувшегося отчуждения двух государств, приведшего к трагической несостыковке внешнеполитических курсов в самое тяжелое для обеих стран время. Есть ли основания для столь жестких оценок мыслей и действий Масарика? На этот вопрос можно ответить, рассмотрев цели и итоги его деятельности в России за год до образования независимой Чехословакии.

«Русская акция» и Масарик как ее инициатор получила высшую оценку со стороны эмигрантов. На это со всей определенностью указывали представители интеллектуальной элиты России, нашедшие прибежище в Чехословакии. По свидетельству проживавшего с 1922 г. в Праге философа И. И. Лапшина (1870–1952), важным свойством полноценного специалиста Масарик считал уравниновенность профессиональных знаний и доброй воли, опору на самостоятельность мысли в вопросах образования; опыт ответственного отношения к инновациям; рецепцию творческих идей. Философ Н. О. Лосский (1870–1965), преподававший с 1922 по 1945 г. в университетах Праги, Брно и Братиславы, подчеркивал значимость установки «гуманизма», отличающегося и от абстрактного гуманизма, и от безмысленной (именно так!) религиозности; сплетения здорового позитивизма и этизированной религии на основе конкретных дел. С. И. Гессен (1887–1950), живший в Праге сравнительно недолго и работавший там в Русском высшем педагогическом институте, отмечал преемственность взглядов «великого вождя Просвещенного демократизма идеи Коменского: «всеобщее исправление нравов через всеобщее образование – Všenaprava prostřednictvím Všeosvety»²⁶.

По словам русского педагога, оказавшегося в эмиграции в Праге, А. Павлова, «Масарик, борясь против народного невежества монархизма, кладет в основу демократии не-

обходимость образования граждан». «Поэтому Масарик, философ и государственный деятель, является в то же время и учителем чешского народа, – утверждал он, – не только в смысле воспитательного воздействия, своими статьями и речами по различным вопросам научной жизни, своим примером государственного и общественного деятеля, но и непосредственным участием в педагогической практике, как профессор чешского университета и как человек, занимающийся педагогическими проблемами. Школьное строительство в чешских землях, как и чешская педагогическая мысль во многом обязаны Масарику как педагогу»²⁷.

Главная образовательная проблема в политическом ракурсе – обеспечение системы обучения разнородных этнических частей населения страны и в первую очередь – немецкого меньшинства. Масарик утверждал, что и данное, и другие меньшинства (в первую очередь венгерское и русинское в Закарпатье) имеют собственные начальные и средние школы, а высшие их учреждения – как в Западной Европе – соотнобразовываются с количеством представителей меньшинства, степенью его образованности и потребностями жителей. Так, немецкое меньшинство в Чехии имело по многим параметрам превосходящие учебные стандарты и своих чехов-соотечественников, и немцев в самой Германии. Тем не менее президент в 1919 г. выступил против перевода из Праги немецкой части Карлова университета в небольшой городок Либерец. Этого хотели «истинные немцы» и «истинные чехи», но ведь игнорировалась самая наука, что для Масарика было неприемлемым. Немецкий язык оставался в Чехословакии языком науки и в какой-то степени культуры, и Масарик допускал, что он может вытеснить порознь работающие славянские языки, но репрессивной языковой политики не проводил. Этническая пестрота страны, являясь недостатком в структуре ее населения, должна обернуться преимуществом: чехам надо обязательно знать немецкий, а словакам венгерский – и наоборот. Затраты на изучение классических и европейских языков в этом плане окупаются, ибо, считал Масарик, «мы правильно разрешим национальную проблему, если поймем, наконец, что чем

национальное мы хотим быть, тем должны мы быть общечеловечнее»²⁸. Он неустанно проводил политику поддержки и использования интеллектуального ресурса эмиграции, нашедшей убежище в Чехословакии. В книге «Русская, украинская и белорусская эмиграции в Чехословакии между двумя мировыми войнами» отмечается: если в 1921 г. было 5 тыс. русских эмигрантов, то к 1925 г. – 30 тысяч²⁹.

В 1921 г. в Праге был создан Союз академических организаций. Он практически сразу получил поддержку в рамках «русской акции», инициированной президентом, а его председателем стал профессор Пражского политехникума теплотехник А. С. Ломшаков. В мае 1922 г. под его эгидой был организован Русский юридический факультет, позже включенный в структуру Карлова университета. Его деканом стал всемирно известный философ права, бывший директор Московского коммерческого института П. И. Новгородцев (в 1922 г. он организовал в Праге Религиозно-философское общество имени В. С. Соловьева). После его смерти пост декана занимали бывшие ректоры: Петербургского университета Д. Д. Grimm и Киевского – Е. В. Спекторский. В 1922–1927 гг. здесь преподавали 28 профессоров и 12 доцентов, а число студентов достигало 500. Имена его профессоров Н. С. Тимашева, А. А. Чупрова и др. составляли славу мировой науки.

В 1923 г. учредился Русский народный университет – по типу московского университета А. Л. Шанявского – с пятью отделениями: общественных наук, историко-философское, естественных и прикладных наук, по изучению Чехословакии, специальных курсов (стенографии, бухгалтерии, иностранных языков и т. д.). С 1933 г. он именовался Свободным университетом. Это было полноценное учебно-научное учреждение с правом издания специальных публикаций – своих трудов и записок (21 том). Ректором университета стал первый выборный ректор Московского университета в 1919–1920 гг. зоолог М. М. Новиков (до 1939 г.; до 1945 г. он был профессором университета в Братиславе).

Перечислим другие вузы: Русский педагогический институт имени Я. Коменского (с 1923 г. возглавлял бывший

директор Петербургских курсов имени П. Ф. Лесгафта профессор С. А. Острогорский), Институт изучения России (1924–1931 гг.), Русское высшее училище техников путей сообщения (1922–1933 гг.), Русский Институт сельскохозяйственной кооперации (1921–1935 гг.).

В декабре 1923 г. по инициативе председателя Чехословацкого Красного Креста Алисы Масарик был проведен опрос студентов из числа эмигрантов. Из 3 469 человек 79% учились в Праге, 17,4% – в Брно, 2,6% – в Пршибраме и 1% в Братиславе. 66% опрошенных были до этого студентами в России, 77% знали чешский язык и 95% получали пособия от чехословацкого правительства³⁰.

Президент ЧСР вполне обдуманно сделал свою страну притягательной для эмигрантов-интеллигентов, считая, что Россия вскоре может их востребовать – но ученые все же оказались нелишними и здесь. Лишь с конца 20-х гг. «русская акция» начала свертываться, но многие ученые уже «стали на крыло», принося пользу приютившей их стране.

Кроме русской эмиграции Т. Г. Масарик поддерживал также и украинскую (ее численность превышала 20 тыс. человек). При его содействии были организованы и финансировались Украинская академия, Украинская хозяйственная академия (в Подебрадах), Педагогический институт имени М. П. Драгоманова, Украинский институт обществоведения (именно здесь был подготовлен М. С. Грушевским первый учебник социологии на украинском языке), где разрабатывались проблемы нациологии и нациографии, Вольный университет. Была также создана система начальных и средних школ для украинцев. Плодотворно работали и представители белорусской эмиграции.

Из крупнейших научно-образовательных учреждений особо следует отметить Археологический институт Н. П. Кондакова (1925–1952) – ведущий центр мирового византиноведения; историческое, философское и педагогическое общества; фонды поддержки студенчества, товарищество выпускников высших школ, русский студенческий кооператив, сеть школ и гимназий, кафедры в высших учебных заведениях, собственные вузы.

Из людей русской культуры, лично известных Масарику, назовем А. Л. Бема (1886–1945?), видного слависта, преподавателя русского языка в Карловом университете и других учебных заведениях; В. Ф. Булгакова (1886–1966), личного секретаря Л. Толстого, которого в России трижды посещал Т. Г. Масарик; известного лингвиста Р. О. Якобсона (1896–1982); крупнейшего византолога Н. П. Кондакова (1844–1925); теоретика евразийства П. Н. Савицкого (1895–1968); историка П. Н. Милюкова. И это далеко не полный перечень.

Более того, Масарик побуждал славянскую эмиграцию к единению, оказывал преимущественную поддержку Комитету русско-украинского студенчества (1921–1936 гг.), через него прошли 7 000 человек³¹.

Сохранились документы о том, что Масарик непосредственно своим авторитетом оказывал помощь в организации высших учебных заведений для эмигрантов (письмо президенту США с просьбой поддержать инициативы по созданию Украинской хозяйственной академии).

Профессора-эмигранты не только передавали свои знания чешским, словацким и русским студентам, они дали, пожалуй, наиболее взвешенные оценки многих педагогических и образовательных инициатив президента Чехословакии.

«Акция» завершилась в 1934 г., поскольку с этого времени началось советско-чехословацкое сближение, а эмигранты ему «мешали», да и кто мог отучиться – уже отучился. Однако Масарик не довольствовался только прибывшими представителями интеллектуальной элиты. По свидетельству академика РАН В. П. Маслова, он обращался к известному специалисту по аграрному вопросу П. П. Маслову с приглашением работать в Чехословакии³². Однако высоко ценя отдельных представителей России, Масарик беспощадно резко критиковал общий уровень российского образования. Он писал: «Полуобразованность как промежуточное состояние нашей переходной эпохи, перехода теократии в демократию, является настоящим бичом эпохи и общества. Это чувствуется в политике, особенно же в демократии (я обратил внимание на вопрос в своих сочинениях о Рос-

сии). Поэтому у демократии и возникает вопрос, как заметить полуобразованность настоящим образованием»³³.

Надо заметить, что, будучи одним из первых марксологов, Масарик еще до революции 1917 г. внимательно знакомился с идеями российских социал-демократов и резко критиковал их. Он, в частности, отмечал, что их вожди напрасно думают, будто пролетариат здесь сможет заставить трудиться буржуазию по самой простой причине: пролетарий ведь не может контролировать сложный труд в принципе. После революции это оказалось оправданным, и Масарик в той же «Мировой революции» отмечал, что Ленину пришлось не в меньшей мере прислушиваться к Тейлору, основателю теории научной организации труда, чем к Марксу. Отсюда и приоритет выдвинутой «вождем мирового пролетариата» идеи культурной революции, что, согласно Президенту Чехословакии, является противоречием в определении, ибо культура растет органично, т.е. медленно, и через индивидов, а это значит – не по лозунгам и декретам. Стратегия Масарика была другая: поддержка развития уже имеющегося потенциала, использование научного знания в качестве производительной силы, изучение всех культурных богатств.

После добровольной отставки с поста президента страны в 1935 г. Масарик начал активно интересоваться своим более чем 20-летней давности трудом «Россия и Европа», в первую очередь Достоевским и проблемой титанизма. Это было вызвано инициативой профессора И. Горака (1884–1975) по изданию третьего тома книги «Россия и Европа» в полном объеме. В соответствии с записями личного архивиста Масарика М. Гораквой (1 июля и 22 июля 1935 г.³⁴), одновременно президент прочитал книгу «Моя борьба» будущего губителя Чехословакии – и он по-новому начал оценивать отношения России и Европы. Он вернулся к идее их великого противостояния, но при изменившихся обстоятельствах оказалось: если до 1914 г. Россия, по его мнению, как целое противостояла Европе как целому, то в 1930-е гг. наметилось новое противостояние уже внутри Европы.

Умер Масарик 14 сентября 1937 г. в президентской резиденции в Ланах. Его похороны состоялись в Праге и вылились в массовое прощание не столько со сложным и славным прошлым Чехословакии, сколько во встречу с тревожным ее будущим: спустя ровно год и 15 дней настали дни Мюнхена...

В траурной церемонии в кругу иностранных представителей принимал участие друг Масарика П. Н. Милюков, репрезентуя Россию эмигрантскую. Несколько позднее ансамбль Красной армии на одном из своих концертов в Праге исполнил в память чехословацкого президента траурный марш.

Эти два факта как бы отражают всю сложность и противоречивость оценок Масариком России – старой и новой, России, ставшей союзом социалистических республик и выступившей надежным союзником Чехословакии перед лицом обострившейся угрозы с Запада.

Примечания

¹ Отдельные вехи деятельности Т. Г. Масарика см.: Т. Г. Масарик и Россия. Санкт-Петербург. 1997; *Лаврик Э. Г.* «Один против всех...» (О Т. Г. Масарике) // Высшее образование в России. 1997. № 2; *Задорожнюк Э. Г.* «Подлинная революция – это революция реформистская» (Из книги Т. Г. Масарика «Россия и Европа» // Славяноведение. 1997. № 5; *Абрамов М. А., Лаврик Э. Г.* Судьбы либерализма в Европе и России: взгляд Т. Г. Масарика // Вопросы философии. 1997. № 10; *Задорожнюк Э. Г.* Т. Г. Масарик о Ф. М. Достоевском // Вопросы литературы. Сентябрь–октябрь 1997; Круглый стол «Т. Г. Масарик. К 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии» // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 143–174; *Лаврик Э. Г.* Социологическая теория и политическая практика Т. Г. Масарика // Социологические исследования. 1998. № 4; *Абрамов М. А., Лаврик Э. Г., Малевич О. М.* Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Т. Г. Масарик Россия и Европа. М., 2004. Т. II; *Задорожнюк Э. Г.* Его называют «Учителем народа» // Деловая трибуна. М., 2003. № 1.

² *Чапек К.* Беседы с Т. Г. Масариком // Вопросы истории. Перевод с чешского. 1999. № 3–4; *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. М., 2000, 2003, 2004. Т. I–III. Перевод с чешского.

³ *Гаррик-Масарик Т.* Добірні думки. З нагоди 75 літ життя (1850–1925) / Під ред. М. Галагана, Н. Григорієва, М. Шаповала, Я. Яреми. Прага, 1925.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Чапек К. Указ. соч. С. 173.

⁶ Там же. С. 174.

⁷ Гаррик-Масарик Т. Добірні думки... С. 20.

⁸ Славянофилы надежд Масарика не оправдали. Полуофициальные лидеры этого привечаемого во время Александра III идеологического течения Ламанский и Флоринский заявили ему, что их интересуют лишь православные славяне и еще словаки, поскольку они так же наивны, как и русский Божий люд; чехи считались ими уже «онемеченными». «В целом я вынес из России те же впечатления, что и Гавличек: любовь к русскому народу и неприятие официальной политики и признанной властями интеллигенции», – признавался Масарик. Впрочем, он «не жалел» и земляков, подмечая: «Те, от кого то и знай слышишь, что мы народ Гуса: кто из них прочитал хоть несколько строк из проповедей Гуса?» (Чапек К. Указ. соч. С. 179).

⁹ Масарик Т. Г. Философские и социологические основания марксизма. СПб., 1900.

¹⁰ Там же. С. 1.

¹¹ Плеханов Г. В. О книге Масарика // Избранные философские произведения. М., 1958. Т. II.

¹² Лазаревский Вл. А. Россия и чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений. Париж: Град Китеж, 1927.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Масарик Т. Г. Мировая революция. Прага, 1925. Т. II.

¹⁸ Цит по: Маслов В. П. Томаш Масарик и роль личности в истории // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 93.

¹⁹ Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v Českých zemích za 1. světové války. Sv. IV. Rok 1917. S. 7.

²⁰ «В административном отношении большевики продолжали царизм, они ведь были кровными детьми царизма», – утверждал Масарик. – Масарик Т. Г. Мировая революция ... С. 238.

²¹ Vznik Československa 1918. Praha, 1994. S. 67, 69.

²² Масарик Т. Г. Мировая революция... С. 241.

²³ Масарик прибыл в Петербург 3 мая 1917 г., в день, когда пало правительство Гучкова-Милюкова. Однако и новый министр иностранных дел Терещенко поддержал Масарика в его борьбе за независимость Чехословакии. Корниловское выступление против Керенского ослабило его надежды, не усилили их и набирающие летом 1917 г. все большее влияние большевики. В этих конфликтах Масарик пытался пре-

пятствовать расслоению чехословацкого корпуса военнопленных и придерживаться политики невмешательства. Он переехал в Киев, поскольку основные части корпуса располагались на Украине, но затем был вынужден перебраться в Москву. Он требовал, чтобы «чехословацкие воинские части использовались только для подавления беспорядков, угрожавших безопасности имущества, в случаях крайней необходимости и при условии, что под рукой нет русских воинских частей. Однако запрещалось их использование для подавления беспорядков, возникавших на политической почве». Подробнее см.: Маслов В. П. Указ. соч. С. 93–94.

²⁴ Vznik Československa 1918.... S. 82–83.

²⁵ Документы против Масарика. Прага, 1948. С. 36, 38.

²⁶ Там же. С. 20.

²⁷ Павлов А. Т. Г. Масарик как философ демократизма. Прага, 1928. С. 29.

²⁸ Масарик Т. Г. Мировая революция... С. 281.

²⁹ Ruská a ukrajinská emigrace v Československé republice. 1918–1938. Praha, 1995. S. 2.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. S. 17.

³² Вестник Российской академии наук. 2000. № 7. С. 633.

³³ Масарик Т. Г. Мировая революция... С. 269.

³⁴ Gašparíková-Horáková A. U Masarykovcov. Spomienky osobnej archivárky T. G. Masaryka. Bratislava, 1995.

Русские мотивы в поэзии Янко Есенского

Тема «Янко Есенский и Россия» имеет целый ряд аспектов: знакомство Есенского с русской художественной литературой, с трудами русских литературоведов о русской литературе, собственные переводы произведений русских писателей, творческие соприкосновения словацкого поэта и прозаика с русской литературой и, наконец, русская тема как таковая в его творчестве, в частности, русские мотивы в его поэзии. Конечно, жестких границ между всеми этими аспектами нет, но каждый из них может быть выделен и рассмотрен. Вот к последнему аспекту, а именно к отражению русских мотивов в поэзии Есенского, мы и обратимся.

Как известно, Есенский (1874–1945) родился в русофильской семье, его отец участвовал в Московском славянском съезде 1867 г. В доме было немало русских книг в оригинале и переводе. Уже гимназистом будущий поэт знал имена Лермонтова и Пушкина, пытался делать переводы из последнего. Товарищ Есенского по гимназии Йозеф Грегор Тайовский, в будущем тоже писатель, вспоминал, как тот хотел его «учить понимать Пушкина в оригинале»¹. Свою увлеченность русскими поэтами в юности подтвердил впоследствии и сам Есенский, подчеркивая, что «имитировал орлов» (Пушкина, Байрона, Лермонтова)². Эта увлеченность проявлялась по-разному. Показательно уже то, что свои ранние стихи словацкий поэт подписывал псевдонимом «Ленский». Дыханием пушкинской поэзии овеяны первый поэтический сборник «Стихи» (Verše, 1905) и поэма «Наш герой» (Náš hrdina, 1910–1913). С поэзией Пушкина связывают словацкие исследователи стилистику стихов Есенского, его частое обращение к четырехстопным ямбам и четверостишиям, а также к форме сонета, отличной от колларовской. Особое значение как некие образцы имели для Есенского сонет Пушкина «Мадонна» и стихотворение «К Гнедичу»³. Говоря о творческом освоении форм поэзии Пушкина Есенским и всего духа и общего характера его поэзии, надо сказать об органичном соединении словацким поэтом пушкинской традиции с традициями словацкой лирики. В результате ему и удалось то новое свое, что явилось вкладом в национальную, прежде всего лирическую,

поэзию и новым шагом в ее развитии. Связь с Пушкиным особенно опутима в сборнике «Стихи» в таких стихотворениях, как «Воспоминания», «Романтическая любовь», «Ночью», «Свет», «Идиллия» и др.⁴

Прослеживаются в первом сборнике стихов Есенинского и другие связи с русской поэзией. Так, например, строку из лицейского стихотворения Пушкина «Желание» «мне дорого любви моей мученье» он без перевода использовал для названия одного из своих стихотворений о неразделенной любви. В его подтекстах отчетливо обозначается ассоциативная связь с произведением русского поэта, послужившего для Есенинского творческим импульсом. Есть и иные точки соприкосновения сборника «Стихи» с русской поэзией, в частности, с текстами русских романсов, которые юный словацкий поэт слышал от своей возлюбленной Ольги Крафтовой. В названии стихотворений или в их тексте в сборнике можно встретить без перевода строки и слова из романсов «Его уж нет, а я страдаю», «О, взгляд волшебный...», «Скажите ей...» Есть и другие реминисценции из русской поэзии в первом сборнике Есенинского.

Особого внимания заслуживает стихотворение «Русской душе». Это необычная поэтическая персонификация, посредством которой поэт передает свои представления о России и свои глубокие чувства к ней. Вот отрывок из него в русском переводе:

Искристый иней. Снег рассыпчатый скрипучий,
Среди ветвей Луна, как золотой орех.
Ты гибкая Лоза, закутанная в мех,
над чернотой волос папаха снежной тучей.

Твой жгучий темный взгляд, хмельной мороз трескучий,
на ледяном ветру беспечный юный смех,
дыханья белый пар и – слаще всех утех –
чудесный голос твой, ласкающий певучий.

(Перевод Н. Горской.)

Такой рисовал молодой поэт русскую душу. Правда, надо заметить, что это стихотворение вошло во вторую

публикацию сборника «Стихи» (1923), однако написано оно было раньше. Видимо, стихотворение «Русской душе» связано с пребыванием поэта в России.

Поэма «Наш герой» стоит последней в ряду восходящих к «Евгению Онегину» словацких поэм («Душинский» Ваянского; «На бале», «После бала», «Прелюдия» Подъяворинской). Но если у Ваянского и Подъяворинской в их лиро-эпических произведениях доминировало эпическое начало, то у Есенского – лирическое. Герой поэмы попушкински прост, критичен и самокритичен. Его любовное увлечение несовместимо с мещанской корыстью, оно искренне, однако поэт не идеализирует своего героя. Непостоянство чувств его возлюбленной приводит к разрыву с ней, он страдает, но преодолевает скорбь и становится мудрее, спокойнее и равнодушнее ко всему окружающему. Что сближает «Нашего героя» с «Евгением Онегиным»? Прежде всего это жанр, элементы, формы, рефлексии, культ чувств и душевных переживаний, наконец, эти две поэмы воспевают неосуществленные надежды. Как видим, Пушкин творчески осваивался Есенским и был для него прежде всего близок как лирик, певец любви и жизни. С претворенным в оригинальных стихах творческим опытом подошел Есенский ко времени начала первой мировой войны⁵.

Когда война началась, поэт, считавшийся русофилом и славянофилом, был арестован как государственный изменник, однако вскоре его выпустили, мобилизовали и в мае 1915 г. отправили на русский фронт. В начале июля он сдался в плен. После пребывания в лагерях для пленных в Харькове и Тамбове, а затем в Березовке за Байкалом, в марте 1916 г. Есенский попал в Воронеж, затем в сентябре в Киев, где встретился с Тайовским и вместе с ним редактировал словацкое приложение к журналу «*Čechoslovan*». В середине 1917 г. поэт оказался в Петрограде, где редактировал еженедельник «*Slovenské hlasy*», а в конце года жил в Москве, потом – в Киеве, затем снова в Москве. В марте 1918 г. выехал в Омск, позже побывал в Иркутске, Уфе, Челябинске, Екатеринбурге. Есенский участвовал в легионерском движении, однако ни сторонником контрреволюции,

ни большевистских властей не был. В начале января 1919 г. Есенский был уже во Владивостоке, откуда через Йокогаму, Шанхай, Сингапур, Коломбо, Масану, Порт-Саид, Мессину, Неаполь, Рим в марте вернулся домой. Мы сознательно обозначили все основные пункты передвижения Есенского по России⁶. Дело в том, что будучи в плену, поэт вел своеобразный поэтический дневник, который составил сборник стихов «В плену» (Zo zajatia, Екатеринбург, 1918; Питсбург, США, 1918; Мартин, 1919). Каждое издание пополнялось новыми стихотворениями (в сборнике их более 50), главным образом это сонеты. Каждое стихотворение имеет помету – место и время его создания, поэтому и существенна схема перемещений поэта по России. Стихи могут быть разделены на четыре группы: стихотворения с русскими сюжетами, стихотворения связанные с русской поэзией, стихотворения, посвященные жене Анне (урожденной Боттовой) и мыслям о Словакии, и, наконец, стихотворения, имеющие общественно-публицистическое значение. Коротко остановимся на некоторых из них.

Есенский оказался в плену 3 июля 1915 г. Одно из первых стихотворений, написанных им в Харькове 17 июля, называется «России». В нем отражены его первые чувства от встречи с реальной, а не воображаемой и идеализированной им Россией:

В лицо плевали мне, гоня меня в тюрьму.
В наручниках, в крови, под четырьмя штыками,
загнали в каземат, в сырую полутьму,
и двери заперли, замкнув двумя замками...

Далее, вспоминая о своем аресте за любовь к России, пишет, что, наконец, попал в нее и, казалось бы, свободен... Однако заканчивает стихотворение, обращаясь к России, так:

И что ж? В казарменный барак
попал.
А ты?
И ты под стражей держишь тоже.

(Перевод В. Британишского.)

Это парадоксальное раздвоение большой любви к России и некоторого разочарования в ней показательны для многих стихов сборника «В плену».

Ряд стихотворений – это поэтические зарисовки виденного в России.

Гляжу в окно. За переплетом рам
я вижу город в зелени густой.
Над ней сверкает башня белизной –
кресты, кресты, за храмом снова храм.

(«Гляжу в окно». Харьков, 27. VII. 1915.
Перевод Г. Фролова.)

Другая:

В тесной мне избе темно и душно,
Окна в толстом слое льда сырого.
И белеет и стоит сурово
Ночь Сибири под луною скучной.
Утро спит за голою вершиной,
Все еще ресниц не разнимая,
Бледною щекою приминая
Снеговую пышную перину.

(Сибирская ночь. Березовка, 4. II. 1916,
Перевод Г. Фролова.)

Третья:

Уж полночь минула. Блаженная пора!
Цветами голову, как снегом осыпая,
кадят акации, скользит их тень живая
к луне, что замерла в объятиях Днепра:
ревнивый держит он ее, не отпуская.

(Киев, 16. VII. 1917.
Перевод В. Британишского.)

Это лишь несколько примеров того, какой виделась Есенскому Россия. Находясь в ней, он постоянно думал о своих кумирах Пушкине и Лермонтове. Уже в первый месяц пребывания в плену поэт пишет:

Пушкина, Лермонтова строки
мне подарившая страна!
Там, в комнатухе у окна,
мне снился образ твой высокий.

И я молил: тот чудный край
Онегина с его Татьяной,
Кавказ Печорина туманный
И Веру видеть, Боже, дай!

И с той поры, как королей
в стране у нас не стало,
борьба идет не за народ,
а ради генерала.

(Перевод Д. Самойлова.)

В этом стихотворении подразумевалась реакционная военная верхушка легионеров, претендовавшая на единовластие.

Красной нитью через весь сборник проходит тема освобождения Словакии. Ей посвящены стихотворения «Словацкой речи» (Киев, 22. V. 1917), «Грозит рука» (Петроград, 27. IX. 1917) и др. Для завоевания свободы поэт призывает свой народ к твердости по отношению к угнетающим его («На янычара нужен янычар», Петроград, 3. X. 1917 и др.) Он даже готов к вооруженной борьбе за освобождение Отчизны:

Я винтовку взял бы снова,
Бить врага рука готова,

...

Я б шагал – здоров ли болен,
даже ранен будь на поле.
Кратки дни – и пусть растают,
пусть жена и мать рыдают,
лишь бы с горькой укоризной
не лила бы слез Отчизна.

Так писал Есенский в стихотворении «Взял бы снова...» (Харьков, 19. VIII. 1915, перевод Г. Фролова).

В целом сборник «В плену» – это своеобразный поэтический дневник Есенского во время его пребывания в России. Он стал важным этапом в его становлении как поэта. Вошедшие в него произведения свидетельствуют об усилении реалистического начала в поэзии Есенского и четком обозначении в ней индивидуальной поэтической стилистики. Одну характерную черту стихотворений из сборника «В плену» все же отметим. Это изобилие русизмов в них (Россия, ничего, пленный, годовщина, свирепый, весна, винтовка, штык, солдат, махорка, сапог, курган, богатырь, митинг и т. д. и т. д.).

Русские мотивы не ушли совсем из поэзии Есенского и в последующий период его творчества. Россия всегда жила в его памяти. Однако такого изобилия обращений к русской теме в его стихах, конечно, уже не было. Но они, эти обращения, все же оставались. Так, в сборнике «После бурь» (Робуркаш, 1932) в стихотворении «Человек» поэт с огорчением пишет о разрушении Храма Христа Спасителя в Москве. В стихотворении, посвященном товарищу по русскому плену, писателю Грегору-Тайовскому, Есенский вспоминает «сибирские ветры» и «русский меч». Воспоминаниям о пребывании в России посвящено и стихотворение «Ямщик, не гони лошадей». Его нельзя пересказать, но, пожалуй, можно согласиться с Р. Бртанем, что это «самое русское» стихотворение Есенского⁷. В нем выражены и интимно-личная любовь поэта к России, и тоска по ней, и затаенная грусть, связанная с прошлым, с памятью о его «русских» годах:

Не сладко-грустную!
Не танцевальную!
Сыграй мне русский
Романс печальный!

Про ямщика
Ой, степь безбрежная!
Ни огонька.
Лишь замять снежная.
Папаха, бурочка...
Ах, Шура, Шурочка!

Голубка с голубем!
Пути не меряны...
Следы затеряны...
Промчалась молодость!

(Перевод Н. Горской.)

Прежде, чем перейти к освещению русских мотивов поэзии Есенинского на заключительном этапе творчества, обратим внимание на одну его прозаическую книгу, имеющую отношение к теме нашей статьи. Она вышла в 1933 г. под названием «Путем к свободе» (*Cestou k slobode*) с подзаголовком «Отрывки из дневника 1914–1918» (второе издание – в 1936 г.). Помимо поэтического дневника, сложившегося в сборник стихов «В плену», будучи в России, Есенинский вел параллельно обычный дневник, но опубликовал его значительно позже. «Путем к свободе» поясняет многие стихотворения сборника «В плену». Прозаический дневник как бы был фоном поэтического. Из него мы узнаем, что в Тамбове словацкий поэт вспоминал «Казначейшу» Лермонтова, отрывки из которой знал наизусть, в Омске – Достоевского, осмотрел остатки тюрьмы, где тот сидел, в Воронеже видел памятники Кольцову, Никитину и Петру I.

Дневниковые записи свидетельствуют, что поэт читал множество периодических русских изданий («Русское слово», «Солнце России», «Новое время», «Женщина», «Новый Сатирик», «Земля и воля» и др.)⁸. В Воронеже сосед по квартире, учитель Михаил Пустовалов, давал Есенинскому книги Бальмонта, Брюсова, Мережковского, Андреева и других русских авторов. С ним Есенинский беседовал о декабристах и революции 1905 г.⁹ Читал в России поэт, помимо упомянутых писателей, еще и Л. Н. Толстого, Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Шевченко, Грибоедова, Горького. Однако, после многих испытаний оказавшись 20 июля 1917 г. на Невском проспекте, Есенинский не был охвачен тем чувством, которого ожидал. «Ведь тут ходил Пушкин. Об этом проспекте писал Гоголь. Здесь прогуливался Лермонтов... Или уж мое сердце так затвердело?» – с горечью написал он в дневнике об этом¹⁰.

Книга «Путем к свободе» содержит много интересных зарисовок из жизни пленных, сцен из русской жизни, описаний природы. В нее вошли и ряд поэтических текстов. Прозаический «русский» дневник Есенского позволяет полнее и глубже понять его сборник «В плену». В этих двух взаимно дополняющих одна другую книгах тема России и русской культуры заняли основное место.

Перейдем к русским мотивам в поэзии Есенского 1930–1940-х гг. В основном они связаны с событиями Второй мировой войны, что совсем не означает утраты его интереса к русской литературе. К столетию со дня смерти Пушкина им было написано большое стихотворение «Смерть Пушкина», свидетельствующее о постоянстве любви Есенского к русскому поэту, свое первое стихотворение которому («О, Пушкин мой!..») он посвятил еще в 1894 г., когда прочитал «Евгения Онегина». В том же юбилейном 1937 г. им был написан очерк «Пушкин и словаки». Отметим еще, что именно на 1930-е годы приходится появление значительной части переводов Есенского из русской поэзии (две книги пушкинской лирики, «Евгений Онегин», «Двенадцать» Блока, книга стихов Есенина, переводы Фета, Тютчева, Мережковского, Брюсова, горьковской «Песни о соколе» и др.).

Ко времени мюнхенскогоговора (1938) и последовавшего вскоре образования так называемого Словацкого государства Есенскому было уже далеко за 60, однако он сохранял свою гражданскую и литературную активность и тогда, и в годы начавшейся в 1941 г. войны гитлеровской Германии с Советским Союзом. Поэт остался верен демократическим идеалам, его давнее русофильство трансформировалось в симпатию к борющимся с оккупантами советским людям. И это нашло отражение в его стихах.

В мае 1939 г. в стихотворении «Изгнанник» Есенский, оставаясь верен себе, писал:

Я должен брата моего
забыть, а мы душой едины.
Хотят, чтоб я любил того,
кто дом мой превратил в руины.

(Перевод Е. Городневой.)

То же чувство родства и солидарности с Россией выражено и в других стихах словацкого поэта.

Прочь, ребята, из России,
есть у нас дела другие,
нам до Пасхи, дорогие,
господам свернуть бы

(Перевод Ю. Вронского.)

Это строки из стихотворения Есенского «Песня солдата» (1942). В них идет речь о насильственно направленных на войну против Советской армии словаках. И еще один пример сочувствия Есенского в годы войны по отношению к народу, который вел борьбу с нацистскими оккупантами, из стихотворения «На фронт» (1942):

Нас гонят в пекло, гонят всех подряд:
дарят могилы — родину сулят.

Чтоб возноситься этот мог народ,
Пусть, дескать, в землю будет загнан тот.

(Перевод В. Корчагина.)

«Тот» — это русский и все другие народы СССР, а гнали словаков на войну против них профашистские власти глинковского правительства Тисо.

Видимо, в последний раз к русской в широком смысле теме Есенский обратился в стихотворении «На братиславских кладбищах», с подзаголовком «Павшим русским героям» (апрель 1945). Оно завершается так:

*А сколько славы — Волга, Эльба, Дрин!
От Дона к Одеру и от Днепра до Шпрее,
И Сталинград, и Вена и Берлин
Вы спите здесь в тиши аллеи.*

*Вы мать отчизну возвратили нам,
И мы, склонившись у могилы братской,
«Покойтесь с миром», — произносим вам,
вам павшим, вам живым в земле словацкой.*

(Перевод Г. Фролова.)

Есенского не стало в 1945 г. 27 декабря 1995 г. исполнилось 50 лет со дня его кончины. Неизменную любовь к России и русской литературе он пронес через всю жизнь. Мы попытались рассказать о ее отражении в поэзии словацкого поэта, но это – всего лишь часть большой темы «Есенский и Россия».

Примечания

¹ *Tajovský J. G. Poet a prozaik // Sborník Janko Jesenský. Zdravica básnikovi. Bratislava, 1934. S. 15.*

² См. сб.: *Janko Jesenský v kritike a spomienkach. Bratislava, 1955. S. 667.*

³ См.: *Brťán R. Puškin v slovenskej literatúre. Turč. Sv. Martin, 1947. S. 85.*

⁴ Ibid. S. 86.

⁵ Подробнее о влиянии Пушкина на раннюю поэзию Есенского см.: *Brťán R. Puškin v slovenskej literatúre. S. 82–86; Panovová E. Puškin v slovenskej poézii do roku 1918. Bratislava, 1966. S. 224–242.*

⁶ Сведения о перемещении Есенского по России взяты из его книги: *Jesenský J. Cestou k slobode. Druhé vydanie. Turč. Sv. Martin, 1936.*

⁷ См.: *Brťán R. Puškin v slovenskej literatúre. S. 92.*

⁸ *Jesenský J. Cestou k slobode. S. 58, 65, 82, 86, 184, 189.*

⁹ Ibid. S. 98–100.

¹⁰ Ibid. S. 159.

Ян Вайсс: путь чехословацкого legionера и писателя

Будущий писатель Ян Вайсс (10.V.1892–7.III.1972), как и многие его соотечественники, был мобилизован в 1914 г., отучившись всего два семестра на юридическом факультете Венского университета. Он оказался в составе австро-венгерской армии сначала на итальянском, затем на русском фронтах, в 1916 г. попал в плен и почти три года находился в лагере под Оренбургом. Затем была Сибирь и вступление в чехословацкий легион весной 1919 г., и лишь в феврале 1920 г. – возвращение домой.

Истории чехословацкого легиона посвящено множество исследований, монографий. До сих пор к ней проявляется большой интерес и в самой Чехии, и в России. В марте 2003 г. в пражской галерее «Писецкие ворота» проводилась выставка, отразившая долгий путь, пройденный legionерами, начиная с того времени, когда под знамена чехословацкого легиона по призыву президента Т. Г. Масарика встали добровольные дружины в Италии, Франции и России, и заканчивая их возвращением на родину. Выставка имела большой успех и стала очередным свидетельством того, что тема эта далеко не исчерпана, «белые пятна» все еще не ликвидированы, а многие, казалось бы, общепризнанные факты ждут своего дальнейшего осмысления и, возможно, ухода от сложившихся стереотипов.

В состав чехословацкого легиона во время Первой мировой войны входили участники зарубежного военного сопротивления. В конце 1916 г. общее количество чешских добровольцев в российской армии насчитывало 20 тысяч человек, после успешных сражений число legionеров пополнилось из новых пленных. Среди тех, кто оказался волею судеб в России, через три года возвращался на родину через Владивосток, а путь этот оказался длиной в год, были и будущие генералы Ян Сыровы, Станислав Чечек, Людвиг Свобода, и писатели Рудольф Медек, Ярослав Крадохвил, Франтишек Лангер, и географ Йозеф Чермак. В декабре 1919 г. отплыли первые корабли с legionерами. На 42-х кораблях в Европу было переправлено 72 644 человек. Не вернулось из

России более четырех тысяч человек – погибших и пропавших без вести. Среди возвратившихся был и чудом выживший после тяжелейшего тифа Я. Вайсс. Пройдя фронтами Первой мировой войны он оказался в лагере военнопленных у поселка Тоцкое*, где около полугода находился и самый знаменитый чехословацкий legionер Ярослав Гашек.

Гашек был переведен в Тоцкое из Дарницы под Киевом в декабре 1915 г. Когда царское правительство по договоренности с национально-освободительными движениями начинает формировать добровольческие подразделения из числа военнопленных чехословаков для участия в военных действиях против Австро-Венгрии, Гашек принимает предложение в июне 1916 г. выехать в Киев в качестве писаря. Так начинается его быстрое восхождение по партийной лестнице. Гашек с воодушевлением воспринимает революцию 1917 г., хотя его взгляды не находят поддержки в руководстве чехословацких legionеров, занявших непримиримую позицию по отношению к большевикам. В 1920 г. Гашек возвращается в Чехословакию и практически сразу приступает к созданию своей знаменитой эпопеи о похождениях Швейка. Вайсс вступил в legion весной 1919 г., прошел спецподготовку в Житомире, но в боевых действиях не участвовал, так как к этому времени был уже инвалидом. Ему понадобится еще несколько лет, чтобы оформить свои военные впечатления. Первый рассказ «Сон» появится в 1924 г. и будет опубли-

* Тоцкое – село в 200 км от Оренбурга, основанное в 1736 г. Во время Первой мировой войны здесь находились лагеря военнопленных, и в настоящее время на этой территории находится 10 захоронений военнопленных австро-венгерской армии времен 1915–1917 гг. Лишь в июле 2003 г. общественной организации «Австрийский Черный крест» удалось договориться с местной администрацией о возможности доступа к местам захоронений родственников. Тоцкое печально известно также тем, что здесь на полигоне в 1954 г. было проведено первое наземное испытание ядерного оружия, ознаменовавшее вступление СССР в ядерную эпоху. Тогда было задействовано около 200 тысяч солдат, мощность бомбы составила 100 килотонн, а в зону беды попала вся Самарская область, 15 районов Оренбуржья, радиационному заражению подверглась площадь, где проживало более 5 млн. человек...

ликован в журнале «Независимость Чехословакии». А в 1927 г., когда автору уже 35 лет, выходят сразу три его книги. Что касается отношения к России, к революционным событиям, оно было у Вайсса далеко не столь однозначно, как у Гашека. Гашек сразу и безоговорочно принял революцию и написал самую, вероятно, впечатляющую книгу о Первой мировой войне. Он знал Россию и сам творил ее историю, активнейшим образом занимаясь большевистской деятельностью, в частности, самолично принимая участие в расстрелах. Он прекрасно говорил по-русски, привез из России жену. Пребывание Вайсса в России, с которой он не мог особенно близко познакомиться, проведя большую часть времени в бараке для пленных, а позднее в должности писаря в конторе, оказало решающее влияние на всю последующую жизнь и творчество писателя. Страна, в которой он уже никогда не бывал после 1920 г. и которую в общем-то не знал, в отличие от Гашека, стала для него катализатором, манящим символом огромной силы. Идея коммунизма, воплощенная в жизнь, оказала решающее влияние на его мировоззрение, в известном смысле явилась основой жизненного восприятия и опыта, открыла ни с чем не сравнимый мир неслыханных измерений. Трудно сказать, как отнесся бы Гашек к событиям 1948, 1968 гг. Наверняка увидел бы смешные и отвратительные стороны жизни, вдоволь бы посмеялся над трагичностью и абсурдностью ситуации. Вайсс был человеком совершенно иного склада. Скрытный и молчаливый он реагировал на все предельно эмоционально и серьезно, верил в идеальное устройство общества и видел положительные примеры. Его современники характеризовали его как человека очень скромного, непритязательного, благородного. Вайсу абсолютно чужда была богемная жизнь и выставление напоказ своих геройских походов в России. События 1948 г. он воспринял как осуществление своей давней мечты и не разочаровался в ней до самой смерти, за что его уже в 1990-е гг., естественно, не слишком жаловали.

После возвращения в Чехию он работал в 1920-е гг. в министерстве и пробовал писать, несколько его рассказов было напечатано в разных журналах: уже упоминавшийся

«Сон», ставший для Вайсса своеобразной визитной карточкой, а также рассказ «Руки», «Бьянка Браселли» и др. Вайсс активно сотрудничал с журналом «Легионерские беседы», который возглавлял уже хорошо тогда известный Рудольф Медек. Именно там в 1926 г. была опубликована пьеса «Пенза», которая стала одной из первых драм из жизни легионеров («Полковник Швеиц» Р.Медека появится в 1927 г., «Конный дозор» Ф. Лангера в 30-е гг.). Медек ввел Вайсса в круг литераторов и помог стать членом «Кружка чешских писателей», где тот общался с К. М. Чапеком-Ходом, В. Дыком, К. Сезимой, ставшим впоследствии – одним из первых его критиков¹.

Первая книга была названа автором «Барак смерти» и вышла в нелитературном издательстве «Свободные мысли чехословацкие». Этот сборник, состоящий из девяти рассказов, навеян впечатлениями от пребывания в лагерях военнопленных, где Вайсс переболел тифом, лишился в результате обморожения пальцев ног. Два рассказа посвящены теме деятельности в России чехословацких легионов. Автор этой книги не смог еще преодолеть определенные штампы. Обилие впечатлений, тяжесть пережитого как будто мешали сосредоточиться на главном. Ему можно было бы предъявить много претензий по части композиционной рыхлости, обилия повторов, злоупотребления стандартным набором русских слов типа «водка», «самовар», «валенки», «махорка». «Барак смерти» при всех его художественных просчетах, неравноценности отдельных рассказов тем не менее явился весьма симптоматичным и ярким произведением. Все мотивы, приемы, эта неразрывная связь сна и реальности станут для автора в его последующем творчестве основополагающими, и тема России, плена, пограничного состояния человека будут звучать у Вайсса постоянно. Он будет моделировать одну и ту же ситуацию.

Итак, открывает сборник одноименный и самый значительный по объему рассказ. В лагере свирепствует тиф, и лишь в одном бараке № 17 собралось семеро счастливых, которые еще не заразились и имеют шанс выжить в этом аду. Они живут лишь мечтой о мыле, табаке и городе Оренбурге, где никто из них не был: «...за тем холмом, не так уж и дале-

ко, лежит богатый, великолепный город под названием Оренбург. Так странно звучало это имя, от него веяло какой-то недостижимой, неосуществимой мечтой. Центральная улица этого города, говорят, такая же длинная и широкая, как Бродвей, и других улиц в этом городе нет. А дома совсем другие, не как в западных городах: удивительные, сказочные, сплошные эркеры, балкончики, причудливые башенки, фарфор. Как улица мечты, как небесная столица. И люди там живут богато и счастливо, и они вечно молоды, а в магазинах продают удивительные вещи, для которых и слов-то нет в наших языках...»² А еще у узников есть клад – деньги, за которые можно купить жизнь, но для этого надо вырваться из лагеря и дойти до Оренбурга. Главные виновники их бед – комендант лагеря Федор Андреевич Ренненгельд и его адъютант Ника Никич. Тот же комендант – центральный герой рассказа «Генерал», правда, под именем Вильгельм Федорович. Для лагеря этот «старый сифилитик, которого еще не смела революция»³, ничего не делает, он пропил все деньги, полагавшиеся на лекарства, белье, еду, построил себе чудовищный дворец в готическом стиле на берегу Волги. Он лишь иногда показывается в бараках, наблюдает за мучениями пленных в качестве развлечения для себя и любовницы Шурочки. Очередной раз он является, когда в бараке № 17 остается всего трое живых после неудачных попыток достать хинин и водку – «казаки с нагайкой все отобрали!»⁴. А в «Генерале» комендант судорожно готовится к приезду миссии Красного Креста, отдает распоряжение найти пустой барак, «вычистить, протопить, покрасить, на окна повесить шторы, положить паркет... и привезти пианино»⁵. Умиравший Бареш произносит замечательную речь, в которой обвиняет Ренненгельда во всех страшных грехах, а другой умирающий запускает в генерала бутылкой, и от того остается вместо лица «черная дыра». Ночью в барак являются еще посетители – три фигуры в белых халатах, белых масках и с факелами. Наутро от лагеря останется только пепелище и сорок остывающих труб. (В «Генерале» также дотла сгорает Тоцкое и «дьявольское гнездо» заслужившего мученическую смерть коменданта лагеря). Лишь одному из барака Йозефе Йире уда-

лось спастись. Он добирается до Оренбурга, привозит к лагерю доброго мужика Кузьму Лукича с подводой и черноглазую Агату из госпиталя, но спасти некого – все сгорело, вместе с людьми и кладом. Йозеф, он же Юзиф Францевич, остается у Кузьмы «на хозяйстве». Таков сюжет рассказа, и все, казалось бы, выглядит, как карикатура. Но события, описанные автором, – не что иное, как лихорадочные видения смертельно больного человека, в которых граница между сном и явью практически отсутствует.

В рассказе сборника «Лихорадка», вышедшего ранее в журнальном варианте под названием «Сон», мы находим еще более яркое описание сновидений пленного Йозефа Вилеша. Он мучим воспоминаниями о «доме, матери, о своих книгах, о большом, таинственном свете, который манил его. Гимназиста, едва успевшего сдать экзамены, схватили прежде, чем он успел осмотреться, завоевать этот мир. Он не узнал женщин, все думая, что время еще будет, а пока надо будоражить кровь цитатами из римских классиков»⁶. И вот теперь он никому не нужный, больной и голодный, во власти причудливого видения, в котором спасенье приходит в виде огромной гориллы, перенесшей Йозефа из тифозного барака в больницу, где «чистое белье, голубки с красными крестами на груди, и все больные улыбаются ему»⁷. Рассказ написан в типичном стиле экспрессионизма. Это направление развивалось на фоне резких социально-политических переломов, крушения австро-венгерской империи и первой мировой войны, дух его наиболее ярко в первые десятилетия XX века питали Вена и Прага. Не остался в стороне от его влияния и Вайсс. Подчеркнутая эмоциональность, мистика, фантастический гротеск и трагизм – все стянуто у писателя в едином узле. В центре его повествования – человек, истерзанный равнодушием, мучительно пытающийся познать границы материального и духовного. Он живет в мире, где нет разницы между сном и явью, где не находится ничего светлого, все деформировано, принцип идентичности героя нарушен. Не только в «Лихорадке», но и в других рассказах главный герой кажется себе кем-то другим, он превращается то в жителя чудесной страны Олалия, пришедшего в тифозный барак,

чтобы научить пленников умирать («Послание со звезды»), то в обыкновенного вора, который становится моряком («Руки»). Муки физические и страдания душевные, из-за себя и находящихся рядом, голод, бессилие, болезни, опускающие человека на самое дно, доводящие до животного состояния (рассказ «Голод»), галлюцинации и ночные кошмары, приходящие из глубины сознания человека, балансирующего на грани жизни и смерти, – вот мотивы большинства рассказов «Барака смерти».

Два рассказа сборника стоят несколько особняком, так как их темой становится не пребывание в лагере, а выбор пути чехом, заброшенным волей судьбы в Россию, которая в этот момент переживает эпохальные события. Герой первого рассказа «Австрияк» Лойза Блажку пытается остаться в стороне от страстей, бушующих среди пленных. Большинство из них уже приняло решение вступить в дружину, ибо им хочется видеть Прагу «метрополией славянства», а вовсе не умирать за австрийского императора. Лойза не желает вновь воевать и проливать кровь. И все же в последний момент он успевает вскочить в вагон уходящей «теплушки», которая увозит чехов помогать братьям-славянам. Судьба этого юноши достаточно типична – она противоречива, как судьбы практически всех простых чехов, оказавшихся втянутыми в большую игру европейских государств. Как отмечает историк И. Савицкий⁸, роль, которую сыграли чехословацкие legionеры в российской истории, весьма значительна. Уже в августе 1914 г., когда была сформирована чешская дружина, в нее в массовом порядке вступали и чехи, жившие в России, и военнопленные, число которых достигло к 1917 г. уже 200 тысяч человек. До и после Зборова* чехословацкие солдаты воевали за независимую родину, а вот после Октябрьской ре-

* Зборов – местечко в Западной Украине, где 2 июля 1917 г. состоялось победоносное сражение с австрийской армией, и началось новое наступление русских. На стороне России выступили чехи, стратегия битвы была также разработана чешскими офицерами. Следствием этой победы было не только огромное воодушевление и готовность чешских солдат к дальнейшей борьбе на территории России, но и изменение отношения к чехословацкому легиону со стороны русских политиков.

волюции ситуация резко изменяется в связи с началом гражданской войны. Надо сказать, многие из них прошли весьма сложный путь самоопределения. Они воевали в армии Франца-Иосифа, потом, сдавшись в русский плен, воевали против этой армии, потом воевали в Сибири – то против большевиков, то против белогвардейцев. Чехословацкий корпус к 1918 г. образовал сплошной фронт на огромном расстоянии от Самары до Казани, и это, собственно, стало началом гражданской войны, так как страны Антанты не решились бы на открытую интервенцию и поддержку белого движения, не имея такого авангарда, как 80-тысячное войско. Среди легионеров не было единства, после возвращения в Чехословакию они также разбились на разные лагеря. Там были и крайне левые, и крайне правые. Лойза пока делает единственно правильный выбор в своей жизни – идет 1914 год, а вот Франтишек Колиандр в рассказе «Удивительный пес и чемпион мира» уже не стоит перед выбором. Он вступает в захваченную Самару в июне 1918 г. в качестве победителя и подобно Наполеону прохаживается с чувством собственного достоинства по улочкам города. Его распирает гордость от величия миссии, ведь чехословаки легко разбили большевиков, обратив их в бегство! И вот теперь по берегам Волги гуляют «худосочные русские самки под руку с холёными чешскими самцами», а герой Франта готов «показать всем русским людям, вбить им в башку, что такое есть Чехословак»⁹. Но только комичным и жалким оборачивается в конце концов его бахвальство. Вайсс посмеивается над своим героем, над всеми его потугами казаться Наполеоном. Автор прекрасно понимал уже после возвращения из России, что простые чешские солдаты были лишь пешками в большой игре политиков. Их исковерканные судьбы – на совести демагогов, стремившихся склонить легионеров то на одну, то на другую сторону. В результате проливалась кровь, в захваченных Самаре, Пензе, Омске расстреливали невинных, как грибы после дождя возникали многочисленные правительства, советы, комитеты, совершались сомнительные коммерческие операции. Вайсс был удивительно чуток ко всякого рода фальши, пустословию и не признавал никакого героизма за

легионерами, которым после образования Чехословакии, в зависимости от политических обстоятельств, ставили в заслугу самое разное. В 1933 г. Вайсс издает роман «Молчание золота», где выразит свое отношение к политическим партиям, борющимся за власть. Это роман о человеке по фамилии Фабиан, он служит одной из партий, используя свои потрясающие ораторские способности и дар убеждать. Понимая со временем, какая пропасть лежит между декларируемыми целями и практикой, он не видит иного выхода, кроме как навсегда замолчать и не продаваться политикам. И в этом романе герои существуют в двух планах – реальном и сновиденческом. Практически все рассказы Вайсса – это сновидения героев. С одной стороны, Вайсса явно вдохновлял Якуб Арбес и его «романетто», жанровая форма, вошедшая в чешскую литературу в 60-е годы XIX в. В сборнике «Зеркало, которое опаздывает», вышедшем одновременно с «Баракком смерти», большинство рассказов еще ближе Арбесу по стилю. Сам Вайсс отмечал: «В моей второй книге фантазия уже не связана местом и временем... Здесь важнее всего игра мысли и радость от этой игры, радость от радости после тяжелого потрясения, державшего автора до самой смерти и от которого, как ему казалось, он избавился»¹⁰. В «романетто» основная сюжетная линия обычно обрывается на кульминационной точке, видимая иррациональность, фантастичность событий объясняется в конце концов какой-то реальной причиной. В самом типичном арбесовском «романетто» «Мозг Ньютона» реальный и фантастический планы слиты воедино, переход от одного к другому практически незаметен. Полет на машине времени заканчивается ее падением и пробуждением рассказчика. Все невероятные события у Вайсса находят такое же простое объяснение – это привиделось героям во сне. Арбес соединил в своем творчестве «верновский принцип научной точности с принципом фантастических поисков за границами эмпирии, характерным для Э. А. По»¹¹, его двоемирие было близко Вайссу. Но если для Арбеса мотивация сном была исключением, для Вайсса она стала правилом. И совсем его не вдохновлял мир науки. Гораздо ближе и понятней стал для него мир сновидений, не связанный с

законами времени и пространства, материей и логикой. В него и погрузился Вайсс, сделавшись «эпиком сна и поэтом призрачных ужасов»¹². Он строил свои ранние рассказы и более поздние романы на контрасте между «контролируемыми» мыслями в состоянии бодрствования и богатством воображения в снах. По теории К.-Г. Юнга сны зарождаются в духе, который носит не вполне человеческий характер, а является скорее дыханием природы – духом прекрасного и благородного, равно как и жестокого божества. Современное человечество, научившееся себя контролировать, отойдя от природных инстинктов, многое утратило. Для сохранения постоянства разума, физиологического здоровья, бессознательное и сознание должны быть связаны самым тесным образом, двигаться параллельными путями. В этом отношении символы сна – важные посланники от инстинктивной к рациональной составляющей человеческого разума¹³. Именно во сне спасались герои Вайсса, совершая чудесные превращения, а пробудившись находили в себе силы жить и бороться, порой во сне к ним приходило прозрение, как, например, в рассказе «Исповедь человека», и это помогало найти нравственные ориентиры и получить прощение.

В один год со сборниками рассказов «Барак смерти» и «Зеркало, которое опаздывает» вышел и самый известный, неоднократно издававшийся, переведенный и на русский язык роман «Дом в тысячу этажей», в котором вновь основой стал сон военнопленного времен Первой мировой войны. Вайсс погружает читателя в фантастический мир. Как утверждал сам автор, «некоторые критики не поняли моей цели подать историю таким образом, чтобы действительность стала сном, а сон действительностью... Так была задумана композиция; без сна с желтой лампочкой из лагеря военнопленных, куда вновь и вновь возвращается герой, не было бы и дома в тысячу этажей, который необходимо было наконец разрушить, чтобы пленный мог пробудиться ото сна и оказаться в реальной жизни»¹⁴. Сюжет романа скроен из разрозненных эпизодов, не связанных логикой и последовательностью развития (так, как это бывает во сне), с чередой обрывочных видений и пестрых деталей. Собственно, связь с вой-

ной открывается лишь в конце фантастической истории. Вымышленный герой, детектив Петр Брок, посланец Соединенных Штатов Мира, направлен раскрыть тайну загадочного дома, владеет которым некий Огисвер Мюллер. Брок проникает в таинственный Мюллердом, открывает страшную правду о его устройстве. Это общество, разделенное на антагонистические группы: здесь есть рабы, рабочие с мизерной зарплатой, преступники и аферисты всех мастей, наконец, правящий класс. Тут все утрировано, доведено до абсурда, невиданные технические достижения служат для порабощения и уничтожения человека. В первой части предстает фантазмагорическая картина мюллеровского общества, во второй речь идет о борьбе добра и зла. В предисловии к русскому изданию романа И. Бернштейн отмечала, что Брок напоминает чепековского инженера Прокопа из «Кракатита»¹⁵. Прокоп также борется с темными силами, пытающимися поработить человечество, и в своей борьбе пользуется секретом сверхмощного взрывчатого вещества (Брок – секретом невидимости). Но Прокоп у Чапека в конце концов от поединка отказывается, тогда как Брок в него вступает (поднимает на восстание рабов) и одерживает победу. Прежде чем прийти к этой победе, ему необходимо совершить длительное путешествие по разным этажам Мюллердома и стать свидетелем несправедливостей, в нем творящихся. Вплетен сюда и сказочный мотив спасения принцессы Мани, есть любовная интрига, но достаточно второстепенная. Главным для автора было показать опасные тенденции развития современного общества, обнаженные Первой мировой войной – обезчеловечивание, погоня за прибылью и наживой любой ценой. Вайсс имел в виду не только капиталистическую систему, на что долгое время делала упор марксистская критика. Он выступал против тоталитаризма, деспотии, видя наступление фашизма и описав во всех подробностях будущие концлагеря с газовыми камерами, системой слежки и унижения человека, полицейский террор. Детектив Брок – персонифицированный человеческий разум, пропешедший сложный путь познания, Мюллердом – большая аллегория современной Вайссу общественно-политической системы. Это реальное

зло, и его реальный герой пробуждается с надеждой и верой в то, что оно будет наказано.

Несомненно, Вайсса влекла призрачность и мистика, а субъективизм и абстракция экспрессионистов были его сознанию очень близка. И все же в его фантастических видениях всегда пробивалось сострадание к конкретному человеку, раздвоенному и задавленному бездушием, таинственный мир и процессы, в нем происходящие, он описывал с реалистической наглядностью и правдивостью, что позволило И. Гаеку назвать Вайсса «фантастическим поэтом реальности»¹⁶. Вайсс верил в лучшее будущее и упорно искал выход. В чехословацкой действительности 1930-х гг. он не видел ничего позитивного. Его поиски идеала приведут очень скоро к России, Советскому Союзу. Именно Россия с ее патриархальными устоями и одновременно устремленностью в будущее окажется тем потеряннным раем, в котором Вайсс найдет истинную духовность, противостоящую промышленному Западу с его грубым материализмом. Ненавистный царский генерал, издевавшийся над пленными, навсегда уйдет в прошлое. А Россия новая предстанет во всей своей мощи, окутанная ореолом таинственности, твердо шагающая по пути к светлому будущему.

Как случилось, что автор, переживший ужасы войны, революции, всеобщего хаоса, ненавидевший все проявления тоталитаризма, считавший русских невежественными, далекими от европейской цивилизации людей, через десяток лет увидел в них строителей идеального общества и не заметил того, что смог разглядеть Иржи Вайль?

Роман Вайсса «Спящий в зодиаке» и «Москва-граница» И. Вайля вышли одновременно в 1937 г. Сегодня легко судить Вайсса и удивляться прозорливости Вайля. Очевидно, что Вайль провел в Москве много лет, как член компартии знал всю ее подноготную, прошел сталинские лагеря, на собственном опыте познал многое, что было закрыто от большинства людей, в совершенстве владел русским языком и не ограничивался лишь «самоваром» да «махоркой». И как результат появляется книга, где открываются парадоксы советской действительности: огромные достижения экономические, небывалый размах строительства, массовый энту-

зиазм и убийство Кирова с последовавшими репрессиями, зловещие тени НКВД, пропасть между правящей верхушкой, их приближенными и большинством населения. В истинном положении вещей, в противоречии между самой идеей коммунизма и сталинскими методами ее внедрения не смогли сразу разобраться многие мастера культуры. Г. Уэллс в свое время отмечал, что единственное правительство, которое может предотвратить окончательный крах России, это большевистское, призывал Запад оказать большевикам щедрую помощь, так как они, возможно, сумеют создать в России новый, цивилизованный общественный строй. И хотя он признавал, что большевистское правительство чрезвычайно неопытно и неумело, а временами бывает жестоким и совершает насилие, в целом, это правительство честное¹⁷. Социализм для Уэллса был путем к излечению рака, въевшегося в организм старого мира, и эта дорога виделась ему только бескровной, ведь в его представлении не было ни злой воли, ни виноватых, и люди неизбежно должны будут прийти от ненависти к любви. А. Жид, не разделявший мнения английского коллеги, в своем «Возвращении из СССР» поделился честными и горькими впечатлениями о первой стране социализма, где уже восторжествовала диктатура Сталина. Его резкие суждения внесли серьезный раскол в ряды левых чешских интеллектуалов, которые в основном видели в СССР страну, где их «завтра стало уже сегодняшним днем». Такой же эффект произвела и книга Вайля, являющаяся в чешской литературе уникальной в своем роде. Пересмотрел свое отношение к Советской России и Р. Роллан: восторженные отклики и оправдание репрессий в 1920-е гг. поездки в в Россию 1935 г. и встречи со Сталиным и Горьким, сменились более сдержанными оценками.

Конечно, гуманистическая позиция Уэллса была Вайссу ближе всего. В период экономического кризиса, безработицы ситуация в Советском Союзе представлялась Вайссу просто сказочной. Вряд ли он знал о массовых репрессиях, да и не мог допустить самой мысли об этом. Ему виделся сквозь тьму мировой войны, безысходного труда, нужды приход радостной зари нового человеческого дня.

Герой «Спящего в зодиаке» Вацлав Ребенда необычен. Это образованный молодой мужчина, который нанимается к промышленнику Лебдушке, чьим прототипом является, очевидно, знаменитый Батя. Служит Вацлав гувернером у девятилетнего сына Лебдушки Альбина. Мальчика все считают умственно отсталым, но именно Ребенда находит к Альбину, брошенному собственной матерью, единственно возможный подход – сам в общении с ним становится ребенком. Он человек-растение и проходит в течение года все стадии развития: от рождения через расцвет к увяданию, зимой впадает в спячку на три месяца, весной, как малое дитя, пробуждается к жизни, играет с игрушками, осенью вянет, теряет вкус к жизни, претерпевая и психические, и физиологические изменения. Ребенда, «как сама природа – она противоречива, но никогда не теряет себя, все, что в ней делается, правдиво. И человек должен иметь в себе эту уверенность правды!»¹⁸. Его воспринимают как клоуна, комедианта, многоликого обманщика, но никто из «богатых и сытых» не понимает его истинной сути. Лишь младшая дочь Лебдушки становится «девушкой, достойной его любви» и именно ей Ребенда готов «сообщить свой рецепт спасения человечества»¹⁹. Его представления не имеют четкой формулировки, юноша лишь подсознательно отвергая мир голого материализма, стремится к истинной духовности и мучается вопросами о патриотизме, цели существования и, наконец, все свои надежды на лучшую жизнь возлагает на Россию. Вокруг России и завязывается основная интрига романа, отношение к ней становится главной осью действия. Мать Альбина изучает журнал «Последнее предостережение», в котором «советский рай обличается как самый величайший обман», и публикуются документы о расцвете взяточничества, шпиономании и ростовщичестве. Больше всего ей нравится история о приеме в Кремле, где западный дипломат развлекается, наблюдая, как огромный таракан ползет по штанине народного комиссара²⁰. Коммерческий директор пана Лебдушки, эмигрант из России (а это персонаж, присутствующий практически в каждом романе Вайсса) Рудольф Ождиян, сбежавший после революции в Чехо-

словакию, и ему подобные «пестуют ненависть к Советской России», ожидая, как «под кроватной пятой Ленина будет растоптана святая матушка Русь»²¹. Они убеждают всех, что народ в России безнравственен, живет без веры, прозябает в нищете. Ожидяна отправляют в Москву для решения вопроса поставки ковров в Россию. Ребенда же пока выпускает заводскую стенгазету и публикует там статьи о России, о ее стремлении к миру и противостоянии фашизму, о великих открытиях простых рабочих, о славе воздухоплателей, о всемирных выставках. Он мечтает освободить человеческий род от рабского труда, сделать его счастливым. Ожидяна из Москвы не подает о себе никаких вестей, тогда туда отправляют Ребенду. На него обрушивается лавина неприязни Ожидяна, тот стремится, чтоб Вацлав увидел Россию, где «стоны для иностранцев ломаются от яств, а у своих людей все отнято», где «сплошь потемкинские деревни», а в деревенском клубе «пропахло дохлыми мышами, и вечно пьяный киномеханик Ванька крутит фильмы задом наперед»²². И Ребенда в растерянности: кому верить, что, если прав Ожидяна? Он в упоении наблюдает жизнь москвичей, ее контрасты – здесь и грязные улочки с горами мусора и лужами, и парадные улицы, дома, как дворцы, и детсады с углубленным изучением японского (!) языка, его завораживает темп строительства, кипучая энергия, размах. Вацлав «вместо голодающих нашел в России страну веры и труда»²³. В конце концов и злопыхатель Ожидяна совершает самоубийство, завещает все свое состояние Комитету по борьбе с голодом, потому что он осознал, что всю жизнь ошибался, и именно у России есть будущее, а у него его нет... Почему же так легко уверовал Ребенда? Ключ к пониманию находится в изначальном стремлении героя поверить в сказку, идеал, и поскольку ее никак не найти в реальной жизни, он уверовал, что его мечты уже реализованы в сказочном государстве под названием СССР: «Красиво здесь потому, что я хочу, чтоб было красиво. Это, как картина, как симфония, как поэма... Одни в восторге, другие ухмыляются. Восторг против ненависти. Но я-то вижу, и они тоже видят. А ведь и свидетельства гениев расходятся. Шоу уми-

лялся, Жид насмехался, Роллан благославлял, Уэллс кипятился, Барбюс преклонялся...»²⁴. Пребывание героя в Москве напоминает сон, главный смысл его сновидений (с непременным для Вайсса мотивом двойничества) – освобождение от психологических конфликтов действительности, рационализированности и материализму противостоит естество, «дыхание природы». Из этих снов произрастает большинство символов прекрасного будущего, образы, являющиеся во сне, намного более жизненны и живописны. И хотя Ребенда с потрясающей прозорливостью видит падение советской империи, наша страна для него на тот момент – это молодость, жизненная сила. При всей своей патологии именно Ребенда с его способностью к возрождению, детской правдивостью и открытостью, верой в чудо оказывается наиболее реалистичным персонажем, в отличие и от трагикомичного Ождяна, и человека-тени Кицеветра, и зловещей пани Лебдушковой. В этом суть представлений Вайсса-гуманиста, мечтателя, убежденного в том, что мир станет лучше, чище, если люди поверят в сказку о добре и справедливости.

Логическим продолжением линии «Спящего в зодиаке» стали и произведения, вышедшие уже после Второй мировой войны. В романе «Крик о помощи» (1946) герой за годы Протектората из душевнобольного человека, который боится людей и самой жизни, превращается в сознательного бойца Сопротивления, коммуниста и, как подобает, русофила. В рассказе «Сударыня» из сборника «Истории старые и новые» (1954) женщина из высшего общества, отвергнувшая собственную дочь по причине ее левых убеждений, сама перерождается и становится коммунисткой. Вайсс безоговорочно принял изменения, произошедшие после 1948 года в Чехословакии, и до последнего дня верил, хотел верить в светлое будущее, за что осуждать его нельзя. Сборники рассказов «Страна внуков» (1957), «Спутники и звездолеты» (1960), «Гадания о будущем» (1963) при всей новизне тематики, внесшей значительный вклад в развитие научно-фантастической литературы, оказались слабыми и неубедительными. Фантазия автора была настолько скована идеологией, что рассказы уже не могли

«улучшить» ни удивительные догадки о появлении хиппи, ни невиданные технические изобретения, ни смелые предположения о судьбах братской Африки.

И все же Ян Вайсс занимает в чешской, да и мировой литературе значительное место, и никакие новые веяния и стремление умалить достоинства автора, убеждения которого не менялись на протяжении полувека, не могут переосмыслить значение его творчества, его личности. Он был наивным мечтателем с детской потребностью в доброте и сказке, но в то же время правдолюбом с искренней болью за человека, пытавшимся дать людям веру в гуманистические ценности.

Примечания

- ¹ *Sezima K.* Z nové tvorby románové. *Lumír* 56, 1929–1930. Č. 4. S. 190–199.
- ² *Weiss J.* Barák smrti. Praha, 1927. S. 24.
- ³ *Ibid.* S. 58.
- ⁴ *Ibid.* S. 21.
- ⁵ *Ibid.* S. 126.
- ⁶ *Ibid.* S. 72.
- ⁷ *Ibid.* S. 71.
- ⁸ *Savický I.* Osudová setkání: Češi v Rusku a Rusové v Čechách. Praha, 1999.
- ⁹ *Weiss J.* Barák smrti. Praha, 1927. S. 116, 121.
- ¹⁰ *Weiss J.* Bianka Braselli, dáma se dvěma hlavami. Praha, 1961. S. 315.
- ¹¹ *Janáčková J.* Romaneto v české próze XIX. století: k životopisu žánru // AUC Slavica Pragensia XIV. 1972. S. 183–198.
- ¹² *Piša A. M.* Kus cesty s Janem Weissem // Stopami prózy. Praha, 1964. S. 225.
- ¹³ *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- ¹⁴ *Weiss J.* Dům o tisíci patrech. Praha, 1958. S. 215–216.
- ¹⁵ *Вайсс Я.* Дом в тысячу этажей. М., 1971. С. 5–15.
- ¹⁶ *Hájek J.* Osudy a cíle. Praha, 1961. S. 83.
- ¹⁷ *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958.
- ¹⁸ *Weiss J.* Spáč ve zvěrokruhu. Praha, 1962. S. 206.
- ¹⁹ *Ibid.* S. 72.
- ²⁰ *Ibid.* S. 53.
- ²¹ *Ibid.* S. 112.
- ²² *Ibid.* S. 163, 164.
- ²³ *Ibid.* S. 215.
- ²⁴ *Ibid.* S. 168.

Москва в поэме Мирослава Валека «Слово»

Россия как крупнейшая славянская держава привлекала особое внимание этнически близких народов в XIX в., когда многие из них, не имевшие собственной государственности, переживали эпоху национального возрождения. Большие симпатии к России обнаруживали словаки, входившие в состав Австрии (позднее – Австро-Венгрии). Интерес к русской культуре, к жизни славянского соседа в целом порой соединялся с наивной верой в то, что Российская империя защитит братьев-славян от национальных притеснений со стороны австрийцев и венгров. Во второй половине века среди словацких писателей так называемой «первой волны» реализма (С. Г. Ваянский и др.) было распространено сдержанное отношение к той части русской литературы, которая несла в себе резкую критику тогдашних социальных порядков. Считалось, что Россия должна воодушевлять словаков положительными примерами, способствовать духовному развитию небольшой славянской нации, которая вела нелегкую борьбу за свои права, тогда как господствующая венгерская нация стремилась ассимилировать словаков – небезопасных «панславистов».

В XX в. Россия не потеряла для словаков своей притягательности. Причем в сознании писателей иногда сталкивались два образа России: например, вымечтанный, выросший из литературных произведений, и грубо житейский, сложившийся на основе непосредственных впечатлений от российской действительности (отнюдь не с парадного крыльца). Таким был опыт крупнейшего поэта и прозаика первой половины XX в. Янко Есенского, попавшего в ходе Первой мировой войны в русский плен и пробывшего в России около четырех лет (1915–1919). Есенский пережил в России немало тяжелых и горьких дней, восемь месяцев выносил тяготы плена, а затем – разлуку с родиной, воспринял Октябрьскую революцию и гражданскую войну как крушение великой страны – и вместе с тем на всю жизнь сохранил горячую любовь к русской культуре, посвятив ей немало проникновенных поэтических строк («Смерть Пушкина», «Аутодафе Гоголя» и др.). С тридцатых годов он активно переводил русских поэтов, в

том числе «Евгения Онегина» своего любимого Пушкина (1942) и «Двенадцать» А. Блока (1934) – поэму, которая стоила гениальному символисту разрыва со многими русскими единомышленниками Есенского.

Советский Союз был объектом внимания и доверчивой доброжелательности словацких писателей, прежде всего левой ориентации (Л. Новомеский и др.), причем в межвоенный период это отношение никем не навязывалось. Писатели знали и любили русский язык, читали русскую литературу в оригинале. Эта традиция сохранилась и после Второй мировой войны. Общечеловеческое историко-культурное и политико-идеологическое видение России (Советского Союза) причудливо переплетались в судьбе и творчестве конкретных литераторов.

Традиционный интерес к «русской теме» свойственен и словацкому поэту Мирославу Валеку (1927–1991). Его творчество – одна из наиболее ярких страниц в словацкой литературе после Второй мировой войны. Современник русских «поэтов-шестидесятников», Валеку был созвучен им и в творчестве – глубоко лиричном и гражданственном. Он опубликовал не так уж много, но его произведения обладают чрезвычайной смысловой насыщенностью. Название третьей его книги – «Беспокойство» (1963) – стало доминантой всего его творчества. Сложная композиция произведений, непринужденное использование разных систем стихосложения, неповторимая парадоксально-емкая образность, блестящее владение звуковой формой – все выдает в нем Мастера. Несмотря на нынешнее сдержанно-скептическое отношение к «официальной» литературе той эпохи, явления подлинной поэзии остаются притягательными для читателя и исследователя.

О вкладе Валека в литературу проникательно написал в некрологе другой замечательный словацкий поэт, его сверстник, литературовед и певец народной этики, Милан Руфус: «Смерть, однако, пришла за поэтом в то время, которое еще не способно создать о нем точное и справедливое представление. ... Валеку обосновался в поэзии на границе между ее тогдашним настоящим и наступающим будущим

... и подтолкнул словацкую поэзию по направлению к будущему. И это ему, конечно, удалось»¹.

Личные и творческие нити связали Валека с Россией (шире – с Советским Союзом). Он прекрасно переводил русскоязычных поэтов, оперативно представляя их своим соотечественникам. Например, в 1960-е гг. словацкие читатели смогли познакомиться с книжными изданиями стихов А. Вознесенского и Г. Айги в переводах Валека (чему предшествовали журнальные публикации). Он также обращался к творчеству А. Белого, М. Цветаевой, В. Хлебникова, Л. Мартынова, Е. Евтушенко, С. Баруздина и др.². Напомним вскользь, что вторая жена Валека была русской – это переводчица и литературовед Зоря (Зора) Валекова, урожденная Зорина, из-за тяжелой болезни покончившая с собой в июне 1977 г.

Валек не публиковал стихов о городах, в которых побывал. Однако Москва стала «героиней» его гражданско-философской поэмы «Слово» (1976). В строго научных целях мы используем в данной работе наш подстрочный перевод, хотя нами сделан (частично) и стихотворный. Вышедший в 1977 г. перевод Риммы Казаковой мы считаем неудачным. Виртуозная форма оригинала в нем разрушена без необходимой компенсации, исчезла сложная семантика образов, богатство подтекста, сочетание ироничности и проникновенности; появились чуждые Валеку выпренность и патетичность. Восьмая, предпоследняя глава поэмы целиком посвящена впечатлениям лирического героя от встреч с Москвой.

Есть тип поэтов, мгновенно откликающихся на внешние события – по зову сердца или по «социальному заказу». Среди современников Валека таким был, например, Павел Койш, автор весьма плодотворный. Сама по себе способность к такому отклику – индивидуальная черта личности, и подобные импульсы способствовали рождению произведений высокого художественного уровня, порой шедевров. В словацкой литературе можно вспомнить, например, «Думу братиславскую» Янко Краля, «Кровавые сонеты» Гвездослава и многие политические стихи Янко Есенского.

Есть также поэты, легко претворяющие в стихи впечатления о странствиях, посещениях иноземных городов и т. п.

Иной раз это этнографическая или историко-архитектурная зарисовка, иногда – бесхитростное признание в любви к городу или краю, куда забросила судьба. Бывает, что это ожившие по воле поэтической фантазии страницы истории культуры, на которых появляется и сам лирический герой: таковы «Московский вечер» Лао Новомеского, «итальянские» или «французские» стихи Валентина Бениака.

Валек был поэтом как раз такого «преобразующего» рода, и в результате у него выходили стихи личностные, глубокие, лишь по первичному импульсу связанные со внешними впечатлениями. Так, «Гибель “Титаника”» (на смерть Джона Кеннеди) стала философским стихотворением о судьбах человечества, о жизни и смерти вообще.

Поэма «Слово» во время своего появления вызвала форсированно восторженную реакцию, сменившуюся на рубеже 80-х – 90-х гг. резким, порой злорадно резким отторжением – по соображениям почти исключительно идеологическим и политическим. Мы считаем «Слово» эстетически ценным произведением, творением настоящего поэта и в то же время – историко-культурным документом эпохи, неотъемлемым явлением литературного процесса. Нам созвучна мысль словацкого литературоведа Федора Матейова о «мезальянсе» подлинного поэта – Валека – с той идеологией, которая оказалась ему близка в 1960-е гг. и которой он так и не изменил³.

«Слово» – поэма о поисках человеком своего места в мире. Этот человек – поэт, чуткая и ранимая душа которого болезненно отзывалась на социально-политические потрясения, идеологические столкновения, нравственные кризисы, которыми полон нестабильный, несущий надежды и разочарования мир XX века. Для поэта способ общения с миром, влияния на этот мир – его образное слово. Так появляется в поэме основной символ слова, рассмотренный в различных плоскостях и связях, влекущий за собой реминисценции из мировой культуры (прежде всего Библия и Шекспир).

В поэме Валека нет традиционного эпического сюжета. Характерная для автора «монтажная» композиция позволяет свободно переходить от фрагментарных событий к размышлениям, от сокровенных воспоминаний – к жгучей

политической повседневности. Идейно-композиционным стержнем произведения становятся поиски Слова, способного дать лирическому герою жизненную опору. Сюжетно это выражается как уход и возвращение заветной Песни, как расставание и встреча с Поэзией и Любовью.

Мотив потери и обретения связан с более абстрактным, очень значимым для Валека мотивом движения по кругу. Роковое замкнутое кружение с возвращением к исходной точке – или выход на новый уровень, движение по спирали? Зловещий чародей-убийца из сюрреалистического стихотворения «В кругу» (сб. «Любовь в гусиной коже», 1965) устанавливает «заколдованный круг», в котором сами слова превращаются в бессмысленное повторение звуков, среднее между заклинанием и сонным путаным бормотанием. Составной частью такого кружения является возвратное, попятное движение (в том числе движение времени). «В кругу вращайся, рыбка в черной яме», – дважды говорится в поэме «Из воды» (1977)⁴ – но там, как и в «Слове», обретается именно выход из круга, обнаруживается спиральное движение мысли и самой жизни, диалектика любви и творчества. Этим «размыканием круга», прохождением тех же тематических областей на новом витке бытия обусловлен, на наш взгляд, и интерес зрелого Валека к сонету и принципу венка сонетов, где властвует возвращение-синтез, повторение на ином, итоговом уровне.

Мы несколько отвлеклись от «Слова», чтобы вернуться к нему на таком же «спиральном» витке мысли. Мотив кружения, вращения и воз-вращения пронизывает «московскую главу» «Слова» – одну из наиболее важных в композиции и идейном звучании произведения, кульминационную, подготавливающую финальный «выход из круга». Здесь же по-своему обыгран и мотив «потери и обретения».

Проблематика, связанная с писательским восприятием Москвы 60–70-х годов XX в., в наши дни требует от литературоведа особой осторожности, ибо в случае с Валеком речь неизбежно заходит о политике и идеологии. Лирический герой Валека воспринимает Москву не только как словак, оказавшийся в России. В 1970-е гг. в поэзии Валека не мог

не отразиться тот факт, что автор был официальным представителем дружественного государства в столице Советского Союза. Около двадцати лет (1969–1988) Валеk занимал пост министра культуры Словакии, что требовало от него определенной линии поведения. И все же «московская глава» написана истинным поэтом, а не чиновником с литературными способностями.

«Слово» – произведение удивительно глубокое и емкое, многослойное, при каждом новом прочтении открывающее новые оттенки и повороты мысли, не замеченные ранее. Политико-идеологическое начало в поэме не было поверхностно-конъюнктурным, оно выношено в душе и выстрадано (это сразу почувствует человек, хоть раз в жизни «востребованный Аполлоном к священной жертве»). В нем отразились «ночные бдения, годы одиночества // и уход от собственного несовершенства» («Слово», ч. VII).

Даже если попытаться «отбросить» этот пласт поэмы как «несостоятельный», нам все равно останутся пронзительно тонкие ощущения и мудрые раздумья подлинного поэта о творчестве и о любви, об одиночестве и пути к людям, о тяжком гнете несправедливостей и утрат – и необходимости жить в этом мире. «Слово» примечательно и своей формой – типично валековской лаконичной многозначностью слов, неожиданной и точной образностью, соединившей авангардную броскость с символистской «затягивающей» глубиной. Великолепно реализованы возможности традиционного силлаботонического стиха и рифмованного верлибра. Ритмическая и звуковая организация речи в «Слове» настолько совершенны, что иной раз этого волшебного, будто бы самоцельного перелива звуков просто не замечаешь при беглом чтении, прием работает «подспудно», что и является показателем высокого мастерства. У Валека, как и у словацкого символиста Ивана Краско, ритм и звукопись несут смысловую нагрузку, что позволяет быть экономным в словах. И при этой «неформальности формы» об одних рифмах в «Слове» (составных, каламбурных и т. д.) можно написать отдельное исследование.

Конечно, у Валека в 1970-е гг. была своя драма «чести и долга». И глава о Москве двойственна: она как бы рас-

сливается на глубоко личный, непосредственно-эмоциональный пласт (блуждание героя по московским улицам) и приподнято-гражданственный, с оттенком рассудочности (роль Москвы как политического центра в судьбах мира).

Ныне очевидно, что наибольшую ценность в поэтическом постижении жизни имеет как раз субъективное, тонкое, неожиданно-парадоксальное восприятие Москвы, переданное словацким поэтом в отточенной образно-стихотворной форме. Валека не уточняет, к какому времени относятся воспоминания о Москве. «Слово» – итог раздумий человека, приблизившегося к пятидесятилетию рубежу. Скорее всего, в «московской главе» отозвались достаточно ранние впечатления Валека, когда он мог воспринимать Москву «неофициально», субъективно, со всеми собственными человеку желаниями и слабостями. Москва для Валека – не древняя история, не архитектура, а прежде всего – атмосфера, вибрации человеческой души.

Мотив кружения возникает в первой же строке восьмой главы «Слова». Снежный вихрь, кружение метели, нестерпимая для глаз белизна – и ускользающее, загадочное «вращение» города: «Красная площадь вертится, как пластинка» (кстати, игла звукоснимателя должна идти именно по спирали!). Ночная метель, резкое сочетание белого и черного заставляют вспомнить «Двенадцать» Александра Блока. У Валека скрытая аллюзия проявляется только к концу главы, вначале внимание привлекает конкретика, четкие зрительные впечатления: занесенное снегом пространство и «масляное пятно» на нем – лицо чернокожего посла. Мы не будем здесь отвлекаться на выяснение того, черты каких поэтик сталкиваются и сливаются в произведении Валека, ограничимся замечанием, что в его неповторимой поэтике сильнее всего чувствуются традиции начала XX в. (символизм, импрессионизм) и межвоенного двадцатилетия (сюрреализм, поэтизм, отзвуки экспрессионизма).

«Вращение» Москвы порождает у лирического героя нечто вроде головокружения – спутанность впечатлений, наплыв смятенных чувств, внезапную печаль и слезы. Эпическая канва этого фрагмента – скитания рассказчика по

ночным бульварам и остановка на Киевском вокзале, где он ощутил себя «разбившимся автомобилем». И здесь появляются строки, значимые для понимания всей поэмы:

Так и нашла меня там утренняя Москва:
как сверток
в отделении находок и потерь.

Мы намеренно не употребили традиционное русское «отделение забытых вещей» (или «бюро находок»), чтобы сохранить мотив «обретений и потерь» (*nálezov a strát*). Как ненавязчиво выражено здесь «первенство» обретений (оптимизма, надежды) над потерями – разочарованиями, «резиньяцией», что в поэзии Валека встречается часто (а поиск продолжается!).

Лирический герой в образе потерявшегося человека, «бродяги», ищет и находит для себя опору именно в Москве. Здесь он остро ощущает, как близка и дорога ему оставленная вдали родина. Может быть, воспоминания лирического героя были подхлестнуты именно родственными, но «не своими» русско-московскими реалиями (утро, зимняя оттепель, похожая на внезапный приход весны, певучие голоса торговки фиалками, разнежившиеся прохожие и озорные воробы). Причем в этих воспоминаниях словацкое переплетается с чешским (возможно, так в Праге поэт вспоминал о Словакии). И душевные движения лирического героя на встречу Москве естественны и просты. Не случайно Москва вдруг представилась ему соблазнительной женщиной («Напрасно я заглядывал ей под блузку»): вся поэзия Валека так или иначе проникнута эротическими импульсами. Впрочем, Москва этих «ухаживаний» не замечала, будучи занята «геополитическими» вопросами. Лирического героя увлекли поутру реальные женщины, красавицы-москвички:

Воздух в Москве вдруг стал словно топазовым.
А женщины мерцали в нем легко, грациозно
и все страдали
красотой.

Москва способна вернуть героя из его мучительных блужданий (и заблуждений) к родным корням, буквально

«домой, к маме», чтобы к нему вновь пришла «сила постоянства». Для этого он, как в сказке, ищет в нашей столице «верный переулок». Русское слово «переулок» рифмуется со словосочетанием «из скитаний» (z túlok):

...Ja som ten bludný kôň, čo prišiel o podkovy,
ja som ten, čo sa vracia z túlok
a hl'adá správny pereulok,
nejaké miesto známe,
odkiaľ by trafil domov, k mame,
aby tulákovi
uvarila
dobrý silný čaj,
čo v samovare šumí a ako ruská duša žalostí.
Aby vrátila sa k nemu sila
stálosti.

(«Я тот блудный конь, что лишился подков, я тот, кто возвращается из скитаний и ищет верный переулок, какое-нибудь место знакомое, откуда бы попасть домой, к маме, чтобы бродяге она заварила хороший крепкий чай, что в самоваре шумит и словно русская душа скорбит. Чтобы вернулась к нему сила постоянства».)

«Конь, лишившийся подков» — то есть потерявший опору и счастье («o podkovy» незаметно рифмуется с «tulákovi» — «бродяге»). «Бродягой» называл себя лирический герой символиста Ивана Краско, возвращавшийся к родной почве («Отцовское поле», сб. «Стихи», 1912). А чай из самовара (который у Валека «скорбит, как русская душа») — типичная для словаков деталь русского быта, обыгранная современником И. Краско, Я. Есенским, в его стихах о России (сб. «Из плена», 1919): «С утра до полуночи — чай, чай, чай, чай, чай, чай»⁵.

Однако завершающая часть «московской главы», где к лирическому герою возвращается утраченное равновесие, имеет неприкрытую политико-идеологическую окраску. Если художественная значимость личностно-лирических воспоминаний о Москве остается непреходящей (и это трудно оспаривать), то с рассуждениями о «Москве политической» дело об-

стоит весьма сложно. Стихотворная форма не теряет здесь совершенства, образность сохраняет свою живость, наглядность («Земля всё больше вращается по московскому времени», «Воздушный шарик Земли, однако слишком тяжелый», и т. д.).

Можно считать эти рассуждения декларативно-пропагандистскими. Это подтолкнуло словацких литературоведов к несправедливым суждениям о поэме в целом (хотя здесь сыграли роль и «векания времени» – начало посткоммунистического периода в истории Словакии, – и субъективно-биографические причины, и принципиальная разница в мировоззрении). Милан Гамада, исследователь поэзии Валека в 1960-е гг., после двадцатилетнего «официально вынужденного» молчания высказался с памфлетной резкостью: «Слово» Валека, по его мнению, призвано было заменить «Слово Божие» (хотя, на наш взгляд, – не заменить, а попытаться наконец верно истолковать. – *Н. Ш.*), и у поэта вышло лишь «изложенное в стихах “Poučenie z krízového vývoja...”» (известный партийный документ «Уроки кризисного развития в партии и обществе») ⁶. Переноса акцент с мировоззренческого на обыденное, с постулатов на поступки, к тому же выводу пришел Ян Кошка: «Опыт и факты личной жизни, поиск пути, как стать человеком, – это разбирается здесь в свете одной конкретной брошюры – “Уроков кризисного развития в партии и обществе”» ⁷.

При всем желании невозможно связать с этим документом, например, первую и вторую части «Слова», посвященные вопросам поэтического творчества и не содержащие ни одного намека на «партийность» или «классовость» искусства. Не «Уроки кризисного развития...» отзываются здесь эхом, а весь опыт мировой литературы от античности до авангарда, от поэтик классицизма до фольклора. И при том мы имеем дело как раз с «опытом и фактами личной жизни», с их тонким лирическим воплощением, а отношение Валека к поэзии как к занятию, не терпящему «блудливости», отчетливо напоминает (в том числе и образностью) его стихи первой половины 1960-х (например, «Из абсолютного дневника», сб. «Любовь в гусиной коже», 1965, – уже стоящими вне

всякой связи с «партийно-идеологическими установками» в литературе). Сравним:

Обнажаем
половой член малолетнего слова,
желая переспать с каждой недурной поэмкой

(в оригинале – *básňou*, «стихами», только словом женского рода, что мы попытались сохранить). («Из абсолютного дневника-1»).

Но поэзия – это нечто иное, любезные!

(там же).

О поэзия, красивая вдовушка,
ты была с каждым. С тобой – никто?

(«Слово», ч. 1)

Так берите ее, раз себя предлагает.

...

Да и если с ней жили многие интимно?
Однажды встанут при ней, как при гимне.

(«Слово», ч. 2).

В «Слове» неявную, но значимую роль играют библейские аллюзии, заметные и раньше у Валека – уроженца Трнавы, старого католического центра (например, поэма «Родина – это руки, на которых ты смеешь плакать», сб. «Притяжение», 1961). Собственно, само название поэмы содержит такую аллюзию, проясненную в VI части, где говорится о Слове-откровении – «Будь!» – и о Каиновом начале в человеке. И в финале поэмы слышится небывалый звон колоколов (также важный биографический мотив Валека: ср. «Воскресные колокола» – сб. «Беспокойство», 1963). Если уж личный опыт рассматривается «в свете конкретной брошюры», логично ожидать мелодии «Интернационала» (в связи с коммунистической партией); поэзия Валека насыщена цитатами из различных песен – в «Слове» это, например, государственные гимны.

Что касается «одиозного» посвящения поэмы Коммунистической партии, то оно, несомненно, возникло на последнем этапе работы над поэмой. Исходно эта фраза звучит в VI, философско-лирической части поэмы – заметьте, с вопросительной интонацией!

За окном
сад.
В саду звезда падает.
Человек всё ходит, ищет.
Что? И в ком?

И кого благодарить за то,
что я такой?

Коммунистическую партию, которая меня учит
стать человеком?

Мотив падающей звезды – метафорически человеческой судьбы – это мотив «сюрреалистического» Валека, осмысленный трагически в «Оде вечности» («Любовь в гусиной коже»): «падение подстреленной звезды». И многозначный мотив поисков смысла жизни связан с тем же сборником – с самым пессимистическим произведением Валека, поэмой «Удрученность». Необходим выход из круга, «звезда» не должна беспомощно, неуправляемо лететь в бездну; необходима «звезда с парашютом», пусть она хотя бы «приснится» миру (пронзительный образ из «Гибели „Титаника“» в том же сборнике).

Даже если видеть в упомянутой части поэмы пропаганду, то она окажется довольно привлекательной в силу своей «одушевленности», доходчивой проникновенности. На наш взгляд, здесь обнаружились спасительные иллюзии современного романтика, в своем анализе жизненных несовершенств дошедшего до отчаяния и стремящегося обрести некую твердую почву – по выражению раннего Валека, «землю под ногами», или, по словам И. Краско, – «веру, какую угодно веру!» («Ночь», 1910). Не случайно слово «романтик» появляется применительно к лирическому герою уже во второй строфе «Слова»:

И тот романтик сумасшедший, что не свечки –
твои слова во мраке зажигал

(стихотворный перевод наш. – Н. Ш.)

Валек в 1960-е годы прошел через разрушительный искус сюрреализма («Элементарное стихотворение», «Ода богу животных», «Четвероногие», «Удрученность», «В кругу» и др.). Можно было «повернуть», минуя «официальную линию», к фольклорно-традиционалистской поэзии, к традициям «католической модерны» (нерезко выраженным) и т. д. Валек в 1970-е, проблематичнейшие для нынешних литературоведов годы вернулся – опять же на уровне синтеза – к «корням» начала века, к наследию модерна в национальной огласовке, связанной с импульсами неоромантизма. Горечь познания, как и у символиста Краско, частично уравнивается у Валека верой в человека, но это уже человек вполне определенный в социально-историческом плане – и в то же время «всепланетный»: «Судьбы мира висят на волоске» («Слово», ч. 9).

Чтобы отогнать ощущение «падения подстреленной звезды... без начала и конца» («Ода вечности»), нужен своего рода «сон золотой» о «звезде с парашютом».

Не случайно «московская глава» заканчивается образным контрастом: «засеянная мертвыми» русская земля – и Москва как символ будущего.

Москва, сотри слезы с моих глаз,
чтобы я лучше видел огни будущего.

Не случайно следующая глава поэмы начинается сценой, заставляющей вновь вспомнить излюбленные образы символистов (не только словацких): встреча принца Гамлета со Смертью. Гостя-Смерть, с «прекрасной черной розой в петлице», неотвратимо настигает шекспировского героя, послушного воле Рока. Валек вновь размышляет о силе Слова, порой убийственного, порой одурманивающего (в связи с гамлетовским «слова, слова, слова...»). Мертвый Гамлет стоит у перил, но его мучительное «быть или не быть» не умерло. Божье Слово с небес прозвучало как «Будь!» А выбор

«быть» связан для лирического героя (и для автора) с определенным политико-идеологическим движением, которое в те годы повсеместно ассоциировалось с Москвой. И это коммунизм не догматический, тем более не фальшиво-пропагандистский, а такой, какой воодушевлял романтических мечтателей в 1920-е гг. И тогда возвращается песня, покинувшая героя в начале поэмы, и в «водопаде» звуков, в колокольном звоне он различает не что иное, как «слова, слова, слова. Но вот совсем иные, чем когда-то».

По-своему о том же сказал словацкий исследователь Ф. Матейов: «В итоге приглушенное и затемненное сопоставление поэта с мертвым Гамлетом хоть и отсылает экзистенциальное «быть или не быть» с актуализирующей демагогией к компетенции «класса» и «партии Ленина», однако в тени Гамлета напряженно-волевые устремления всей поэмы, под внезапное вступление валековских беспокойных «колоколов», преломляются в затихающую рефлексию «слов» поэта и Гамлета – «но вот совсем иных, чем когда-то»⁸. За этой цитатой напрашивается другая, шекспировская: «The rest is silence» – «Дальнейшее – молчанье».

И эта цитата – не игра воображения. Финал кажется оптимистичным, но примечательно, что Валек после «Слова» уходит в интимно-философскую лирику, создавая великолепные произведения, не отягощенные политикой и идеологией. Более того, в 1980-е гг. он вообще замолкает как поэт (имея, казалось бы, идеальные возможности для публикации). Это очередная историко-литературная загадка, возвращающая нас опять же к поэтам-символистам (или близким к символизму): внезапно, на взлете, задолго до жизненного конца оборвалось творчество О. Бржезины, И. Краско, И. Галла. Сам Краско прозрачно намекнул на разгадку в 30-е годы: важно сказать нужные слова в нужное время и не говорить лишнего. Собственно, так формулировал Краско свою программу и в стихотворении «Поэтика старой лирики» (1911), которое во многом перекликается с валековским «Словом». Образы «мир голодных», «мир униженных» из восьмой главы «Слова» могут быть истолкованы и как реминисценции из Краско («Solitudo», «Поэтика старой лирики»),

хотя они и развернуты в другую мировоззренческую плоскость (другую, но не полярно противоположную). Краско писал: «О Боже обездоленных и нищих, // услышь мою молитву милосердно!» Во всяком случае, неоромантическое начало в завершающей части «московской главы» с течением времени протупает все отчетливее.

Москва, столь неоднозначно представленная в поэме Валека, помогает лирическому герою приблизиться к постижению смысла жизни, выйти за пределы «заколдованного круга», обрести свое поэтическое Слово. Очарованный Москвой, он вдруг начинает лучше понимать свое собственное, словацкое; здесь, на русской земле, остро пробуждается в нем чувство родины, тяга к постоянству, к «земле под ногами». С благодарностью оттолкнувшись от России, он летит душой в Словакию, стремясь объять поэтической мыслью весь мир.

Примечания

¹ *Rúfus M. Smrť si ide po básnika // Literárny týždenník. 1991. 1. februára. S. 5.*

² О переводах Валека из произведений Вознесенского см.: *Švedovová N. Andrej Voznesenskij v prekladoch Miroslava Váľka // Romboid. 1984. Č. 7.*

³ */f. m./ Slovo // Slovenská literatúra. 1998. Č. 5. S. 382.*

⁴ Произведения Валека цитируются по изданию: *Válek M. Básne. Bratislava, 1981.*

⁵ *Jesenský J. Poézia / Vybrané spisy. Zv. 1. Bratislava, 1977. S. 316.*

⁶ Цит. по: */f. m./ Slovo. // Slovenská literatúra. S. 382.*

⁷ *Koška J. Od básne-manifestu k básni-manifestácii: Z osudov avantgardného žánru v bulharskej poézii // Kapitoly z moderny a avantgardy / Ivan Cvrkal a kol. Bratislava, 1992. S. 144.*

⁸ */f. m./ Slovo // Slovenská literatúra. S. 381.*

Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия

«По-ювеналовски (*vitam impendere vero*) ты всю свою жизнь и все свое творчество посвятил правде, до которой ты докопался еще в молодости...»¹.

«Братко Крефт — один из самых многосторонних словенских деятелей культуры. Его литературная деятельность достигла наивысших успехов в области драматургии, вместе с тем, она распространяется на прозу, эссеистику, критику и театральную и литературную публицистику... всевозможную организаторскую деятельность... Особого внимания заслуживает славистическая профессиональная деятельность Крефта, которая началась еще в годы учебы...»².

«В академике, проф., др. Братко Крефте я вижу самую значительную литературную творческую личность, театроведа и ученого-слависта из плеяды ныне живущих интеллектуалов, рожденных в Прлекии³. ... Еще в ... гимназические годы (Крефта. — Ю. С.) я отмечал в мариборской печати его первые театральные и литературные опыты, которые уже тогда предвещали его пышный расцвет»⁴.

«Братко Крефт в настоящее время — одна из наиболее творчески активных, наиболее плодovitых и наиболее известных и уважаемых личностей в словенской культурной жизни. В то же время это — драматург, чьи пьесы прочно вошли в репертуар всех югославских театров. Творческая палитра его необычайно разнообразна. Ему принадлежат драмы и комедии с сюжетами из истории и из современной жизни, путевые дневники, роман, повести, рассказы... кропотливые научные исследования и темпераментные полемические статьи, ряд постановок на сцене... не говоря уже о публицистике, педагогической, организаторской, редакторской и прочей работе»⁵.

Приведенные нами высказывания современников о писателе, режиссере, драматурге, литературоведе, профессоре русской литературы, председателе Комитета славистов Югославии, заместителе председателя Международного комитета славистов, академике Словенской Академии наук и искусств, члене-корреспонденте Югославской и Македонской академий Братко Крефте (1905–1996) дают нам лишь

самое поверхностное представление о его жизни и творчестве, однако открывают широчайшую перспективу его интересов и разнообразной культурной и общественной деятельности. Крефт прожил долгую и чрезвычайно насыщенную жизнь, ее насыщенность была обусловлена не только исторически, ведь писатель пережил почти что все потрясения бурного XX в., но в значительной степени его активной жизненной позицией, ярким темпераментом.

Крефт принадлежал к поколению, которое взросло на уроках Первой мировой войны, Октябрьской революции в России, на результатах образования Королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев) и развивалось в условиях межвоенной политической реакции югославских властителей, набиравшей силу в 1920-е и воплотившейся в 1930-е годы в военно-монархической диктатуре короля Александра, установленной в 1929 г.

Будучи еще старшеклассником, Крефт посвящал много времени чтению русской литературы – в том числе произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Д. С. Мережковского, Л. Н. Андреева, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького. Именно через их творчество молодой человек пытался осознать значение Великой революции, произошедшей в России в октябре 1917 г.

В 1921 г. Крефт пробует себя в качестве актера и режиссера в Драматической школе Милана Скрбиншека в Мариборе. Своим высшим достижением того времени Крефт считал роль маляра Миколки, обвиненного в убийстве старухи-процентщицы, в пьесе по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», спектакль состоялся на подмостках Национального театра в Мариборе.

С 6 октября 1924 г. по 7 июля 1925 г. Крефт учится в Венском университете на юридическом, а потом на философском факультете. Сохранилась его зачетная книжка. В Вене он изучает русский язык, сравнительную грамматику славянских языков, государственную формацию в России (Staat-Gesellschaft im Rusland) у профессоров Трубецкого и Преображенского.

После возвращения из Вены в 1925 г. Крефт ставит пьесу Л. Н. Толстого «Власть тьмы» (ему принадлежат и

режиссура, и инсценировка, выполненная в ключе формальных экспериментов кубизма), где сам исполняет главную роль Никиты.

В течение многих лет Крефт специально изучает современный ему советский театр, творчески перерабатывает его богатый опыт. Он учится у российских режиссеров К. С. Станиславского, А. Я. Таирова, гастролеры Камерного театра которого в 1925 г. оставили в нем неизгладимые впечатления, и В. Э. Мейерхольда, чьи работы и творческую направленность мог изучать лишь по книгам. Постепенно Крефт приходит к выводу, что революционный театр должен отказаться от «чересчур конвенционального понимания «системы Станиславского»», т. е. не выходящего за рамки устоявшейся традиции, и далее в своем творчестве уже исходит из принципа «освобожденного театра»⁶.

Из драматических произведений русской и советской литературы, поставленных Крефтом на театральной сцене, следует назвать «Воскресенье» Л. Н. Толстого (1929–1931 гг.), «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (1932 г.), «Миллион терзаний» В. П. Катаева (из-за которого он был даже арестован), «Мольера» М. А. Булгакова, «Оптимистическую трагедию» В. В. Вишневского (1957 г.)⁷.

Первый и единственный роман Крефта «Человек среди черепов»⁸ вышел из печати отдельной книгой в январе 1930 г. в Мариборе (в самом издании указан 1929 г.). В своем романе молодой писатель попытался из разрозненных – глубоко индивидуальных, но в чем-то схожих – судеб скроить образ поколения, к которому принадлежал сам. Юные неокрепшие души развивались в условиях передела общества – и шире – передела мира в результате Первой мировой войны, распада австро-венгерской монархии, обострения социальных и национальных противоречий, под отзвуки Октябрьской революции, долетавшие из России, и яростную борьбу различных политических группировок (клерикалы, либералы), которые «терзали» их, заставляя подчиняться якобы «истинным» директивам и уводя от поиска своего собственного пути. «Дети войны, дети без юности», – назовет свое поколение автор романа.

Главный герой Лео Вук – образ во многом автобиографический – ведет хронику существования гимназического литературного кружка, членом которого является. Хроника перемежается с «Дневником одиночества». Здесь отразились творческие амбиции молодых людей, литературные пристрастия, политические «заигрывания», конечно же, первые сексуальные опыты, жизнь и – смерть. Обстоятельства пожирают молодых идеалистов одного за другим. Печально заканчивается и история любви самого главного героя, любимая девушка которого, Соня, не выдержала терзаний души и тела, противоречий идеалов и действительности, смешения красоты и грязи, лицемерия и пошлости, и чье предсмертное исповедальное письмо по существу заканчивает роман.

Россия в романе – это неизвестная страна, чей великий дух побеждает враждебность, воспитываемую системой в молодом поколении. Толстым и Достоевским зачитываются, их обсуждают не только основные герои романа, литераторы, но и простые обыватели и обывательницы. Потихоньку в жизнь словенцев проникают и идеи русской революции. Наряду с Толстым и Достоевским в романе упоминаются М. А. Бакунин, М. Горький и др.

Взгляды Лео Вука во многом основаны на идеях, почерпнутых из произведений Л. Н. Толстого. Герой, как сам признается, верит великому русскому писателю. Однако жизнь показывает, что они не вполне применимы к настоящей ситуации. Основываясь на идее непротивления злу насилием, герой и его друзья хотят быть революционерами духа. Они любят новую Россию и напрямую признаются в этом: «В Россию мы верим, Россию любим навсегда, хотя и не знаем, даже не понимаем всего того, что там происходит».

Почти сразу же тираж был арестован по обвинению в коммунистической пропаганде, аморальности и т. д., а несколько позже сожжен по приказу начальника управления, так как из шкафа, где хранились изъятые книги, постоянно пропадали отдельные экземпляры: видимо, молодые сотрудники проявляли интерес к скандальному изданию. Во время следствия в список обвинений добавилось и оскорбление его королевского величества (доказательства основ-

вались на расшифровке имен из притчи, рассказанной одним из героев романа: Ксандер Але-паша – Александр, Скрам – Маркс и др.). По тем временам – согласно новому закону о защите государства – это было весьма тяжким обвинением. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, процесс завершился еще до выхода специального комментария к закону, вступившего в силу всего лишь через две недели. Это позволило адвокату писателя М. Шнудерлу (в будущем – академику), который, надо заметить, без какой-либо платы защищал Крефта, и сравнительно лояльно настроенному судье Лешнику прийти к сравнительно мягкому приговору – шестимесячное заключение, замененное на три года условно, и выплата всех судебных расходов в течение того же срока. Следует отметить, что в первое издание романа по цензурным соображениям не вошла целая глава, посвященная встрече одного из героев с Лениным, иначе реакция была бы еще более сильной, если не взрывной. Петек, рабочий-коммунист, попавший в Россию военнопленным, переживает там обе революции в феврале и октябре 1917 г., становится политкомиссаром Красной Армии, в декабре 1920 г. его избирают делегатом на VII Всероссийский съезд Советов, в Москве он встречается с Лениным. Напутственные слова вождя словенскому рабочему, переданные им несколько позже главному герою романа: «Вы там (на родине. – Ю. А.) нужнее, чем здесь», – звучат для последнего как руководство к активным действиям внутри революционного движения. Эта глава вошла в книгу, изданную только спустя тридцать лет, в 1959 г., в новой Югославии.

В архиве писателя нами был обнаружен рассказ «Шишка из Иркутска», вероятно, из цикла «Московские записки», или «Московский дневник», отдельные рассказы из него иногда появлялись в словенской периодической печати. Рассказ посвящен Сергею Михайловичу Третьякову, выдающемуся русскому революционному писателю, расстрелянному во времена сталинских «чисток». Его книгу Крефт нашел в одном из московских букинистических магазинов и встретился затем с его вдовой, Ольгой Викторовной Третьяковой. В рассказе есть очень сильное по духу и убе-

длительности высказывание, раскрывающее источник горячего отношения писателя к России, русской культуре и литературе, к русским книгам, пронесенное им через всю жизнь: «Современные новые поколения не могут понять, что значила для нас в те мрачные времена королевства СХС и позднее диктатуры Александра Карагеоргиевича и генерала Живковича каждая книга, которую мы всевозможными способами нелегально привозили из-за границы. Октябрьская революция значила для нас, по крайней мере, столько же, как много веков назад христианская мысль значила для поработенных масс тиранического языческого Рима. В этих наших чувствах и мыслях было, несмотря на весь атеизм и философию материализма, уже что-то религиозное. Идея революционного социализма и социальной революции была для нас чем-то святым и неприкосновенным, что было неотделимо от первого социалистического государства. После октябрьской революции, для миллионов народных масс вне Союза Советских Социалистических Республик с Москвой и Ленинградом во главе идея революционного социализма значила больше, чем христианам Рим или магометанам Мекка с Библией и Кораном вместе взятые. Только так можно понять, что, начиная с октябрьской революции, по всему свету все десятилетия до Второй мировой войны и не меньше во времена кровавой фашистско-нацистской военной агрессии миллионами люди героически шли на смерть за свою идею как у нас, так и много где еще». В рассказе названа дата, отсылающая нас к 1967 г.

В 1939 г. на ученом совете философского факультета Университета имени короля Александра I в Любляне состоялась защита диссертации на соискание докторской степени Крефта на тему: «Влияние Шекспира на развитие драматургических взглядов Пушкина». Сопроводительные отзывы были написаны известными историками литературы, в то время профессором Франце Кидричем и доцентом Антоном Оцвирком⁷. Примечательным документом-иллюстрацией из периода подготовки диссертации может служить рабочая тетрадь Крефта, озаглавленная «Пушкин как драматург» и датированная 3 марта 1937 г. (Прага), по которой можно про-

следить процесс освоения докторантом материала работ русских пушкиноведов, напечатанных в журналах «Театр и драматургия» и «Советский театр» за 1936 г., среди них статьи С. Дурьлина, М. Загорского, И. Тольникова. Тетрадь хранится в еще не разобранном архиве Крефта, переданном его сыном, Львом Крефтом, в Национальную университетскую библиотеку в Любляне. Позднее на основе своей диссертации Крефт издает монографию «Пушкин и Шекспир» (1952). Исследователь задается вопросом: насколько мог повлиять Шекспир на реалиста Пушкина. В центре его внимания – пушкинская драма «Борис Годунов». По сохранившимся запискам и письмам (опираясь на работу М. М. Покровского 1907 г. и пушкинское Собрание сочинений 1935 г. с комментарием Г. О. Винокура) Крефт прослеживает изменения в восприятии Пушкиным творчества Шекспира от восхищенного отношения до взвешенной критической оценки. Словенский ученый замечает, что, создавая свою оригинальную теорию романтической народной трагедии, Пушкин ссылается на авторитет Шекспира. Поиски приводят его к созданию поэтической реалистической исторической трагедии. В результате тщательного исследования пушкинской теории драмы в ее приложении к «Борису Годунову» Крефт приходит к выводу, что следует говорить не о непосредственном влиянии Шекспира, но о независимой творческой переработке его наследия Пушкиным, исходившим из собственной оригинальной концепции народной исторической драмы. Существенны и идейные, и стилистические отличия пушкинской реалистической национальной трагедии от стиля барокко шекспировского театра. По мнению словенского исследователя, теория драмы Пушкина в типологическом плане предвосхищает взгляды Ипполита Тэна и, следовательно, литературоведческой культурно-исторической школы, а также некоторые принципы более позднего натурализма¹⁰.

В 1941 г., в начале Второй мировой войны, опасаясь репрессий, Крефт уезжает в Рим, получив благодаря поддержке виднейшего критика Йосипа Видмара (1895–1992) и известный писателя, представителя социального реализма, Прежихова Воранца (псевд. Ловро Кухара, 1893–1950) сти-

пендию. Там он изучает в основном русскую литературу. Однако уже в июле 1942 г. его, больного, арестовывают фашисты и отправляют в Люблян, где писатель предстает перед военным судом.

По всей видимости, Крефту приходилось не раз оправдываться под обвинениями своих недоброжелателей за то, что он не принимал активного участия в борьбе против фашистских оккупантов, не пошел в партизаны, не рисковал своей жизнью ради спасения Родины. Эти нападки чрезвычайно расстраивали человека, который всю свою жизнь был предан идеям революции, все произведения которого насквозь пропитаны жаждой нового, по-настоящему социалистического миропорядка, которого многие считали апологетом революции, зачастую укоряя его в чрезмерном и даже уже не актуальном восхвалении ее.

В одном из своих писем Крефт заметил: «Даже если бы я был осенью 1941 г. более здоров, я не пошел бы в партизаны по тем же соображениям, так как меня там ждала бы, как и Крлежу¹¹, “Джиласова”¹² пуля (как “предателя пролетариата и троцкиста” – так уже в декабре 1940 г. меня именовал Борис Кидрич¹³)»¹⁴. Писатель действительно страдал, видимо, наследственным заболеванием, и в те тяжелые годы его состояние почти неизбежно должно было ухудшиться. Из нескольких медицинских освидетельствований (28 января 1944 г., 18–19 февраля 1946 г. и 13 сентября 1949 г.), хранящихся в архиве писателя в НУБ, видно, что периодически Крефта мучили головные боли, психастения (проявляется в нерешительности, боязливости, мнительности и т. п.), депрессия, ощущение полной истощенности. Однако ответом на возможный правомерный вопрос, смогла ли болезнь подкосить или даже свести на нет творческую, жизнеутверждающую энергию писателя, могут служить более чем впечатляющие результаты его деятельности. Подтверждают это и свидетельства современников. Например, письмо от известного российского слависта Н. И. Кравцова, датированное 18 октября 1962 г., заканчивается следующим образом: «Желаю здоровья, творческого вдохновения и той бодрости духа и страстности, какие так

характерны для Вас, в чем мы еще раз убедились, слушая Вас на совещании в Москве»¹⁵.

На появление в печати интервью Крефта в «Книге' 76» откликнулся знаменитый словенский писатель, имя которого ныне носит библиотека города Птуя, – Иван Потрч (1913–1993), в то время редактор издательства «Младинска книга», – с предложением написать и опубликовать автобиографическое произведение о детских и отроческих годах, т. е. периоде, когда формируются основы мировоззрения будущей личности. При этом Потрч в своем письме (от 6 октября 1976 г.¹⁶), говоря о важности написания такого труда, сравнивает Крефта с Л. Н. Толстым, М. Горьким, М. Андерсоном-Нексе и И. Цанкарм.

Позже, в 1980 г., Крефта призывает написать автобиографию и Франце Клопчич, подмечая схожесть путей его и хорватского писателя Мирослава Крлежи, так он пишет: «Мне кажется, что настоящий эпизод словенского “Крлежи” мог бы стать осью такого произведения, это пример твоего самобытного пути, которым ты по праву гордишься. Если при этом позднее, уже во время войны, дошло до каких-либо недоразумений, напиши об этом открыто и т. д. Сам! Без посредников...»¹⁷.

За свою долгую творческую и научную жизнь Крефт написал множество критических и литературоведческих работ, посвященных русской и советской литературе и культуре (творчеству Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. А. Блока, В. В. Маяковского и многих других). Следует особо выделить его книгу «Портреты» (1956), куда вошли работы по югославской и зарубежной литературе. Большую часть книги составляют статьи о русских писателях – А. С. Пушкине, И. А. Гончарове, И. С. Тургеневе, А. Н. Островском, А. П. Чехове, М. Горьком, А. Н. Толстом и М. А. Шолохове¹⁸.

Еще в 1928 г. у Крефта возникла идея драматизации рассказа Б. А. Лавренева «Сорок первый» (1924), но тогда он от нее отказался, так как в то время все, что касалось революции октября 1917 г., было под запретом. К этой идее драматург возвратился в 1956 г., когда лично познакомился с русским писателем, приехавшим в составе делегации со-

ветских писателей в Югославию. К 1958 г. переработка была готова, а в январе 1960 г. состоялась премьера¹⁹. Пьеса Крефта «Баллада о поручике и Марютке» была переведена на языки всех народов Югославии, а также на словацкий, чешский, польский, болгарский и немецкий, и на всех этих языках прозвучала в театральных постановках.

Из русских писателей особое отношение у Крефта было к Ф. М. Достоевскому, знакомство с творчеством которого у него состоялось еще в юности. Известно высказывание писателя в интервью, опубликованном в «Книге' 57», о том, что он каждый раз «страстно переживает Достоевского»²⁰. Видный словенский русист, ученик Крефта, Александр Сказа в юбилейной статье, посвященной 90-летию учителя, даже говорит о «двойной апологии Крефтом Достоевского и революции». Вместе с тем условно можно обозначить дату, ознаменовавшую начало глубокого научного проникновения Крефтом в наследие великого русского писателя. 1956 год – 75-летие со дня смерти Достоевского, в связи с которым Крефт пишет оригинальное исследование по роману «Бесы». С этого момента Крефт «начал доказывать в противовес некоторым советским догматическим критикам Достоевского, что в Достоевском следует отличать писателя-художника от политического приверженца подобно тому, как Маркс и Энгельс отличали Бальзака-писателя от Бальзака-монархиста», и первым указал на то, что главным в «Бесах» является не памфлет на любое революционное движение, а демонстрация опасности «деформации социалистической идеи»²¹.

Постепенно Крефт стал задумываться над возможностью написания специальной монографии о жизни и творчестве Достоевского. Начиная с 1957 г. под редакцией Крефта выходит многотомная серия «Избранные сочинения Ф. М. Достоевского», впоследствии переиздававшаяся, продолжением этого издания и должна была стать планируемая монография. В архиве Крефта хранятся отдельные главы книги – в ней в соответствии с замыслом автора должно было быть десять глав (в соответствии с основными произведениями писателя) наряду с Введением, Заключение и Библиографией. Исследователь успел подготовить Введение, и

шесть глав: «Три романа» («Село Степанчиково и его обитатели», «Игрок» и «Вечный муж»), «Униженные и оскорбленные», «Записки из мертвого дома и Из подполья» (по известным очерку и повести Достоевского), «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», – а также отдельные фрагменты.

Большой вклад Крефт внес в работу Международного комитета славистов в качестве заместителя его председателя, председателя Комитета славистов Югославии и как активный член Комиссии по славянской поэтике и стилистике. Крефт плодотворно сотрудничал с советскими учеными-славистами, среди них академик Сербской АНИ, член-корреспондент Британской и Испанской академий, Председатель Советского и Международного комитетов славистов М. П. Алексеев, академик, председатель Советского комитета славистов и председатель Комиссии по славянской поэтике и стилистике В. В. Виноградов, профессор Н. И. Кравцов, главный редактор журнала «Вопросы литературы» В. М. Озеров, московский сербокаратист А. М. Балакин, исследователи югославянских литератур из Санкт-Петербурга В. К. Зайцев и М. Л. Бершадская, и многие другие, чьи письма хранятся в архиве ученого.

За годы своей деятельности Братко Крефт написал о многом и разном, но всегда с любовью к России и русской литературе.

Примечания

¹ Письмо Б. Крефту от Й. Кошара, датировано 11 февраля 1980 г., Марибор. Из еще не разобранного архива Б. Крефта, хранящегося в Национальной университетской библиотеке (далее – НУБ) в Любляне.

² *Koruzja J. Slavistična dejavnost Bratka Krefta // Jezik in slovstvo. Let. XX. 1974–1975. Št. 5. S. 140.*

³ Прелекия – восточн. часть Словенских Горниц, региона в восточн. Словении.

⁴ *Borko B. Pogovor z dr. Bratkom Kreftom // Dialogi. Maribor, 1971. Št. 12. S. 700.*

⁵ *Moravec D. Spremnna beseda // Kreft B. Velika puntarija. Ljubljana, 1959. S. 125.* Перевод М. Л. Бершадской.

⁶ См. биографию, подготовленную в 1973 г. для Комиссии по премии АВНОЮ (Антифашистское вече народного освобождения Югославии), – в архиве НУБ.

⁷ О театральной деятельности Крефта в 1921–1940 гг. подробнее см.: Бершадская М. Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская культура // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986; Ваганова Н. М. Словенский пролетарский театр (1920–1935) // Искусство, революцией призванное: Октябрь и развитие искусства в странах Восточной Европы 1920–1930-х гг. М., 1971.

⁸ *Kreft B. Človek mrtvaških lobanj. Kronika raztrganih duš.* Ljubljana: Proletarska knjižnica, 1929. 378 s.; 2-е изд. – Любляна, 1959; 3-е изд. – Марибор, 1971. Дословно название романа можно перевести как «Человек мертвецких черепов. Хроника разтерзанных душ».

⁹ См. автореферат диссертации: *Shakespearov vpliv na razvoj puškinovega dramskega nazora. Odlomki iz inavguralne disertacije, ki jo je predložil dipl. phil. Kreft Bratko za dosego doktorske časti.* Ljubljana, 1939.

¹⁰ Подробнее о монографии см.: *Созина Ю. А.* А. С. Пушкин в словенской литературной критике XX в. // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.

¹¹ Мирослав Крлежа (1893–1981) – выдающийся хорватский писатель.

¹² Милован Джилас (1911–1995) – сербский литератор марксистской ориентации, в годы Сопротивления – генерал, руководитель агитпрома, член Политбюро и ЦК.

¹³ Борис Кидрич (1912–1953) – литератор, один из лидеров коммунистической партии Словении.

¹⁴ Из авторской копии письма Ченгичу от 16 марта 1986 г. из архива Крефта в НУБ.

¹⁵ Архив Крефта в НУБ.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письмо от 20 февраля 1980 г. из архива Крефта в НУБ.

¹⁸ *Kreft B. Portreti.* Ljubljana, 1956. – В российском журнале «Русская литература» (1959. № 4. С. 246–249.) на книгу была опубликована рецензия М. Л. Бершадской.

¹⁹ Об особенностях драмы Крефта и ее судьбе см. статью М. Л. Бершадской «Братко Крефт и его “Баллада о поручике и Марютке”», опубликованную в сборнике филологического факультета Ленинградского университета: *Взаимосвязи славянских литератур.* Л., 1966. С. 79–85.

²⁰ *Bratko Kreft o Dostojevskem* // *Knjiga.* 1957. S. 524.

²¹ Биография 1973 г. из архива НУБ.

Военная и революционная Россия глазами белорусских беженцев

Согнанные с мест своего постоянного проживания на западных окраинах Российской империи военной стихией сотни тысяч белорусских крестьян, мещан, священников в середине 1915 г. вынуждены были срочно мигрировать в основном в центральные, восточные и южные губернии России. После тяжелейшей дороги, когда погибли по причине различных болезней тысячи беженцев, преимущественно крестьян, в сознании которых на протяжении поколений весь этот путь виделся как нечто ужасное, трагическое для отдельной семьи и всего народа, изгнанники оказались вначале в относительно благополучной обстановке, казавшейся некоторым из них почти идеальной, а затем испытали горькое разочарование от тотальной анархии в революционной стране. Российская революция стала и для них огромным испытанием, привела к пониманию своей национальной особенности, отличности от великорусского этноса, однако в его среде все же многие из них остались жить, сроднились с ним, образовали смешанные по национальному составу семьи. Наконец, революционная пора стала временем гигантских человеческих потерь среди беженцев, моментом этнонациональной консолидации и создания различного рода общественных организаций, осознания необходимости возвращения на родину во что бы то ни стало. Последнее удалось осуществить не сразу – возвращение длилось несколько лет начиная с 1918 г. и коснулось оно далеко не всех. Опыт беженства явился для белорусов одним из самых значимых за всю их историю, полным тяжелейших испытаний, потерь и, как следствие, началом колоссального, почти взрывного, массового этносоциального прозрения, разновекторный характер которого в основных своих воплощениях был замечен в течение всего XX столетия.

Описывая первые годы войны в России, почти все белорусские беженцы пишут о необычайном богатстве многонациональной империи к востоку, юго-востоку и северо-востоку от их родины, богатстве городов, сел и простых жителей, с которыми они соприкоснулись там¹. Практически

все отмечают необычайную отзывчивость, приветливость и даже жертвенность русских, чувашей, татар, украинцев и других народов Российской империи, среди которых беженцам теперь предстояло жить. Вот одно из таких признаний, сделанное крестьянкой из деревни Залуки, что на Белосточчине, М. Лисовской 1901 г. рождения:

Из Залук в беженство подались все. Только что заехали мы к Городку, а деревня наша уже горела. Дальше мы поехали в Минск. Там нужно было решить, куда мы хотим переселиться. Наша семья выбрала Самарскую губернию. Вместе с нами поехали еще пять семей. Люди из Залук разъехались по всей России. Кто на Украину, кто в Сибирь, а кто на Смоленщину. В Минске мы продали коня с фурманкой, сели на поезд и поехали в неизвестный мир. На место добрались аж на Покров. Высадили нас за Волгой, в селе Кинель-Черкасы. За нами приехали крестьяне на подводах. Сразу же мы получили жилье. Жили мы в отдельном доме, так как у хозяина, что нас принял, было аж два дома. Нашлась и работа. Кто хотел, шел работать у хозяина.

Ах, какие там люди были добрые! Таких людей, как русские, так и вспоминать приятно. Как же они нас жалели, как переживали из-за нашего горя: “А страдающий вы народ, а беженцы вы несчастные!” – повторяли они все время. Знаете, как только мы вошли в село, к нам подбежали женщины с плачем. Одна молодница сняла с себя дорогой платок и накинула мне на плечи. Люди понаносили нам всего, что только нужно для жизни.

Богато там люди жили. Хозяйства они имели хорошие, земля сама, без удобрений, родила. Там даже не рожь сеяли, а пшеницу. Три раза в неделю пекли пшеничные булки. Варили все время русский чай в самоваре и пили его “вприкуску” – сахар отдельно в рот откусовали, чайком горьким запивали. Кто бы в дом не вошел, того всегда приглашали: “Садитесь к нам чайку попить”. Водки они не пили. Нигде так не было, как теперь стало. Тогда пьяных никто не видел. Тамошние люди имели богатые хозяйства, а кур и не сосчитать. У каждого хозяина было зерно в запасе. Хранили его в высоких амбарах, так как зимою снег засыпал все заборы и низкие строения... В селе было 3 церкви, базар, пожарное депо, школа. Два мои брата ходили в школу. К старшему русские приходили за помощью в обучении. Базар в нашем селе был известен на всю округу. Купцы к нам приезжали аж за сорок километров. А у нас было за что купить,

так как хозяин за работу платил, а еду давал даром. В селе люди уважали религию, народ был весьма набожный, церковный. Там, как шли к исповеди, то готовиться нужно было начинать со среды. В пятницу исповедывались, в субботу – причастие. В воскресенье также нужно было быть в церкви...

По-русски говорить мы не умели. У нас в Залуках перед беженством здороваясь говорили “нех бэндзе похвалёны”, а там в каждое время иначе здоровались. Но русский язык не немецкий, быстро мы его научились. Даже, когда приехали на родину, то трудно было привыкать к польскому языку. Между собой мы говорили по-нашему².

Правда, так было не со всеми... Как писал в своей рукописной автобиографии Тихон Трохимюк, родившийся в с. Клейниках Гродненской губернии в 1899 г., его, выпускника местного двухклассного училища, после начала войны судьба забросила вместе с родителями в степное Заволжье:

Работал я у хозяина два года. Летом на поле, а зимой в конюшне, не было у меня и одного свободного дня. В праздники молодежь выходила на улицу, играет гармонь, поют веселые песни, а мне с восходом солнца выводить на речку коней, и я их там пасу целый день. Зимой собираются в хатах и также играют, танцуют, а я работаю в конюшне. Молодежь там очень веселая. Они и меня приглашают и мне хочется погулять с ними, мне уже 18 лет. Хозяин мой был лет под пятьдесят, здоровый, но был суровый и нервный. Часто приходил зимой в конюшню и придирался ко мне: “Не вижу порядка, кони плохо вычищены”. Два раза побил меня нагайкой...

Впрочем, такие случаи были скорее редким исключением.

С началом революции все изменилось.

«Когда настала революция, тяжело было с едой и одеждой – липовые листья ели... В 1919 году от голода умер наш отец...»; «Учился только один год, так как когда после революции настали Ленин и Троцкий – перестали учить...». «Началась революция. Настал тяжелый 1917 год...». «Во время революции наше село переходило из рук в руки. В нашей окрестности организовалась “зимняя армия” из местных жителей. Она выступала против коммунистов... В 1918 году подошла Красная Армия и разогнала бунтовщи-

ков. После революции настала голодовка. У местных жителей красные забирали скот и зерно. Мы решили возвращаться домой...» Таково содержание абсолютно всех повествований беженцев-белорусов, оказавшихся в сельских районах к востоку и югу от их родины. Не менее, а в чем-то даже более драматичны и трагичны воспоминания тех из них, кто оказался в городах. Андрей Иванюк, родившийся в 1908 г. в Санкт-Петербурге в семье белоруса-отходника, а затем в четырехлетнем возрасте возвратившийся вместе с родителями на их родину, откуда они с односельчанами «подались в беженство», в конце концов оказался в Москве:

В 1917 году разразилась революция. Люди пели:

Была у нас царица
Вильгельма сестрица
Вильгельма родная сестра
Она все полками войска продавала
В Германию хлеб отдала.
Россия уж гибнет
Она проиграла
Она проиграла войну,
Скадронное знамя
В войну потеряла
А сам полководец в плену.

Жизнь усложнялась — был холод и голод. Получали мы пайки, но очень маленькие... и бывало так, что отец собирал мерзлых ворон, а мама их готовила. У меня были дополнительные карманы, в которые я прятал кусочки хлеба... За три месяца от взрыва революции царские чиновники покинули Кремль. В Кремле был белый дом, куда приезжал царь; там стояли царские кадеты. Когда большевики туда ворвались, то выкинули их из окон. В кадетов, что ехали по Тверской улице от Кремля до Александровского вокзала, большевики из пулеметов стреляли...³

Очень по-разному складывалась жизнь белорусских беженцев. Многие из них оказались в самой гуще революционных событий, служили в Красной (чаще) и в Белой (много реже) армиях. Были среди них те, кто стал впослед-

ствии видным политическим деятелем в Советской России, в Советской Белоруссии или же в кругу противников этих образований, например, среди наиболее заметных фигур в руководстве Белорусской Народной Республики.

Накал политических страстей коснулся и деятелей Церкви и околоцерковной мирской беженской среды уже в первые месяцы революции. Об этом белорусские очевидцы-беженцы, священники и миряне, оставили немало воспоминаний. Одни из самых интересных и обширных принадлежат известному западнобелорусскому национальному деятелю, будущему сенатору II Речи Посполитой Вячеславу Богдановичу⁴, фрагмент которых на белорусском языке мы публикуем по рукописному списку, обнаруженному нами на белорусско-польском пограничье во время наших экспедиционных исследований. Фрагмент этот касается одного из эпизодов, связанных с работой Московского Церковного Собора 1917–1918 гг.

Царкоўная працэсія, урачыстае багаслужэнне і тое гарачае ўчасыцце, якое ўва ўсім гэтым прыняў увесь Маскоўскі праваслаўны народ, пераканала бальшавіцкую уладу ў тым, што народ моцна трымаецца сваёй Царквы і сваёй веры і што ў гэтым пункце яго ня возьмеш адразу, простаі атакай. Дзеля гэтага яны парашылі пачаць павольную падгатаваўчую працу, каб адцягнуць народ ад царквы. Яны часова спынілі простыя ўпіскі царквы, а ўсюды па Маскве сталі арганізоўваць процірэлігійныя мітынгі. На адным такім мітынгу прышлося быць і мне. Аб гэтым мітынгу ў мяне дасюль захаваліся запіскі, зробленыя тагды “на сьвежую памяць”, дзеля чаго я магу перадаць больш ці менш падробна тое, што я там бачыў.

Пачуўшы аб адным такім мітынгу на Замаскварэччу, некалькі сяброў Сабора, у тым ліку пратаіерэй Бекарэвіч і я, рашылі пайсці і паслухаць, а калі можна будзе, дык і выступіць на мітынгу.

Мітынг ішоў пад назовам “Царква і бальшавікі”. Пачаўся ён прамовай Е. Яраслаўскага, вядомага працівацаркоўнага бальшавіцкага дзеяча. Прамова яго галоўным чынам складалася з розных нападкаў не на веру і царкву, а на духавенства.

“Нашы папы, — гаварыў ён, — жадныя, карысталюбныя. Іх бог, казаў ён, даўно ўжо не на небе, а на зямле. Ён знаходзіцца ў банках і ў “збярэгацельных касах”, у працэнтавых паперах, у купонах і

г.д. Яны ходзяць у дарагіх царкоўных адзежах, у залатых крыжох і залатых шапках (у мітрах), у рызах і раскошных мантыях”.

“Яны ўвесь час маўчалі, ім ня дорага была іхняя вера, а вось цяпер, калі зачапілі іх матэрыяльны дабрабыт, калі адбіраюць іхнае дабро, дык яны адразу і спалохаліся і робяць цяпер пратэсты проці сьвецкай улады. Ім мала таго “жалаваньня”, якое яны атрымліваюць, той зямлі, якой яны ўладаюць. А зямлі гэтай так многа, асабліва па манастырох: напрыклад у адным Салавецкім манастыры 70 000 дзесяцінаў зямлі. Духоўныя людзі толькі другіх вучаць цяпенню і сьмірэньню і “безкарысьці”, а самі наадварот нічога гэтага ня робяць. Яны ня любяць бедных людзей, яны больш імкнуцца да багатых, з якімі дружаць і вядуць кампанію (тут Яраслаўскі прачытаў 23 главу ад Матфея, дзе Хрыстос гавора прамову проці “кніжнікаў і фараысеяў”). Духавенства паўстае проці нас за тое, што баіцца за свае грошы, за сваю зямлю, а не паўстае проці таго, проці чаго павінна было-б гаварыць: проці прысягі, проці вайны, бо яны наадварот благаслаўляюць вайну, ня глядзячы, што Хрыстос вучыў любіць ворагаў. Мы, бальшавікі, — казаў ён, — ня уціскаем рэлігіі, але мы паўстаем проціў яе за тое, што прадстаўнікі яе стаюць за багатых, а не за бедных, што яны кланяюцца “сільным міра”, што яны завялі Распуціна пры царскім двары”...

Так і ў гэтым родзе гаварыў доўга Яраслаўскі. У такім напрамку падобнае гэтаму гаварылі і іншыя бальшавіцкія аратары. Саля спатыкала гэтыя прамовы воплескамі, але далёка не ўсіх: відаць было, што сярод сабраўшыхся далёка ня ўсе спачувалі таму, што гаварылі бальшавіцкія аратары. Відаць было, што Яраслаўскі заўважыў гэта, дзеля чаго гаварыў асьцярожна, каб не абразіць рэлігійнага пачуцьця, і, як я ужо казаў, нападаў выключна на духавенства, а не на веру.

Убачыўшы, што сярод слухачоў ёсьць сьвяшчэннік (прат. Бекарэвіч), многія з іх прасілі бацошку, каб ён выступіў з адказнай прадмовай. Падалі заяву старшыні мітыngu, і той, хоць ня дужа ахвотна, але заяву прыняў і гаварыць дазволіў.

Стары і з сёвай барадой пратаіерэй Бекарэвіч узыйшоў на трыбуну і пачаў гаварыць, — уперад ня сьмела, паціху, пакуль бараніў духавенства, а пасля, як стаў гаварыць аб веры і Царкве, — усе гарачэй і гарачэй. Гаварыў ён прыблізна гэтак:

“Тое што я буду гаварыць вам напэўна дужа многім не падабаецца, але усе-ж я думаю, што многім людзям, тут сабраўшымся, будзе карысна выслухаць прамову старога сьвяшчэнніка, бо і прыслоўе гаворыць, што “стары конь баразны не псуе”.

Вось вы тут выслухалі больш за ўсё нападкаў на духавенства, у якіх можа і многа справядлівага, але-ж гэта адразу не-правядловая пастаноўка справы. Няхай праўда тое, што духавенства дрэннае, што яно любіць грошы, што яно адхілілася ад народу, што яно наагул не стаіць на такой маральнай вышыні, на якой стаяць павінна... Які-жа з гэтага можна зрабіць вывад? Адмовіцца ад веры і Царквы? – Не! Вывад той, што трэба замяніць дрэннае духавенства добрым, – такім, якое стала-б бліжэй да народа, якое ўзапраўды вучыла-б народ добраму, якое ня ганялася-б за грашыма, ня старалася-б выслужыцца перад сьвецкай уладай, – можа нават трэба зьмяніць увесь той царкоўны строй, які даў такое духавенства. Што духавенства ў нас ня адпавядае свайму ідэалу, – гэта вялікае гора Царквы, але Царква дужа часта зусім непавінна ў гэтым, бо яна сама залежыла ад дзяржаўнай улады і сама ня мела ў сябе патрэбнай фізічнай сілы гэта зрабіць. Вось цяпер у Маскве больш паўгода працуе царкоўны Сабор, якога не было ўжо ў працягу 200 гадоў і гэты сабор як раз і выпрацоўвае такія правілы і царкоўныя законы, якія павінны зьмяніць папярэднія парадкі і між іншым палепшыць і духавенства. Але-ж з гэтага зусім ня выходзіць што з-за духавенства мы павінны траціць і веру, і Царкву.

Аднак і тое што вы гаворыце аб духавенстве далёка ня ўсё і не аб усім духавенстве справядліва. Ёсьць сярод духавенства ўсякае, ёсьць і такое, аб якім казаў п. Яраслаўскі, але-ж далёка ня ўсё такое, бо ёсьць і ў поўным сэнсе гэтага слова “добрыя пастыры”. Але добрых мы ня заўважываем, а дрэнных бачым.

Духавенства, як і Хрыстос сказаў, павінна быць “сьвяцільнікам”, быць тым чым лямпа ў хаце. Але-ж бывае так, што пакуль лямпа сьвеціць добра, дык ніхто на яе ня звяртае ўвагі, ніхто ей ня дзякуе, а як накапіць, дык тады ўсе сварача і ругаюцца. Так і з духавенствам: добрага ніхто ня заўважывае, а на дрэннае ўсе глядзяць і нібы рады, што знайшлі і ў папа грахі і недачоты.

Вы кажаце, што духавенства любіць грошы, любіць банкі, “збэрэгательныя касы” і г. далей. Ёсьць і такія, але ці многа-ж з іх асоб багатых? Дужа і дужа мала. Больш бывае так: памірае сьвяшчэньнік і сямья яго астаецца зусім бяз хлеба, калі ў складзе яе няма новага кармільца. У духавенства ёсьць зямля, – няхай так. Але ці іхняя-ж гэта зямля? Зямля – царкоўная, і карыстаюцца з яе сьвяшчэньнікі пакуль жывы. Вы кажыце: у Салавецкім манастыры 70 000 д. зямлі. Гэта так. Але ці ведаеце-ж вы, што гэта за зямля? Гэта быў пустынны востраў сярод белага ле-

давітага сыцюдзённага мора, амаль ня сплэшны камень. Тысяча-годзьдзі стаяў ён зусім пустыняй. Қалі туды прайшлі першыя манахі-адшэльнікі, дык там жылі толькі дзікія зьверы і марскія птушкі. Пасяліўшыся там, манахі сталі маліцца Богу і працаваць, – і вось разпрацавалі лепшыя кавалкі зямлі, зрабілі найлепшыя нівы і гароды, завялі няўстаннай працай добрую гаспадарку, найлепшы скот, збудавалі вялікі манастыр, у якім цяпер штодзенна корміцца сотні і тысячы багамольцаў, – трэба-ж для гэтых багамольцаў хлеб? А хто-б яшчэ апрача гэтых афіярных манахаў рашыўся пасяліцца на дзікім пустынным востраве? Хто-б з вас захацеў узяць сабе ў надзел такую зямлю на дзікай востраве ў сыцюдзёным суровым клімаце на далёкай поўначы?

Вы кажаце, быццам духавенства цяпер пратэстуе проціў бальшавікоў за тое, што яно спалохалася за свой матэрыяльны дабрабыт. І гэта няпраўда: сацыялізаваў царкоўную зямлю яшчэ урад Керэнскага, але тады духавенства не пратэставала. А вось калі вы забараніваеце людзём вучацца Закону Божаму, мы пратэстуем проці гэтага гораха, хоць гэта і не адзваецца на нашым добрабыце так, як адабраньне зямлі. Ня за свае кішэні цяпер заступляемся мы, а заступляемся за веру і за Царкву, бо Вы гаворыце, што даеце свабоду веры, што ня перашкаджаеце Царкве ў яе духоўнай працы, але гэта вы толькі гавораце так *тут*, публічна, перад народам, а з вока на вока самі гавораце, што ніякой веры і Царквы ня трэба, што ўсё гэта трэба зьмясціць са сьвету, – што рэлігія опіум для народа і гэтак далей, бо вы ўмеете фальшаваць і прыкідывацца. Вось і тутакі вы, каб скрыўдзіць пастыраў прывадзілі нават тэксты з сьвяшчэннага пісьмэння але прывадзілі фальшыва. П. Яраслаўскі, чытаючы 23 главу ад Матфея пра фарысеяў наўмысьлі прапусьціў мейсца, дзе сказана: “ўсё што яны гавораць, – тварыць”. Няхай тое, што робяць духоўныя дрэнна, але тая, што яны гавораць, чаму вучаць, тое ёсьць запраўдная навука Хрыстова і тутакі вы павінны іх слухаць.

Вы аднак і тут хацелі сфальшаваць, – быццам і ў сваёй навуцы духоўныя гавараць няправільна: аб вайне, аб прысяге, аб багацтве.

Ня праўда, быццам духавенства любіць вайну і благаслаўляе вайну як вайну. Ніхто яе ня любіць. Запытайцеся ў духоўных, – вы ня знойдзеце амаль ні воднага, у каго ў гэту вайну ня згінуў ці ня скалечаны ці сын, ці брат, ці ўнук, ці пляменьнік, – як і ўва ўсіх нас. Ня благаслаўляе яно вайну і не ад яго вайна залежыць. Але, калі вайна паўстала назалежна ад яго, яно вучыць людзей каб і на вайне людзі як і ўсюды былі чэснымі, вернымі, дабрасовеснымі і ахвярнымі, – каб маглі па заповедзі Хрыстовай

аддаваць душу за *бліжняга*. Калі Хрыстос вучыў любіць ворагаў, дык ён гаварыў аб ворагах асабістых, для кожнага сваіх. Прапчай сваю абіду, сваю крыўду, і маліся за *свайго* абідчыка, як маліўся і Хрыстос за *сваіх* ворагаў, якія яго распіналі, але Ён жа гарача ганіў ворагаў Божых і саблазніцеляў народу.

Вы кажаце, што духавенства любіць толькі багатых. І гэта няпраўда, калі гаварыць агулам. Ці кожны з вас ня чуў у школе ад *свайго* законавучыцеля як яны тлумачылі яму евангельскае апавяданьне “аб багатым юнашы”, ці аб “бязумным багачы”, А калі яно бывае і ў дамох багатых, дык ня толькі радзі сваей карысці, а часцей радзі карысці царквы ці карысці бедных, – каб прыхіліць багатага да ахвяры. Так рабіў і Хрыстос, калі Ён напрыклад заходзіў да багача Закхея і прыхіліў яго да раздачы нішчым “палавіны іменія”.

“Духавенства любіць насіць драгацэнную адзежу, залатыя крыжы, мітры”. Але ці іхняя-ж гэта адзежа? Гэта так сама больш за ўсё адзежа царкоўная, якая знаходзіцца ў духавенства толькі ў карыстаньні і якую яны так шчыра і ўважна сцерагуць. Вось, прыклад: у Крамлі колькі стагодзяў была “патрыяршая рызьніца”, у якой харанілася шмат бязцэнных сакровішчаў. І ўсе яны былі цэлы, пакуль былі на руках у духавенства, а цяпер ня ўспелі пабыць на руках у бальшавікоў і двух месяцаў, як яны ўжо аказаліся абкрадзенымі на 25 мільёнаў!

Дык хто-ж больш карысны і хто больш цягнеца да грошаў і драгацэннасьцяў?

Але ізноў я гавару гэта не за тым каб бараніць толькі духавенства. Няхай сабе яно дрэннае (і сярод яго ёсьць і такое!), але-ж гэта зусім не адзначае, што трэба спыніць веру і Царкву. Веру і Царкву вы ніколі ня спыніце, бо і самі чуеце яе жыццёваю сілу і моц. Ня дарма-ж вы і цяпер стараецеся напаць на нас з Евангеллям у руках.

І калі-б вы нават у сваім сацыялістычным вучэньні трымаліся-б хрысьціянскіх поглядаў, дык напэўна-б і гэта навука выглядала-б іначай і плады ад яе былі-б іншыя: не барадзьба, не жываедства, ня споры і сваркі, ня жорсткасьць і крыважаднасьць. Вы самі жывеце толькі тым, што сярод вас ёсьць людзі, выхаваныя на ідэях хрысьціянскіх. А калі-б такіх людзей стараных сярод Вас не было-б, дык даўно-б ад вас нікога не аталоса, бо вы-б з’елі адзін другога”.

Так, у гэтакім родзе, гаварыў доўга бацьошка. Відаць было, што сярод слухачоў было дужа многа, якія з прыемнасьцю

слухалі гэтую прамову радуючыся, што знайшоўся сьмелы чалавек, які ня пабаяўся выступіць на гэтым мітынгу, каб абараніць веру і Царкву, а нават і агульныя нападкі на духавенства. Пасьля бацошкі выступалі і іншыя аратары. Мітынг становіўся ўсё гарачэйшым, але ў нас ужо ня было часу, і мы павінны былі ісьці дамоў, – вядома пяхотай верст 6 па Маскве, каб пасьпець зайсьці дамоў да таго часу, у які ўжо хадзіць забаронівалася.

Гэты мітынг яшчэ раз пераканаў мяне ў тым, аб чым я гаварыў і раней. Народ крэпка стаў там за веру і Царкву, – ня за вонкавыя яе формы, а за яе навуку і за яе строй. Ён больш менш спакойна перанёс зьмену рэжыму палітычнага, але ён ня пусьціў бальшавіцкіх рук да сьвятога святага сваёй душы, – да сваёй веры.

Примечания

¹ См., например: Бежанства 1915 года. Беласток, 2000.

Во время наших многолетних экспедиционных работ в западной части Белоруссии и на востоке Польши, где столетиями компактно проживают белорусы, был накоплен обширный документальный материал, связанный с беженством 1915 – начала 1920 –х гг. Наряду с десятками публикаций воспоминаний белорусских беженцев в основном в периодической печати различных стран, а также во всевозможных сборниках, этот документальный материал послужил основой настоящего исследования.

² Запись белостокской журналистки газеты «Ніва» Г. Кондратюк 1994 г.

³ Запись А. Вербицкого 2000 г.

⁴ Как и редактор парижской «Культуры» минчанин Ежи Гедройц, Вячеслав Богданович принадлежал к тем личностям, чья деятельность, в том числе и литературная, еще долго будет востребована разными людьми, принадлежащими порой к различным политическим, религиозным и иным лагерям, ибо жизнь и творчество этих личностей – пример служения не только своему народу и Отечеству, но и человечеству вообще. Неудивительно, что и тот и другой так много внимания уделяли праву каждого человека на свободу и достоинство, призывали к политической, религиозной и культурной толерантности страны и народы. Особая миссия в провозглашении этого и борьбе за эти права и идеалы выпала на долю Вячеслава Богдановича, белорусского сенатора во II Речи Посполитой, поднявшего свой голос в защиту угнетаемого белорусского меньшинства, а также всех православных жителей межвоенной Польши. К сожалению, этот выдающийся литератор и общественный деятель, оставивший весьма заметный след в истории белорусского национального движения, в возрождении белорусской культуры и языка, оказался за-

бытым в кругу политиков, литераторов и ученых.

Сын православного священника Витебской губернии В. Богданович (родился в 1878 г.) получил высшее богословское образование. Уже в годы учебы в Киевской духовной академии, а особенно с началом работы в качестве инспектора Литовской духовной семинарии в Вильне, он увлекается литературной деятельностью, позднее знакомится с белорусским национальным движением и принимает в нем участие. В 1915 г. вместе с эвакуированной семинарией Богданович переезжает в Рязань, откуда возвращается в Вильню уже после революции и осенью 1919 г. на правах ректора возобновляет занятия в семинарии. В октябре 1922 г. «по просьбе митрополита Георгия с Синодом» В. Богдановича вместе с архиепископом Елевферием арестовали и вывезли в Краков.

В том же, 1922-м, году В. Богданович был избран членом Сената II Речи Посполитой, где он многое сделал «для защиты православной церкви», что способствовало его известности «среди православных не только в Польше, но и во всем мире».

В силу сложившихся обстоятельств полемические мотивы в литературном творчестве Богдановича доминируют довольно долгое время. Полемический оттенок носит и почти все, что было напечатано им в журнале «Праваслаўная Беларусь», выходившем в 1927–1928 гг. в Вильне. Собственно, журнал можно было бы с полным правом назвать печатным органом самого В. Богдановича, ибо именно он был главной идейной и литературной силой издания, которое оказалось преследуемым властями и было даже запрещено ими. Такое положение неудивительно, ибо «Праваслаўная Беларусь» поднимала широкий круг жгучих проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, боролась за права белорусского народа, в том числе в общегражданской и религиозной сферах.

В своей писательской и парламентской деятельности В. Богданович всегда выступал как общенациональный белорусский лидер независимый от конфессиональной ориентации. В связи с этим весьма показательно его отношение к белорусам-католикам, которых он всячески защищал от религиозных гонений. «Я был бы односторонним, – говорил В. Богданович на заседании Сената, – если бы не прибавил здесь несколько слов об отношении правительства к белорусам-католикам. Вследствие совершенно иного положения римско-католического костела в государстве здесь дело идет уже не о религиозных преследованиях, но и здесь ярко выступает существо отношения правительства к религиям, от которых оно требует действий определенного политического направления. На основании этого принципа безусловно попираются всякие проявления национальной жизни в церковной жизни белорусов».

католиков. Отсюда видно, что в отношении римско-католического костела правительство одинаково не хочет считаться с действительными нуждами самого народа. Только, вследствие иного строя в этом костеле и принятого конкордата с Апостольской Столицей, не имея возможности создать каноническое представительство, оно направляет свой гнет непосредственно на клир и народ, причем считает каждого католика-белоруса, будь то светский или духовный, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни или принимающего в этой жизни деятельное участие, враждебно настроенным против государства.

Вот, например, против ксендза В. Годлевского, настоятеля костела в Жодишках Свенцянского у., говорящего по желанию народа проповеди по-белорусски, возбуждено судебное дело, причем, по имеющимся в белорусском клубе данным, судебный следователь в отношении к кс. Годлевскому применил такую форму полицейского надзора, по которой этот белорусский ксендз должен через день являться для регистрации в местную полицию. Я спрашиваю коллег ксендзов-сенаторов, заставляли ли когда либо ксендзов в русские царские времена через день являться для регистрации к уряднику.

Когда Виленский римско-католический епископ выслал в Жодишки специальную комиссию, составленную только из ксендзов-поляков с целью расследования существа дела, местная полиция терроризировала народ, принеся на костельный погост пулемет и целясь в безоружную толпу богомольцев. Несмотря на этот террор полиции белорусское население в значительном большинстве высказалось за употребление белорусского языка в костеле.

Ксендза В. Шутовича, настоятеля в Бороденичах, ведущего преподавание Закона Божия в школах на белорусском языке, местные польские учителя по приказу Дисненского инспектора народных училищ безобразным образом физической силой не допускают в школу.

За употребление белорусского языка уволены с должности школьных префектов ксендзы Семашкевич, настоятель в Лаворишках, и Петровский, настоятель в Долгинове.

Белорусскую католическую прессу, освещающую факты преследования в белорусско-католической жизни и заступающую за преследуемых, беспощадно конфискуют. Из-за этого в прошлом месяце конфисковали №№ 20 и 22 белорусского журнала "Криница".

Миную из-за недостатка времени бесчисленные другие факты. Вспомню здесь еще только о весьма характерном в этом отношении факте, о несправедливом отказе властей в легализации общества белорусских ксендзов "Светочъ" религиозно-просветительного характера).

Ключевая проблема, о которой В. Богданович много писал вплоть до своего ареста в 1939 г., — «церковь и государство». Уже в самых ран-

них своих произведениях, посвященных ей, он весьма точно нарисовал историческую картину феномена этих взаимоотношений, определил для СССР «тот крайний вид социализма (коммунизма), который сам фактически стремится стать религией». Без сомнения, все, что было написано В. Богдановичем на эту тему, не потеряло своего значения и до сего дня, а предложенная им формула сосуществования церкви и государства представляет особую ценность прежде всего для нынешнего времени, для современных условий, для новой Европы. Увы, для Польши 1920–1930-х годов, а тем более СССР, предлагаемое В. Богдановичем было совершенно неприемлемо, а сам он попадал в разряд лиц, весьма опасных для государства, которое неоднократно применяло к нему всевозможные репрессии. Неудивительно, что в конце концов он оказался узником польского концлагеря в Березе Картузской, откуда больной и измученный освободился незадолго до своего нового ареста органами НКВД в Вильне осенью 1939 г.

В. Богданович был не только отвлеченным мыслителем, бумажным доктринером, но и весьма деятельным исполнителем, воплотителем своих идей в жизнь. Он показал себя умелым политиком, сплотившим вокруг себя большое число однодумцев, организатором особой православно-Белорусское демократическое объединение») и даже объединения ряда православных групп политического характера, наиболее ярким свидетельством чего служит составленный им «Мемориал членов объединенной церковной комиссии из представителей белорусского национального комитета и русского народного объединения в Вильне».

Так же как и теме соборности в жизни церкви, Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. По поводу сосуществования русского и белорусского языков он писал: «Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно-общественной жизни. Два этих языка понятны населению... Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри, ибо вера православная догматы ее, соборное начало в управлении и церковнославянский богослужебный язык явятся связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви».

В одной из своих ранних работ, написанных в ответ на нелепые обвинения с польской стороны в связи с отстаиванием им церковнославянского языка в богослужении В. Богданович писал: «Славянский язык... употребляется в церкви не только в России, но и у многих иных славянских православных народов. Употреблялся он некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников святых братьев Кирилла и Мефодия.

Для нас, белорусов, церковно-славянский язык является исторической основой нашей культуры... пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашей культуры и нашего литературного языка?»

Один из ближайших сподвижников и единомышленников В. Богдановича протоиерей Лука Голод, автор большого числа литературных работ, о котором нынешние издания даже не упоминают, высказался еще более категорично о значении церковнославянского языка для белорусского национального возрождения: «Славянский язык должен быть сохранен в церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка».

Интерес к духовному наследию В. Богдановича среди православно-го населения современной Польши, Литвы, Беларуси и России продолжает сохраняться, свидетельством чего служит ряд его произведений, по сей день берегающихся в различных библиотеках – частных и приходских. Многие из сочинений В. Богдановича неоднократно переписывались читателями, которые даже составляли из них некое подобие рукописных сборников, своего рода избранных собраний его сочинений. Абсолютно лишённое какого то бы ни было рекламирования и даже упоминания кем-либо, включая и деятелей Церкви, наследие В. Богдановича сразу же нашло отзвук в глубинах народного сознания, было востребовано им и сохранено.

Подробнее о В. Богдановиче см.: *Лабынцев Ю. А.* Литературное наследие В. В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой // *Славяноведение*. 1997. № 3; *Он же.* Белорусско-русская идея во II Речи Посполитой: Литературная, церковная и общественная деятельность сенатора В. Богдановича // *Матице српске за славистику*. 1997. № 52; *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Православная литература межвоенной Польши. М., 1998; *Лабынцев Ю. А.* Белорусско-русская идея во II Речи Посполитой: Церковная, политическая и литературная деятельность сенатора В. Богдановича // *Поляки и русские в глазах друг друга*. М., 2000; *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000; *Они же.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001; *Лабынцев Ю. А.* Воспоминания о Московском Церковном Соборе 1917–1918 гг. сенатора В. Богдановича // *Здабыткі. Мінск*, 2001; *Ю. Лабынцев, Л. Щавинская.* Православные в межвоенной Польше и их лидер сенатор В. В. Богданович // <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/> и др.

Белорусские беженцы Первой мировой: дорога в Россию

22 июля (4 августа) 1915 г. русские войска, неся потери, отступили из Варшавы на восток. Германские и австро-венгерские армейские соединения в последние летние дни того года начинают постепенно занимать западнобелорусские земли, затем линия фронта стабилизируется. Половина территорий с белорусским населением оказывается в зоне немецкой оккупации¹. Впрочем, самих белорусов остается в этой зоне совсем немного, около двух миллионов их перемещается в основном в глубь России, становится беженцами, высленцами. Наступает невиданный дотоле по масштабам приток в великорусские губернии невеликорусского населения, преимущественно западных белорусов и западных украинцев, главным образом православных. Происходит беспрецедентная, необычайно динамичная по своей сути, историческая встреча восточнославянских этносов, длившаяся несколько лет, с 1915 г. до начала 1920-х гг. Все это наложило существеннейший отпечаток не только на судьбы сотен тысяч и миллионов людей, но и стало своего рода горнилом невероятной до той поры массовой верификации множества этнокультурных, политических и даже конфессиональных представлений в кругу восточнославянских народов. В известном смысле это был период практического и притом всенародного ответа на вопрос о единой русской нации в Российской империи, опыт восточнославянского взаимодействия во всех сферах жизни материальной и духовной, время интенсивного анализа общерусскости и постижения национальной самости белорусскими и украинскими крестьянами, духовенством, народным учительством, чиновничеством. Каждый беженец оказался причастным к такой беспрецедентной этно-поисковой акции, зачастую вовсе не отдавая себе в этом отчет, но тем не менее становясь частичкой данного всеобщего потока, вынесшего одних, правда, немногих, на уровень понимания основных механизмов нациотворчества, большинство же – видения собственных отличий от великорусского населения, близкого, родственного, но все же «не своего», «не нашего». Подоб-

ные выводы удастся сделать в результате изучения многих сотен частных документов и различного рода исторических актов, а также свидетельств живой истории, которые нам удалось собрать за годы работы с огромным, преимущественно крестьянским, литературным наследием. Как правило это краткие, но весьма содержательные авторские рефлексии и устные, записанные вторыми лицами, воспоминания, представляющие ценнейший литературный, исторический, социологический и иной материал. Его неизученность кажется почти курьезной, ибо именно он дает тот или иной ответ на множество сложнейших вопросов, решавшихся в массовом народном сознании в трагические времена первой четверти XX столетия. Особенно это заметно на белорусском примере. Для белорусов-беженцев, начавших свой путь в Россию в августе 1915 г., он не прошел бесследно, стал одним из ключевых моментов национальной истории, к сожалению, до сих пор практически не исследованным. Обширность и разнообразие собранных источников дают возможность выделить несколько главных тем, представляющих для нас первостепенный интерес. Одна из них — видение западными белорусами России и русских до прибытия в глубинные губернии, их образ, стереотип, миф. Иными словами, то идеальное, что в самом скором времени было подвержено испытанию практикой, драмами и трагедиями миллионов жизней и отдельных человеческих судеб.

К началу беженства западнобелорусское крестьянство в определенной мере уже было интегрировано в общеперскую жизнь. Имело оно и какое-то представление собственно о России и русских (их в просторечии часто называли «маскалями»). Большое влияние на крестьян оказывали школы всех типов, православная церковь, всевозможные народные библиотеки, народные чтения и т. д. Весьма существенной во всех отношениях была роль армии, военной службы, на которую регулярно призывались и выходцы из белорусских губерний. Собственно белорусы официально считались одной из ветвей «русского народа» и имели практически равные права с великороссами, что не могло не сказаться на довольно успешных карьерах многих из них, в том

числе и выходцев из крестьянской среды. Неудивительно, что в Первой мировой войне участвовало уже немало офицеров – сыновей западнобелорусских крестьян. Постепенно эти крестьянские дети стали заполнять и низшие и даже средние ступени имперской чиновничьей лестницы как на местных уровнях, так и на столичных. Сохранились рассказы односельчан о приезде подобных лиц на родину: они продолжали ее чтить, часто помогая не только своим близким, но и местному обществу.

Сельские жители оставили и немало воспоминаний об учебе в народных школах, которые оказывали на них всестороннее влияние, не исключая даже становления их этнического самосознания². Вот как описывает такие школы конца XIX – начала XX в. в своих обширных рукописных заметках Нестор Перевой (1887–1971), один из активнейших деятелей Белорусской народной громады в Москве, куда он попал как беженец: «Учились по очереди в хатах, где были ученик или ученица. Не было тогда никакого принуждения к учебе. Учились преимущественно мальчики, а это потому, что лучше было в армии тем солдатам, которые хоть немного были грамотны... Книжки были только русские. Буквари, азбуки, иногда какой-нибудь задачник... На стене развешены карты мира и отдельная большая карта России». Крестьянский писатель-беженец М. Красовский, по прозвищу Дядька Квас (1904–1985), довольно подробно повествует о своем превращении благодаря школе из «простого» и «тутейшего» в «белоруса», являющегося представителем «русского племени».

На уроке[, – писал он, –] я узнал, что Гродненская губерния... где находится наша деревня, заселена, кроме литовцев и евреев, белорусами – русским племенем, язык которого отличается от чисто русского примесью польских слов. Белорусами они называются потому, что имеют в большинстве бело-русые волосы и все носят белые одежды, начиная от рубашки и кончая свиткой. Тогда и в нашей округе одежда у всех крестьян была белая. И тут меня осенила догадка: а мы простые люди не являемся часом этими самыми белорусами? Кто же объяснит мне это? И я решил обратиться к своему отцу. Мой отец, имея со-

всем мало земли и большую семью, все время крутился на заработках. Бывало, что и по несколько недель не ночевал дома. А как приходил домой, то спешил как можно скорее сделать запущенную работу по хозяйству. Никогда не имел времени заняться детьми, все урывками обменивался с нами парами слов. Я, тем не менее, подстерег его в свободный момент:

– Тату, а мы, люди простые, не являемся часам белорусами?

– Ясно – белорусами, – говорит отец. – И наш язык, его зовут простым, и есть белорусский. Вот я служил в солдатах аж в Могилевской губернии, то и там все говорят на этом же простом языке, как и мы.

– А почему нас, белорусов, учат на русском, а не на своем родном языке?

– А это потому, что русский царь-государь владеет нами.

– А у белорусов был когда-нибудь свой царь белорусский, из белорусов белорус?

– Вот этого, сынок, я нигде ни от кого не слышал, чтобы царь был белорусский у белорусов. Мне думается, что у белоруса не может быть царя, ибо наш белорусский народ весь крестьянский. Бедный он и темный, неученый. Цари же и короли всегда происходят из богатеев. Натурой наш брат-белорус не подходит для этой вакансии. Чрезмерно он справедливый, мягкосердечный. А царь – тем он и царь, что сердце у него твердое, как камень. Натура у него жесткая, не отзывчивая на боль и слезы людские...³

Проводником массового государственного влияния на сельских жителей была православная церковь, под контролем которой находилось и большое число народных школ, библиотек, различного рода общественных мероприятий. Церковнослужители всех рангов, выпускники различного типа имперских духовных учебных заведений, преимущественно происходящие из местных уроженцев, оказывались едва ли не самыми действенными и авторитетными пропагандистами русской культуры, распространителями знаний о России, с которой они чувствовали прочную связь. Революция 1905–1907 гг. способствовала появлению на селе многих новаций, например, библиотек-читален им. Ф. Павленкова, ставших весьма распространенными и предоставлявшими крестьянам возможность широкого выбора самой разнообразной литературы на русском языке, включая специальную периодику.

Весть о Первой мировой войне белорусское крестьянство встретило с относительной тревогой. Будучи в основном «лояльными царскими подданными», от которых даже в межвоенной Польше (1918–1939 гг.) все еще «на полном... серьезе можно было услышать... что царь – избранник и помазанник Божий»⁴, простой сельский люд верил государственной пропаганде и поначалу мало сомневался в победе русских войск. Повсюду тогда была заметна общая солидарность с военными планами государства, которое мобилизовало в армию и немало крестьян-белорусов. В отдельных белорусских местностях наблюдался настоящий патриотический подъем, когда в действующие войска старались попасть добровольцы даже из числа мальчиков-подростков⁵. Семьям мобилизованных оказывалась всяческая помощь на государственном и местном уровнях. Одновременно местное население стало участвовать в сборе различных пожертвований для нужд армии, включая не только денежные, но и всевозможные натуральные. К середине 1915 г., когда положение на фронте стало резко меняться и он начал приближаться, белорусские крестьяне привлекаются к возведению оборонительных сооружений, в основном рытью окопов, гужевому извозу. У некоторых реквизируют лошадей и различного рода повозки. На дорогах, ведущих с запада на восток, появляются первые гражданские лица, покидающие Царство Польское – русские, поляки, евреи. Необходимость эвакуации становится очевидной и власти на всех уровнях начинают готовить к ней местное население, которое, по мнению государственного руководства, не должно было оставаться на захваченной врагом территории. Формально эвакуация являлась делом добровольным, за нее активно агитировали православные священники, а также слухи о зверствах немцев. Однако все в значительной мере видоизменилось сразу же после внезапного прорыва противником Западного фронта. Возможная эвакуация, с предварительной описью утрачиваемого крестьянами недвижимого имущества, цена которого на одного хозяина достигала до десяти и более тысяч рублей, сразу же превратилась в самое настоящее беженство, к которому западнобелорусских крестьян понуждали и отсут-

пающие русские войска, применявшие к тому же тактику выжженной земли, предусматривавшую уничтожение всяческого имущества, в том числе и сельских жилых домов, на оставляемой территории. Крестьяне — очевидцы вспоминали: «Все люди... выезжали фурами, живого духа в селе не осталось. Как только люди выехали, солдаты подожгли деревню...» «Повозки были на железных колесах. На них стали ставить такие будки. Понаделали этих будок и приготовились к выезду, так как говорили, что немец очень лютует. На таких повозках с будками всем селом выезжали... Ни одна душа не осталась... Наше село горит. Подпалили свое солдаты, чтоб немцам ничего не досталось. Жгли свое русские солдаты...» «Сделали мы такую будку из полотна на возе. Взяли полный сундук. Часть гусей продали, а остальных погнали. Где остановимся, там зарежем гуся... Дорогами и войско ехало и беженцы. Я с сестрой... чаще шли за возом. Иногда ночью едем, а спать хочется; из колонны же нельзя выехать. Мы иногда уже не могли и ложились возле шоссе, чтобы поспать. Отец с братом... оглянутся, что нас нет, и брат давай нас искать». «Фронт приближался, русские отступали. Люди не знали, что делать: или бежать в Россию или прятаться в лесах и болотах пока фронт не пройдет. Ксендзы сказали своим прихожанам, что полякам нечего бояться немцев, так как они воюют с русскими, а не с поляками, и советовали не покидать своих домов и родины. Православные священники советовали всем православным бежать вглубь России, так как русским, как они говорили, грозят зверства со стороны немцев и даже смерть. И все белорусы выехали, а поляки остались на месте». «Казаки ездили по деревням и пугали людей, что немцы насилуют женщин без всякого разбора, груди обрубают им саблями, а мужчин так всех вешают и стреляют... А тут целая паника пошла по деревням». «Помню, как по деревне ездили казаки на конях и кричали: “Убирайтесь все, иначе вас германцы убьют”». Впрочем, некоторые из беженцев свидетельствовали, что никто их к беженству не принуждал. «Из польских деревень шли люди и говорили, что немцы мужчин убивают, женщин насилуют. И на другой день вся наша деревня пришла в движение: никто нас

в беженство не выгонял». «Сперва попы пугали, что немцы людям глаза выкалывают, а бабам груди отрезают. А после казаки верхом ездили и выгоняли нас, а деревню подожгли. У нас хата была хорошая, большая, новый пол в ней постелили. И всякие надворные постройки были – все казаки сожгли. Свиньи остались, а коров гнали с собой и после, возле Минска, русские солдаты купили их у нас на мясо. Везли с собой одежду и еду на фурманке прикрытой полотном. Ночевали на фурманках и ели то, что забрали из дома. Собирали хворост, раскладывали огонь и варили... Заехали мы в Рогачев и там перегрузились на поезд, а коней и возы продали...» «Отец скот и хату для армии сдал, на что дали ему справку (приехав в Россию он получил в губернии денежную компенсацию)... На дороге... было много военных и гражданских. Шли пешком. Ехали на фургонах и автомобилях... Воздух, насыщенный смрадом конского пота, перемешивался с выхлопными газами автомобилей. Затыкало нос и горло. Люди болели и смерть собирала урожай. Трупы валялись рядом с дорогой...» Как позднее отмечал один из местных священников в церковной летописи, тогда «беженцы весь свой путь усеяли безымянными могилами..., умирали старые и молодые...»⁶. Число погибших от болезней и трудностей многодневного пути исчислялось десятками тысяч.

Большинство людей не имело малейшего представления о том, куда в конечном итоге они попадут, где будут жить. Все знали твердо одно – они ехали в Россию, которая должна их приютить, а некоторые даже надеялись еще лучше устроить там свою жизнь. И хотя последних было немного, но они действительно имели для подобных надежд все основания, ибо некоторые их односельчане и родственники, выехав во второй половине XIX – начале XX в. в русские города или переселившиеся на сибирские, кавказские и иные земли, неплохо там устроились. «В конце XIX в. царские власти агитировали наших крестьян переселяться в глубь России. Гарантировали им бесплатный проезд и свободу выбора места поселения. Этой возможностью в основном пользовались целые семьи. Иногда в одиночку выезжали молодые люди. Мой отец... в шестнадцатилетнем возрас-

те, не захотев работать на земле, подался в Москву». Некоторые из таких молодых крестьян довольно быстро разбогатели и даже становились владельцами собственных предприятий, включая небольшие заводы и фабрики, как это, например, имело место в случае с Лукой и Николаем Габрилевскими, выехавшими на Урал в 1907 г.

Миграционные потоки из Белоруссии на восток и юг страны, в чем ее власти никоим образом не были заинтересованы, ибо это ослабляло присутствие «русского элемента» на землях бывшей Речи Посполитой, которые вплоть до XX столетия во многих случаях продолжали именовать «польскими», что в условиях почти полуторавекового «русского имперского господства» выглядело более чем курьезно и до сих пор бросается в глаза всякому, кто смотрит на эти факты со стороны; эти потоки постепенно набирали силу и способствовали появлению в разных отдаленных местах России целых белорусских крестьянских поселений — сел, деревень, хуторов, зачастую названных по местности, откуда прибыли поселенцы⁷. Все они сохраняли живейшую связь с родиной и, что интересно для нас, долгое время являлись для своих земляков в Белоруссии информаторами о жизни в России и о русских. Впрочем, белорусы на своей исторической родине могли почерпнуть сведения о русских и непосредственно от них самих, оказавшихся там волею судеб. Русские из числа уволенных из армии, женились на местных крестьянских девушках, оказывались в Белоруссии на заработках и т. д. Знания о России и русских вольно или невольно передавались и через посредство различных государственных учреждений и общества, с которыми сталкивались и в которых даже состояли белорусские крестьяне. Едва ли не самой всеохватывающей в данной связи была судебная система. Все типы школ, в которых преподавание в итоге стало вестись на русском языке, давали весьма обширные и разносторонние для того времени сведения о России. Достаточно сказать, что программы народных школ предусматривали для этого целый ряд предметов, в том числе историю России, географию, историю церкви и т. д. Неудивительно, что подобное обучение способствовало

становлению самосознания в белорусской среде и уже в начале XX в. тамошние крестьяне и местная крестьянская интеллигенция вполне могли писать и так:

Живем мы в соседстве с Россией рядом со Смоленской и близко Орловской губернии. Когда-то тут рекой Бесядью шла граница Беларуси и Литвы с Москвой. Земляные окопы, что раньше охраняли наш край от нападений врагов уже разваливаются... на их же месте вырастают уже чуть ли не в каждой деревне народные школы, эти современные и будущие наши окопы и крепости, где куется будущее нашей родины, ее культурная сила и мощь. Поняли великое значение школ здешние крестьяне и интеллигенты и совместными силами борются с темнотой. Так, помещик Г. дал... землю под народную школу... крестьяне же дали свою мозольную работу, и эти школы ныне настоящее украшение деревень⁸.

А вот и поэтическое наставление одного из белорусских народных учителей того времени Константина Мицкевича, будущего литературного классика Якуба Коласа, адресованное им крестьянским детям. Он вложил его в уста одного из отцов таких детей:

Ну, Ігнат, глядзі, брат,
Не дурэй, вучыся!
Годзі жыць бяз дзела –
За буквар вазьміся.
Будзь старанным, сынку,
Станеш чэлавекам,
Будзеш ты чытаць нам –
Цёмным неумекам,
Што там ў кнігах пішучь,
Што мы ў сьвеце значым,
Бо мы самі цёмны,
Сьвета мы неўвбачым.
Гаварыць там будзе
Пра навуку, кнігі
І аб цёмным лодзе.
А старанным будзеш,

Да навукі здатны,
Я прадам кароўку
І кажух астатні; -
Далей йдзі ў навуку
Толькі, брат, вучыся...
Дык глядзі, сыночэк,
Шчырэнька вазьміся!
На гульню пустую
Плюнь, махні рукою,
Каб і я і маці
Цешылісь табою⁹.

Так звал учиться белорусских крестьянских детей Якуб Колас, и тогда одной из доминант народного образования было именно распространение знаний о России, ее истории, географии, месте в мире. Русский же язык, умение говорить и писать на нем (понимать русскую речь дети начинали довольно быстро) давал возможность войти в круг многих совершенно недоступных ранее крестьянам ценностей, стать, по утверждению Якуба Коласа, «чэлавекам» и даже ответить на вопрос, «што мы ў сьведзе значым», который, конечно же, можно понимать очень широко, в том числе и в плане собственно национальных поисков. Во второй половине XIX в. русский язык постепенно становится на долгие годы письменным языком белорусских крестьян, причем не только православных, но и многих католиков. На нем идет и оживленная переписка белорусских переселенцев на окраины России и в Америку со своими сородичами, фрагменты которой сохранились до сих пор в некоторых семьях. То же было и в случае со служившими в царской армии, где, кстати, грамотным было много легче, ибо они не только имели различного рода льготы, но и могли войти в среду наиболее привилегированных военных срочной службы и даже успешно продолжать дальнейшую учебу.

Народные учителя часто обучали не только детей, но и взрослых вне школы. Часто такой учитель был и самым авторитетным советчиком, ну и, конечно же, информатором и толкователем важнейших событий в России. В отличие от сельского батюшки он часто довольно смело судил о многих

злободневных проблемах и явлениях в жизни империи. Некоторые учителя регулярно проводили особые занятия с крестьянами, в том числе и касающиеся знаний о России, о чем сохранилось немало сведений с мест. Вот одно из таких признаний: «В нашем местечке есть двухклассное училище, в нем два учителя... Таких ответственных и старательных людей в деле просвещения мы еще не имели, да, наверное, и не будем иметь. Каждую субботу и воскресенье собирают они малых и старых и читают им весьма интересные книжки, показывая при этом туманные образы (картины)», т. е. изображения через проекционный аппарат. Через таких учителей осуществлялись и бесплатные раздачи различного рода изданий всевозможных организаций государственного и окологосударственного толка в белорусские крестьянские семьи. Преимущественно это были книги для народного чтения. Народные учителя нередко становились и инициаторами создания сельских театров, где ставились русские пьесы. До сих пор сохранилось множество свидетельств об особой любви белорусских крестьян той поры к русской литературе. Многие из них помнили ее образы всю жизнь и цитировали на память произведения известных русских поэтов-классиков, в том числе и те, где говорилось о России и русских. Отдельные воспоминания тогдашних учеников народных школ в значительной мере наполнены подобными цитатами. Достаток позволял отдельным белорусским крестьянам выписывать различные газеты, освещавшие самый широкий круг вопросов. Огромный материал о России публиковали не только русскоязычные газеты, но и польскоязычные, которые читали преимущественно белорусы-католики, а также единственная белорусскоязычная – «Наша Ніва».

Многочисленные рукописные материалы, и прежде всего церковные летописи, дают возможность достаточно детально представить эволюцию знаний о России и русских в белорусской крестьянской среде¹⁰. Примерно за полстолетия там был пройден колоссальный путь подобного познания, к началу Первой мировой войны выросло поколение крестьян, прочно вошедших в общероссийскую жизнь, многие представители которого, окончив различные народные

школы, довольно регулярно читали русскую прессу, знали русскую классическую литературу. Важным фактором в подобном процессе были выборы в Государственную Думу, превращавшиеся в острые политические кампании. Со времен отмены крепостного права, пожалуй, не было тогда в крестьянской жизни более существенных общественных событий, непосредственно связанных с государственной властью. В то же время многие крестьяне-белорусы ясно отдавали себе отчет, что эти выборы являются выборами в общероссийскую власть, в которой должно быть и их представительство. Правда, такие выборы оказывались не слишком похожими на хорошо знакомые местные мирские, где господствовал в течение столетий коллективный, общинный голос — он был по сути и толкователем происходящих событий, и совещательным органом, и судом последней инстанции. Именно этот «мирской» опыт и станет в дальнейшем для белорусов весьма важной основой для организации разного рода мероприятий, включая различные съезды, как на родной земле, так и в беженстве на территории России.

Примечания

¹ Подробнее см.: Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Ч. 1; Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1; Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.

² Подробнее см.: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Современное белорусское и украинское наследие давней церковно-приходской школы // Традиции и современность. № 2 (2). 2003. С. 107–127.

³ Дзядзька Квас. Роздумы на калёсах. Беласток, 1995. С. 44–45.

⁴ Сакоўскі В. Гісторыя маёй мясцовасці. Беласток–Гайнаўка, 1999. С. 65.

⁵ См.: Sosna G., Fionik D. Parafia Ryboły. Bielsk Podlaski–Ryboły–Białystok, 1999. S. 48.

⁶ С конца 1950-х гг. большое число корреспондентских записей, воспоминаний белорусских беженцев публиковалось в издающейся в Белостоке газете «Ніва». К сожалению, эти записи были переведены на современный белорусский литературный язык и лишь в последнее время отдельные подобные воспоминания благодаря молодому культурологу из г. Бельска-Подляшского (Польша) Д. Фионику начинают печататься в основанном им журнале «Бельскі гостінец» (выходит с января 1998 г.) на местном белорусском диалекте. Сейчас тему беженства начинают активно разрабатывать известные польские историки бело-

русского происхождения И. Матус и Е. Миронович. См., например: *Matus I. Bieżeństwo 1915 roku w relacjach mieszkańców wsi Dawidowicze w powiecie Bielskim* // Загароддзе–3. Мінск, 2001. С. 121–127.

⁷ Подробнее о переселенцах из Белоруссии см.: *Верещагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск, 1978; *Панютин В. П.* Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. Минск, 1990.

⁸ Наша Ніва. 1910. № 1.

⁹ Цит по: Наша Ніва. 1910. № 4.

¹⁰ В некоторых белорусских церковных летописях, составлявшихся, кстати, на русском языке, есть довольно подробные сведения о народном образовании в местном православном приходе. Примером может служить объемная двухтомная летопись западнобелорусского «Рыболовского прихода», в которой о народных школах до начала беженства говорится следующее:

«Народное образование в приходе.

...в конце 19 и начале 20 века... в приходе было несколько Церковно-приходских школ, а еще раньше так называемых школ грамоты, зависевших исключительно от епархиальной власти а в частности от местного настоятеля. А в еще более отдаленные времена и самое преподавание всех предметов в некоторых школах прихода велось исключительно священником или даже дячком и причтом в причтовом доме. Поэтому, если не теперь, то раньше, народное образование в приходе имело довольно тесную связь с церковно-приходской жизнью.

Вот почему этот вопрос и не может быть обойден молчанием на страницах этого труда.

Как уже замечено выше Церковные школы и их предшественницы «школы грамоты» к концу 19-го века были во всех деревнях прихода.

Как увидим из истории возникновения и постепенного развития этих школ первоначально забота о народном образовании была проявлена исключительно со стороны Церкви.

Особых средств на дело народного образования ни правительством, ни епархиальной властью не отпускалось. Стараниями местного священника обществом данного населенного пункта составлялся приговор об открытии школы грамоты. Наем учителя производился на средства местного населения (плата от ученика). Стол для учителя давался по очереди родителями ученика. Особых зданий для школьных занятий сначала не было. Нанималась для сего хозяйская хатенка на всю зиму (иногда даже на средства священника) или вся школа кочевала в течение всей зимы из хаты в хату по очереди.

Правда учителями этих школ грамоты были люди мало образованные – большей частью окончившие где либо 3 отделения народной школы. Но эти первоначальные работники на ниве народного просвещения проявляли большую жертвенность, ведя занятия часто за мизерное вознаграждение, мирясь с тяжелыми условиями учительского труда и стараясь сообщить своим ученикам все те знания, какими обладали сами.

Преподавание в школах грамоты, а в последствии в церковно-приходских школах велось под неусыпным наблюдением настоятеля прихода, а учебниками эти школы снабжались из Епархиального Училищного Совета, через его уездные отделения. Письменные же принадлежности, как увидим из дальнейшего, должны были приобретаться, как правило, самими учениками, но нередко приобретались на средства церкви и даже на личные средства священника.

Для удобства рассмотрения вопроса о народном образовании в приходе будем говорить о каждой школе в отдельности, начиная от ее основания и до наших дней.

1. Школа в Рыболах

Так как село Рыболы с незапамятных времен является центром религиозно-приходской жизни, то естественно, что оно же является и колыбелью зачатков народного образования в приходе.

Уже в Генеральной Визите от 26 сентября 1784 г. Визитатор Tomasz Woszczeńowicz говорит: “Szkołka parochialna przez dziaka czasami utrzymuje się”.

Возможно, что этот “Dziak” и сам знал не очень много. Возможно также, что свои занятия он вел с чисто практическим подходом, готовя из своих учеников помощников себе в чтении и пении на клиресе. Даже самое выражение визитатора «czasami utrzymuje się» свидетельствует о том, что занятия в этой школе были не регулярны, ибо Dziak имел прямые обязанности по приходу а, может быть, и занятия по приходской канцелярии. Однако уже самое существование школки, ведомой членом клира, указывает на заботу клира о народном образовании в доступном масштабе.

Впрочем, существование такой szkołki зависело, по видимому, от личного отношения к делу народного образования со стороны настоятеля прихода, а потому не могло быть прочным.

В Генеральной Визите от 20.IX.1818 г. о школе говорится уже совсем другое: “Przy cerkwi Rybołowskiej Szkołki parafialnej niema, ani fundusz żaden na utrzymanie Nauczyciela nie znajduje się”.

В дальнейшем в течение 30 лет в документах церковного архива никаких упоминаний о Рыболовской школе нет. И только из Клировой Ведомости за 1848 г. мы узнаем, что школа в Рыболах существует.

В упомянутой Клировой ведомости не сказано с какого времени существует эта школа, но из рапорта Настоятеля Рыболовской Церкви о. Григорія Кудрицкаго, который ниже будет помещен, узнаем, что школа в Рыболох существует с 23 мая 1845 г. В клировой же ведомости приводятся лишь сведения об учителе школы, который именуется “наставником”.

“Наставник Рыболовскаго Приходскаго училища Александр Иосафов Скальскій священнический сын”. Проходил курс учения в Виленской Епархіальной семинарии и из высшаго отделения оной уволен с назначеніем наставником в Рыболовскую школу указом консисторіи от 3/І.1846 г. “Чтеніе, пеніе и катехизис хорошо знает”.

Учителя подолгу в школе не засиживались и Клировыя ведомости за 1849 г. говорят: “Наставник Роман Шпаковский, священнический сын. Обучался в Литовской Духовной Семинаріи из низшаго отделения уволен с назначеніем учителем в Рыболы”.

В 1852 г. “Наставник Рыболовскаго Училища Николай Викторов Ральцевич. Окончил курс средняго отделения Литовской Духовной Семинаріи 15/VII.1847 г. Холост. 23 лет. В Рыболы назначен с 1852 г.”.

В 1855 г. “Наставник Рыболовскаго Приходскаго Училища Филипп Васильевич Добротворскій, священнический сын Смоленской губ. 35 лет. Обучался в Смоленской Духовной Семинаріи и в 1843 г. уволен из семинаріи.

В 1855 г. назначен Литовским Епархиальным начальством в Рыболы”.

С 1-го декабря 1859 г. настоятелем в Рыболы был назначен о. Григорій Кудрицкій. Одновременно о. Григорій был “назначен Епархиальным начальством и Наставником Рыболовскаго Приходскаго Училища”.

Как долго о. Кудрицкій был наставником в Рыболовском Приходском Училище не известно, но в послужном списке о. Кудрицкаго за 1863 г. упоминается о том, что он еще состоит наставником школы. Конечно, о. Кудрицкій, имея не мало занятий по приходу и хозяйству, не мог вести регулярных школьных занятий и таковое положеніе считал ненормальным. При делах церкви сохранился рапорт о. Кудрицкаго о матеріальном обеспеченіи духовенства от 16 апреля 1863 г. Повидимому, такой рапорт требовался от всех или от многих священников.

Из рапорта этого видно, что в Рыболох существует Казенное Училище, открытое 23 мая 1845 г. Помещается оно в наемном доме и содержится из сумм, отпускаемых Палатою Государственных Имуществ. Наставником в Училище по Указу Консисторіи местный священник и получает жалованія от Казны 85 рубл. в год.

Дальше о. Кудрицкій пишет: “Священник, при занятіях по приходу, при всем усердіи своем, не может постоянно и аккуратно заняться

обучением мальчиков; лучше было бы назначать в каждое приходское училище особого наставника, оставив за священником преподавание Закона Божия, Священной Истории и главный надзор по училищу, особенно в Западном Крае”.

Рапорт заканчивается замечанием автора, что “в Училище обучаются мальчики большею частью из села Рыболы (повидимому еще не принято было посылать в школу девочек) – из прочих деревень по отдаленности мало бывает. Книгами училище снабжено достаточно”.

Кстати, несколько слов о снабжении школ книгами: Полицейский Пристав 2-го стана Бельскаго уезда отношением от 18 августа 1863 г. просил настоятеля Рыболовской церкви о. Григория Кудрицкаго явиться к г. Исправнику г. Бельска “для принятия книг и прочих учебных припасов, присланных на Церковныя школы”.

Возможно, что Епархиальное начальство согласилось с мнением о. Кудрицкаго (такое мнение могли представить в своих рапортах и другие священники) и освободило его от обязанностей наставника в Рыболовской школе. Во всяком случае в послужном списке о. Кудрицкаго за 1864 г. и до конца его пребывания в Рыболах не упоминается должность наставника школы.

Вообще в течение 10 последующих лет нет упоминаний ни о Рыболовской школ, ни об учителе. Однако в этот период в жизни школы произошло довольно важное событие, а именно: школа, ютившаяся досель в наемном доме, перешла в собственное здание, выстроенное, вероятно, на том же месте, где находится школа и теперь. Это случилось, повидимому в 1864 г. – ибо в Клер. Ведомости за 1889 г. читаем: “при сей церкви имеется в собственном доме штатное народное училище, открытое в 1864 г. Учащихся в оном 53 мальчика и 13 девочек”.

Мы знаем из предыдущаго, что школа в Рыболах открыта 23 мая 1843 г., а потому выражение в Клировой ведомости за 1889 г. “открыта в 1864 г.” нужно понимать так, что с этого года школа получила собственное здание и перешла в ведение Гродненской Дирекции Народных Училищ, т. е. в ведение Министерства Народнаго Образования.

Об учителе Рыболовской школы есть упоминание вскользь под 1874 г. на расписке подрядчика, строившаго рыболовскую приходскую церковь, в получении им денег от настоятеля расписался, как свидетель, учитель Рыболовскаго Сельскаго Училища Адам Богданович.

Настоятель Рыболовской Церкви о. Гловацкий “Указом Литовской Духовной Консистории от 19 сентября 1875 г. назначен законоучителем Рыболовскаго Народнаго Училища”.

Во второй половине 80-х годов учителем в Рыболовской школе был Петр Константинович Соколов, что видим из отношения Гродненской Дирекции Народных Училищ на имя настоятеля Рыболовской

церкви (Учитель просит разрешения Дирекции на вступление в брак с девицей Юлией Осиповной Барвинок).

В 1889 г. учителем в Рыболах был Николай Михайлович Ярмолевич, окончивший Свислочскую Учительскую Семинарию. Женился он, повидимому, в сем же 1889 г. на дочери о. Иоанна Гловацкаго – Меланіи.

В 1891 г. учителем в Рыболах Михаил Григорьевич Савашинский, окончивший Свислочскую Учительскую Семинарию.

В 1892 г. – учитель “Феофан Осипов Романчук, из крестьян Свислочского прихода. Окончил Свислочскую Учительскую Семинарию, жалованія получает 172 р., а законоучитель не получает”.

К февралю 1893 г. Романчук перевелся в кавказскій учебный округ. На его место учительницей в Рыболы назначена с февраля 1893 г. Надежда Сильвестровна Короткова – дочь чиновника. Обучалась в Ковенской женской гимназіи. Получает жалованія 172 руб. и пользуется наделенным при училище огородом. Она же была и в 1894 г.

В 1895 г. в Рыболовской школе насчитывается уже 63 мальчика и 18 девочек. Учителем – Петр Константинович Мелешкевич. Окончил Свислочскую Учительскую Семинарию. Жалованья получает 172 руб. и пользуется школьным огородом.

Как видно – учителя в Рыболовской школе почему то часто менялись.

Уже 11 января 1896 г. Гродненская Дирекція Народных Училищ, по случаю увольнения учителя Мелешкевича просит законоучителя о. Михаловскаго “взять на себя труд вести занятія в Рыболовской школе до назначенія новаго учителя”.

О. Михаловский, занятый работой по приходу, подыскал, вероятно, для занятій в школе соответствующее лицо и донес о сем Дирекции.

Из отношенія Гродненской Дирекции на имя настоятеля Рыбол. ц. от 20 февр. 1896 г. видно, что в Рыболовской школе в теченіе одной недели занимался крестьянин с. Тростяницы Максим Филиппович Опалинский, коему и выражена благодарность.

В 1896 г. учительницей в Рыболах Анастасія Петровна Имшенник – дочь священника 21 года. Окончила Вилькомирскій частный пансіон. В школе обучается мальчиков 55, девочек 30.

В 1897 г. учителем Рыболовской школы – Даниил Кириллович Мацкевич 19 лет. Родился в дер. Ужик Брестскаго уезда. Окончил Свислочскую учительскую семинарию. В школе обучается 62 мальчика и 24 девочки.

В 1898 г. число учеников в школе почему то сильно падает: мальчиков 25 и девочек 5.

В 1899 г. число учеников опять возрастает до 45 мальч. и 25 дев.

В 1900 г. мальчиков 69, девочек 30.

Учитель Михаил Филиппов Василюк 21 г. род. в дер. Городчано Кленикского прихода. Выдержал экзамен на звание церковно-приходского учителя при Жировицком Духовном Училище. В Рыболы переведен из Плесок. Это тот Василюк, который положил основание Рыболовскому церковному хору и памятен Рыболам до сих пор. В Плесках он тоже оставил память в виде небольшого хора. Думаю, что и перевод его в Рыболы состоялся не без ходатайства о. Михаловского, которому хотелось и в Рыболах иметь правильно организованный церковный хор.

Число учеников в последующие годы колеблется около цифры 100.

В 1905 г. учитель в Рыболах Александр Львович Вербицкий 21 г. из Райска. Окончил Свислочскую учительскую семинарию. Жалования получает 262 р. Учеников – 62 мальчика, 28 девочек.

В 1905/6 уч. году и Законоучитель Рыболовской школы начинает получать от Министерства Народного Просвещения по 40 рублей в год.

В 1907 г. число учеников опять падает до 45 мальчиков и 17 девочек.

В 1908 г. учитель крестьянин села Лаши Гродненского уезда. Окончил Киевскую Церковно Учительскую школу. В Рыболы назначен с 1-го октября 1908 г. Жалования получает 260 руб. Законоучитель о. Андрей Шпаковский с 1-го октября 1908 г. Жалования 40 рублей в год.

С 1910 г. в Клировых Ведомостях начинается общий счет учеников всех школ прихода. Обучается мальчиков 123, девочек 79.

В 1911 г. мальчиков 114, девочек 81.

Клировых Ведомостей с 1912 по 1915 г. нет, а посему и о школах прихода за этот период ничего не известно.

Со времени эвакуации в августе 1915 и до 1925 г. народное образование в приходе совершенно прерывается... Здание Рыболовской школы во время войны 1914–18 г. сгорело...

2. Школа в Павлах

До 1884 г. в приходе была только одна школа в с. Рыболах. С 1884 г. школьная сеть покрывает собой уже весь Рыболовский приход. Правда, в начале это были только так называемые “школы грамоты” (или “школы грамотности”), но спустя 10–15 лет они постепенно, одна за другой превращаются в церковно-приходские школы.

Первые сведения о школах грамотности заимствуем из протоколов сельских обществ об открытии школ под 1884 год.

Такие протоколы составлялись потом ежегодно, но в последующих протоколах бывали иногда ссылки на первый. Первый протокол являлся основным и с содержанием его познакомимся:

“Протокол 1884 года октября 10 дня. Мы, ниже подписавшиеся прихожане Рыболовской церкви, крестьяне Павловской волости, Павловского сельского общества, деревни Павлы, собравшись на сельский сход, в

присутствіи помощника Бельского Благочиннаго, местного причта, Павловского Волостного Старшины и нашего сельского Старосты, выслушав распоряженіе Литовскаго Епархіального начальства об открытіи Церковно приходских школ, постановили: под наблюдением местного нашего священника открыть в дер. Павлы на 92 двора домашнюю крестьянскую школу грамотности, и условия существованія определяем следующие: а) школа будет помещаться в доме запасного унтер офицера Демьяна Осипова Романюка с тем, что таковой будет отапливаться родителями учащихся детей. б) В школе сообразно численности дворов обязательно должно находиться от 35 до 40 учащихся мальчиков и девочек. в) Учителем по совету местного нашего священника желаем определить того же унтер офицера Демьяна Осипова Романюка, как окончившаго курс в школе Динабургской крепостной учебной команды, имеющаго достаточныя знанія по грамотности. г) Плату ему полагаем за зимніе учебные месяцы в сумме тридцати рублей и дневное пропитаніе у родителей обучающихся мальчиков и девочек по очереди. д) Каждый мальчик и девочка должны иметь свои чернила, перья, бумагу и необходимыя книги, а классная большая доска устроится на счет общества. е) В нашей школе учитель должен преподавать предметы следующие: Азбуку, чтеніе гражданской и церковной печати, чистописаніе, начальныя действія арифметики и быть в помощь священнику в отсутствіи его по преподаванію Закона Божія. ж) Ученіе должно быть начато с 16 сего октября и продолжаться до открытія весенних полевых работ. О чем и заключили составить сей протокол грамотных за собственноручными подписями, а неграмотных чрез упрощенных лиц и представляем таковой на благоусмотреніе Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшаго Александра Архіепископа Литовскаго и Виленскаго об утвержденіи учительской должности унтер офицера Демьяна Осипова Романюка» П. п. Павловскій Сельскій Староста Григорій Павлючук и подписи домохозяев.

В Клировых ведомостях впервые упоминается о школах грамотности в 1885 г. Здесь читаем: "В приходе Рыболовской Церкви имеются четыре школы грамотности: 1-я в селе Павлы, помещается в доме учителя, средств к содержанію своему особых не имеет. Книги присылаются Епархіальным Советом, приобретаются состоятельными родителями учащихся. Письменные принадлежности доставляются на церковныя средства и на средства священника. Обучает побилетный унтер офицер Даміан Осипов Романюк... Обучается в этой школе мальчиков 22 и девочек 2. Родители обучающихся платят по 1 рублю с каждого учащагося".

Как уже упоминалось, школы грамотности снабжались учебниками из Епархіального Училищнаго Совета.

Помощник Бельскаго Благочиннаго, настоятель Райской церкви отношением на имя настоятеля Рыболовской Церкви от 15 января 1886 г. сообщает, что им высланы для школ грамотности Рыболовского Прихода следующие книги: 1. Букварей 12, 2. Русскія прописи 4, 3. Грамматика 1, 4. Арифметика Пермскаго 4, 5. Начатки Христианскаго ученія 1, 6. Начальное ученіе... 10, 7. Первоначальныя уроки Христианскаго ученія 4, 8. Руководство к изученію Богослуженія, 9. Псалтирей в переплете 4, 10. Краткій молитвослов 4, 11. Сборник молитв 4, 12. Часослов в переплете 1, 13. Сокращенный нотный обиход 1, 14. Славянско-Русская передвижная азбука 8, 15. Книг для чтенія в начальных училищах 6, 16. Жизнь Св. Ев. Иоанна Богослова 3, 17. Молитвы на листах 7.

О. помощник Благочиннаго просит распределить посылаемые книги по школам прихода и занести их в каталоги при каждой школе.

В сем же 1886 г. в школы присланы еще и следующие книги: 1. Букварей 40, 2. Евангелій 2, 3. Псалтирей 9, 4. Родина 5, 5. Закон Божій 15, 6. Арифметика 1, 7. Сборник задач и примеров 1, 8. Русская исторія 1, 9. Приходская школа 5.

Приговоры об открытии школ грамотности составлялись ежегодно. Приводить полного текста этих ежегодных приговоров не будем. Измененія в приговорах касались лишь лица, ведущаго обученіе в школе, условия оплаты учительскаго труда, найма помещенія под школу.

Так, приговором от 23 октября 1885 г. в Павлах постановлено: оставить того же учителя Д. Романюка с назначеніем ему по 1 рублю от каждаго учащегося за зимніе учебные месяцы с тем, что учитель должен уже и продовольствоваться на свои средства. Помещеніе под школу то же и оплата за него та же, что и в 1884 г.

В 1886 г. учитель в павловской школе “крестьянин д. Давидовцы, окончившій курс ученія в Пухловском народном училище, Семен Оксентіев Николаюк, обучается в сей школе 33 мальчика и 7 девочек”. Плата от ученика по 75 коп. и продовольствіе.

17 октября 1887 г. Павловское общество постановило: “отвести из общественной земли плац для постройки школьнаго зданія в 20 саженой длиною и шириною, для постройки употребить упраздненный со общественный запасный магазин с добавкою новаго матеріала; через настоятеля Рыболовской церкви просить Епархіальный Училищный Совет об отпуске средств на постройку школы”.

В 1887 г. школа в Павлах в наемном доме. Обучает отставной унтер-офицер Степан Алексеук, выдержавшій экзамен на званіе унтер-офицера. В школе обучается 31 мальчик и 8 девочек. Плата от ученика «по 60 коп., по 1 гарнцу ржи и продовольствіе».

15 февраля 1888 г. бібліотеки школ грамоты прихода были пополнены вновь присланными книгами.

На сей раз прислано:

1. "Азбука "Белаго" 20 экз. 2. Прописи "Гербача" 20. 3. Кратких молитвословов 22. 4. Толковых молитвословов 4. 5. Славянских Евангелий 4. 6. Часословов 7. 7. Псалтирей 7. 8. Учебных октоихов 1. 9. Приходская школа 20. 10. Закон Божий "Смирнова" 20. 11. Руководство к изучению Закона Божия 4. 12. Училище благочестия 4. 13. Жития Святых 4. 14. Виленский календарь 4. 15. Начальное обучение 1. 16. Церковная школа 1".

В 1888 г. Павловская школа уже в собственном здании, выстроенном крестьянами села Павлы в том же году на сумму 200 руб. Учитель опять Даміан Осипов Романюк. Плата от ученика по 60 коп. и 1 гарнцу ржи. Обучается мальчиков 45, девочек 21.

В 1889 г. обучается 41 мальчик и 15 девочек. Учитель тот же. Плата от ученика 75 коп.

В 1891 г. учащихся в Павлах 41 мальчик и 6 девочек. Обучает крестьянин с. Тростяницы Андрей Лукич Максимчук, окончивший Тростяницкое Народное Училище. Получает жалованья по 50 коп. от ученика.

В 1892 г. учитель тот же. Условія те же. 49 мальч. 18 дев.

В 1893 г. учитель тот же. Плата от ученика 35 коп. 43 мальч. 21 дев.

В 1894 г. учитель Григорій Герасимов Семенюк, из крестьян села Тростяницы, не окончил курса наук в Тростяницкой Кирилло Мефоевской Церковно-приходской Учительской школе, имеет свидетельство на звание учителя школы грамоты. Жалованья получает по 35 копеек от ученика. Учеников мальчиков 42, девочек 17.

В 1895 г. учитель опять Андрей Лукич Максимчук. Учащихся 70. Плата 30 коп. от учащагося.

Учительский труд, как видим, все более и более дешевеет. Повидимому учительских сил становится все больше и между ними возникает конкуренция.

В 1896 г. учеников 85. "Учитель крестьянин д. Иваново Михаил Давидов Пучко 17 лет от роду. 1-ый год в должности. Окончил 1-ый класс в Ставской Церковно-Учительской школе. Жалованья получает по 30 коп. за все учебное время".

Все более растет у родителей сознание того, что нужно учиться и девочкам, и процент их в школе с каждым годом возрастает.

Наблюдатель Церковных школ Покрута Бельскаго уезда при отношении от 21 октября 1896 г. высылает для школ грамоты Рыболовского прихода следующие учебники: 1). Евангелий на славянском языке 5. 2). Псалтирь – 5. 3). Часослов – 5. 4). Наставление в Законе Божьем – Смирнова – 5. 5). Начальные уроки по Зак. Бож. – 10. 6). Русская подвижная азбука – 1. 7). Книга для чтения Попова – 15. 8). Задачник Тельшева – 1. 9). Пропись Гербача – 3. 10). Аспидные доски – 3. 11). Афанасий Брестский – 2".

В 1897 г. учащихся 65. Учитель из Тростянца Василий Адамов Степанюк 22 лет, 2-ой год в должности. Окончил 1-ый класс Тростяницкой Церковно-Учительской школы. Плата от ученика 30 коп. за зиму.

Общественное здание, выстроенное для школы в Павлах в 1888 г. повидимому мало отвечало своему назначению. В 1897 г. Павлами был возбужден вопрос о постройке новой школы и об отпуске средств на ее постройку Гродненского Губернаторского Отделения Литовского Епархиального Училищного Совета. На ходатайство об этом Бельское Уездное Отделение отвечает, что может быть отпущена только треть просимой суммы. При сем возвращается план предполагаемой школы, как непригодный...

В 1898 г. учащихся 87 человек. Учитель и условия прошлого дня.

В 1899 г. учащихся 40 мальчиков и 35 девочек. Учитель – крестьянин дер. Павлы Фома Яковлев Шпилевский 20 лет, 4-ый год в должности. Окончил курс учения в Павловской школе грамоты. Плата 40 копеек от ученика без продовольствия от родителей.

При отношении от 2 дек. 1899 г. Бельское Уездное Отделение Литовского Епархиального Училищного Совета пересылает следующие книги для школ грамоты в Павлах, Войшках и Канюках:

1) Русский Букварь 54. 2) Книг Одинцева 1-ый год 35, год 2-ой – 8 кн. 3) Церк. Слав. азбука 25. 4) Начальные уроки Закона Божия 25. 5) Прописи 5. 6) Учебное руководство по Зак. Божию. 7) Правписание Некрасова вып. 1 и 2 по 2 книги. 8) Краткий молитвенник 15. 9) Евангелия 8. 10) Псалтирь 10. 11) Часослов 10. 12) Задачник Тенишева 3.

В 1900 г. в Павловской школе учащихся 38 мальчиков и 35 девочек. “Учителем в ней состоит крестьянин Городненской волости деревни Дрожина Кирилл Филиппов Глушук 20 лет. Окончил курс учения в Дрогичинской второклассной церковно-приходской школе. В должности 1-ый год. Плата от ученика 20 коп. за зиму без продовольствия”.

С 1 го апреля 1901 г. школа грамоты в дер. Павлах переименована в церковно-приходскую школу, о чем Бельское Уездное Отделение Гродненского Епархиального Училищного Совета отношением от 11/VI.901 г. извещает настоятеля Рыболовской церкви. Исправляющим должность учителя в ней состоит с 15 сент. крестьянин дер. Плески Прокофий Степанов Федорук, лет 21. Окончил курс учения в плесковской школе грамоты со свидетельством на льготу 4-го разряда. Жалованья получает 100 руб. в год. На службе 2-ой год. Учащихся в школе 33 мальчика и 37 девочек. Законоучитель диакон Скорковский. Жалованья 15 р. в год.

Епархиальный Училищный Совет продолжает снабжать Церковные школы книгами.

При сопроводительном отношеніи от 25 окт. 1901 г. Бельское Уездное Отделение препровождает для школ Рыболовскаго прихода следующие книги:

1) Русскій букварь – 22 экз. 2) Русско-славянскій букварь 11 кн. 3) Цер.славянск. азбука – 2. 4) Книга для чтенія Одинцева год 1-й 27. 5) Его же – год 2 –й 14. 6) Обученіе Церк.-Слав. грам. Ильменскаго для учеников 2. 8) Учебное руководство по Зак. Бож. П. Смирнова 3. 7) Начальные уроки по Закону Божию 3. 8) Наставленіе в Законе Божиѣм Агафодора 14. 9) Евангеліе на церк. слав. языке 8. 10) Часослов 10. 11) Учебная Псалтирь 8. 12) Учебный Октоих. 13) Богогласник 6. 14) Правописаніе Некрасова вып. I и II 2. 15) Русскія прописи Гербача. 16) Задачник Гольденберга вып. I и II - 2. 17) Азбука хорового пения. 18) Краткое руководство Церковнаго пения. 19) Правила и программы церковныхъ школ. 20) Портрет Царя и Царицы 2 п. 21) Царское пребываніе в Москвѣ 3. 22) О способахъ преподаванія Закона Божія по начаткамъ Христианскаго ученія.

В 1902 г. учеников в Павловской школе 50 мальчиков, 29 девочек. В остальном как в 1901 г.

В 1903 г. учащихся 40 мальчиков и 30 девочек. Учитель тот же. Жалованья получает 240 руб. в год. Законоучитель діакон Скорковский. Жалованья получает 35 р.

В 1904 г. учащихся 42 мальчика и 30 девочек. Остальное, как в 1903 г.

В 1905 г. учащихся 35 мальчиков и 35 девочек. Учитель тот же. Жалованья получает 180 руб. (не смог, повидимому, повысить своей квалификации). Законоучитель как в 1904 г.

Годы 1906-1908. Учитель тот же. Число учащихся колеблется от 60 до 70 человек.

В 1909 г. в Павлах построено новое школьное зданіе средствами Епархіальнаго Училищнаго Совета.

С 1910 г. о церковныхъ школах в Клировыхъ ведомостяхъ подробно не говорится, но упоминается лишь о том, что на содержаніи школы в Павлах отпускается из Бельскаго Уезднаго Отделенія 280 р. (сюда повидимому включается жалованіе учителю, законоучителю и на хозяйственные расходы).

Выстроенное в 1909 г. в Павлах школьное зданіе сгорело во время войны 1914–18 г. ...

3. Школа в Войшках

5 октября 1884 г. общество дер. Войшки на общем собраніи в присутствіи о. Помощника Бельскаго Благочиннаго, местного причта, Павловскаго Волостнаго старшины и войшковскаго сельскаго старос-

ты Дмитрія Андреюка постановили открыть школу грамоты. Протокол этого постановления почти копіей аналогічного протокола в Павлах, текст которого выше уже приведен, а поэтому повторять его не будем. Приведем лишь часть протокола не похожую на Павловскій, а именно: условия существования школы и оплата учительского труда. Условия эти следующие: “а) Школа будет помещаться по очереди, по седмицам, в домах тех крестьян, дети которых будут посещать школу. б) Учителю полагаем вознаграждения за зимние учебные месяцы по 1 рублю со всякаго учащагося мальчика и девочки, которых должно собратся до 35. в) Продовольствовать учителя будут родители обучающихся мальчиков по очереди и по седмицам. г) Всякий обучающийся мальчик обязан иметь свои чернила, бумагу, перья и нужные книги, а классную большую доску общество обязывается устроить само. д) Учителем в этой школе по совету нашего священника желаем определить крестьянина деревни Павлы, Никанора Алексеева Мороза, обучавшагося в Рыболовском народном училище. е) Учитель обязан начать учение с 8-го октября и продолжать таковое до 1-го апреля. ж) В нашей школе учитель обязывается преподавать следующие предметы: азбуку, чтение гражданское и церковное, письмо и начальные действия арифметики и быть в помощь местному священнику в преподавании Закона Божия в отсутствии священника”.

27 октября 1885 г. вновь открыта школа на прошлогодних условиях. Учителем приглашен Артемій Константинов Бартошевич, окончивший курс Бельскаго Уезднаго Училища. Плата по 1 руб. за зиму и довольствие от родителей учащихся.

В 1886 г. школа грамотности подвижная по три дня в доме учащагося. Учитель Никанор Александрович Мороз, уже бывший здесь в 1884 г. Плата 75 коп. за зиму и продовольствие. Обучается 20 мальчиков и 3 девочки.

О снабжении школы учебниками смотри Павловскую школу.

В 1887 г. школа подвижная по 3 дня. Учитель Федор Космин Вербицкий, окончивший Юхновецкое народное училище. Обучается 21 мальчик, 2 девочки. Вознаграждение 90 коп. и продовольствие.

В 1888 г. школа подвижная по 3 дня. Учитель крестьянин д. Давыдовцы Матвей Лаврентьев Тихонюк, окончивший Пухловское народное училище. Обучается 28 мальчиков, 10 девочек. Плата за весь учебный год от родителей 24 руб. 20 коп. и продовольствие.

В 1889 г. школа подвижная. Учащихся 35 мальчиков, 9 девочек. Учитель уволенный в запас армии Георгій Романов Лесник, окончивший Бельское Уездное Училище. Получает по 65 к. от обучающагося.

Как видно из клировых ведомостей за 1891 г. в деревне Войшках на средства крестьян устроено в 1890 г. здание для школы на сумму 186 руб.

В 1891 г. учащихся 29 мальчиков, 2 девочки. Учителем Демьян Осипов Романюк, бывший уже раньше учителем Павловской школы. Получает по 50 коп. от обучающегося.

С 1892 г. школа помещается в общественном здании. Обучается 37 мальчиков, 8 девочек. Учитель – Никифор Куделько, из крестьян Любашковского прихода, Брестского уезда. Окончил Тростяницкую Учительскую Церковно-приходскую школу со свидетельством на звание учителя школы грамоты. Получает по 50 коп. от ученика.

В 1893 г. учащихся 38 мальчиков, 8 девочек. Учитель Михаил Николаюк из крестьян с. Пухлы. окончил 2 класса Тростяницкой Церковно-приходской школы со званием учителя школы грамотности. Жалования – 20 руб. за зиму.

В 1894 г. учащихся 33 мальчика, 19 девочек. Учитель Емельян Семенов Остапчук из Рыбол. Окончил Рыболовское Народное училище со свидетельством на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Плата 35 коп. от ученика.

1895 г. Учащихся 31 мальчик, 15 девочек. Учитель из Зубова Лука Константинов Бартошевич, не окончил курса в Церковно-приходской Учительской школе. Плата 30 коп. от ученика.

1896 г. Учащихся 36 мальчиков, 14 девочек. Учитель - сын псаломщика Рыболовской Церкви Стефан Антонов Долбенский 18 лет от роду. 1-ый год в должности. Окончил курс в Ставской Церковно-учительской школе. Жалования получает по 30 коп. от учащегося за все учебное время.

1897 г. Учащихся 29 мальчиков, 14 девочек. Учителем крестьянин с. Рыбол Петр Семенов Остапчук 31 г. 1-ый год в должности. Окончил курс учения в Рыболовском Народном училище. Плата по 30 коп. от ученика.

1898 г. Учащихся 32 мальчика, 15 девочек. Учителем крестьянин д. Павлы Игнатий Григорьев Мартынюк 18 лет. 1-ый год в должности. Окончил Павловскую школу грамоты. Плата 30 коп. от ученика.

1899 г. Учащихся 36 мальчиков, 10 девочек. Учитель – тот же. 2-ой год в должности. Плата по 30 коп. от учащихся с продовольствием от родителей. Занятия должен вести со 2 октября по 1 апреля (Приговор от 29 авг. 1899 г.

1900 г. Учащихся 42 мальчика, 15 девочек. Учитель – крестьянин дер. Драшлин Гродисской волости Иван Стефанов Войтюк 19 лет. Окончил курс учения в Дрогичинской второклассной Церковно-приходской школе. В должности 1-ый год. Плата 30 коп. от ученика и продовольствие (Приговор от 28/IX.1900 г.)

1901 г. Бельское Уездное отделение Гродненского Епархиального Училищного Совета отношением от 11 июня 1901 г. извещает настоятеля

Рыболовской Церкви о переименовании с 1 апреля 1901 г. “школы грамоты” в деревне Войшках в “одноклассную Церковно-приходскую школу”.

Учитель начинает получать жалования 150 руб. в год и от общества 20 руб., а законоучитель диакон Скорковский 15 руб. в год.

С 1901 г. по 1908 г. школа помещается все в том же общественном здании. Число учеников в эти годы колеблется от 43 до 50. Учитель все тот же Войтюк.

В 1903 г. он выдержал экзамен на звание учителя церковно-приходской школы при Жировицком Духовном Училище и начинает получать жалования 240 руб., а законоучитель 35 руб.

В последней из сохранившихся Клировых Ведомостей за 1911 год сказано, что в Войшках продолжает существовать Церковно-приходская школа и на содержание ее отпускается Епархиальным Училишным Советом 235 руб.

С сентября 1915 г. занятия в Войшковской школе прервались...

4. Школа в дер. Канюках

В 1884 г. в дер. Канюках как и в других деревнях прихода основана школа грамоты.

5 октября 1884 г. Канюкское сельское общество в присутствии о. Помощника Благочинного, Причта, старшины и своего сельского старосты Иосифа Василюка постановило открыть «школу грамотности».

Условия следующие: а) Школа будет помещаться в доме отставного фельдфебеля Кузьмы Борисова Николаюка. б) Учителем по совету местного священника желаем определить того же Кузьму Николаюка. в) Плату ему полагаем за зимние учебные месяцы по одному рублю от каждого учащегося мальчика и девочки, а также по одному четвертному гарнцу картофеля от каждого домохозяина и на отопление школы по одной вязке дров от каждого же домохозяина. Пункты г) и д) о том, что ученики должны иметь свои учебники и письменные принадлежности и какие предметы должны преподаваться в школе. е) Учение должно быть начато с 8 октября и продолжаться до 1-го апреля.

27 октября 1885 г. Канюкское общество приговорило открыть опять школу грамотности. Условия: школа будет помещаться поочередно и поочередно у каждого учащегося. Учителем в школу договорили крестьянина дер. Павлы Никанора Александрова Мороза, который окончил курс в народном училище и вполне может занять эту обязанность. Плата по 1 руб. за зиму от каждого учащегося с продовольствием поочередно.

В 1886 г. школа передвижная по три дня в доме каждого учащегося по очереди. Плата от ученика по 75 коп. и продовольствие. Учитель

– крестьянин с. Пухлы Иван Семенов Михальчук, окончивший курс учения в Пухловском народном училище. Обучается мальчиков 16 и девочек 14. Вознаграждение 75 коп. и продовольствие.

О снабжении школы учебниками смотри Павловскую школу.

В 1887 г. школа подвижная – по три дня по очереди в доме каждого учащегося. Учитель Аверкий Николаев Наумюк, окончивший Кленикское народное училище. Обучается 13 мальчиков и 8 девочек. Вознаграждение по 67 ½ коп. от учащегося за зиму и продовольствие.

В 1888 г. школа подвижная по три дня. Учитель крестьянин с. Кленик Аверкий Кузьмов Сейнюта, окончивший курс наук в Кленикском народном училище. Обучается 13 мальчиков, 15 девочек. Вознаграждение за весь учебный год 20 руб. и продовольствие.

В 1889 г. школа подвижная – учащихся 11 мальчиков, 16 девочек. Учитель крестьянин дер. Павлы Владимир Стефанов Никитюк, окончивший Рыболовское народное училище. Плата 60 коп. от обучающегося.

В 1891 г. школа подвижная. Учитель крестьянин д. Телишки Георгий Яковлев Сивук, не окончивший курса Тростяницкой 2-х классной учительской школы. Плата 45 коп. от учащегося.

В 1892 г. школа помещается в нанятом средствами священника крестьянском доме. Учащихся 8 мальчиков, 8 девочек. Учителем Владимир Иванюк из крестьян Пухловского прихода. Окончил 1-ый класс Тростяницкой Учительской Церковно-приходской школы без свидетельства. Плата по 50 коп. от ученика.

1893 г. Школа помещается в нанятом на средства местного священника доме. Учащихся 15 мальчиков, 8 девочек. Учитель в ней Михаил Василюк из крестьян дер. Городчина. окончил Кленикское народное училище с правом на льготу 4 разряда. Жалованья 15 руб. за зиму.

1894. Школа передвижная. Учащихся 15 мальчиков, 7 девочек. Учитель Вонифатий Киприанов Семенюк из Козлик, Кленикского прихода. Окончил Кленикское народное училище со свидетельством на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Жалованья 15 руб.

1895 г. Школа в нанятом обществом здании. Учащихся 18 мальчиков, 8 девочек. Обучает крестьянин дер. Павлов Фома Яковлев Шпилевский. Обучался в Павловской школе грамоты; выдержал испытание по программе Церковно-приходских школ. Жалованья по 40 коп. от учащегося.

1896 г. Школа передвижная. Учащихся 26 мальчиков, 14 девочек. Обучает Михаил Филиппов Василюк из Городчина 17 лет от роду. 5-ый год в должности. Жалованья 45 копеек от ученика за весь учебный год.

1897 г. Школа передвижная. Учащихся 21 мальчик, 11 девочек. Учителем – крестьянин д. Городчино Антон Саввич Филиппюк 14 лет от

роду, 1-ый год в должности. Окончил Кленикское народное училище. Жалованья – 30 коп. от ученика.

1898 г. Школа в нанятом от общества доме. Учащихся 26 мальчиков, 18 девочек. Учитель – крестьянин дер. Канюки Григорій Львов Наумюк 18 лет, 1-ый год в должности. Окончил Канюкскую школу грамоты. Жалованья 30 коп. от учащегося.

1899 г. Школа передвижная. Учителем избран уволенный в запас армии рядовой дер. Канюк Андрей Даміанов Филимонюк 25 лет – 1-ый год в должности. Окончил курс учения в Канюкской школе грамоты. Занятия должны вестись со 2-го октября по 1-е апреля, по 50 коп. с мальчика и девочки школьного возраста от 8 до 14 лет, но без продовольствия (Приговор от 23 апреля 1899 г.)

1900 год. Школа грамоты – передвижная. Учащихся 14 мальчиков, 16 девочек. Учитель – Игнатий Львов Наумюк 16 лет, в должности 1-ый год. Окончил Канюкскую школу грамоты. жалованья “30 коп. от ученика и пища по очереди” (Деревенский приговор от 24 сентября 1900 г.)

1901 г. Школа грамоты – передвижная. Учащихся – мальчиков 16, девочек 12. Учитель – Яков Лукин Савчук, солдатский сын из дер. Канюк, 16 лет. Окончил Телушковскую Церковно-приходскую школу со свидетельством на льготу 4 разряда...

1902 г. Школа грамоты – передвижная. Учитель – крестьянин с. Рыбол Роман Варфоломеев Ничипорук 16 лет. Окончил Рыболовское Народное училище со свидетельством на льготу III разряда. Учащихся 24 мальчика, 9 девочек.

1903 г. Школа грамоты передвижная. Учитель Вонифатий Киприанов Семенюк, 29 лет, из крестьян дер. Козлик, Кленинской волости. Окончил Кленикское народное училище. Учащихся 22 мальчика и 6 девочек. “Содержания получает от общества 11 руб. 20 коп. и даровое продовольствие”.

1904 г. Школа грамоты передвижная. Учитель – Роман Варфоломеев Ничипорук. Учащихся 21 м., 11 дев. Содержания получает по 30 коп. от обучающегося и даровое продовольствие.

1905 г. Учащихся 21 мальчик, 13 девочек. Прочее, как в 1904 г.

1906 г. Школа грамоты передвижная. Учитель – Иван Михайлов Матвеюк 19 лет из крестьян дер. Канюк. Окончил Плесковскую одноклассную Церковно-приходскую школу со свидетельством на льготу 4-го разряда. Учащихся: 20 мальчиков, 12 девочек. Содержания по 30 коп. от обучающегося и даровое продовольствие.

1907 г. Школа грамоты в наемном крестьянском доме. Учитель – Леонтий Федоров Анхимюк – 27 лет из дер. Павлов. Окончил курс учения в Бордзиловской второклассной Церковно-приходской школе и

выдержал экзамен на звание учителя церковно-приходских школ при Холмской Духовной семинарии. Содержания получает по 50 коп. от обучающегося и даровое продовольствие.

В Клировых ведомостях за 1908 г. нет никаких сведений о Канюкской школе.

В Клировых же ведомостях за 1910 и 1911 г. сказано, что в Канюках существует народное училище, такое же, как и в Рыболах (МНП т.е. школа Министерства Народного Просвещения. а сокращенно называли "Министерская школа") с 1910 г.

Школа эта помещалась в специально для сего выстроенном здании.

В войну 1914–1918 г. здание это, как говорят, было продано немцами заблудовскому еврей.

С августа 1915 г. ... школа в Канюках не существовала...

5. Школа в Плёсках

7 октября 1884 г. Плесковским обществом в присутствии о. помощника Бельскаго Благочиннаго, местного причта, Райскаго Волостного Старшины и Плесковского сельского старосты Иеронима Петручука составлен приговор об открытии в Плёсках школы грамотности. Условия: а) Школа будет помещаться в доме Михаила Иванюка бесплатно. б) Учителем в этой школе по совету нашего священника желаем определить сына того же унтер офицера Ивана Михайлова Иванюка, обучавшагося в Райском Народном училище. в) Плату ему полагаем за зимние месяцы сего учебного года по одному рублю пятидесяти копеек (1 руб. 50 коп) со всякаго учащагося мальчика, но отопление и освещение училищнаго дома учитель принимает на себя. г) Всякий обучающийся мальчик должен иметь свои перья, чернила, бумагу и необходимые книги. д) Общество принимает на себя купить счёты для школы и устроить большую классную доску. е) В нашей школе должны преподаваться: азбука, чтение гражданской и церковной печати, письмо и 4 действия арифметики. ж) Закон Божий будет преподаваться самим священником, но в отсутствии священника учитель Иван Иванюк обязывается по указанию священника преподавать Закон Божий. з) Учение должно быть начато с 11-го сего октября и продолжаться до начала весенних полевых работ, т. е. до 1-го апреля.

1885 г. Школа грамотности подвижная, по 3 дня в доме родителей учащагося мальчика. Средства содержания школы такие же. Учитель крестьянин Павловской волости дер. Давыдовцы, окончивший Троицкое народное училище Николай Данилов Петручук. обучается 32 мальчика. Плата по 75 коп. с учащагося за зиму и продовольствие.

1886 г. Школа грамотности – подвижная. Учитель – тот же, но о нем сказано, что он окончил Пухловское народное училище. Плата по 1 руб. от учащагося и продовольствие.

1887 г. Школа грамотности подвижная. Учитель тот же. 35 мальчиков. Плата с каждого 75 коп. и продовольствие.

1888 г. Школа в нанятом доме за 6 руб. на весь учебный срок. Учит крестьянин села Кленик Яков Спиридонов Василко, окончивший курс наук в Кленинском народном училище. Обучается 40 мальчиков и 3 девочки. Плата за весь учебный год 21 руб. от родителей учащихся и продовольствие.

1889 г. Школа в нанятом помещении за 8 руб. Учащихся 33 мальчика, 8 девочек. Учитель – крестьянин дер. Давыдовцы Николай Данилов Петручук. Плата по 60 коп. от ученика.

Клировой ведомости за 1890 г. нет, но из клировой ведомости за 1891 г. видно, что в 1890 году в Плесах на средства общества устроено здание для школы на сумму 180 руб.

1891 г. Учащихся в школе 86 мальчиков, 2 девочки. Учитель – крестьянин с. Райска Иосиф Антонов Пешко, окончивший Райское народное училище. Плата по 50 коп. от ученика.

1892 г. Школа в собственном здании. Учащихся 53 мальчиков, 5 девочек. Учителем Тимофей Сиц из крестьян Новоберезовского прихода. окончил Тростяницкую Учительскую Церковно-приходскую школу со свидетельством на звание учителя Церковно-приходской школы. Плата по 50 коп. от обучающегося.

1893 г. Школа в общественном здании. Учащихся 27 мальчиков, 6 девочек. Учитель прежний. Плата 25 руб. за зиму.

1894 г. Школа в том же здании. Учащихся 42 мальчика, 4 девочки. Учитель Григорий Игнатьев Иванюк из Садов. Окончил курс наук в Тростяницкой Кирилло-Мефодиевской Церковно-приходской Учительской школе. Имеет свидетельство на звание учителя Церковно-приходской школы. Жалованья – 25 руб. за зиму.

Актом от 12 ноября 1894 г. Плесковское общество отвело кусок общественной земли, называемый “корчемный огород” для Плесковской Церковно-приходской школы. “Отведено от дороги, ведущей от деревни Плески к их кладбищенской церкви по длине улицы двадцать семь саженей и в ширину от улицы к кладбищу – одиннадцать саженей”.

Отвод состоялся в присутствии Райского Волостного Старшины Льва Вербицкого, Сельского Старосты дер. Плески Венедикта Боруты, понятых: Адама Федорука и Ивана Липского. Земля передана настоятелю Рыболовской церкви о. Иулиану Михаловскому. Копия при делах церкви.

1895 г. Школа грамотности в общественном здании. Учителем в ней Михаил Авксентьев Николаюк из Пухлов. Окончил курс наук в Тростяницкой Церковно-приходской Учительской школе. Учащихся 44 мальчика, 19 девочек. Жалованья 25 руб. за учебное время.

1896 г. Школа грамоты в общественном здании. Учащихся 43 мальчика, 27 девочек. Учитель тот же. Плата по 35 коп. за зиму от ученика.

1897 г. Школа грамотности в общественном здании. Учащихся 47 мальчиков, 80 девочек. Учителем – крестьянин дер. Городчино Михаил Филиппов Василиук 18 лет от роду, 6 лет в должности. Жалованья по 30 коп. от ученика.

1898 г. Постановлением Гродненского Губернского Отделения Литовского Епархиального Училищного Совета Плесковская школа грамоты переименовывается с 1-го октября 1898 г. в Церковно-приходскую школу с назначением учителю жалованья 95 руб. в год, кроме 25 руб., отпускаемых Плесковским сельским обществом и законоучителю 30 руб. с обязательством посещения школы не менее 3 раз в неделю.

Учитель Плесковской школы грамоты Михаил Василиук с примерным усердием и добрым успехом ведший дело в школе грамоты остается учителем и Церковно-приходской школы и предлагается ему к 1-му октября 1899 г. выдержать экзамен на звание церковно-приходского учителя.

Церковно-приходская школа в общественном доме. Учащихся 35 мальчиков, 25 девочек. Учитель – Михаил Василиук. Законоучителем в ней – настоятель Рыболовской церкви о. Іуліан Михаловскій.

1899 г. Церковно-школьные власти заботились не только о сообщении учеником церковно-приходских школ знаний, но по культурному развитию их.

26 мая 1899 г. праздновалось столетие со дня рождения А.С. Пушкина.

Бельское Уездное Отделение Литовского Епархиального Училищного Совета отношением от 13 мая 1899 г. предписывает настоятелю Рыболовской церкви совершить празднование в Плесковской Церковно-приходской школе 26 мая в день столетия рождения Пушкина. При этом указана и программа сего празднования. После совершения литургии празднование продолжается в школе. В программу должны войти следующие стихотворения Пушкина и его отрывки из прозаических его произведений: 1. Стихотворение “Великопостная молитва” (Отцы пустыnnики и жены непорочны). Рассказ Патриарха о чуде на гробе царевича Дмитрия (из трагедии “Борис Годунов”). 2. Птичка (В чужбине свято соблюдаю родной обычай старины). 3. Повесть “Капитанская дочка” (те места, где выведены главные действующие лица: капитан Миронов Иван Игнатьевич, его жена, дочь Мария Ивановна, дядька Савельич, как истинные герои, не щадившие жизни за верность долгу, правде и любви). 4. Сказку о Рыбаке и Рыбке (лучше всего прочитать в лицах: один ученик старик, две ученицы – старуха и рыбка. А если сказка будет рассказана наизусть, то иллюстрировать ее, где можно, световыми картинками).

Программа пения: 1. Гимн “Боже Царя храни”. 2. Легенда (Был у Христа младенца сад), муз. Чайковского (очень простая, доступная в

исполненіи в 3–4 спевки). 3. “Уж я золото хороню”. 4. “Заплетися плетень” и 5. “Слава на небе солнцу высокому” (Последні 3 песни смотри в школьном календаре за 1898/99 уч. год).

В 1899 г. школа в прежнем общественном здании учащихся 54 мальчика, 20 девочек. Учитель тот же – 20 лет. Получает жалованья 120 руб. в год. Законоучителем священник І. Михаловский.

11 октября 1899 г. в библиотеку Плесковской школы поступили следующие книги для чтения:

1. Житія святых – Бахметева – 3 кн.
2. Приходская библиотека. Выпуск 1 – 11 книг.
3. Разказы из Западно-Русской Истории – Архангельскаго 1 кн.
4. Сборник для народнаго чтения – Наумовича 1 кн.
5. Беседы из Русской Истории – 1
6. Западная Русь – Малышевскій – 1 кн.
7. Русская земля. Центральная область 1.
8. - " - Белорусско-Литовское Полесье 1.
9. - " - Привислянскій Край 1.
10. Робинзон Крузо – 1.
11. Святые места. Т. III. – 1.
12. Беседы пастыря – Наумовича 1.
13. Главныя событія Русской исторіи IV 1.
14. Портреты Царя и Царицы 2.

При отношеніи от 2 декабря 1899 г. Бельское Уездное Отделение Литовскаго Епархиальнаго Училищнаго Совета препроводило через настоятеля Рыболовской церкви в Плесковскую Церковно-приходскую школу следующие книги для чтения:

1. Духовныя посевы – 1.
2. Подвижники и страдальцы. Т. 2, 3. 2 экз.
3. Насажденіе веры православнои в Россіи 1 экз.
4. Светочи Христіанства – 1.
5. Старец Евстафій – 1.
6. Историческія чтенія Ветхаго Завета.
7. Поученія Путятина.
8. Праздники и будни.
9. Праздник Светлаго Христова Воскресенія.
10. Праздник Рождества Христова.
11. Исторія Православной Церкви.
12. Письма о богослуженіи.
13. Жизнь Пресвятой Богородицы.
14. Русская Летопись.
15. Лукьян Стрешнев.
16. Сельская хроника – 1.
17. Указанія пути в Царство Божіе.

18. Стихотворенія Кольцова.
19. Школа в Алуште – 1.
20. Князь Серебряный.
21. Юрій Милославскій – 1.
22. Детскіе годы Аксакова.
23. Дневник Учителя - 1.
24. Из быта крестьян – Владиславлева – 12.
25. Троицкіе листки. Вып. 10 – 1 кн.
26. О богослуженіи – Германа 1.
27. Св. Кирилл и Мефодій 1.
28. Св. Евстафій Плакида – 1.

Житія святых – брошюры:

1. Св. Игнатий Богоносец.
2. Св. Поликарп.
3. Св. Іустин Философ.
4. Св. Пофин.
5. Св. Киприан.
6. Свв. Петр и Мефодій.
7. Св. Димитрій Ростовскій.
8. Св. Митрофан.
9. Св. Тихон Задонскій.
10. Жизнь Св. Николая.
11. Св. Князь Владимир.
12. Св. Феодосій Углицкій.

Учебники:

- Русскій букварь – 15 книг.
 Оudinцова – год 1-ый – 14. Его же – год 2-ой – 8 кн.
 Церковно Славянская Азбука – 15.
 Практическое правописание – Некрасова вып. 1 и 2 – 2 экз.
 Прописей 3.
 Начальные уроки по Закону Божию – 10 кн.
 Краткій Молитвослов – 10 кн.
 Евангелій 6.
 Псалтырей 7.
 Часослов 8.
 Задачник Тальшева 1.
 Учебное пособие по Закону Божию 1.

1900 г. В мае 1900 г. общество дер. Плески составило приговор о постройке в Плесках новаго школьнаго здания и холодных построек для школы.

Церковно-приходская школа помещается в общественном здании. Учащихся 55 мальчиков, 19 девочек.

Учительское место вакантно. Бывшій здесь учитель Михаил Иванов переведен в Рыболо.

Школьная библиотечка для чтения пополнилась в сем году новыми книгами. Председатель Бельскаго Уезднаго Отделения одновременно с книгами препроводжает: “Список книг для внекласснаго чтения в Плесковскую Церковно-приходскую школу Рыболовскаго прихода на 1900/1901 учебный год:

1. Новый Завет на Славянско-Русском языке 1.
2. Троицкіе листки (вып. 21, 22, 23) 3.
3. Император Николай I 1.
4. Чему учит нас мір Божій.
5. Троицкій подарок для русских детей 1.
6. Сборник статей из Воскреснаго Чтенія для народных школ.
7. Мысли на каждый день – Епископа Феофана.
8. Книги для назидательнаго чтенія. Изд. Кіевской Духовной Академіи 1.
9. Церковно певческій сборник. Т. I. по голосам 4 кн. и партитура 1.
10. Св. Князь Александр Невскій 1.
11. Главнейшія событія из Русской Исторіи. Т. 6. Попова 1.
12. Драматическія сочиненія Полеваго 1.
13. Год православнаго христіанина – Хитрово 1.
14. Русская земля. Т. 10. Изд. Дроздова 1.
15. Беседа пастыря. Прот. Наумовича 1.
16. Главнейшія событія из Русской Исторіи. Т. 7. Попова 1”.

1901 г. Церковно-приходская школа помещается в общественном здании. Учащихся 54 мальчика, 22 девочки. Учителем и законоучителем состоит Антон Васильевич Сорока 20 лет из мещан дер. Малахович, Гродненскаго уезда. Окончил курс ученія в Тростяницкой трехклассной Церковно-учительской школе со званіем учителя. В должности состоит с 1-го сентября 1901 г. Жалованья 150 руб. в год.

1902 г. Учащихся 45 мальчиков, 26 девочек. Все остальное, как в предыдущем году.

1903 г. Церковно-приходская школа в общественном здании. Учащихся 35 мальч., 11 дев. Учитель, он же и законоучитель, тот же. Жалованья 240 руб. Законоучительские 40 руб. и от общества 25 руб.

1904 г. Церковно-приходская школа помещается в собственном здании, построенном в 1904 году средствами Гродненскаго Епархиальнаго Училищнаго Совета. Учащихся в ней 42 мальчика и 31 девочка. Учитель Иван Яковлев Иванюк из крестьян села Новой Воли, Белостокскаго уезда. Окончил курс ученія в Тростяницкой трехклассной Церковно-Учительской школе со званіем учителя. На службе седьмой год. В сей должности с 1-го сентября 1904 г. В семействе у него жена Анна Кирилловна 20 лет. Дочь их – Марія 9 мес. Жалованья учительскаго и законоучительскаго получает 280 руб. в год и от общества 25 руб. ...

1905 г. Церковно-приходская школа в собственном здании. Учащихся 45 мальчиков, 31 девочка. Учитель тот же. Жена Анна Кирилловна. Дети: Марія 1 г., Надежда – 3 мес. Жалованья учительского 300 руб. от Гродненского Епархиального Училищного Совета.

1906 г. Учащихся 46 мальчиков, 32 девочки. Прочее, как в предыдущем году.

1907 г. Учащихся 42 мальчика, 36 девочек. Остальное, как прежде.

1908 г. Церковно-приходская школа в собственном здании. Учащихся 47 мальчиков, 19 девочек. Учитель Осип Ильич Галицкий 22 лет из крестьян с. Андріанок. Окончил Дрогичинскую второклассную Церковно-приходскую школу и выдержал экзамен на звание учителя церковно-приходской школы при Жировицком Духовном училище. На службе седьмой год. Жалованья 240 руб. от Епархиального Училищного Совета.

Сведений о школе за 1909 г. нет.

С 1910 г. подробных сведений о школах в клировых ведомостях не помещается.

В последней из сохранившихся клировых ведомостей за 1911 г. кратко вспоминается о том, что в Плесках продолжает существовать церковно-приходская школа и на содержание ее отпускается Епархиальным Училищным Советом 265 руб.

Со времени эвакуации местного населения в августе 1915 года в глубь России занятия в школе прервались...

Школьное здание Плесковской Церковно-приходской школы, построенное в 1904 г., уцелело во время войны 1914/18 гг. ...

6. Школа в дер. Заячках

С 1891 г. в Клировой ведомости имеются сведения и о школе грамоты в дер. Заячках, открытой в 1890 г.

Школа подвижная. Обучается 10 мальчиков. Учителем в ней крестьянин с. Рыбол Василий Стефанов Томашук, окончивший Рыболовское народное училище (впоследствии – очень искусный плотник, обучивший этому мастерству очень многих. Умер 30 апреля 1945 г. и погребен на Рыболовском кладбище). Вознаграждение по 50 коп. от обучающегося.

В 1892 г. школа подвижная. Учащихся 9 мальчиков, 1 девочка. Учителем Всеволод Никитюк из крестьян Рыболовского прихода, окончивший Рыболовское Народное училище со свидетельством на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Плата по 50 коп. с ученика.

В 1893 г. школа грамоты подвижная. Учащихся 13 мальчиков. Учитель Василий Александрович Мороз. Жалованья 8 руб.

1894 г. Школа подвижная. Учащихся 16 мальчиков. Учитель Вячеслав Яковлев Корнилюк из Давидовцев. Окончил курс наук в Тростя-

ником народном училище. Имеет свидетельство на право льготы четвертого разряда по воинской повинности. Жалованья 10 руб.

1895 г. Школа передвижная. Учащихся 8 мальчиков, 3 девочки. Обучает в ней крестьянин дер. Павлов Григорий Яковлев Шпилевский. Обучался в Павловской школе грамоты, выдержал экзамен по программе церковно-приходских школ. Жалованья 8 руб. за все учебное время.

1896 г. Школа передвижная. Учащихся 15 мальчиков, 2 девочки. Обучает крестьянин дер. Павлов Фома Яковлев Шпилевский 17 лет от роду. 2-ой год в должности. (Перешел сюда из Канюк). Жалованья 50 коп. с ученика.

1897 г. Школа подвижная. 12 мальчиков, 5 девочек. Учитель тот же, 18 лет от роду. 3-й год в должности. Жалованья 50 коп. от учащегося.

В Кливровых ведомостях за 1898 и 1899 г. сведений о школе не помещено.

1900 г. Школа грамоты передвижная. Учащихся 8 мальчиков, 3 девочки. Учитель – Борис Иванович Соловьянок из Давидовцев, 17 лет. Окончил Соцовскую Церковно-приходскую школу. Плата 50 коп. от ученика с продовольствием.

1901 г. Школа грамоты – передвижная. Учащихся 4 мальчика, 5 девочек. Учитель Стефан Семенов Петручук 16 лет из крестьян дер. Павлов. Окончил Павловскую школу грамоты.

1902 г. Школа грамоты передвижная. Учащихся 8 мальчиков, 2 девочки. Учитель тот же».

Польские воззрения на концепции Евразии

При решении каждой проблемы можно получить разные результаты: все зависит от типа и характера поставленного вопроса. Следовательно, существуют такие вопросы, которые служат определению не столько проблемы, сколько выявлению противника и методов его ликвидации. К основным вопросам такого рода относятся: «Кто виноват?» и «Что делать?» При ином подходе речь идет прежде всего о понятии и понимании сути проблемы. Чем более разносторонне и глубоко будет осознаваться данная проблема, тем больше появится возможностей – уже не для исследователей, а практиков – обретения действенных и недорогостоящих методов разрешения самой этой проблемы.

Слово «евразийство» – производное от «Евразия». Чем является Евразия для поляков? Можно выделить четыре основных значения этого слова.

Первое из них является идеологическим понятием и обозначает специфическую культурную общность восточнославянских и туранско-угро-финских народов, которые, согласно Льву Гумилеву, создали суперэтнос. Естественным пространством обитания этой общности является территория от Тихого океана до естественных восточных границ романо-германского суперэтноса. Помимо Гумилева такое понимание Евразии связано с именами Петра Савицкого или же Александра Дугина. Евразия понимается ими как цель реализации, а не существующее положение вещей.

Второе понимание является результатом поиска соответствующего определения территории бывшего СССР. Здесь речь идет скорее о таком определении постсоветского пространства, которое бы не пользовалось историческими терминами с прибавлением к ним «бывшее» или «пост-». Сложилась новая ситуация, а поэтому возникла необходимость появления нового слова. Евразия здесь понимается как описательная категория: что-то существует и это «что-то» необходимо как-то назвать.

Третье понимание имеет преимущественно геополитический смысл. Существуют определенные геополитические образования надгосударственного характера, которые к то-

му же обладают общими геополитическими, а в определенном смысле также и культурными чертами. К таким образованиям, кроме Китая, относятся США (а точнее – Северная Америка), Европа, отождествляемая с Европейским союзом, а также пространство, центром которого является Москва.

Четвертое понимание имеет традиционный характер. Евразия – это пространство Европы и Азии. Такое понимание характерно для географических наук, а также естествоиспытателей, занимающихся миграциями видов флоры и фауны, для экономистов, рассматривающих развитие торговли и межконтинентальной инфраструктуры и т. д.

А пророс первого понимания. Поляки занимались евразийской доктриной с момента ее возникновения. Уже в 1922 г. – спустя несколько месяцев после появления первого евразийского манифеста «Исход к Востоку» – Мариан Здзеховский публикует первый анализ этого интеллектуального движения. Католический философ, знаток православия и приятель многих русских (например, Сергея Трубецкого), он пытается ответить на вопрос: почему это движение имеет ярко выраженную антизападную направленность. Однако важнейшей для него является другая проблема: могут ли евразийцы быть союзниками или хотя бы нейтральными соседями Польши. Евразийство, согласно Здзеховскому, возникло в среде белой России. Оно не было ни империалистическим, ни процарским. Его характеризует направленность вовнутрь России, к ее консолидации¹. Тем самым Здзеховский подводил к мысли, что с евразийством можно сосуществовать.

Иного мнения придерживался санационный публицист Мариан Уздовский, который в 1928 г. доказывал, что «в отношении к Польше евразийское движение сразу же заняло враждебную позицию, явно подчеркивая свое стремление к включению в состав России украинско-белорусских окраин Польши и восточной части Малой Польши»². С таким выводом полемизировал варшавский публицист, а одновременно русский эмигрант и деятель Евразийской организации Сергей Войцеховский. Он писал, что граница между Польшей и Россией одновременно является линией раздела

между двумя культурами – евразийской и романо-германской, а тем самым она не должна быть нарушена ни в ту, ни в другую сторону³.

Возрождение евразийства после распада СССР способствовало появлению в Польше многочисленных исследований на эту тему. Помимо пяти книг было опубликовано несколько десятков статей⁴. Главной проблемой их авторов является уже не вопрос границ между Польшей и будущей мифической Евразией, а сама сущность евразийства. На вопрос – чем было межвоенное и чем является современное евразийство – звучат разные ответы. Один из них звучит следующим образом: «Межвоенное евразийство находилось между авторитарными, узкогрупповыми, традиционно-консервативными и тоталитарными типами мышления, все более и более эволюционируя в сторону этого последнего, однако никогда во всей своей полноте не доходя до него»⁵.

А ргорос второго понимания. Второе понимание слова «Евразия» в Польше имеет преимущественно характер технический и научный. Наиболее ярко это проявляется в аналитическом ежемесячнике, посвященном проблемам государственности бывшего советского блока. Ежемесячник называется «Евразия», а его главным редактором является руководитель российского отдела Центра Восточных исследований Анджей Новосад. Внимательное рассмотрение публикаций этого издания приводит к выводу, что здесь в основном преобладают статьи, выполненные на высоком научном уровне и отличающиеся чувством дистанции по отношению к рассматриваемым вопросам, что позволяет в высшей мере объективно представить сущность затрагиваемых проблем.

А ргорос третьего понимания. Геополитическая трактовка термина «Евразия» чаще всего появляется в работах Збигнева Бжезиньского и авторов, разделяющих его концепцию. Однако использование термина в таком объеме выступает только в контексте анализа российского империализма. В рамках геополитической мировой системы можно выделить империальные центры и полностью подчиненные их влияниям территории. В случае Москвы территориальная экспансия достигла своего апогея в 70-х годах XX в.

В Польше понимание России как образования, геополитически отличающегося от Европы и отождествляемого с Азией либо Евразией, довольно часто выступало уже в XIX в. Согласно выводам известного культуролога и филолога Александра Брюкнера, Азией для поляков некогда являлось все, что находилось на восток от Речи Посполитой. Сверхшая разделы Польши, Россия к концу XVIII в. вошла в пространство Европы, т. е. туда, где не должна была находиться. С точки зрения религии, культуры, этнического состава это было чужое для России пространство. До самого конца царизма поляки на исторически польских территориях, захваченных Россией, даже не поддерживали близких отношений с русскими чиновниками, а смешанные браки были явлением редким.

Такой тип понимания определения «Евразия» до сих пор выступает в обиходном восприятии, проявляясь в качестве стереотипа. «Евразия», а иногда просто «Азия» понимается преимущественно как географическое пространство, чье народонаселение отличается своими особыми, характерными именно для него обычаями. Однако, что интересно, это относится не к русским, а полякам – тем, которые живут в провинции, некогда – вследствие разделов – входившей в состав Российской империи. До сих пор заметные не только культурные различия, но и политические позиции этой части народонаселения Польши совпадают с прежними границами разделов страны и в восприятии поляков из других частей государства обретают отрицательно окрашенный образ стереотипа в виде определения «Азия» либо «Евразия». Это можно сравнить с тем, как воспринимаются москвичи петербуржцами.

Российский империализм будет жить до тех пор, пока в границах империи другие народы будут удерживаться принуждением и силой. Согласно З. Бжезиньскому Россия перестанет быть экспансионистской и имперской, если Украина сохранит свою независимость. Гарантией независимости Польши, а точнее – условием отсутствия угрозы со стороны российского империализма – является, согласно распространенной концепции главного редактора издававшегося в Па-

риже эмигрантского журнала «Культура» Е. Гедройца, независимость Литвы, Белоруссии и Украины. В такой ситуации Россия будет не в состоянии играть роль имперского центра Евразии⁶. Отсутствие необходимости применять в широком масштабе насилие означает уменьшение роли армии и так называемых силовых структур, а это будет означать появление возможности преодоления структур закрытого, или, иначе говоря, милитаризованного общества.

А ргoрoс четвертого понимания. Итак, возникает вопрос: куда отнести неимперскую Россию. Интересный ответ дал президент А. Квасьневский в своем докладе, который он прочитал во время визита в Казахстане в 1999 г. в Евразийском университете имени Льва Гумилева. Президент представил общую позицию важнейших политических сил в Польше относительно восточного вопроса. В Польше существует согласие постсолидарностных и посткоммунистических группировок в отношении основных принципов внешней политики. Итак, Квасьневский сказал, что регион, в котором находится Казахстан, может стать важным связующим звеном между Европой и Азией, между Россией и Китаем. Одновременно он отметил положительные качества многокультурной, многоэтнической и толерантной Речи Посполитой эпохи Возрождения, когда независимо от происхождения и этнической принадлежности можно было обрести признание и должную оценку заслуг перед страной⁷.

Естественно, Президент Республики Польша прямо не сказал, что Казахстан должен быть демократичным, толерантным, признающим права национальных меньшинств, и открытым для диалога разных культур, религий и цивилизаций. Однако из изложенного следовало, что Квасьневский считает тип гражданского общества единственно приемлемым также для Центральной Азии. Евразия же, о которой вспоминал Квасьневский, обретает совершенно иной, нежели у Л. Гумилева, смысл. Это одновременно и Европа, и Азия, это система государств, взаимосвязанных экономически. Следовательно, могут самопроизвольно возникать центры экономического и технологического развития. Однако это не империи и не закрытые общества. Не являются они со-

бой и проблемы геополитической, разве что в смысле, описанном Иммануилом Валленштейном. Это, в сущности, традиционно понимаемая география, нормально понимаемая торговля и связи между народами.

Итак, термин «Евразия» трактуется в Польше как многозначный, в каждом случае мы имеем перед собой разный понятийный диапазон этого слова, разный его культурный, исторический и политический контекст. Отсюда следует, что это слово может выступать и как один из интересных указателей восприятия поляками России и всего постсоветского пространства – притом как на уровне обыденного сознания, так и в сфере профессионального мышления экспертов и элиты власти.

Примечания

¹ *Zdziechowski M.* Europa, Rosja, Azja. Szkice polityczno-literackie. Wilno, 1923. S. 289.

² *Uzdowski M.* Euroazjanizm. Nowa idea w rosyjskim ruchu przeciwkomunistycznym. Warszawa, 1935. S. 35.

³ *Woyciechowski S.* Polska a Eurazja // Droga. Miesięcznik poświęcony sprawie życia polskiego. № 2. 1928. S. 153–174. Еще решительнее тезис о разделении, а одновременно добрососедском сосуществовании евразийства и поляков обосновывал поборник евразийского движения Андрей Сурков в статье «Польша как сосед Евразии» (См.: Евразийская хроника. 1937. Т. XII. С. 77–84).

⁴ Ср.: *Massaka J.* Euroazjatyzm. Z dziejów rosyjskiego misjonizmu. Kraków, 2001; *Bäcker R.* Międzywojenny euroazjatyzm. Od intelektualnej kontrakultury do totalitaryzmu. Łódź, 2000. (Здесь же и обширная библиография).

⁵ *Bäcker R.* Op. cit. S. 229.

⁶ См., например: *Piskozub A.* Witebsk, Odessa, Kijów i Czerkasy // Bez Upředzenia // <http://bezupredzen.pl/poglady/tegoborze3.html> . S. 1–4.

⁷ *Kwasniewski A.* Polska na drodze przemian // <http://www.bbn.gov.pl/pl/kronika/1999/wyk%20B3adKaz.html> . S. 1–4.

**Весна 1945 года в Польше глазами
советских дипломатов и политработников
(документы из архива ЦК ВКП(б))**

12–14 января 1945 г. войска 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов Красной Армии перешли в наступление. 17-го января были освобождены Варшава и Ченстохов, 19-го – Лодзь и Краков, 23-го – Быдгощ, 24-го – Ополе, 28-го – Катовице. Выходом на р. Одер и Балтику весной 1945 г. завершилось освобождение Польши от гитлеровских оккупантов.

Как докладывал 29 января 1945 г. командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков И. В. Сталину, в полосе наступления этого фронта «стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги, не дало им возможность угнать и истребить польское население... Лодзь, Радом, Томашув, Быдгощ и в подавляющем большинстве другие города полностью сохранены^{*}. Был спасен и историко-культурный и религиозный центр Польши – древний Краков, освобожденный войсками 1-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева.

Но такая ситуация не отмечалась повсеместно. В руинах лежала столица Польши – Варшава, уничтоженная гитлеровцами в ходе подавления восстания в городе в августе–сентябре 1944 г. «Город мертв», – писал Жуков Сталину о Варшаве в январе 1945 г.

Лежали в развалинах многие другие польские города. Например, Познань. «Город разрушен... центр города напоминает Варшаву. Нет хлеба и большие трудности со снабжением», – так 15 февраля 1945 г. информировал ЦК Польской рабочей партии (ПРП) его представитель в Познани^{**}.

Постепенно жизнь в стране возрождалась, в том числе и политическая, где произошли коренные, для многих поляков неожиданные и нежелательные перемены. Еще в июле 1944 г. советская сторона передала власть на освобожденной от гитлеровцев юго-восточной части Польши Польскому комитету национального освобождения (ПКНО). Этот

^{*} Архив Президента (АП) РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 449. Л. 10.

^{**} Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 767. Л. 84.

альтернативный правительству Польши в эмиграции орган исполнительной власти был сформирован в Москве при прямом участии Сталина. Его учредителями стали представители польской коммунистической и демократической эмиграции в СССР и члены прибывшей в Москву делегации Крайовой Рады Народовой – представительного органа власти, который был создан на рубеже 1943–1944 гг. польскими коммунистами и их весьма немногочисленными союзниками из социалистического, крестьянского и демократического движений. Комитет располагал поддержкой командования Войска Польского – польской армии, также сформированной в СССР и с осени 1943 г. принимавшей участие в боевых действиях на советско-германском фронте.

К весне 1945 г. ПКНО смог территориально расширить и укрепить свои позиции через создание органов власти на местах по мере продвижения Красной Армии и Войска Польского на запад, через формирование основных рычагов власти – госаппарата и, прежде всего, его силовых компонентов – госбезопасности, милиции, новых армейских частей, системы финансов и т. д. Влияние ПКНО укреплялось посредством «втягивания» населения в повседневную жизнь, работу (в том числе и в органах власти и управления), участие в проводимых демократических преобразованиях. Учреждалась новая политическая система: коммунистам удалось привлечь на свою сторону левоориентированных представителей довоенных демократических партий, прежде всего социалистов и людовцев.

Но к весне 1945 г. – времени, к которому относятся публикуемые советские документы, ПКНО не удалось добиться перемен в политических настроениях населения. Комитет оставался представителем лишь незначительного, но политически активного радикального меньшинства общества. Сохранность его власти во многом поддерживалась присутствием Красной Армии, войск НКВД СССР, участвовавших в подавлении антикоммунистического и антисоветского подполья в тылах Красной Армии, а также политической, включая международную, и экономической помощью советского государства.

* См. подп.: Albina Naskowa. Na drodze do stworzenia PKWN // Pamięć i Sprawiedliwość. 2005, № 2. S. 31–50.

Симпатии и доверие абсолютного большинства поляков весной 1945 г. оставались на стороне польского правительства в эмиграции и тех военно-политических структур, которые были организованы в подполье во время оккупации и действовали под его руководством. Правительство, признаваемое вплоть до августа 1945 г. всеми членами антигитлеровской коалиции, за исключением СССР, представляло собой блок различных политических сил: от пилсудчиков и эндеков – справа до социалистов и людовцев – слева.

Выдвижение на первый план таких общенациональных приоритетов, как суверенитет и территориальная целостность государства, обеспечило ему устойчивый контакт с обществом, не смирившимся с утратой в 1939 г. восточных территорий вплоть до р. Буга в пользу СССР. Доверие миллионов поляков сделало возможным создание в условиях гитлеровской оккупации «подпольного государства» с его разветвленным государственным аппаратом, системой политических партий и подпольными вооруженными формированиями.

В связи с приближением Красной Армии к границам довоенной Польши перед подпольем была поставлена военно-политическая задача – обеспечить восстановление власти эмигрантского правительства на всей довоенной территории, не допустить ущемления национальной независимости и территориальной целостности страны, участия коммунистов во власти, советизации и внешнеполитической переориентации Польши на СССР.

Такая программа находилась в прямом противоречии с геополитическими планами советского руководства – создать «пояс безопасности» вдоль границ СССР путем превращения соседних государств Европы в политически контролируемых союзников (на этот счет Москва имела фактическое согласие США и Великобритании). Применительно к Польше это означало утрату части довоенной территории и признание польским правительством границы с СССР по состоянию на 1941 г., устранение от власти непримиримо антисоветских и крайне правых политиков и допуск к ней польских коммунистов. Поскольку польское правительство в эмиграции и его военно-политические структуры в оккупированной стране отвергали эти советские условия, конфликт был неизбежен.

Для его разрешения Москва применяла как дипломатические действия, так и методы, во многом определенные политическим менталитетом и репрессивной практикой руководства ВКП(б), а также силовым синдромом, свойственным психологии военного времени. Советское командование получило директиву Кремля оказать всемерное содействие ПКНО в организации органов его власти, и одновременно проводить меры «по очищению тыла Красной Армии от всякого рода групп и формирований эмигрантского „правительства“, от вооруженных отрядов так называемой Крайовой Армии»^{*}. В соответствии с этими указаниями летом 1944–весной 1945 г. войсками НКВД СССР по охране тыла действующей армии, оперативными группами армейской контрразведки и подразделениями польских органов безопасности на освобожденной территории Польши проводились массовые аресты и интернирование участников подполья, которые не прекращали политической деятельности и не слагали оружия, повернутого против Красной Армии и новой польской власти.

В конце марта 1945 г. советской военной контрразведкой и госбезопасностью была проведена операция по задержанию 16 ключевых фигур военно-политического подполья. Среди них был и последний командующий Армией Крайовой – генерал Л. Окулицкий. В июне 1945 г. арестованные польские политики были приговорены к различным срокам тюремного заключения на территории СССР^{**}.

Но столь серьезные потери среди активной части сторонников правительства, находившегося в эмиграции, тем не менее, не приводили к уничтожению подполья. Не была разрушена и ориентация большинства поляков на это правительство. Весной 1945 г. она заметно укрепилась в связи с решениями конференции глав СССР, США и Великобритании, состоявшейся в Ялте 4–11 февраля 1945 г. Тогда лидеры «большой тройки» постановили преобразовать Времен-

^{*} Из Варшавы, Москва, Товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.–Новосибирск, 2001. С. 341.

^{**} В апреле 1990 г. Верховный суд СССР отменил приговор в отношении всех 16-ти человек, и уголовное дело на них было прекращено за отсутствием состава преступления.

ное правительство – преемника ПКНО, где, как и ранее, ключевые позиции занимали польские коммунисты. Было решено включить в его состав представителей демократической части правительства в эмиграции, а также тех деятелей из страны, которые не были связаны с коммунистическими и прокоммунистическими кругами.

В Москве вплоть до конца июня 1945 г. работала «комиссия трех» из представителей великих держав, определявшая персональный состав будущего польского правительства национального единства. Этот факт оказывал воздействие на настроения в польском обществе, повышая отрицательное отношение к новой действительности, вызывая ожидание больших перемен, способствовал активизации подполья. Усилились колебания среди союзников коммунистов – левых социалистов и левых, уже участвовавших в управлении страной. Заметно сократились ряды самой Польской рабочей партии, многократно увеличившей (с 20 тыс. в июле 1944 г. до 145 тыс. к весне 1945 г.) свой состав по мере освобождения страны.

Столь опасное для коммунистов ухудшение политической обстановки в стране, без сомнения, беспокоило руководство СССР. Поэтому вовсе не была случайной поездка советских дипломатов именно в г. Краков, весьма заметную часть населения которого составляли интеллигенция, католический клир и мелкая буржуазия, традиционно связанные с правым национальным и с право-социалистическим движениями. Они относились к коммунистам, в лучшем случае критически, а, как правило, открыто враждебно. В Кракове и Краковском воеводстве можно было измерить «температуру» общественных настроений и уровень негативного отношения к новой власти. Знать это было принципиально важно в Кремле накануне принятия решений о составе нового правительства. Донести до Москвы сведения о реальной ситуации в Польше – в этом была главная задача авторов двух публикуемых советских документов. Они предназначались для достаточно узкого круга лиц в советском руководстве, державшем ситуацию в Польше под особым контролем, долгие десятилетия находившись на секретном хранении в архивных фондах ЦК КПСС.

**Телефонограмма
сотрудников советского посольства в Польше
Яковлева и Пеутинна в НКВД СССР
о положении в Краковском воеводстве
на 19 апреля 1945 г.¹**

г. Варшава

Не позднее 21 апреля 1945 г.

Секретно

По поручению посла Лебедева², советник Яковлев и 2-й секретарь Пеутин посетили Краков с целью ознакомиться с политической обстановкой. При пребывании в Кракове Яковлев и Пеутин имели беседы с рядом лиц, в том числе: с секретарем воеводского комитета ППР Завадским³, министром Жимовским (Стронництво демократичне)⁴, членом главного правления Стронництва людowego Яном Круль⁵, воеводой Островским (ППС)⁶, настоятелем собора святой Марии ксендзом Мараем, редактором министерской газеты «Дзеник Польски» Путраментом (ППР)⁷, председателем Общества дружбы с Советским Союзом, профессором Краковского университета Мыслаковским (беспартийный), с заведующим отделом снабжения и торговли воеводства Мазиным (беспартийный, долго жил и работал в Советском Союзе), главным цензором Заблудовским (ППР), президентом города Федоркевичем (член ППР, узник Освенцима)⁸, комендантом города полковником Федосенко и его помощником по политчасти Немировским, с работниками советских разведорганов и другими. Краков является крупным культурным центром Польши. В Кракове находится университет, военная академия, академия наук, горная академия и ряд других высших и средних учебных заведений. Население города составляет 530 тыс. человек, из них значительная часть — беженцы из Варшавы. Население по преимуществу состоит из интеллигенции и городского мещанства, которые в значительной своей части, помимо службы в городских учреждениях, занимаются спекуляцией. Промышленность в городе развита слабо. Самым крупным предприятием является паровозостроительный завод, имеющий тысячу человек рабочих, поэтому рабочего населения в городе мало. Город совершенно

не пострадал при наступлении Красной Армии, так как немцы в панике бежали из города, не успев произвести никаких разрушений. Немцев в городе не осталось.

Фольксдойчей – 600 человек.

Внешне город живет мирной жизнью. Магазины полны товаров. Краковчане говорят, что товаров даже больше, чем было перед войной. Цены очень высоки. Покупают товары лишь лица, занимающиеся спекуляцией. Предприятия работают, но плохо. Не хватает денег для расплаты с рабочими, не налажено снабжение рабочих, недостает горючего. В городе, как вообще в стране, ощущается острый недостаток транспорта.

Длительное пребывание Кракова в границах австрийской империи наложило свой отпечаток на уклад жизни населения⁹. Австрийская католическая церковь, одна из самых реакционных в Европе, свила себе там прочное гнездо, которое сознательно укреплялось и польской санацией¹⁰. Учебные заведения, в частности, Краковский университет, основанный королем Ягелло как духовное училище, впитал в себя реакционный дух католицизма и сохраняет его поныне. Ведущая часть профессуры настроена реакционно. Ректор университета Сплавинский крупный эндек¹¹. Немецкие оккупанты, превратив город в столицу генерал-губернаторства, вели там особую политику заигрывания с населением. Польское население Кракова не испытало тех тягот, которые несли поляки других районов Польши. Немцы старательно оберегали город от проникновения в него каких-либо слухов из лагеря Освенцим, находящегося вблизи Кракова. Немцам это удалось. Краковчане ничего не знали об ужасах Освенцима. Население воспитывалось в духе ненависти к Советскому Союзу. Эту работу также проводила агентура А. К.¹², потерпевшая поражение на востоке от Вислы. АКовцы политически подготавливали население во враждебном духе к приходу Красной Армии в Краков.

Все сказанное создало благоприятную обстановку для развертывания враждебными элементами подрывной работы против нового демократического правительства Польши и Советского Союза после освобождения Краковского воеводства Красной Армией. Сразу же после освобождения Крако-

ва туда был направлен в качестве правительственного уполномоченного министр Сکشешевский (член ППР), вице-министр культуры и искусства Венде (Строництво демократичне)¹³. Сکشешевский намечался на пост Краковского воеводы. ППСовцы, основываясь на том, что они всегда имели в Краковском воеводстве много сторонников, требовали укрепления там своего влияния и предоставления им основных постов в воеводстве и городе. Несмотря на то что правительство направило туда своим представителем Сکشешевского, ЦК ППС командировал в Краков еще Болеслава Дробнера, работавшего раньше в Кракове и известного там в качестве старого деятеля ППС. Дробнер развернул в Кракове бешеную деятельность. Делал доклады, выступал в прессе и вербовал себе сторонников, которые выдвинули кандидатуру Дробнера в президенты города. ППРовцы выступали категорически против кандидатуры Дробнера, только что скомпрометировавшего себя в Люблине и выведенного из состава правительства¹⁴. В результате состоялось компромиссное решение. На пост президента города был назначен член ППР д-р Федоркевич, а пост Краковского воеводы был предоставлен ППСовцам. На эту должность был назначен любимец Моравского¹⁵ Островский (освобожденный по настойчивой просьбе премьера из заключения в Львове, где он активно участвовал в подрывной деятельности АК). После приезда в Польшу из Львова Островский ведет себя внешне лояльно к новому правительству. Он умный и образованный человек.

Во главе воеводской Рады народной стал член Строництва людового Вонер¹⁶. Последний, по отзывам местных работников, честный и порядочный демократ.

Руководство Краковским университетом и другими учебными заведениями, при попустительстве Сکشешевского, захватили в свои руки реакционные элементы. Сکشешевский считал, что по отношению Краковского университета надо проводить «гибкую» политику, надо дать возможность прийти к администрации старым руководителям, бывшим там до немецкой оккупации. Мы беседовали по этому вопросу в Кракове с министром Жимовским. Он заявил, что Сکشешевский, будучи учеником Краковского уни-

верситета, благоволил перед авторитетом старой профессуры, и поэтому он считал необходимым дать им возможность избрать руководство в рамках старого университетского устава (закрытая баллотировка). В результате ректором университета был избран матерый реакционер эндек Сплавинский, президентом Краковской академии избран также реакционер эндек Кутшеба, ректором Горной академии эндек Гетель¹⁷. Реакционность этих руководителей высшей школы сказалась в настоящее время в прочных связях с католическим духовенством Кракова, возглавляемым Краковским архиепископом князем Сапегой¹⁸. Сапега является иезуитом, душой и телом преданным Ватикану и польской санации. Помимо этих сил реакции, выступающих в официальном облике, в Краковском воеводстве сосредоточены такие польские реакционеры, как Заремба (находится в подполье), ППСовец Жулавский (легально проживает в Масляницах)¹⁹, лидер людовцев Винцент Витос²⁰, работавший при немцах вуйтом гмины, бывший министр Понековский, видные людовцы правого крыла Марцинковский и Виташек²¹, выступающие в качестве посредников Витоса в его сношениях с министерскими властями (Островским).

В противовес всем этим силам реакции выступают молодые работники и партии нового направления. Основной силой в воеводстве является Польская рабочая партия, насчитывающая в г. Кракове 4 тыс. членов и в воеводстве 23,5 тыс. человек. ППР руководит молодежной организацией «Союз борьбы молодых», которые имеют в городе 1 200, а в воеводстве 13 тыс. членов. Секретарем воеводской организации ППР был до последнего времени энергичный, разбирающийся в политической обстановке работник Завадский.

Следующей по своему значению и силе партией является Польская социалистическая партия. ППСовцы скрывают действительное количество членов партии. По формальным данным членов ППС в воеводстве 5 тыс. и 3 тыс. членов молодежной организации «ТУР» (Товарищество рабочих университетов), находящейся под руководством и влиянием ППС.

Имея в виду, что ППСовцы ведут активную деятельность по вербовке членов в ряды своей партии, надо счи-

тать, что фактически количество членов этой партии в Краковском воеводстве значительно больше. По данным Комитета ППР, ППС имеет в воеводстве до 25 тыс. членов. При создании воеводской организации ППС ее секретарем был назначен Янасек²², весьма темная личность, подвизавшийся в качестве секретаря президиума Совета министров и выгнанный оттуда по настоянию Берута²³. Сейчас Янасек снят с работы секретаря Комитета ППС. Новый секретарь еще не назначен. Внутри ППС идет борьба за двух кандидатов Речека и Мотыку²⁴. Работа ППСовцев в воеводстве характеризуется борьбой за административные посты и внутрипартийными разногласиями при наличии крайне правых и левых направлений внутри организации. Налаживанием новой жизни в воеводстве ППСовцы занимаются мало.

Организация Стронництва людового в воеводстве слабая. Списочный состав не уточнен. Во главе воеводской организации партии стоит председатель воеводской Рады народной Вонер.

Стронництво демократичне насчитывает в воеводстве 2 тыс. членов. Состав этой партии в воеводстве быстро растёт. Руководитель воеводской организации Эустахевич²⁵. Организация Стронництва демократичного сотрудничает с ППР, но не выступает еще активно в борьбе с реакцией.

Из всех партий серьезной практикой по укреплению экономики города и воеводства, снабжению населения и проведению аграрной реформы в деревне занималась и занимается пока только Польская рабочая партия. Эту работу ППР ведет в трудной и сложной политической обстановке. Против политики этой партии и активных демократических элементов других партий выступает реакция в лице ВРН – правого крыла ППС, отчасти находящейся в подполье, правое крыло Стронництва людового, выдвигающее своим вождем Винценту Витоса, и католическое духовенство под единым руководством архиепископа Сапегги. Вокруг этих трех основных направлений группируются все недовольные элементы и различные люди, проводившие под флагом борьбы за независимость Польши подрывную работу против дружбы с Советским Союзом и против польского Временного правительства.

Большую активность развивают правые ППСовцы, стремясь захватить в городе и воеводстве основные руководящие посты. По утверждению местных работников из кругов ППР и наших советских работников, этой подрывной деятельностью руководит в подполье Заремба, а его агентами, работающими в легальных условиях, являются ВРНовец Жевник, работающий в Строительной кооперации (СПП), Речск (кандидат в воеводстве в секретари ППС), Добровольский²⁶, референт кадров в комитете ППС, один из ведущих представителей бывших «золотой молодежи» Польши. Человеком Зарембы, осуществляющим связь с более умеренными кругами ППС (Островским и другими), является некий Вальяшек. Вальяшек приехал в Краков из Варшавы в качестве уполномоченного министра гражданской администрации. Однако, окончив свою работу, он продолжает оставаться в Кракове, не занимаясь никакой определенной деятельностью. Вальяшек является близким другом Островского по Львовскому университету и находится под его защитой, оказывая на Островского большое влияние.

Несмотря на неоднократные требования демократических кругов Кракова и обещания Островского удалить его немедленно из воеводства, Вальяшек по-прежнему ведет свою работу в воеводстве, разъезжая по районам в личной машине Островского.

По утверждению секретаря воеводского Комитета ППР Завадского, зав.отделом снабжения и торговли Мазина (беспартийный), руководителя отдела промышленности воеводства Новотного (член ППР)²⁷ и местных работников Красной Армии²⁸, Островский является фигурой, проводящей линию правого крыла ППС, и служит связным между Зарембой и его людьми из Кракова с Варшавой, куда он часто выезжает.

Ближайшей задачей правых ППСовцев является нахождение в административных и политических органах воеводства своей агентуры даже не из числа ППС. Известно, например, что Островский требовал от министра администрации Маслянки назначения на пост вице-президента людовца Мамака²⁹.

Маслянка дал согласие и 7 марта вместе с Островским подписал декрет об этом назначении, не зная, что 6 марта

Мамака был арестован. При аресте Мамака сознался, что он был делегатом Лондона в Краковское воеводство. При обыске у него было обнаружено 700 тыс. польских злотых, фальшивые документы и радиостанция. Узнав об обыске у Мамака, Островский сразу уничтожил подписанный ему мандат. При посещении нами Островского 13 апреля он, без всякого повода с нашей стороны, начал рассказывать, что Винцента Витоса три поляка и один русский офицер «увезли» на переговоры к генералу Антонову³⁰.

Затем через 4 дня привезли его домой. Островский распространялся на тему о том, что Витос является крупнейшей политической фигурой в Польше, и если бы с ним удалось договориться, то Жулавский и другие кандидатуры, предложенные из Лондона в правительство национального единства, могли бы отпасть. Говоря о ППС, Островский заявил, что она подполья уже не имеет. Все, кто хотел быть в этой партии, находятся в ней открыто. Хотя, заявил Островский, часть из них, несомненно, реакционные и их нужно перевоспитывать. Островский старался нас также убедить, что АК в Польше не существует.

Мазин сообщает, что в практике своей работы Островский стремится наводнить Краковское воеводство переселенцами из Львовской области³¹.

Помимо 20 тыс. репатриантов, которые направились и прибыли в г. Краков из воеводства, по указанию Островского в Кракове задерживаются и разгружаются жел[езно]-дор[ожные] эшелоны из переселенцев из Львова, имеющих направление в другие западные районы Польши. Островский на вопрос Мазина, испытывающего трудности со снабжением, зачем он дал такое распоряжение, ответил, что военный комендант в Катовицах не пропускает, якобы, эти эшелоны на запад. Мазин ставит вопрос, что поляков из Львова скапливают в Кракове сознательно для того, чтобы использовать их большую жилку – любовь к Львову, с которым они расстались и превратить их в противников Временного правительства, заключившего соглашение с Украинской ССР о переселении.

Министр Жимовский при беседе с ним в Кракове о положении в воеводстве сказал, что он знает о связях Остров-

ского с агентурой лондонской реакции, но считает, что Островского пока еще обрабатывают, он умный человек и, как выразился Жимовский, «Островского надо спасать».

По утверждению работников ППР и напих военных товарищей, враги из правого крыла ППС добиваются удаления местных кадров Польской рабочей партии и действительно демократических кругов Кракова. Краковскими органами госбезопасности зарегистрированы факты подготовки покушения на упомянутых выше Мазина и Новотного и сотрудника газеты «Дзенник Польски» Липинского, известного своими статьями против польской реакции.

Обращает на себя [внимание] также тот факт, что из Кракова с помощью центральных властей и организаций в Варшаве постепенно снимаются основные работники, ведущие борьбу с реакцией. Основное оружие, применяемое против них агентурой Лондона – интриги. В конце марта был снят начальник воеводского отдела госбезопасности майор Имелек (член ППР). Только что 18 апреля переведен на другую работу Новотный (о его переводе в Варшаву не раз ставился вопрос Островским), снят с работы секретарь воеводского комитета ППР Завадский и подготавливается «перевод» Мазина. Считают, что изъятие из Кракова неугодных польской реакции людей производится Варшавой по настоянию Островского, который действует в правительстве через своих людей, используя, в частности, свое влияние на Моравского.

По утверждению Завадского главной фигурой в Варшаве, осуществляющей линию правого крыла польской партии ППС является Швальбе³² (в одной из бесед в начале апреля с тов. Лебедевым Швальбе официально заявил, что президентом и правительством ему поручена работа по беспорному согласованию и распределению административных постов в государственном аппарате). Завадский называет Швальбе очень хитрым, тонко ведущим свою работу провокатором, рекомендуя себя на периферии не иначе как доверенным лицом президента Берута. О таком же факте сообщил нам Мазин, заявивший, что Швальбе за последние два месяца был в Кракове не менее 4-х раз, к нему же в Варшаву ездит из Кракова Островский. Обращает на себя

внимание заявление Завадского о том, что Швальбе является членом масонской ложи. К заявлениям Завадского и Швальбе следует отнестись с осторожностью. Особое положение в этой политической ситуации занимает Болеслав Дробнер. Завадский считает, что Дробнер, обиженный в свое время арестом в СССР, выводом из состава Польского правительства в Люблине, готов броситься в любую сторону лишь бы добиться власти. Факты показывают, что Дробнер идет в сторону реакции.

Выступая с большими статьями подчеркнуто левого направления, в духе дружбы с СССР, Дробнер пытается протащить в них пропаганду, направленную в первую очередь против СССР. В одной из последних статей в краковском органе Польской партии социалистичной (ППС) – «Напшуд» (Вперед) под заголовком «Какая Польша является нашей целью» Дробнер писал: «Реакция не хочет видеть того, что основной чертой независимости Польши является польский характер ее [Польши] войска, польское командование. В том же случае, если она не может этого богатства не заметить, то не вспоминает о нем. Второй чертой является собственная валюта и об этом не следует забывать. Собственно Советский Союз спас для Польши этот вклад суверенности».

Эта часть статьи была изъята цензурой. Потерпев фиаско в Кракове, Дробнер 17 апреля выехал для работы в качестве воеводы в гор. Бреслау³³.

В Строництве людовем в Краковском воеводстве борьба развернулась вокруг фигуры Винценты Витоса. Эта борьба выходит за рамки местного значения и со стороны правого крыла Строництва людовега направлена против нового Центрального руководства этой партии в Варшаве и против Временного польского правительства.

После выхода Винценты Витоса из подполья в Тарновском уезде состоялся местный съезд крестьянской партии. Съездом руководил некий Витек³⁴, приехавший из Лодзи. По информации, полученной Завадским 15 апреля в Тарнове, съезд принял решение:

1. Избрать Винценты Витоса председателем Тарновской уездной организации Строництва людовега.

2. Всех новых членов партии, вступивших в нее после изгнания немцев, считать выбывшими из партии.

3. Исключить из списков Строництва людowego все уездное руководство партии, избранное по директиве Главного правления партии из Варшавы.

По утверждению Завадского, [и] прибывшего в Краков члена Главного правления Строництва людowego Яна Круля, под влиянием и руководством Винценты Витоса в Краковском воеводстве находятся организации Строництва людowego в 4-х уездах: в Тарновском, Пушкинском³⁵, Домбровском и Бжеском.

Витос превращает Краковское воеводство в центр развертывания антифашистской и антиправительственной агитации и создания там, в противовес существующей польской крестьянской партии, ядра Строництва людowego правого направления, ориентирующегося на Лондон³⁶. Круль рассказал, что Витос и витосовцы развили бешеную агитацию против Советского Союза, заявляя, что Советский Союз посягает на независимость Польши. Под флагом борьбы за суверенитет Польского государства они ведут агитацию за ликвидацию в Польше советских комендатур, расположенных в глубоком тылу, разжигая страсти на почве эвакуации из Польши немецких предприятий³⁷. Словом, из Польши все (так в тексте — *А. Н.*), что возможно для воспитания в массах ненависти к Советскому Союзу, Круль считает, что тенденция правых людовцев опорочить дружбу с Советским Союзом приведет к компрометации Временного польского Правительства, что и является непосредственной целью Винценты [Витоса]. Агенты Винценты [Витоса] делают уже попытки открытых выступлений. В воскресенье, 15 апреля, в Кракове проходил воеводский съезд Союза крестьянской взаимопомощи³⁸. Круль присутствовал на этом съезде. Группа делегатов — вито[со]вцев в количестве 30 человек, прибывших из Тарнова, Бжеско, внесли в президиум съезда предложение послать приветственную телеграмму Винценты Витосу. Съезд отклонил предложение о посылке телеграммы. Присутствовало на съезде 500 делегатов. По сведениям Круля, вито[со]вцы готовятся 29 апреля дать бой на воеводском съезде Строництва людowego, который состоится в Жешуве. Витос через своих агентов Марцинков-

ского и Витапека 28 марта предпринял попытку поставить вопрос перед Краковским воеводой Островским о возможности его встречи с Берутом. Берут отклонил это предложение³⁹.

Общую линию с правым крылом ИПС и Страництвом людowym ведут и краковские католики.

Архиепископ Салега начал издавать в Кракове газету «Ты-годник Повшехнь». Эта газета декларировала свое невмешательство в современную политику. На деле же она занимается протаскиванием враждебной антидемократической идеологии.

Во втором номере газеты, выпедшем 1 апреля, была напечатана статья ксендза Пивоварчика, требующая справедливости по отношению к фольксдойчам⁴⁰. Статья была запрещена цензурой. В четвертом номере той же газеты, выпедшем 15 апреля, помещена статья эндека Кутшебы (президента Краковской академии наук) под заголовком «Четыре демократии». В этой статье автор проповедует идею отсутствия самосознания у массы народа. По выражению автора, народ – это дезориентировавшая[ся] «орава». Эту статью цензура пропустила с тем, чтобы дать повод выступить с резкой критикой автора самой католической газеты в демократическое прессе.

По заявлению министра Жимовского, католики в Кракове являются самыми черными реакционерами, которые сейчас переходят в наступление. Он считает в современных условиях правильной линию правительства, трактующую терпимость по отношению к религии, он считал ошибочной политику тех больших уступок, которые были даны католикам. По его мнению, не нужно было открывать университет в Люблине⁴¹. Достаточно было сохранить католическую школу ксендзов. Католики, не чувствуя своей зависимости от правительства, будут делать и уже делают попытку вернуть католической церкви прежнее положение в государстве. В школе они являются фактическими руководителями воспитания детей. Ни один ребенок в школе не имеет права на безрелигиозное воспитание. Дети атеистов находятся в очень тяжелом положении.

Жимовский рассказал, как он был неприятно поражен, когда при посещении им одной из сельских школ дети приветствовали его словами «Да будет славиться Христос». Такого воспитания нельзя допустить в школе, заметил Жимовский.

Учитывая, что крестьянское население настроено сейчас на то, чтобы церковные земли попали в раздел для крестьянства⁴², нужно, используя это, оказать давление на церковь. По мнению Жимовского, следует вести линию на раскол католической церкви, отстраняя реакционные элементы, условия для этого имеются. Жимовский сказал, что церковная власть Сапеги распространяется только на Краковское воеводство. Фактически польская церковь находится без верховного руководителя, глава польских католиков архиепископ Гленд, проживавший в Познани, увезен немцами⁴³. Сейчас получено сообщение, что он освобожден Союзниками и находится во Франции. Ксендз – старая опасная реакционная фигура. Он по происхождению немецкий рабочий и этим бравирует. Благодаря реакционному руководству польская католическая церковь, несмотря на то, что большинство ксендзов сейчас выходцы из крестьян, является самой реакционной в Европе. Польские попы больше огня боялись связи с чехословацкой прогрессивной церковью⁴⁴. Они свято оберегают свои реакционные традиции.

Жимовский считает, что пора покончить с положением, когда гражданская власть в Польше явилась с главой церкви⁴⁵. Это пережиток времен, когда по законам польского государства церковный владыка принимал на себя правление страной после смерти короля, являясь хозяином государства в период междоцарствия. Это положение было в значительной мере восстановлено польской санацией 20 лет назад – использовать силу реакционной католической церкви, как опору санационного правительства. Жимовский сообщил, что в Польше существует, конечно, без поддержки правительства, обновленческая церковь, так называемый «костел народowy»⁴⁶. Эта прогрессивная церковь, стоящая в оппозиции к католической реакции, признала гражданский брак, разводы, отказалась от латыни при исполнении церковной службы. Во главе «костела народного» стоит ксендз Пекары, находящийся в Варшаве. Эта церковь, по словам Жимовского, очень популярна в народе и ее следует поддерживать. Жимовский считает, что пока у польского народа не связаны руки нормальными отношениями к Ватикану⁴⁷ и даже наоборот Ватикан в разбеге⁴⁸ к новой Польше, следует начать ра-

боту по расколу польской католической церкви и начать наступление на ее позицию в школе. Архиепископ Сапега предпринимает попытки официально связать новую Польшу с Ватиканом. Он просил у президента Берута приема, чтобы добиться разрешения на выезд в Рим для свидания с папой. Беруту стало известно, что Сапега намерен приехать к нему вместе с эндеком Кутшебой и просить правительство приостановить аресты польских «патриотов»⁴⁹. Берут воздержался от какого-либо ответа Сапеге. В Кракове Сапега, близко встречаясь по вопросам снабжения с заместителем руководителя отдела снабжения и торговли воеводства Загурой, сказал ему, что он намерен был получить у Берута решение на выезд в Ватикан, чтобы уговорить папу прислать в Польшу своего нунция, что фактически явилось бы признанием нового польского правительства со стороны Ватикана.

Влияние Сапеги, помимо католических кругов, распространяется на высшие учебные заведения. Президент академии наук Кутшеба является активным работником и сотрудником католической газеты «Пшеглэнд Повшехны». Все университетские торжества протекают при активном участии газеты. Ректор университета эндек Сплавинский и президент Горной академии Гетель – ближайшие друзья курии Сапеги, как информирует Мазин, организовали специальные «четверги» в кафе по улице Братского № 4, в которых участвует воевода Островский.

На один из таких вечеров Сплавинский приглашал Мазина и председателя Общества советско-польской дружбы в Кракове, честного демократа Мыслаковского с целью политической обработки. По-видимому, в задачу этих «четвергов» будет: перекинуть мост, найти общий язык между католическими реакционерами, эндеками и правым крылом ИПС.

Анализируя сложившуюся обстановку в Краковском воеводстве, можно предполагать, что реакционные силы Польши внутри и вне ее создают в Кракове свой центр, который должен осуществлять задачу создания в Краковском воеводстве польской Вандеи, путем постепенного захвата руководящих постов, и перетягивания на свою сторону колеблющихся элементов населения, используя для этого благоприятную почву, которую оставили в Кракове немцы. Своей рабо-

той реакционеры добились того, что создали в Кракове тревожную обстановку. Среди населения муссируются слухи о коренных изменениях, которые под влиянием Лондона произойдут скоро в составе правительства и его политике. В районах, где сильно влияние Витоса, распространен слух, что в Краков из Лондона приехали Миколайчик и Станчик (ППС), ведут какие-то переговоры с Временным правительством⁵⁰.

Советские военные власти обеспокоены сведениями о готовящем[ся] в воеводстве вооруженном восстании АК.

Изучение политической обстановки в Краковском воеводстве подсказывает необходимость:

1. Не отсылать из Кракова политически надежных работников, а, наоборот, укрепить там руководство. Прислать в Краков группу новых работников, которые смогли бы оздоровить там политическую атмосферу.

2. Прекратить воспевание в печати Кракова в качестве культурного центра Польши и ее второй столицы.

3. Прекратить направление в Краков людей, эвакуированных из Львова, на настроениях которых играет польская реакция.

4. Очистить руководство университета, академии наук и других высших учебных заведений Кракова от явно реакционных элементов.

5. Шире развернуть работу Общества дружбы с Советским Союзом.

6. Убрать Островского из Кракова, заменив его наиболее надежным человеком.

Советник Посольства:
2-й Секретарь Посольства:

[Яковлев]
[Пеутин]

Телефонограмма принята
по ВЧ из Варшавы –
21.IV.45 г.

Передал – Тупицын
Приняла – Ерофеева

№ 2

**Донесение заместителя начальника
Главного политического управления
Красной Армии И. В. Шикина заведующему
Управления пропаганды ЦК ВКП(б)
Г.Ф.Александрову о политическом положении
в Краковском и Силезско-Домбровском
воеводствах Польши**

*г. Москва**28 мая 1945 г.*

На основании информации, поступившей из Политуправления 1-го Украинского фронта, докладываю Вам о некоторых вопросах политического положения Польши.

**1. О работе обществ Польско-Советской Дружбы
в Краковском и Силезско-Домбровском воеводствах**

Несмотря на то, что польская реакция и германские фашисты в течение многих лет пытались воспитать у польского населения враждебное отношение к СССР, вскоре после изгнания Красной Армией немцев начали создаваться на освобожденной территории Польши и разворачивать свою работу Общества Польско-Советской Дружбы.

Одним из наиболее активных и крупных Обществ Польско-Советской Дружбы является Краковское.

13 февраля с. г. на организационном собрании, на котором присутствовало около 1 000 чел., в том числе члены Временного Польского Правительства, было избрано правление Краковского Общества Польско-Советской Дружбы. Председателем Правления избран профессор Краковского университета МЫСЛАКОВСКИЙ, секретарем – учительница ГОРСКАЯ; члены правления: вице-президент г. Кракова, ксендз, доктор МАХАЙ, председатель союза трамвайщиков, куратор школьного округа профессор ВЕСПЯНСКИЙ и ректор университета ЛЕР-СПЛАВИНСКИЙ⁵¹.

Состав актива Общества по социальному положению, партийности и профессиям характеризует нижеследующая таблица:

№№ п/п	Распределение по социаль- ным группам	Кол. членов	В том числе по парт.		
			Чл. ППР	Чл. ППС	Чл. Строн- ниство Демократ.
1.	Профессора университетов	8	-	-	-
2.	Доценты, лекторы и др.	11	-	-	-
3.	Художники, чертежники	14	1	-	-
4.	Артисты	6	-	-	-
5.	Писатели	4	-	-	-
6.	Журналисты	10	4	-	-
7.	Учителя начальных и средних школ	12	-	-	-
8.	Врачи и медицинские работники	9	1	-	-
9.	Инженеры, техники, мастера	25	5	-	-
10.	Юристы	7	-	-	-
11.	Студенты	5	1	1	-
12.	Духовенство	2	-	-	-
13.	Бухгалтеры	5	2	-	-
14.	Работники гос. учрежд. и обществ. организаций	40	7	5	1
15.	Рабочие	3	-	3	-
16.	Коммерсанты	6	1	-	-
17.	Без профессий	10	1	-	-
Всего:		177	3	9	1

Таким образом, преобладающее большинство актива Общества составляет интеллигенция города. [...]

В Силезско-Домбровском воеводстве Общества Польско-Советской Дружбы созданы в городах Семеновице, Хожув, Сосновец. В городах Катовице, Бендзин Общества находятся в стадии организации. [...]

С каждым днем Общества Польско-Советской Дружбы организационно укрепляются, приобретают опыт в работе, широко популяризируют свои цели и задачи и своими массовыми мероприятиями охватывают все большее количество населения. Авторитет и численный состав Обществ непрерывно возрастает. Их роль в укреплении Польско-Советской Дружбы несомненна.

Однако до сих пор число созданных Обществ в Краковском и Силезско-Домбровском воеводствах недостаточно.

Это объясняется тем, что центральное правление Общества Польско-Советской Дружбы в Варшаве не руководит воеводскими Обществами, а последние не руководят уездными Обществами.

Демократические партии и органы местной власти также не проводят на местах необходимой работы по созданию Обществ и их укреплению. [...]»⁵²

2. О Польском Западном Союзе (ПЗЗ)

(Справка)

Польский Западный Союз наследует традиции организации с таким же названием, существовавшей в Польше до 1939 г.

Целью этой организации была борьба с немецким влиянием в Западных районах Польши, особенно в Силезии, Померании⁵³ и в Познаньском воеводстве, и с претензиями немецкого меньшинства на преимущественное положение в западных районах Польши.

Эта организация возникла в качестве ответа на деятельность немецкого «Восточного Союза» (Остмаркфрейн), стремившегося к осуществлению немецкой агрессии на Востоке (Дранг нах Остен).

Таким образом, ПЗЗ в Польше и до 1939 года носил антинемецкий характер.

Внутриполитический облик этой организации зависел и от соотношения сил разных политических группировок в различных воеводствах. На Померании и в Познаньском воеводстве ПЗЗ остался под влиянием эндеков, в Силезии – под влиянием санации⁵⁴.

В период, когда Польское Правительство осуществляло пронемецкую политику, ПЗЗ, как антинемецкая организация, стал для «санации» неприемлемым. Однако власти «санации» не решались ликвидировать эту организацию.

После освобождения восточных районов Польши Красной Армией ПЗЗ возобновил свою деятельность.

В западных районах Польши возник также «Союз Беженцев». Этот Союз ставил своей задачей организовать поляков, угнанных немцами из западных районов Польши⁵⁵, и подготовить их к возвращению на старое место жительства.

В первый период существования ПЗЗ в эту организацию проникли реакционные элементы. Так, например, на одном из митингов, состоявшемся в г. Люблин, руководители ПЗЗ не допустили дискуссии по вопросу о преобразовании ПКНО во Временное Правительство.

Для оздоровления атмосферы [в] ПЗЗ и для укрепления его руководящего ядра ЦК ППР принял решение об объединении Союза Беженцев и Польского Западного Союза в одну организацию.

22 декабря 1944 г. состоялось объединение этих организаций. В Люблине был создан организационный комитет Польского Западного Союза, во главе которого стал ВОЙТКОВСКИЙ, профессор славянской словесности в Люблинском университете. Его заместителями были избраны: полковник КЛИШКО (член ЦК ППР) и ГАННЕМАН (член ЦК ППС)⁵⁶. Генеральным секретарем был избран ДУБЕЛЬБРОШКЕВИЧ, ныне президент г. Хожув, и член Воеводского Комитета ППР Силезско-Домбровского воеводства.

Польский Западный Союз ставит теперь перед собой следующие задачи:

1. Мобилизовать польский народ на борьбу за границы по Одеру и Нейсе.

2. Вести пропаганду за осуществление политики, опирающейся на союз с Советским Союзом – в противовес политике, проводившейся панской Польшей.

3. Сотрудничать с правительством в освоении западных районов Польши (направление соответствующих кадров, подготовка пропагандистского материала и т. п.).

4. Добиваться возмещения военных убытков полякам, угнанным немцами из западных районов Польши.

Согласно уставу Польский Западный Союз является беспартийной организацией, демократической и антифашистской.

Задачей Польского Западного Союза, по политическому замыслу его организаторов, является – использование антинемецких настроений польского народа для укрепления позиций польской демократии.

За последние месяцы в руководстве ПЗЗ произошли изменения в худшую сторону, так как многих прежних руково-

дителей Союза направили на работу во вновь освобожденные районы на административные или хозяйственные должности.

Главный организационный комитет Польского Западного Союза, находящийся в Лодзи, объединяет периферийные организации только формально, фактически существует несколько самостоятельных организационных центров: в Люблине, Жешуве, Кракове, в Силезии, Лодзи, Познани и Быдгощи.

Положение ПЗЗ в Силезии особенно сложное – в связи со сложностью национального вопроса в этом районе. В Силезии приема в члены ПЗЗ пока нет, создаются организационные комитеты в отдельных городах (г.г. Катовице, Хожув, Михалковице, Богудицы).

Деятельность ПЗЗ в отдельных городах Силезии ограничивается проведением митингов в связи с военными и политическими событиями (присоединение Данцига⁵⁷ к Польше, конференция в Сан-Франциско⁵⁸, заключение Советско-Югославского договора и т. п.⁵⁹).

3. О реакционной деятельности сторонников В. Витоса⁶⁰ в партии «Стронництво Людове»

В некоторых уездах Краковского и Келецкого воеводств (г.г. Тарнув, Бохня, Бжезко, Домброва-Тарновска, Сандомир) руководство организациями партии «Стронництво Людове» пытаются взять в руки реакционные элементы этой партии, возглавляемые В. Витосом (бывший премьер-министр польского правительства до 1926 года).

28 марта с. г. в Тарнуве состоялось собрание представителей организаций партии «Стронництво Людове». Председатель уездного комитета партии ВИТИК выступил с сообщением о том, что, в связи с легализацией конспиративного уездного комитета партии, ныне существующий легальный уездный комитет прекращает свою деятельность⁶¹. Витик заявил всему составу комитета благодарность и огласил новый состав уездного комитета партии «Стронництво Людове», в который вошли: В. Витос (председатель), Лес Юзеф и Витик Владислав (заместители председателя) и другие члены бывшего конспиративного комитета.

В Бохненском уезде председателем партии «Стронництво Людове» является КЕРНИК⁶², ближайший сподвижник Витоса.

Там, где витосовские элементы не рассчитывают на открытую поддержку, они, всячески маскируясь, стремятся помешать укреплению демократических органов власти, подорвать авторитет ППР и левых элементов других демократических партий и пролезть на руководящие посты в органы власти.

Один из видных людовцев – БАНЯ (г. Домброва-Тарновска) заявил: «ППР – это модернизированная санапия».

Председатель комитета партии «Стронництво Людове» уезда Домброва-Тарновска КОЗЕЛ заявил: «Домбровский уезд крестьянский и управлять им должны крестьяне, а не прищельцы – пэпээровцы». На уездном организационном собрании партии «Стронництво Людове» этот же КОЗЕЛ проговорился: «Нужно подождать с созданием Рад Народовых до приезда наших представителей из Лондона»⁶³.

Аналогичные высказывания имеют место и в Сандомирском уезде. 3 марта с. г. на собрании партии «Стронництво Людове» член уездного комитета этой партии (он же председатель уездного Национального Совета) – МУЛЬ заявил о том, что партия «Стронництво Людове» должна вести работу среди населения по подготовке к выборам нового польского правительства, в состав которого должны быть избраны Миколайчик и другие бывшие руководители старого польского правительства⁶⁴, мотивируя свое мнение тем, что эти люди имеют опыт в руководстве страной и могут сделать Польшу независимым государством. Выступление Муля поддержал председатель уездного комитета партии «Стронництво Людове» Палюх и секретарь Завадский.

16 апреля на воеводском съезде союза Крестьянской взаимопомощи в Кракове⁶⁵, на котором присутствовало свыше 350 делегатов, сторонники Витоса добивались посылки приветственной телеграммы Витосу с приглашением войти в польское правительство⁶⁶.

Это предложение было поддержано аплодисментами нескольких десятков делегатов и было поставлено на голосование.

Перед голосованием против Витоса выступили члены центрального правления Союза Крестьянской Взаимопомощи КАРОЛЬ и КАМИНСКАЯ. Их речи прерывались аплодисментами большинства участников съезда. За посылку телеграммы голосовали лишь 7 человек, а подавляющее большинство – против, но часть делегатов воздержалась от голосования, что свидетельствует о наличии значительного числа колеблющихся.

На этом съезде возникли также споры по вопросу о кандидатурах, намеченных в состав правления.

В результате голосования в состав правления были избраны: от партии «Стронництво Людове» – 5 человек, от ППР – 4 чел., от ППС – 1 чел. и 1 – беспартийный.

В том же уезде Домброва-Тарновска на заседании уездного Национального Совета разгорелась борьба между членами ППР и членами партии «Стронництво Людове» по вопросу о кандидатуре на пост председателя уездного Национального Совета. Председателем был избран людовец.

На следующем заседании уездного Национального Совета члены ППР потребовали от членов партии «Стронництво Людове» официального признания правильности политики Временного Правительства и готовности работать вместе с другими партиями демократического блока. Требование это людовцами было принято, и председатель Национального Совета Климчак⁶⁷ заверил всех членов Национального Совета, что он добьется единства в действиях всех демократических элементов в уезде.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что:

1. В тех уездах, где сильно влияние Витоса, его сторонники пробираются к руководству организациями партии «Стронництво Людове» и пытаются взять управление политической обстановкой в свои руки.

2. Демократические элементы партии «Стронництво Людове» не ведут решительной борьбы с реакционными элементами внутри партии и с их влиянием на население.

3. Сторонники Витоса в партии «Стронництво Людове» стремятся захватить в ряде уездов руководящее положение в органах власти, борясь против ППР и демократических элементов других партий.

Вышеизложенное докладываю для Вашего ознакомления.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

(И. ШИКИН)

28 мая 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 159. ПОДЛИННИК.

* * *

Как показало дальнейшее развитие событий в Польше, информация, содержавшаяся в публикуемых советских документах, не всегда точная применительно к отдельным общественным деятелям и политикам, достаточно верно отражала массовые настроения в стране и Краковском регионе, в частности. Звучавшие в этих материалах тревога и обеспокоенность ростом и открытостью оппозиционности в отношении власти, с точки зрения Москвы, были вполне обоснованными. Может быть объяснена и просматривающаяся на страницах документов враждебность к польской разнomaстной оппозиции, зачастую настроенной антисоветски, советских чиновников, воспитанных на принципах: «свой – чужой», «кто не с нами – тот против нас».

Создание в июне 1945 г. по инициативе и под эгидой великих держав коалиционного Временного правительства национального единства не сняло внутреннего напряжения в польском обществе. Хотя фактического сужения властных возможностей коммунистов и их союзников, не произошло, объем влияния, и наступательный характер организованной оппозиции во главе с С. Миколайчиком резко возросли. Это показали итоги референдума, который был организован властью 30 июня 1946 г. Материалы о прошедшем голосовании, поступившие 2 июля 1946 г. от Б. Берута И. В. Ста-

И. В. Сталину, свидетельствуют, что уровень неприятия власти в стране колебался в пределах 60–65 %, а в Кракове, Познани, Гданьске и Варшаве достигал 70–80 % от числа принявших участие в референдуме⁶⁸. Близкими были и подлинные итоги состоявшегося 19 января 1947 г. голосования по выборам в Сейм. В соответствии с их результатами партия С. Миколайчика могла создать самую крупную фракцию в парламенте, и поставить в повестку дня вопрос об изменении политического облика власти в стране.

Подтасовав итоги выборов, коммунисты и социалисты удержали полноту власти в своих руках. Несмотря на внутренние разногласия, им удалось в 1947–1948 гг. разными способами, включая подавление силой, разрушить политическую оппозицию и расширить социальную базу власти, дав общественный аванс различным, прежде всего малоимущим социальным слоям, заинтересовав интеллигенцию, особенно техническую, перспективой мощного ускорения социально-экономического и культурного развития польского общества.

Примечания

¹ Телефонграмма принята по ВЧ.

² Лебедев В. З. – посол СССР в Польше в 1945–1950 гг.

³ ППР – Польская рабочая партия; образована в 1942 г. в оккупированной Варшаве при участии группы польских коммунистов, прибывших из Москвы. Секретарем воеводского комитета ППР в Кракове с 22 января 1945 г. был В. Завадский.

⁴ Стронництво демократычне (СД) – в указанный период партия левоориентированных мелких городских слоев и части интеллигенции; находилась под руководством ППР.

В. Жимовский – публицист, в 1945–1947 гг. – министр иностранных дел Польши, ведущий деятель СД.

⁵ Стронництво людове (СЛ) – в данном случае речь идет о левоцентристской организации, с осени 1944 г. объединявшей вышедшую из подполья часть крестьянского политического движения. Руководство СЛ контролировалось коммунистами.

Я. Круль – в межвоенный период член Главного исполнительного комитета СЛ, в годы войны находился в немецком лагере для военнопленных.

⁶ Польская социалистическая партия (ППС) – старейшая и крупнейшая организация реформистской части рабочего движения; в межвоенное

время – в демократической оппозиции авторитарному режиму; в годы войны под названием ППС-ВРН (Вольность. Рувность. Неподлежность) – в антигитлеровском подполье. В данном случае речь идет о левоцентристской части социалистического движения, выпавшей из подполья осенью 1944 г. на освобожденных территориях, и совместно с ППР и СЛ участвовавшей в создании органов новой власти. А. Островский – в годы войны проживал в Львове, был связан с ППС-ВРН; в 1944 г. представлял здесь польское правительство в эмиграции; после освобождения города Красной Армией арестован органами НКВД СССР; изъявил готовность к сотрудничеству с Польским комитетом национального освобождения, работал в аппарате ПКНО; в марте – августе 1945 г. был воеводой в Кракове, затем на дипломатической работе до конца 40-х годов.

⁷ Путрамент Е. – известный польский писатель и дипломат; в годы войны офицер 1-й Польской Армии, созданной в СССР.

⁸ Так в тексте. Правильно: А. Фидеркевич, коммунист, в межвоенный период и после войны деятель левого крыла крестьянского движения.

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Санация – авторитарный политический режим, установленный под лозунгом «оздоровления» страны Ю. Пилсудским после государственного переворота в мае 1926 г.

¹¹ Речь идет о ректоре Краковского университета, крупном польском ученом, филологе Т. Лер-Сплавинском. Эндеки, эндеция – распространенное название общественного движения, возникшего на польских землях в конце XIX в. и организационно оформившегося в 1928 г. как Стронництво народных (СН). Его сторонники придерживались националистических, антикоммунистических и антисемитских позиций; социальная база эндеции – крупные собственники, клир, зажиточные городские и средние слои, интеллигенция, а также разные социальные группы малоимущей части общества. В годы Второй мировой войны СН выступало за расширение территории Польши на западе, за восстановление польско-советской границы 1921 г. и даже некоторое продвижение ее на восток; прекратило существование в конце 1946 г. после ареста руководителей и разгрома партийной сети польской службой безопасности.

¹² Армия Крайова (АК) – массовая вооруженная организация движения Сопротивления, подчинялась польскому правительству в Лондоне; возникла осенью 1939 г., но данное название получила в начале 1942 г.; формально распущена в январе 1945 г.; занимала не только антигитлеровские, но и антисоветские позиции; упорно отстаивала восточную границу 1921 г.; находившиеся в тылах Красной Армии вооруженные отряды АК не сдавали оружие, как того требовало советское командование, и уходили в подполье, пытаясь силой воспрепятствовать включению Польши в сферу контроля СССР и установлению власти с решающим участием коммунистов. Все это стало для советского руководства достаточным основанием для массовых арестов и интернирования в СССР, главным образом офицерского состава АК. 17 июня 1945 г. Л. П. Берия информировал И. В. Сталина о том, что в тюрьмах и лагерях НКВД СССР содержится более 25 тыс. интернирован-

ных поляков. (См.: Из Варшавы. Москва. Товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.–Новосибирск. 2001. С. 223).

¹³ Скиншековский С. – член компартии Польши, затем в ППР; депутат высшего органа законодательной власти – Крайовой рады народной (КРН), созданной на рубеже 1943–1944 гг. ППР и ее союзниками; министр просвещения во Временном правительстве Польши.

Венде Я. К. – коммунист, направлен на работу в СД.

¹⁴ Дробнер Б. – в межвоенное время один из лидеров левого течения в ППС; в годы войны находился в СССР, арестован органами НКВД; освобожден в августе 1941 г. решением Совнаркома СССР; в 1943–1944 гг. – член Президиума созданного в Москве при поддержке советского руководства Союза польских патриотов; в 1944 г. руководил департаментом труда и социальной опеки ПКНО; депутат КРН в 1944–1947 гг., затем депутат Учредительного Сейма; в 1945–1948 гг. возглавлял Краковскую организацию ППС. В данном случае имеется в виду то обстоятельство, что при реорганизации ПКНО, находившегося в Люблине, во Временное правительство в январе 1945 г. Б. Дробнер не был включен в его состав по причине разногласий (внутри ППС и между ППР и ППС) по вопросу о роли и месте ППС в системе власти.

¹⁵ Речь идет о лидере ППС и главе Временного правительства левом социалисте Э. Осубка-Моравском.

¹⁶ Вонер Т. – депутат КРН от СД, председатель воеводского правления этой партии.

¹⁷ Кутшеба С. – историк, профессор Ягеллонского (Краковского) университета и президент Польской академии наук, член КРН, связан с христианскими демократами.

Гетель В. – член КРН от СД.

¹⁸ Сапега А. – краковский архиепископ, митрополит, с 1946 г. – кардинал; в годы гитлеровской оккупации Польши являлся фактическим главой римско-католической церкви; занимал последовательно патристические позиции.

¹⁹ Заремба З. – один из руководителей ППС-ВРН. В феврале 1945 г. прибыл в Краков.

Жулавский З. – в 1945 г. председатель Главного совета ППС-ВРН; выступал за ее выход из подполья и сохранение единства социалистического движения, придерживался правоцентристских позиций; в июне 1945 г. вместе с С. Кутшебой участвовал в переговорах в Москве о создании коалиционного Временного правительства национального единства.

²⁰ Витос В. – один из основателей крестьянского политического движения демократической ориентации; в период гитлеровской оккупации временно был под арестом; оставался формальным лидером подпольного СЛ-Рох, хотя активной политической деятельностью не занимался; на приглашение представителей великих держав прибыть в Москву в июне 1945 г. на переговоры о составе польского коалиционного правительства фактически отказался.

²¹ Марцинковский Ю., Виташек Я. – активные деятели СЛ-Рох; летом 1945 г. приняли участие в организационном оформлении оппозицион-

ной партии – Польского стронництва людового (ПСЛ) во главе с С. Миколайчиком. Входили в руководящие структуры этой партии.

²² Янасек Я. – во время гитлеровской оккупации в ППС-ВРН; до апреля 1945 г. – 1-й секретарь воеводской организации ППС в Кракове.

²³ Берут Б. – в межвоенное время член компартии Польши; с 1939 г. в СССР; в 1943 г. переброшен в оккупированную Варшаву, член ЦК ППР; в 1944–1947 гг. – председатель, президент КРН; в 1948–1956 гг. генеральный, первый секретарь ЦК ПОРП, председатель правительства Польши, президент Польской народной республики.

²⁴ Мотыка Л. – левый социалист, депутат КРН; с мая 1945 г. – 1-й секретарь воеводского комитета ППС в Кракове.

Речек В. – до войны и во время войны тяготел к левым в социалистическом движении; входил в руководство воеводской организации ППС.

²⁵ Эустахевич К. – вице-председатель организации СД в Кракове.

²⁶ Вероятно, имеется в виду С. Добровольский – депутат КРН от г. Кракова.

²⁷ Новотный С. – один из руководителей организации ППР в г. Кракове.

²⁸ Так в тексте. Имеются в виду офицеры советских военных комендатур.

²⁹ Маслянка Ю. – член Главного исполнительного комитета СЛ.

Мамак А. – в годы войны представитель польского правительства по Лимановскому повету.

³⁰ В конце марта 1945 г. В. Витос, проживавший в Краковском воеводстве, был доставлен в г. Варшаву сотрудниками НКВД СССР и польской службы безопасности. Советское и польское руководства предполагали прозондировать настроения весьма популярного в стране политика и попытаться склонить его к сотрудничеству с новой властью. Переговоры, которые с Витосом вели член ЦК ППР Э. Охав и С. Швальбе (см. коммент. 32), закончились безрезультатно (см. коммент. 39). Контакт с генералом Антоновым документально не подтверждается.

³¹ Речь идет о поляках – коренных жителях г. Львова и области, которые эвакуировались в Польшу на основе Соглашения от 9 сентября 1944 г. До конца 1946 г. из СССР в Польшу выехало около 1,5 млн. человек.

³² Швальбе С. – в годы войны один из лидеров левых социалистов; в 1945–1947 гг. вице-президент КРН, председатель Главного совета ППС вплоть до объединения с ППР в декабре 1948 г.

³³ Бреслау (нем.) – современный г. Вроцлав.

³⁴ Витек В. – политик, близкий к В. Витосу; в годы войны в СЛ-Рох, летом 1945 г. вошел в состав руководства организации ПСЛ в Кракове.

³⁵ Так в тексте. Повета с таким названием в Краковском воеводстве не было.

³⁶ Речь идет о довоенном Стронництве людовем, лидером которого был В. Витос; в годы войны эта партия называлась СЛ-Рох и имела в Лондоне заграничное правление, которым руководил С. Миколайчик. В данном случае имеется в виду ориентация на польское правительство в эмиграции, оставшееся субъектом международного права до августа 1945 г.

³⁷ Имеется в виду демонтаж и изъятие в счет репарационных платежей Германией Советскому Союзу оборудования военных немецких или организованных в годы войны немцами промышленных предприятий, и вывоз

его в СССР с отошедших после войны к Польше германских территорий, а также с довоенных, главным образом западных, территорий страны. Эти мероприятия проводились на основании решений глав СССР, США и Великобритании и специального Соглашения, заключенного между советским представителем при ПКНО генерал-полковником Булганиным Н. А. и премьером Э. Осубка-Моравским (См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 28. Л. 86–88.). Оборудование польских промышленных предприятий демонстрацию не подлежало. Однако при практической реализации этого соглашения возникали разногласия между сторонами при определении «национальной принадлежности» того или иного предприятия. Так, например, 17 февраля 1945 г. Берут информировал Молотова о многочисленных случаях «отстранения (советским. – А. Н.) военным командованием польских властей от участия в решении судьбы» польских заводов, захваченных гитлеровцами в годы войны. Берут просил Молотова «дать твердые указания», чтобы деятельность трофейных команд соответствовала подписанным документам. (Там же. Д. 27. Л. 141.). Все это воздействовало на складывание негативного отношения польского населения к мероприятиям, проводимым советскими трофейными командами.

³⁸ Союз крестьянской взаимопомощи – массовая организация, объединявшая, главным образом, малоимущее крестьянство Польши.

³⁹ Согласно доношениям советника МГБ СССР при министерстве общественной безопасности Польши генерала И. А. Серова в Москву Л. П. Берии от 2 и 4 апреля 1945 г., инициатива встречи принадлежала Я. Виташеку и Ю. Марцинковскому, которые 28 марта 1945 г. через воеводу А. Островского «поставили вопрос о возможности встречи группы Стронництво людове (речь идет об СЛ-Рох – А. Н.), а возможно и самого ВВ, с президентом Временного Польского правительства (так в тексте. – А. Н.)». Первоначально они получили из Варшавы отрицательный ответ, но затем, после того как В. Витос был уведомлен, что возможность встречи с Берутом имеется, он в свою очередь отказался воспользоваться такой возможностью. Встреча не состоялась. (См.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 143–149). См. также коммент. 31.

⁴⁰ Имеются в виду поляки, которые в период оккупации гитлеровцами были признаны немецкими, или «пригодными» к германизации и занесены в особые списки.

⁴¹ Речь идет о Католическом университете, который возобновил свою работу осенью 1944 г.

⁴² По декрету правительства об аграрной реформе церковные землевладения не вошли в фонд передаваемой крестьянству земли.

⁴³ Примас Польши А. Хлонд выехал из Польши по соглашению с папским нунцием в сентябре 1939 г.; арестован гитлеровцами во Франции в 1944 г., находился в концлагере; освобожден американцами 1 апреля 1945 г.; возвратился в страну летом 1945 г.

⁴⁴ Речь идет о Чехословацкой римско-католической церкви, которая пошла на сотрудничество с Национальным фронтом чехов и словаков.

⁴⁵ Так в тексте.

⁴⁶ Имеется в виду религиозное католическое объединение, возникшее в конце XIX в. в США как выражение экономического и религиозного протеста польских шахтеров; в 1919 г. оно оформилось на территории Польши под названием Польский национальный костел, который не был признан государством, не подчинялся Ватикану, отрицал ряд канонических положений католицизма (целибат, культ мощей, отпущение грехов и др.); богослужение велось на польском языке; 1 февраля 1946 г. признан де-юре и получил название Польский католическо-национальный костел, с сентября 1951 г. — Польско-католический костел в ПНР. В 70-е гг. XX в. имел 30 тысяч прихожан.

⁴⁷ Имеется в виду денонсация в сентябре 1945 г. заключенного в 1925 г. Конкордата с Ватиканом; поводом к денонсации конкордата Временным правительством национального единства послужило непризнание этого правительства Ватиканом и сохранение дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции. При этом в Варшаве учитывали негативное отношение польского общества к прогерманской позиции главы Ватикана папы Пия XII в годы войны и конкретно его продолжительное молчание в связи с гитлеровскими преступлениями в оккупированной Польше.

⁴⁸ Так в тексте.

⁴⁹ Имеются в виду аресты органами НКВД СССР и польской госбезопасностью оставшихся в подполье и враждебных новой власти участников военных и политических организаций, подчинявшихся правительству в эмиграции. См. также коммент. 13.

⁵⁰ Миколайчик С. — в 1943–1944 гг. глава польского правительства в эмиграции.

Станчик Я. — правый социалист, в годы войны в Лондоне, член руководства ППС.

Упомянутый слух не был достоверным. Весной 1945 г. шла подготовка к выполнению решения, принятого главами великих держав на конференции в Ялте в феврале 1945 г., о встрече членов Временного правительства Польши с представителями демократических польских кругов из эмиграции на Западе и из страны. Переговоры состоялись в Москве и завершились созданием в июне 1945 г. Временного правительства национального единства. С. Миколайчик занял в нем пост вице-премьера и министра сельского хозяйства, Я. Станчик — министра труда и социальной опеки.

⁵¹ Так в тексте. Возможно, речь идет об активном деятеле ППР В. Выспанском; о Т. Лер-Сплавинском см. также: Док. № 1, коммент. 12.

⁵² Опушен конкретный материал, характеризующий практическую деятельность Обществ польско-советской дружбы в Краковском и Силезско-Домбровском воеводствах.

⁵³ Померания — немецкое название польского Поморья.

⁵⁴ См.: Док. № 1, коммент. 11, 12.

⁵⁵ Речь идет о принудительном направлении поляков с территорий, включенных гитлеровцами в состав III рейха, на работы в Германию. Имело место и выселение поляков в центральные и юго-восточные вое-

водства, называвшиеся в годы войны «генерал-губернаторством для оккупированных польских территорий».

⁵⁶ Клишко З. — в 30-е гг. член КПП, с осени 1939 г. — в СССР, член ВКП(б); с середины 1941 г. в левом подполье в Варшаве; с 1942 г. член ППР; с июля 1943 г. — член ЦК ППР; участник Варшавского восстания (август–сентябрь 1944 г.); депутат КРН.

Ханеман Я. — в годы войны в подпольных организациях левых социалистов; в 1944 г. в руководстве Рабочей польской социалистической партии, сторонник сотрудничества с ППР; затем в Исполкоме и Главном совете ППС; депутат КРН.

⁵⁷ Данциг (нем.) — польский город Гданьск; освобожден Красной Армией 30 марта 1945 г.; польская администрация установлена с согласия СССР еще до решения вопроса о западной границе Польши на конференции глав великих держав в Потсдаме (июль–август 1945 г.).

⁵⁸ Конференция в г. Сан-Франциско, созванная от имени приглашающих держав — США, СССР, Великобритании, Китая, состоялась 25 апреля–26 июня 1945 г. с участием представителей 42 государств. Итогом ее работы стало создание Организации Объединенных Наций (ООН).

⁵⁹ Советско-югославский договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве был подписан в Москве 11 апреля 1945 г.

⁶⁰ См.: Док. № 1, коммент. 21, 30.

⁶¹ Там же, коммент. 36.

⁶² Керник В. — в годы оккупации один из руководителей подпольного СЛ-Рох; в 1945–1947 гг. — министр общественной администрации во Временном правительстве национального единства; вице-председатель Главного исполнительного комитета ПСЛ.

⁶³ Имеется в виду возвращение из Лондона и вхождение в состав Временного правительства национального единства С. Миколайчика и некоторых других деятелей СЛ-Рох. См. также: Док. № 1, коммент. 22.

⁶⁴ Речь идет о польском правительстве в эмиграции, которое с июля 1943 г. по ноябрь 1944 г. возглавлял С. Миколайчик.

⁶⁵ См.: Док. № 1.

⁶⁶ См.: Там же, Док. № 1, коммент. 34.

⁶⁷ Климчак С. — один из членов, затем председатель Правления СЛ, с июня 1945 г. — ПСЛ в Краковском воеводстве.

⁶⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1949. М., 1998. С. 327; Dokumenty do dziejów PRL. Referendum z 30 czerwca 1946 г. Warszawa, 1993. S. 14.

Публикация и комментарии А. Ф. Носковой.

Содержание

От редактора	3
I. Давние времена	9
<i>О. А. Акимова.</i> Русские земли в хорватских этногенетических мифологемах позднего Средневековья и раннего Нового времени	11
<i>Н. Н. Запольская.</i> Представления о «рус(с)ком» языке в культурно-языковом пространстве Slavia Latina в XVII веке	31
<i>В. В. Мочалова.</i> Представления поляков о русских в XVII веке	39
<i>Б. Н. Флоря.</i> Ф. М. Ртищев в Речи Посполитой (к изучению русско-польских контактов в середине XVII в.)	72
<i>А. В. Липатов.</i> Две проекции национального восприятия: Польша глазами Пушкина – Россия глазами Мицкевича (теоретические и исторические аспекты межнациональной перцепции)	79
II. Недавнее прошлое	111
<i>Р. Ф. Доронина.</i> Сербско-русские литературные связи на рубеже XIX и XX веков. Воислав Илич и русская поэзия	113
<i>Л. Н. Будагова.</i> Москва в чешской поэзии и публицистике 1920-х годов	128
<i>С. В. Никольский.</i> Ярослав Гашек – георгиевский кавалер	146
<i>Э. Г. Задорожнюк.</i> Масарик и Россия: этапы восприятия и специфика оценок	188
<u>Л. С. Кишкин.</u> Русские мотивы в поэзии Янко Есенского	209

<i>И. А. Герчикова.</i> Ян Вайсс: путь чехословацкого легионера и писателя	220
<i>Н. В. Шведова.</i> Москва в поэме Мирослава Валека «Слово»	237
<i>Ю. А. Созина.</i> Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия	252
<i>Ю. А. Лабынцев.</i> Военная и революционная Россия глазами белорусских беженцев	262
<i>Л. Л. Щавинская.</i> Белорусские беженцы Первой мировой: дорога в Россию	278
<i>Р. Бекер.</i> Польские воззрения на концепции Евразии	314
<i>А. Ф. Носкова.</i> Весна 1945 года в Польше глазами советских дипломатов и политработников (документы из архива ЦК ВКП(б))	320
Содержание	354

Научное издание

РОССИЯ В ГЛАЗАХ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Отв. редактор: А. В. Липатов

Оригинал-макет: Ю. А. Созина

Книга подготовлена к печати в отделе редакционной
подготовки рукописей Института славяноведения РАН

Подписано в печать _____ 22,3 печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ № _____. Цена договорная.

РОССИЯ В ГЛАЗАХ СЛАВЯНОГО МИРА

inslav